

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф.Скорины

№ 6(63)

2010

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф.Скорины

Научный и производственно-практический журнал

Выходит 6 раз в год

Издается с октября 1999 г.

№ 6(63)

2010

Учредитель – Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации № 546 от 6 июля 2009 года)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. РОГАЧЕВ (главный редактор)

О. М. ДЕМИДЕНКО (зам. главного редактора)

Л. А. ШЕМЕТКОВ (зам. главного редактора)

Го Вэньбинь, Г. Г. Гончаренко, А. М. Дворник, Г. М. Евелькин,
Н. Н. Коленчукова (ответственный секретарь), С. В. Жаворонок, В. Г. Жогло, Ф. В. Кадол,
В. Н. Калмыков, В. В. Кириченко, Г. Е. Кобринский, Г. Г. Лазько, А. М. Литвин,
А. В. Макаревич, И. В. Максимей, Н. В. Максименко, Г. И. Нарский, О. С. Осипова,
А. Н. Сердюков, Н. В. Сильченко, Б. В. Сорвилов, А. А. Станкевич,
В. М. Хомич, И. Ф. Штейнер, Я. С. Яскевич

Адрес редакции:

ул. Советская, 104, к. 2-17, 246019, Гомель
Тел. 60-27-71, e-mail: vesti@gsu.by

Христианская антитеза человеческому одиночеству*

ФИЛАРЕТ,
митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси

Досточтимый Александр Владимирович, ректор Гомельского государственного университета!

Многоуважаемые члены Совета, представители профессорско-преподавательской корпорации, аспиранты, студенты и все труженики крупнейшей высшей школы белорусского Полесья!

Сердечно благодарю всех вас за оказанную мне высокую честь – быть удостоенным звания почётного доктора этого достославного университета.

Сотни и тысячи выпускников и сотрудников считают его своей alma mater, и я рад быть в вашем числе на тех правах, которые вы сегодня даровали мне с великодушной щедростью и с братской любовью.

Ощутить тепло ваших сердец – это великая радость... Пение хоровой капеллы и премудрость книжного собрания, посвящённого православной культуре и образованию; запечатленные мгновения из жизни Гомельских университета и епархии и свидетельства нашей обоюдной общественной активности; взгляды, устремлённые со святых икон, и дружелюбие на лицах людей, объединённых общим делом и общей верой: всё говорит о том, что мы – вместе!

И этот университет как место нашего собрания вполне подходит под восторженное определение Царственного Псалмопевца Давида: *«Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!»* (Пс. 132: 1).

* * *

Любовь к Богу и любовь к людям – воистину прекрасные библейские заповеди! Их смысл и его исполнение в жизни не оставляют места унынию и одиночеству, отчаянию и тоске.

Но история и повседневность свидетельствуют о том, что эти жизнеутверждающие заповеди оказываются весьма сложными для всеобщего и личного исполнения, а уныние, одиночество, отчаяние и тоска бывают столь распространёнными, что порою приобретают масштабы душевной эпидемии или интеллектуальной пандемии.

И дело не в том, что человек в силу самых разных обстоятельств порою остаётся один в семейном или в социальном плане. Речь идёт о самой главной, я бы сказал, базовой форме одиночества, которое определяет все остальные формы его проявления, а также их последствия: это одиночество духа.

Библейский Царь и Псалмопевец Давид, который всегда был окружен друзьями и врагами и редко мог позволить себе просто побыть одному, называл свою душу *«одинокая моя»* (См.: Пс. 21: 20–21; Пс. 34: 17). Также и современный человек разве не переживает состояний, близких к такому, которое определяется в Псалтири пронзительными словами: *«Я стал как филин на развалинах; не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле»* (Пс. 101: 7–8)?

Абсолютное отрицание

Почему же в окружении людей и пред лицом своих собственных – нередко весьма значительных – достижений человек способен чувствовать себя бесконечно одиноким? От-

* Лекция, прочитанная 30 октября 2010 года по вручении диплома почетного доктора Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины

куда и для чего в его сердце возникает это острое состояние, которое побуждает разум изнемогать в поисках выхода из него? И где антитеза этой кажущейся безысходности?

Поразительно, но ответ на эти вопросы находится совершенно рядом! Для верующего христианина он и вовсе постоянно пребывает на устах и пред взором не только мысленным, но и вполне реальным.

Образ Святой Троицы является этим ответом. В нём – абсолютное отрицание одиночества как противоестественного состояния бытия.

Бог – троичен в Лицах; общение Отца, Сына и Святого Духа, Их единосущность и нераздельность представляют собой апогей духовной общности в её наивысшем выражении, смысл которого намного превосходит возможности человеческого мышления и языка.

Но как смертному человеку в этой краткой земной жизни руководствоваться столь высокими идеалами на практике, и как эти непостижимые материи могут помочь в том, чтобы мне, живущему в этом уголке земли здесь и сейчас, избежать одиночества?

Однажды мне довелось кратко ответить на вопрос, зачем, собственно говоря, Всемогущему Богу при Его абсолютной самодостаточности понадобилось творение мира и человека как Своего образа и подобия? И я сказал о том, что Божественный мотив Творения знаком любому человеку, хотя каждый переживает его по-своему. Когда мы кого-то любим, нам хочется высказать, выразить, воплотить это чувство в жизнь словом и делом. А как иначе раскрыться перед любимым человеком в надежде на взаимность? Ведь любовь, как и вера, без дел мертва (см.: Иак: 2: 20, 26).

По слову апостола и евангелиста Иоанна Богослова, *«Бог есть любовь»* (1 Ин. 4: 8, 16). Любовь требует деятельного выражения, и потому любящий Бог выразил Себя в акте творения.

Вот, вкратце, и весь ответ... Кстати, именно поэтому люди со щедрым сердцем и умением дружить редко бывают одни: их самореализация приносит окружающим много пользы. Они бы и рады были возможности уединения, но не получается, потому что, по мысли преподобного Серафима Саровского, тысячи будут сознательно или по интуиции стремиться спастись возле одного, который стяжал мирный дух.

Чтобы избежать одиночества в социальном плане, человеческому роду дано золотое правило бытия: *«Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»* (Мф. 7: 12). По ходу жизни народ со свойственной ему житейской практичностью уточнил, что «как аукнется, так и откликнется», и «что посеешь, то и пожнешь».

Продолжая эту мысль, можно сказать, что сколько своей души со всеми её сокровищами ты способен отдать, столько ты в состоянии получить. И в Евангелии Христовом сказано со всей бескомпромиссной ясностью и всеобъемлющим милосердием, что *«нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (Ин. 15: 13).

В основе человеческой природы лежит не что иное, как любовь. Именно её наше сознание предлагает в качестве антонима одиночеству. И базовые инстинкты здесь становятся вторичными, а то и вовсе оказываются не при чём, потому что в своём высшем выражении человеческая любовь растворена совестью, и одна не живет без другой.

Коллизия любви и совести

Вот, что говорит Библия о преодолении человеческого одиночества ещё в процессе шестого дня Творения, – то есть завершающей эпохи созидания жизни: *«И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному...»* (Быт. 2: 18). Спустя некоторое время, особым актом Творения стало создание женщины – жены, матери, родоначальницы мира людей.

Генезис женщины – это особый вопрос, богословскую специфику которого мы оставим для другого случая. А сейчас сосредоточимся на коллизии любви и совести в жизни наших праотцев.

Наивные детские вопросы нередко отражают проблемы воистину космических масштабов. Один малыш как-то посетовал: зачем, мол, Адам послушал Еву и вкусил запретный плод? Вот отказался бы, – может, всё бы и обошлось... Удивительно, но он попал в точку!

На самом деле, это была трагедия беспрецедентной остроты, вселенских масштабов и апокалиптических последствий. Первозданные люди были совершенны, – столь же совершенной была их любовь друг ко другу.

Вспомним некоторые подробности грехопадения. Женщина вкусила плод зла: она не умерла в тот же миг, но встала перед лицом смерти, о чём и был заранее предупреждён человек.

Но жена и муж пребывают, по слову Божию, *одной плотью* (Быт. 2: 24). Почему Адам послушал Еву и вкусил смертоносный плод? Наверное, потому, что он любил её и был готов разделить с ней всё – всё без исключения и без остатка. Совесть требовала исполнения завета с Богом о непричастности злу, а любовь требовала быть вместе до конца, потому что жизнь без любимой была невыносима.

История не терпит сослагательного наклонения, но как бы мне хотелось, чтобы Адам заступился пред Богом за Еву, каялся бы, что не уследил за той, которая *«кость от костей моих и плоть от плоти моей»* (Быт. 2: 23), поручился бы за неё всей своей пока ещё бессмертной жизнью!.. Но нет... В столкновении любви и совести первая взяла верх.

Предания свидетельствуют, что вся земная жизнь Адама и Евы уже после грехопадения была исполнена покаянием в том, что из-за их трагической ошибки *«завистью диавола вошла в мир смерть»* (Прем. 2: 24). Скорбный опыт наших праотцев открывает нам важнейшую истину о том, что никакие человеческие суды, логика или разумение не могут претендовать на совершенство, ибо они обречены всегда содержать в себе семя ошибки. Всегда, – если они не будут растворены Божественными уставами и законом совести.

Предельное испытание

Чтобы убедиться в этом, каждый человек проходит свой путь. Но есть в истории Ветхого и Нового Заветов два примера, на которых, как на столпах, утверждается эта истина. Эти примеры отстоят друг от друга на расстояние около двух тысячелетий; они связаны с историей вечности каждый в своей мере; оставаясь фактами земной жизни реальных героев Библейской истории, первый пример является прообразом второго.

...Примерно четыре тысячи лет назад родился сын в семье человека, который пришел в Ханаан с востока и верил в Единого Бога, сотворившего небо и землю. Местные правители называли его *«князь Божий посреди нас»* (Быт. 23: 6). Он и его жена Сарра были бездетны до глубокой старости, и родившийся сын был Божьим даром в самом прямом смысле слова.

Но когда отрок вырос, Бог Авраама сказал его отцу: *«...принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе»* (Быт. 22: 13). Бог Живой, сокрушающий идолов и ненавидящий человеческое жертвоприношение, требовал невыносимого и неприемлемого: Он требовал того, что Сам отрицал.

Но Авраам не просто верил Богу: он Богу – доверял. Любовь говорила ему, что он станет сыноубийцей, что Сарра не переживёт этой трагедии и не простит его, что Единственный Истинный Бог потребовал того же, что и все... Что впереди у него – абсолютное одиночество без семьи, без потомства и без Бога.

Но совесть утверждала, что вся жизнь Авраама – это свидетельство истинности Бога, Которому он веровал, и теперь для Авраама настал час безраздельного, безусловного и бескомпромиссного доверия своему Богу. Он поступил по совести, – и отрок был спасён, и вера не сломилась, и доверие оправдалось, и были слова Господа к Аврааму: *«Благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего»* (Быт 22: 18).

С тех пор прошло почти две тысячи лет, и на горах, о которых говорил Господь, раскинулся святой Град Иерусалим. А на той горе, куда Авраам пришел с сыном для жертвоприношения, был построен, разрушен и вновь построен храм Единому Богу. Соседний холм назывался Голгофой, и в его недрах был погребён Адам.

Но теперь здесь стояли три креста с распятыми телами, и над средним казнённым была надпись по-еврейски, по-гречески и по-римски, означающая вину Его: *«Сей есть Иисус, Царь Иудейский»* (Мф. 27: 37). Это был Сын Божий, Сын Человеческий, принявший на себя

грех мира и умерший на Кресте во искупление грехов человеческих, совершённых от Адама до сего дня. Это было противостояние Бога и диавола, и последний намеревался сломить Бога, ставшего человеком, как привык он ломать людей всегда и везде.

У Христа Спасителя не было адвокатов, и вся Его защита заключалась в словах истины, которая для многих доселе остаётся непостижимой: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин. 3: 16-17).

В иконе Пресвятой Троицы кисти преподобного Андрея Рублёва всё внимание собрано на трёх ангелах, образующих Предвечный Совет Отца, Сына и Святого Духа, в центре которого – тема предстоящего Боговоплощения, земной жизни Сына Человеческого, крестных страданий Христа Спасителя, Его тридневного Воскресения и оправдания Адама и Евы со всем восходящим потомством.

Но до преподобного Андрея и после него образ Пресвятой Троицы также пишется в историческом контексте события, имевшего место в жизни отца всех верующих Авраама и его жены Сарры. А именно, когда трое Вестников Божиих благовестили этим благочестивым старцам о рождении сына, – того самого, который стоял в центре испытания на горе Мориа...

Круги истории замыкаются, они пронизывают наш мир и наше время с непредсказуемой периодичностью, но с безупречной ясностью и совершенной логикой. Если мы учимся узнавать себя в отражениях прошлых веков и тысячелетий, если события и люди прошлых времён становятся нашими учителями и наставниками, – значит, мы начинаем постигать премудрость мироустройства, искусство жизни и мастерство борьбы с силой противления.

Верующий христианин знает, что события и ход его жизни дадут ему возможность по своему пережить такие же состояния, какие переживал Христос Спаситель в Своем земном служении вплоть до крестной смерти и воскресения из мертвых. И среди этих испытаний, пожалуй, предельным является опыт богооставленности, то есть такого абсолютного одиночества, словно Бог оставляет человека одного под всей тяжестью мира.

Перед смертью на Голгофе Господь наш Иисус Христос воскликнул с Креста: *«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»* (Мф. 27: 46). Сын Божий пережил тягчайшее из всех духовных состояний смертного человека – состояние крошечной пустоты, в которой нет Бога. То есть состояние ада ещё в земной жизни бессмертной души.

Эти же слова: *«Боже мой! Боже мой! [внемли мне] для чего Ты оставил меня?»* – исторгло задолго до этих событий сердце Давида, когда к нему, зажатому пустыней и горами, приближались смертельные враги и убийцы. Гибель казалась Давиду неминуемой: *«Господи, не удаляйся от меня; сила моя! поспеши на помощь мне; избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою»* (Пс. 21: 20-21).

Он был спасён не своей храбростью и не боевым мастерством, но неизбывным доверием Богу. Даже в сиюминутном отчаянии, даже в безнадежном состоянии его вера выдержала предельное испытание мраком бездонной тьмы.

«Совершилось!.. Отче! в руки Твои предаю дух Мой», – произнёс Христос Спаситель за мгновение до смерти (Ин. 19: 30; Лк. 23 46). Эти слова Сына Человеческого были преодолением смертного одиночества пред лицом той части видимого и невидимого мира, которая ненавидит Его.

А далее, – далее был гимн Воскресения, звучащий тысячи лет! *«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?.. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!»* (1 Кор. 15: 55-57).

Иллюзия одиночества

Будучи предельным испытанием, состояние богооставленности не повторяется слишком часто. Нередко человек принимает собственную неосмотрительность за это суровое испытание и спешит укорить Бога вместо того, чтобы осмотреться и поразмыслить.

Напомню мудрую притчу о том, как некий человек сетовал Богу, что не чувствует Его помощи в своей земной жизни. Господь показал ему стезю его жизненного странствования, и тот увидел следы ног не одного, но двух путников. *«Видишь, Я всегда был рядом с тобой»*, –

сказал Господь. «А вот здесь следы только одного путника, – возразил человек. – Где же Ты был в это трудное для меня время?». «Это Мои следы, – ответил Господь. – Ты уже не мог идти, и Я нес тебя на руках».

Порою мы принимаем за одиночество отсутствие в самих себе мужества, вялость надежды и нерешительность. «Лучше положить начало тому, что может привести к выходу, – справедливо заметил английский государственный деятель и философ XVI-XVII веков Фрэнсис Бэкон, – чем вечными усилиями и стараниями связывать себя с тем, что никакого выхода не имеет».

Преодоление социального одиночества совершается усилием воли, целенаправленным порывом и деятельным отношением к обстоятельствам своей жизни. Мне вспоминается весьма примечательная мизансцена в спектакле одного студенческого театра в начале 70-х годов. Молодой человек на сцене шагал на месте и печально повторял в такт: «Что я могу сделать один?..» Затем появлялся другой, пятый, десятый, – и все они в ногу шагали на месте и повторяли в ритме своих шагов те же безнадежно печальные слова. И вот уже вся сцена была заполнена топающими людьми, которые под грохот марша громогласно скандировали: «Что я могу сделать один?..» По тем временам этой студенческой труппе дорого обошлось подобное экспериментирование.

Но не стоит полагать, что состояние социального одиночества характерно лишь для нашего времени. В Библии описывается отчаяние пророка Илии после того, как Господь по его молитве совершил великое чудо на горе Кармил. Но религиозный порыв свидетелей чуда, по мнению Илии, не привёл ни к каким переменам в их душах. Илия *«просил смерти себе и сказал: довольно уже, Господи, возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих... остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее»* (3 Цар. 19: 4, 10).

Но Господь не только не удовлетворил его мольбу, а напротив, укрепил его, сказав, что ещё осталось в народе семь тысяч мужей, которые не поклонились идолам и сохранили верность Богу. Илия не знал их, но его одиночество было преодолено известием о том, что он не один предстоит пред Господом за свой народ.

Подвиг наших верующих соотечественников в огненные для Православной Церкви десятилетия прошлого века состоял в таком же твердом стоянии в вере, когда рядом были не единомышленники, но соглядатаи, а открытое исповедание веры вызывало жестокие репрессии.

Трагическая невостребованность

В целом духовное одиночество было, пожалуй, самой большой брешью в эмоциональной и психической областях жизни советского общества.

Но когда успокаивались бури острых гражданских противостояний, когда мирная жизнь хоть как-то начинала входить в нормальную колею, оказывалось, что освобождённые от идеологических доспехов любовь, дружба, сострадание, жертвенность, сентиментальные чувства и тихие радости остаются движущей силой общества. Исторические христианские ценности назывались тогда другими именами, но именно они делали жизнь человеческой и осмысленной в вечных категориях.

Кто жил в то время, тот помнит, как решались мировые проблемы в разговорах на кухне, как обсуждались философские вопросы бытия в театрально-художественной среде, как поэты собирали стадионы слушателей, как опасалась политическая система самиздатовских рукописей и литературных журналов...

Кризис личности зачастую обусловлен её невостребованностью. Это большая социальная проблема, которую человек далеко не всегда способен решить в одиночку. Происхождение этой проблемы имеет двоякий источник.

С одной стороны, невостребованность личности, а точнее, её творческого потенциала характерно для тех обществ, которые тяготеют к диктатуре: например, диктатуре пролетариата, криминала или какой-либо революционно-террористической группировки. Там, где человеческая жизнь рассматривается лишь как средство достижения некоей навязанной всеобщей цели, ценность индивидуальной личности уступает место ценности пушечного мяса.

И напротив, решение множества разноплановых задач, совокупность которых послужит всеобщему благу, успешнее всего осуществляется с привлечением творческого потенциала каждой личности. Этим характерен так называемый корпоративный патриотизм, с которым справедливо связывают самые разные общественные успехи и достижения, начиная, например, от послевоенного японского экономического чуда и заканчивая современным православным храмовым строительством.

Однако с другой стороны, невостребованность как глубоко личная трагедия человека связана с индивидуальными особенностями его психики и мировосприятия. Один из коротких философских романов чешского писателя Богумила Грабала имеет парадоксально точное и, я бы даже сказал, терминологическое название: «Слишком шумное одиночество». Задолго до современного информационного бума автор рассказал об одиночестве человеческого сердца в необъятном мире мировой литературы и периодики.

Слишком шумное одиночество – это когда ты способен приобрести весь мир, но у тебя нет пристани в сердце другого человека.

Православный философ и богослов Христос Яннарас в своем «Эссе о любви» по мотивам библейской книги «Песнь Песней» называет этот вид одиночества адом, который состоит «...в том, чтобы идти вместе, не будучи друзьями, в обоюдном одиночестве. Несовпадающие чувства, разногласные желания, неуступчивые предпочтения...»

Если при этом мы имеем в виду, что подобное одиночество излечивается созданием семьи, тогда нам становится понятным утверждение мудрых и успешных в семейной жизни людей о том, что счастливые браки заключаются на Небесах, причём нередко – вопреки всем земным обстоятельствам.

Вожделенное одиночество

И вот здесь мне хотелось бы сказать об одиночестве такого рода, без которого мыслящий человек не может жить. С античных времён человеческий род пытается творчески осмыслить и развить сформулированный Сократом тезис: «Познай себя, и ты познаешь весь мир». За сотни веков накопились тысячи разного рода методик этого процесса. Но одиночество бывает шумным не только из-за внешнего, но также из-за внутреннего шума, внутренней суеты в душе человека.

Вот почему в Евангелии дан простой и методологически безупречный совет: «Войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6: 6).

Человеку необходимо время от времени быть в одиночестве, отстраняясь от мира людей. «Я и другие» – важная тема для раздумий. Но она так и не будет раскрыта в истинной полноте без размышления на тему «я и Бог».

Нам жизненно необходимо уметь молиться Богу и уметь молчать пред Богом, чтобы услышать Его слово, которое Он может сказать очень тихо именно для того, чтобы мы потрудились его услышать.

Такого рода одиночество было и остается вожделенным для тех, кто избирает монашеский путь. Ведь греческое слово *μόνος* переводится как «один, одинокий». И даже если служение монаха совершается в миру, в столичном шуме и в мирской суете, он всё равно призван оставаться один на один с Богом.

Молитвенное одиночество пред Богом не терпит пустоты, ибо в этом состоянии человек мыслит «о всех и о вся», сохраняя в своём внутреннем покое свой личный образ внешнего мира.

Незадолго до ареста, казни и воскресения Господь наш Иисус Христос сказал: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14: 23).

Мне не представляется никакой иной цели жизни человека, которая была бы выше этой. Благодарю за внимание.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165. 1

Специфика неклассической теории познания

В. Н. КАЛМЫКОВ

В античной философии были сформулированы глубокие идеи о соотношении знания и предмета, знания и мнения, истины и заблуждения, о диалектике как методе познания. В древнем Китае пробовали подойти к характеристике познания как процесса раскрытия причинности, выявления сходства и различия явлений, разделения вещей по родам. Выдвигались правила проверки истинности знаний: "основание", под которым имелись в виду опыт и суждения древних мудрецов; "источник", т. е. факты, которые слышали и видели простолюдины; "применимость", т. е. практическую пользу. Наряду с онтологией, праксиологией, аксиологией, философской антропологией и социальной философией сложился раздел философии – гносеология как теория познания. Отдельные разделы философии существуют в системе целостной философии, а философия как целостное выражается через свои части.

Поднимаемые в философии фундаментальные проблемы (бытия, материи, пространства, времени, сознания, истины, человека, общества и т. д.) требуют вечного обновления, новых интерпретаций в соответствии с новыми данными научного познания и усложняющимися общественными запросами. Мир, в котором живет человек, многослоен и включает в себя: "обычный "жизненный мир", мир субъективных переживаний и мир, полагаемый специализированным размышлением: сначала самой философией, а затем наряду с ней научным знанием" [1, с. 19].

Для классической гносеологии характерен критицизм. *Неклассическая теория познания*, складывающаяся в последние десятилетия XX в., утверждает, что познание не может начинаться с нуля и *предполагает включенность познающего индивида в одну из традиций*. Любая теория вбирает в себя идею непрерывного самоотрицания и одновременно – сохранение положительного (в преобразованном виде), преемственность. В процессе развития знаний может выясниться, что какие-то познавательные традиции, якобы вытесненные, обнаруживают новый смысл в новом контексте. Например, идеи теории самоорганизующихся систем, разработанные в синергетике, выявляют современный эвристический смысл некоторых идей древневосточной философии. Установки восточной культуры (например, древнекитайский принцип "у-вэй") утвердились в современной философской мысли: выясняется, что в сложных развивающихся системах особую роль играют несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. Под влиянием древневосточной философии в современной науке природа рассматривается не как конгломерат качественно специфических объектов, а как целостный организм, преобразование которого человеком может проходить в определенных границах.

Познание – взаимодействие между субъектом и объектом, деятельность субъекта, нацеленная на получение достоверных знаний о мире и о себе. *В неклассической философии объекты предстают как пульсирующие, исчезающие и возникающие, волнообразные, напрямую не наблюдаемые и не воспроизводимые*, что ведет к радикальному пересмотру детерминистских схем, касающихся взаимодействия между вещами, между людьми и природными предметами. Конечно, наряду с неопределенностью и постоянной изменчивостью, следует учитывать относительные определенность и стабильность объектов. Если познание направ-

лено на получение знаний о человеке, то последний выступает в роли объекта познания. *В познании задействованы не только субъект-объектные, но и субъект-субъектные отношения* (интерсубъективность), ибо люди связаны друг с другом, используют как свой личный, так и коллективный опыт и разум.

В рамках эволюционной эпистемологии (К. Лоренц, Д. Кэмпбелл и др.), возникшей благодаря успехам биологии, генетики человека, когнитивной психологии, теории информации и компьютерной науки, утверждается, что познание как необходимый атрибут человеческого бытия детерминировано механизмами органической эволюции. Согласно некоторым представлениям, человек в какой-то глубинной основе опосредованно познает всем телом (В. В. Налимов, Г. А. Сергеев, А. К. Манеев, В. Н. Пушкин и др.). Так, кровь необходима для реализации различных функций организма, в том числе психических, а сердце человека является центром чувствительности и резонансным приемником информации, воздействующей на него. Человек получает и обрабатывает информацию при помощи сигналов, поступающих не только из внешней среды, но и свидетельствующих о внутреннем состоянии организма. Психика, тело познающего существа и окружающий реальный мир выступают как аспекты некоей единой деятельности [2, с. 37]. С позиций материалистической науки механизм познания включает относящиеся к телу органы чувств (зрения, осязания, слуха, обоняния, вкуса) как воспринимающие рецепторы, передающие нервы-проводники и отделы мозга. Конечно, следует учитывать еще и социальную сторону познания, определяемого различными компонентами культуры, которые "задают" человеку определенное видение объектов и толкование полученных знаний.

Изначальный опыт восприятия реальности первочеловеком, непосредственное, до-рефлексивное знание предшествовало разделению на субъект и объект. Если классическая теория познания субъектноцентрична в том смысле, что в качестве несомненного базиса, на котором можно строить систему знания, выступает факт существования субъекта, то *неклассическая гносеология отказывается от субъектноцентризма, утверждая, что познающий субъект изначально включен в объективный реальный мир и систему коммуникативных отношений с другими субъектами.*

Следует различать не только понятия "объект" (то, на что направлена познавательная и иная деятельность) и "объективная реальность" (то, что существует независимо от сознания), но и "субъект" и "субъективность". "Не все в субъекте субъективно, т. е. зависит от его сознания и воли. Субъект также представляет собой "объективную реальность" для другого субъекта, да и в нем самом есть нечто независимое от него самого, не осознаваемое им. Это не только его телесная организация, но и бессознательное в психике, а также его место в жизни... Следовательно, "субъект" не сводится к "субъективности", в нем есть и нечто "объективное" [3, с. 91-92].

Согласно Платону, чувственное восприятие не может дать знание, а можно знать только то, о чем учит математика. Аристотель рассуждал иначе: чувственный опыт говорит нечто о реальности. Новоевропейская наука синтезировала подходы Платона и Аристотеля: реальность дана в чувственном опыте, но ее глубинный механизм постигается с помощью математической обработки.

Классическая теория познания наукоцентрична, исходит из того, что знание, представленное в математике, естествознании, является высшим типом знания.

Неклассическая теория познания исходит из утверждения, что наука выступает важнейшим способом познания реальности, но не единственным. Она не может вытеснить обыденное практическое знание, которое включает в себя здравый смысл, приметы, личный опыт, традиции, наиздания, рецепты, не требует предварительных доказательств и выражается в бесписьменной форме. Существуют донаучные и вненаучные формы и типы знания (мифологическое, религиозное, игровое познание, так называемая "народная" наука и т. п.). Магия, оккультная практика, передача опыта внетеоретическим способом от человека к человеку – таковы некоторые формы донаучного знания, обеспечивавшие условия человеческого существования. Ненаучное понимается как разрозненное, несистематическое, неформализованное знание.

Вненаучные виды знания нельзя вычеркнуть из общей духовной культуры людей. И все же паранаука лишает людей критически взвешенного взгляда на мир, одурманивает часть населения. Магия, астрология, паранормальные явления трактуются неоднозначно: а) как реализация объективных возможностей, заложенных в природе и человеке, но пока еще неизвестных науке; б) как тупиковый путь познания бытия, воздействия на него.

Следует иметь в виду, что есть сферы человеческой деятельности и отношений, которые весьма затруднительно выразить строгими нормами научной доказательности, например, области нравственности, культурно-этических традиций, веры, аффектов и т. д. Философы (М. Вебер, Р. Триг, П. Фейерабенд и др.), рассуждая о границах научного познания, приводят ряд аргументов:

1 человеческая жизнедеятельность шире и богаче рационализированных ее форм, поэтому необходимы, помимо научно-рациональных, иные методы изучения и описания бытия и его частей;

2 научное познание есть не только сугубо рациональный акт, но также включает в себя интуицию, творчество без осознанных логических операций;

3 наука, развиваясь на основе собственной логики, в то же время опосредована всем социокультурным фоном и не является лишь плодом разума.

В целом, отвергается не значение науки в функционировании системы "человек – общество – природа", а ее порой чрезмерные притязания на решение различных проблем.

Классическая гносеология опирается на фундаментализм, который сводится к поиску основы (фундамента) всех наших знаний. *Отказ от фундаментализма в неклассической теории познания связан с обнаружением изменчивости познавательных норм*, свидетельствует об отсутствии постоянных и общепризнанных стандартов, по которым традиционно отличали науку от ненауки, знание от незнания.

Согласно философской классике, между знаниями, выраженными в четкой логической форме и окружающей действительностью существует внутренняя взаимосвязь, которая зафиксирована в познавательном процессе. Достаточно найти универсальные методы познания, и согласованность между объектом и познающим субъектом будет достигнута. Для неклассической философии характерен иной подход: если соответствие между реальностью (миром) и знаниями (вместе с логикой) и существует, то оно обнаруживается прежде всего в системе ценностей, интересов, пользы, а универсальные методы познания отсутствуют. *Согласно принципу антифундаментализма, познавательные процедуры в определенном смысле оказываются несоизмеримыми*, так как не существует общего достоверного базиса и языка описания, опираясь на которые можно было бы сделать вывод о научности, объективной истинности любого знания [4, с. 72-79].

Отсутствие абсолютно надежного эмпирического и/или теоретического базиса любых концепций, ограниченность любых моделей по отношению к своему предмету-оригиналу ("прототипу"), неустранимость из науки неявного и личностного знания обуславливает многомерный подход к истине.

Выделяются основные концепции истины: *соответствия (корреспонденции), когеренции и прагматичности (практичности)*. Каждая из названных концепций имеет достоинства и недостатки.

Платон и Аристотель определяли истину как соответствие наших знаний действительности. Ф. Энгельс отметил: "...наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и... поэтому они не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласовываться между собой" [5, с. 275]. Аналогично рассуждал В. И. Ленин, утверждая, что "решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет" [6, с. 102]. Корреспондентская концепция истины обнаруживает свою слабость ввиду того, что многие ситуации и процессы слишком сложны, текучи и не поддаются прямому наблюдению для сопоставления утверждений с действительностью, а полный перевод теоретических положений на язык наблюдений часто невозможен.

Под когерентностью понимается взаимосоответствие высказываний (какое-то утверждение считается истинным, если оно получено по строгим логическим правилам из других

предложений, ранее признанных истинными). Данную концепцию истины развивали Лейбниц, Спиноза, Нейрат, Гемпель и др. Так, Г. Лейбниц различал "истины разума", вытекающие из законов логики, и "истины факта", вытекающие из соответствия фактическому положению вещей. Философ считал, что первые истинны во всех возможных, не противоречащих логике, мирах, тогда как вторые ("истины факта") верны лишь в некоторых из возможных миров. В системе логической семантики Карнапа-Кемени логически истинными наделяются высказывания, истинные во всех допустимых интерпретациях, а фактически истинными – высказывания, истинные в некоторой выделенной интерпретации.

Уязвимость когерентной концепции истины выражается в том, что для невыводного, неформализованного знания (например, в гуманитарных науках, искусстве), "всюду, где имеют дело с ценностями, творчеством, мнениями и верованиями, различными интуитивными моментами..., имеет место... не рассудочно-логическая, а коммуникативно-конвенциональная рациональность, где доверие коллективному (договаривающемуся) субъекту становится условием возможности обоснованной интерпретации" [7, с. 8]. Следовательно, *в истине содержатся аксиологический и конвенциональный элементы*. Теоретические принципы конвенционализма были разработаны А. Пуанкаре, который, вместе с тем, стремился защищать объективную ценность научных теорий [8, с. 356].

Истина выражает не только результат правильного, верного отражения действительности в сознании человека, но и способ реализации его целей на основе оценочного отношения к объектам бытия, т. е. *истина возможна в ее неразрывной связи с практикой*. В этом ключе истину исследовал марксизм, который использовал критерий практики для дальнейшего развития концепции соответствия. А. А. Богданов рассматривал истину как форму организации социального опыта (практики). Итак: "человек... познает... на основе синтеза материального действия и свободно развивающейся мысли" [9, с. 15].

Практика есть процесс, в котором цели и результаты человеческой деятельности соотносятся с тенденциями развития действительности. Деятельность включает в себя замысел, реализацию и результат. Замысел, в свою очередь, состоит из цели, плана и ценности. Реализация одних и тех же целей (что надо сделать?) и планов (как это сделать?) может иметь разные смыслы, ценностное значение. Практика, таким образом, составляет единство познания, оценки, преобразования и освоения мира человеком.

Познание возникло и функционирует постольку, поскольку обслуживает процесс жизнедеятельности людей, т. е. имеет социальную ценность. Если в гносеологическом аспекте знание предстает как содержание, то в социальном оно выступает как форма, обеспечивающая воспроизводство совместно-разделенного бытия людей. Из той или иной совокупности знаний на основе оценок извлекаются определенные рекомендации, нормы деятельности.

По сравнению с естественными и техническими науками философия в меньшей степени непосредственно связана с практикой. Однако и она ориентирована на "вызов бытия", что подчеркивали многие мыслители: Т. Гоббс, К. Маркс, В. С. Соловьев, Э. Гуссерль, Н. А. Бердяев и др. Так, в трактовке К. Маркса философия предстала как форма знания, получающая импульсы для теоретического мышления от практики, как способ отражения и преобразования исторического бытия во всей его полноте. Н. А. Бердяев выдвигал тезис о создании новой философии путем воссоединения мышления с живыми корнями бытия. Философия не может быть исключительно теоретической, она должна быть связана с улучшением жизни. Возникает вопрос: каким образом? В общем виде можно утверждать: философия опосредованно, через социальные общности и политические организации общества, систему общемировоззренческих и культурных установок, помогает определять и направлять экономическое, социальное, политическое, экологическое и демографическое поведение, цели общественного развития [10, с. 54].

Познание по отношению к практике обладает относительной самостоятельностью. На каждом этапе познания любая отрасль науки решает проблемы, поставленные предшествующим развитием мысли. Решение проблем, возникающих в ходе развития знаний, может опережать практику и направлять ее.

В деятельности знания могут оцениваться как "полезные" и "бесполезные". В прагматизме (Ч. Пирс, У. Джеймс, Д. Дьюи) истина – продукт "опыта" человека, способ приспособления к жизни, инструмент в достижении успеха на основе согласия с конкретной действительностью. В таком подходе заложена опасность произвольно-субъективного истолкования полезности каких-то представлений. Позитивный же аспект в рассматриваемой концепции истины выражен в стремлении реалистически наполнить истину практически значимым для человека содержанием.

Рассмотренные концепции истины не отменяют, а дополняют друг друга, комбинируют элементы каждой из них. Не соприкасается с названными *теистическая* концепция, согласно которой истина – это Божье откровение.

Процесс познания можно представить в трехступенчатой *"вертикальной"* модели (от чувственно-эмпирического к теоретическому мышлению и от него к практике) и в *"фронтальной"* модели, в которой чувственно-эмпирическое и теоретическое с двух сторон охватывают исследуемый объект. При этом чувственная и теоретическая формы познания вбирают в себя все проявления практической деятельности. Деятельность комбинирует черты и чувственности, и духовности, замыкает познание на экзистенциальных, присущих только человеку, способностях интуиции, продуктивного воображения. Чувственно-эмпирическое сопровождает не только начало, но и конец познания, а практическая ориентация присуща всем фазам познавательного процесса [11, с. 43-44]. Поступательность, выраженная в "вертикальной" модели, и "синтезность", представленная в "фронтальной" модели, дополняют друг друга и в целом характеризуют сложный процесс познания.

Помимо чувственного отражения, абстрактного мышления и практики, ценностного отношения к отображаемой действительности, познавательный процесс включает в себя различные формы психической деятельности: волю, желания, нормы. Познание осуществляется в обрамлении осознания и неосознанной деятельности, творчества и интуиции, веры и знания.

Знание о сложном предмете со множеством его свойств, связей, изменений строится по принципам: 1) *процессуальности* (выявление характеристики предмета, раскрывающего свои "тайны" не сразу, а в динамике); 2) *дополнительности* и *оппозиции* (каждое из определений отдельных свойств, сторон, связей предмета дополняется другими утверждениями, часто противоположными). Стремление к достижению истины, выбор между альтернативными подходами осуществляется научными сообществами путем консенсуса и носит когнитивно-волевой характер. Процесс выработки консенсуса (путем оппонирования, критики, влияния авторитетов, научных школ, оценки практической значимости той или иной концепции и т. д.) является, как правило, длительным и не окончательным, подлежащим пересмотру в будущем новыми субъектами познания. Помимо консенсуса, когнитивный конформизм, определенное мужество выступают как необходимые условия научной деятельности, особенно радикальных инноваций.

В целом, человеческое знание становится все более истинностным. Однако наше познание не сталкивается с абсолютной границей и находится в пути. Это вытекает из факта, что сущее есть единство относительно завершенных, упорядоченных, стабильных, устойчивых состояний вещей и одновременно непредсказуемых, изменчивых, хаотических. Первое дает основание для удовлетворительного, а второе – для отрицательного ответа на вопрос "Познаваем ли мир и человек в мире?". Позиции неопределенности в вопросе познаваемости мира усилились, когда были открыты сферы, участие сознания в которых ограничено (воля, бессознательное, интуиция и т. п.). Еще один аргумент по этому вопросу приводит Т. И. Ойзерман: мы всегда познаем только какую-то часть целого и не можем исчерпывающе судить о ней, поскольку не знаем целого. Следовательно, наши суждения об этой части неизбежно оказываются отрывочными, фрагментарными [12, с. 67]. Законы объективного мира и законы мышления не только совпадают (см. ранее приведенные высказывания Ф. Энгельса и В. И. Ленина), но и различаются, ибо процесс познания историчен, поэтому наше мышление всегда ограничено. Познание – непрерывное преодоление противоречия между безграничной возможностью универсального постижения человеком мира и его частей и реальной невозможностью в каждый конкретный момент познать мир и себя в мире исчерпывающе. Види-

мо, прав К. Поппер, предложивший исходить из двух посылок: а) "мы знаем достаточно много" и б) "наше незнание безгранично". Познание допускает известную долю вероятности, плюрализм мнений, оно не запрограммировано заранее на успех. Впрочем, это не исключает наличия в истине момента абсолютности. Исчерпывающий характер носят положения философии и науки, имеющие общий непреходящий характер (например, принцип несотворимости и неуничтожимости материи и движения), а также элементарные знания, которые имеют постоянный характер (например: "люди смертны", "Наполеон умер в 1821 г. "). Точное исчерпывающее знание о некоем существе выступает как цель познания, своеобразный гносеологический идеал.

В целом, как показал анализ, классическая теория познания характеризуется критicismом, фундаментализмом, субъектоцентризмом и наукоцентризмом. Напротив, для неклассической гносеологии присущи (в меру) посткритицизм, антифундаментализм, отказ от субъектоцентризма и отход от наукоцентризма. Рассмотренные основные концепции истины и модели познания дополняют друг друга.

Резюме. Проанализированы такие черты неклассической теории познания как посткритицизм, антифундаментализм, отказ от субъектоцентризма и отход от наукоцентризма.

Abstract. Such features of the nonclassical knowledge theory as postcriticism, antifundamentalism, refusal of selfcentrism and a withdrawal from science-centrism are analysed in the article.

Литература

- 1 Лекторский, В. А. Философия как понимание и трансформирование / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2009. – № 1.
- 2 Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. – 2008. – № 3.
- 3 Столович, Л. Н. Об общечеловеческих ценностях / Л. Н. Столович // Вопросы философии. – 2004. – № 7.
- 4 См.: Лекторский, В. А. Теория познания (гносеология, эпистемология) / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 1999. – № 8.
- 5 Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. / Ф. Энгельс. – М., 1961. Т. 23.
- 6 Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 18.
- 7 Микешина, Л. А. Специфика философской интерпретации / Л. А. Микешина // Вопросы философии. – 1999. – № 11.
- 8 Пуанкаре, А. О науке / А. Пуанкаре. – М., 1990.
- 9 Сачков, Ю. В. Научный метод: вопросы и развитие / Ю. В. Сачков. – М., 2003.
- 10 Калмыков, В. Навстречу жизни. Способна ли философия влиять на практику? / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2008. – № 3.
- 11 См.: Крымский, С. Б. Культурно-экзистенциальные измерения познавательного процесса / С. Б. Крымский // Вопросы философии. – 1998. – № 4.
- 12 См.: Вопросы философии. – 2004. – № 5.

Концепты сущности и существования в философской антропологии Макса Шелера

В. Э. НАРИЖНЫЙ

Проблема соотношения концептов сущности и существования, сама по себе будучи одной из самых актуальных для философии, в исследованиях немецкого мыслителя Макса Шелера (1874-1928) является одной из самых сложных. В работе П. Янсена «Die Verwandlung der phänomenologischen Reduktion im Werke Max Schelers und das Realitätsproblem» [1, с. 240-270] уже отмечены некоторые противоречия, связанные с шелеровской попыткой ее решения. Вместе с тем представляется актуальным обращение к данным концептам в свете как феноменологии, так и философской антропологии М. Шелера, поскольку он является одним из ведущих феноменологов и одним из основателей философской антропологии.

У М. Шелера оппозиция сущности и существования возникла вследствие специфической интерпретации им одного из центральных понятий феноменологии – идеации. Созерцание сущности М. Шелер обуславливал исключением человеком всех витальных влечений, игнорированием наличного бытия вещей [2, с. 8]. В этой связи он ставил проведение феноменологической редукции в зависимость от полной аннигиляции реальности. В процедурном плане это означало опредмечивание человеком всех своих физиологических и физических состояний. Благодаря ему человек, в отличие от животных, способен к самосознанию. Самосознание же, согласно М. Шелеру, имплицитно дистанцированность от жизни и, в конечном итоге, ее негацию [2, с. 155-156]. Поэтому один из основателей философской антропологии в определенном смысле был последователен, когда писал о человеке как об аскете жизни, а об идеации как об умирании [2, с. 164; 3, с. 230]. Однако является ли указанная дистанцированность свидетельством дихотомии сущности и существования? Вряд ли может вызывать сомнения, что такая позиция М. Шелера связана с трансцендентально-феноменологическими мотивами его философии. Ведь «не может быть сведена к конечным эмпирическим причинам ни одна подлинная сущность, находящаяся разумом в мире, – ни сама она, ни существование какого-либо «нечто» относящегося к такой сущности» [2, с. 162]. Как видно, декларируемое разделение сущности и существования означает лишь невозможность редукции трансцендентального к эмпирическому. Вместе с тем это не означает невозможность обратного.

Таким образом, негация жизни означает не разрыв трансцендентального и эмпирического, а фундированность второго в первом, возможность в различных явлениях усмотреть их структурную инварианту (транспонируемый феномен). Поэтому, в отличие от его деклараций, феноменологическая редукция у Макса Шелера процедурно представляет собой не разделение сущности и существования, а тематизацию бытия. Оговоримся: человек, безусловно, имеет специфическую способность к выделению сущности в качестве «просто мысли». Однако такая способность деривативна по отношению к способности тематизации бытия и, тем самым, феноменологической редукции.

Примечательно, что и для Эдмунда Гуссерля, и для Мартина Хайдеггера, при всех их расхождениях в истолковании бытия, радикальная оппозиция сущности и существования была неприемлема. У Э. Гуссерля «эпохе», как отмечал сам М. Шелер, предполагало лишь воздержание от суждения о существовании [2, с. 164] и представляло собой способ тематизации бытия (хотя и в сфере трансцендентальной субъективности): «Говоря образно, все заключаемое в скобки отнюдь не стерто с доски феноменологии, – оно всего лишь заключено в скобки, и не более того, а это значит – снабжено определенным индексом. Но, снабженное индексом, оно остается главной темой научного исследования» [4, с. 158]. Ноэма в гуссер-

левской феноменологии включает не только предметный смысл, но и бытийные модальности – «достоверно» (праформа всех бытийных модальностей), «вероятно», «сомнительно» и др. [4, с. 229]. Сущность в шелеровской редакции, то есть лишенную бытийных полаганий «просто мысль» (по Э. Гуссерлю сущность в «модификации нейтральности»), основатель феноменологии называл «противосущностью в качестве «тени» той же самой [но имеющей бытийные модальности – В. Н.] сущности» [4, с. 246]. М. Хайдеггер понимал феноменологическую редукцию также как тематизацию бытия: «...Постигающий феноменологический взгляд, хотя и должен быть направлен на сущее, но так, чтобы при этом бытие сущего могло быть выделено и тематизировано. ... Основную компоненту феноменологического метода в смысле возведения исследующего взгляда от наивно схваченного сущего к бытию мы обозначаем как *феноменологическую редукцию*» [5, с. 25].

Апория М. Шелера, заключающаяся в противопоставлении человека (как усматривающего сущности существа) и жизни, оказала влияние на его философскую антропологию. Немецкий мыслитель характеризовал человека как трансцендирующее, эксцентрическое существо. Так, говоря об установке новоевропейского рационализма на покорение природы, он отмечал, что «в тот самый момент, когда человек поставил себя *вне* природы, чтобы сделать ее *предметом* своего господства и нового принципа искусства и знака, – именно в этот самый момент человек *должен был* как-то укоренить свой центр *вне и по ту сторону* [эмпирического – В. Н.] *мира*» [2, с. 188-189]. М. Шелер не был, разумеется, ретроградом в отношении «наук о природе». Он не сомневался в необходимости научно-технического прогресса, освобождающего силы для духовного роста человечества [6, с. 186.]. В то же время, именно он оказался одним из первых мыслителей Новейшего времени, увидевших опасность абсолютизации естественнонаучной парадигмы: «Ведь человек может и при идеальном завершении позитивно-научного процесса оставаться как существо духовное абсолютно пустым. Он может опуститься до варварства, по сравнению с которыми все так называемые естественные народы были бы «эллинами» [2, с. 47]. Впоследствии эта идея была развита в экзистенциализме, в частности, у К. Ясперса, рассуждавшего о несовместимости абсолютизации значения техники и «собственного бытия». К. Ясперс отмечал что «техника должна быть чем-то само собой разумеющимся, которое в своем действии находится едва ли не вне сферы пристального внимания» и «абсолютизация техники была бы уничтожающей для самобытия» [7, с.402].

По сравнению с новоевропейской эксцентричностью, противопоставляющей субъекта чувственному миру, М. Шелер предлагал принципиально другую эксцентричность человека по отношению к нему. В целом, признавая субъект-объектную дихотомию как историко-культурный и историко-философский факт, мыслитель стремился показать при помощи феноменологической редукции, что субъект и объект имеют общее внеэмпирическое, трансцендентально-онтологическое основание: «Знание, таким образом, есть там и только там, где так-бытие существует в качестве строго идентичного как *extra mentem*, а именно *in re*, так и одновременно, *in mente* – как *ens intentionale* или как предмет. Таким образом, вопрос о том, приходим ли мы и как мы приходим к вещам из нашего так называемого «сознания», здесь для нас отнюдь не дан в качестве осмысленного» [2, с. 41].

Согласно М. Шелеру, подлинная специфика эксцентричности человека заключалась в способности последнего к непрестанному трансцендированию, приводящему к тематизации бытия, а не трансцендированию, приводящему к замыканию в сфере автономного субъекта [2, с. 41]. Ведь знание, будучи бытийным отношением – «это отношение *участия* одного сущего в так-бытии другого сущего, посредством которого в этом так-бытии ни в коей мере не сопологаются изменения. «Знаемое» становится «частью» того, кто «знает», не сдвигаясь при этом со своего места в каком бы то ни было отношении и не претерпевая каких-либо прочих изменений» [2, с. 41].

Парадокс шелеровской философской антропологии заключается как раз в том, что тематизирующее бытие трансцендирование человека коренится в его витальности. Для примера обратимся к рассуждениям М. Шелера по поводу кантовских априорных форм чувственности. С одной стороны, он признавал заслугу Иммануила Канта в критике теории объективного эмпирического пространства и времени: «...Пространство и время, созерцание которых, как пра-

вильно утверждал И. Кант, отнюдь не происходит из содержания ощущений, а уже предшествуют всему познаваемому в чувственном опыте как предварительный проект и схема возможных отдельных содержаний этого опыта...» [2, с. 6]. С другой же стороны, один из основателей философской антропологии считал, что автор «Критики чистого разума» не увидел их изначальной зависимости по отношению к движению и изменению. Пространство и время являются «совокупностью возможностей нашего спонтанного самодвижения, соответственно, совокупностью возможностей нашего спонтанного самоизменения в деятельности (время еды, время сна, пространство передвижений). Только потом *нашу* органическую возможность двигаться мы переносим на вещи как возможность *их* движения» [2, с. 6]. Таким образом, кантовские априорные формы чувственности являются формами деятельности, а не созерцания (результат которых, однако, первично созерцателен). Пространство и время не духовно-рационально, а витально относительно, поскольку в них манифестируются образные явления сил и влечений. Поэтому человек обладает пространственным и временным созерцанием не в силу своих отличий от животных, а как живое существо [8, с. 270].

Нельзя считать человеческой прерогативой и технически-практический интеллект или рассудок. Его проявления, хотя и не столь яркие, можно обнаружить у животных. Для достижения своей цели они создают свой пространственно-временной проект: «В то время, как цель влечения, например, плод, оптически высвечивается для животного и резко выделяются и обособляются на оптическом поле окружающего мира, – *все* данности, какие содержит окружающий мир животного, в особенности, все оптическое поле между животным и окружающим миром, специфически преобразуются. Оно структурируется в своих предметных связях таким образом и приобретает такого рода относительно «абстрактный» рельеф, что вещи ... получают *динамически соотносительную характеристику* «вещь для доставания плода» [2, с. 150-151].

Данный пример относится к высокоорганизованным животным (обезьянам), имеющим наглядно данную цель. Однако по М. Шелеру и другие живые существа, (например, птица, инстинктивно, без наглядного представления строящая гнездо) благодаря пространственно-временной схеме движения и изменения неразрывно связаны с окружающим миром. Последний принадлежит организму наряду с телом (Körper). Жизнь как таковая не находится пространственно в органическом теле, а образует единство события между ним и окружающим миром [8, с. 260]. Вещи (окружающего мира) предстают животному как средство, играющее роль указателя на пространственно-временную каузальную связь с другими средствами, как, в частности, «*ситуативное динамическое функциональное значение* «чего-то для приближения плода» [2, с. 151]. На основании констатации изначального пребывания организма при вещах М. Шелер сделал важный вывод об онтологическом характере экстатического, нерелективного знания у животных, детей, первобытных народов [2, с. 39-40]. Экстатическое знание человека в философии М. Шелера в данном отношении является аналогом хайдеггеровской структуры пред-понимания, после признания которой новоевропейская оппозиция сознания и бытия выглядит философским рудиментом. Сознание – «лишь вид знания, ...существует также до-со-знательное экстатическое знание (знание, таким образом, ни в коем случае не есть функция «сознания»); ...однако само знание есть *бытийное отношение*» [2, с. 55].

Указав на искусственность теоретического познания, незаинтересованного наблюдения (представляющей собой специфически-человеческую форму витальной заинтересованности), М. Шелер выявил перспективу для критики гносеологии предшествовавшей философии, которая имела тенденцию трактовать пассивное восприятие и связанное с ним аффицирование в качестве исходного и основополагающего когнитивного опыта. Для мыслителя в роли такого опыта выступала фантазия, присущая порыву, примером которой может служить уже описанное пространственно-временное (пере-)структурирование обезьяной окружающего мира. Восприятие является результатом чувственно-эмпирической корректировки опыта фантазии и представляет собой позднее явление в душевном развитии как отдельного человека, так и целых народов [2, с. 145-146].

В витальной специфике человека укоренена рациональность, исключая как материализм, так и спиритуализм. Человек способен, в отличие от других животных, к торможению и вытеснению (в фрейдовском смысле) сексуальной энергии влечения, что позволяет сублимировать эту, по М. Шелеру, основополагающую витальную форму энергии в чувственную перцептивную систему и ее функции (видение, слышание, обоняние и др.) [8, с. 228]. Сублимированную энергию сексуальных влечений М. Шелер обозначил как эрос. Благодаря эросу у человека расширена возможность применения функций. Если функции животных раскрывают «сами вещи» только в аспекте средства или, как писал М. Шелер, подручного (знаменитый хайдеггеровский термин «Zuhandensein»), то человек может прорываться из витально ограниченного окружающего мира к миру в его бытийной полноте [8, с. 232].

Данная животному одна и та же вещь в различных чувственных функциях не идентифицируется им как тождественная [2, с. 157]. Ведь поскольку организму важна не сама вещь, а ее ситуативная указующая значимость, то «всякое чувствующее существо имеет в своем распоряжении только те качества и содержание возможных чувств, которые могут обладать функцией знака для вещей окружающего мира, которые ему и его инстинктивно-моторному поведению полезны или вредны» [8, с. 341]. Однако лишь человек, в противоположность к другим животным, у которых чувственные восприятия сплавлены с влечениями и аффектами [8, с. 229], как *homo eroticus ecstaticus* способен тематизировать такие знаки и делать их знаками «самых вещей». «Всегда особенным позитивным фактом является уже то, – отмечал М. Шелер, – что строго одна и та же [пространственно-временная, то есть бытийная – В. Н.] форма предмета нами может схватываться через чувственные восприятия различных модальностей, например, благодаря видению, осязанию, кинэстезии...» [8, с. 307].

Вообще «поздний Макс Шелер» близок в данном отношении к переживавшей в то время период своего расцвета гештальтпсихологии. Эта близость заметна даже в терминологии: М. Шелер, рассуждая о феномене, часто использовал понятие формы, гештальта (*die Gestalt*). Кроме того, философия мыслителя аналогично с гештальтпсихологией интерпретировала отношение целого и частей (примат первого), значение первичной импрессии (инсайта). Однако наиболее ценной для М. Шелера в гештальтпсихологии оказалась идея так называемой транспонируемости феномена. В музыке под транспонируемостью понимают перенос мелодии (без изменения) выше либо ниже на несколько тонов или полутонов. В такой неизменности звуковой структуры мыслитель усмотрел модель инвариантности онтологической структуры, независимой от чувственных содержаний и организации психофизического субъекта.

Подлинным, полнокровным опытом бытия для М. Шелера был опыт эстетического переживания, являющегося праформой искусства. Однако в противоположность к последнему он не имеет субъективно-психической я-отнесенности и связанной с ней дистанции к предмету переживания [8, с. 229]. Эстетический опыт основан на замирании (*das Erstreben*) – снятии нашего сингулярного жизненного существования в качестве сингулярного и переживании самой жизни [8, с. 230]. Замирание в эротически-экстатическом созерцании открывает человеку метафизически единую жизнь, всежизнь, дает ему «интуитивное понимание «смысла» жизни, смерти и *Ens a se* как порыва – без разума, идей и [дискурсивного – В. Н.] мышления» [6, с. 230-231].

Иррациональная трактовка интуиции как в приведенном, так и в некоторых других высказываниях одного из основателей философской антропологии не должна вводить в заблуждение. Не следует понимать под ней противостоящую интеллекту бергсоновскую интуицию, что, в частности, сделал Г. Риккерт, обрушившийся на него с язвительной критикой [9, с. 318]. М. Шелер, надо признать, приложил немало сил для того, чтобы для подобной критики были поводы. Так он писал об открытии в эротически-экстатическом созерцании только формы, но не сущности и противопоставлял витальному эросу духовную агапэ [8, с. 235]. Между тем, с нашей точки зрения, рассмотренные ранее рассуждения М. Шелера по поводу формы показывают, что она представляет собой трансцендентальный феномен, сущность в модусе эмпирической засоренности. Да и сам мыслитель недвусмысленно писал об эросе как о создателе экземплярных примеров сущности [8, с. 235]. М. Шелер не случайно

соотносил эрос с искусством – ведь конкретный художественный образ имплицитно несет нечто универсальное.

Таким образом, несмотря на заявленную дихотомию сущности и существования, шелеровская интерпретация человека имеет трансцендентально-онтологический, а не трансцендентально-идеалистический характер.

Резюме. Показано, что гуссерлевское бытие, предполагавшее воздержание от суждения о существовании представляло собой способ тематизации бытия. Аналогичное значение имеет феноменологическая редукция и у М.Хайдеггера. Это оказало влияние на философскую антропологию М.Шелера.

Abstract. E. Husserl's life assuming abstention from judgement about existence represents a way of life thematization. The phenomenological reduction at M. Heidegger's has similar value. It has influenced M. Scheler's philosophical anthropology.

Литература

- 1 Janssen, Paul. Die Verwandlung der phänomenologischen Reduktion im Werke Max Schelers und das Realitätsproblem / Studien zur Philosophie von Max Scheler: Internationales Max Scheler Colloquium „Der Mensch im Weltalter des Ausgleichs“, Universität zu Köln 1993. – München: Alber, 1994. – Bd. 28/29. – Phänomenologische Forschungen. – 360 s.
- 2 Шелер, М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
- 3 Scheler, Max. Gesammelte Werke. – Bonn: Bouvier, 1997. – Bd. 12. – 376 s.
- 4 Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М.: ДИК, 1999. – 336 с.
- 5 Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии. – СПб: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 445 с.
- 6 Scheler, Max. Gesammelte Werke. – Bonn: Bouvier, 1986. – Bd. 6. – 460 s.
- 7 Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
- 8 Scheler, Max. Gesammelte Werke. – Bern: Franke, 1980. – Bd. 8. – 538 s.
- 9 Риккерт, Г. Философия жизни. – К.: Ника-центр, 1998. – 512 с.

Этика студента как нормативный регулятор вузовской жизнедеятельности

Л. И. НЕДЕЛЯ

Масштабы и темпы научно-технического прогресса, развития инновационной экономики, модернизации производства зависят от квалификации, компетентности, творческого потенциала, гражданской зрелости и ответственности специалистов. Конкретизация задач становления профессионала в вузе возможна через определение сущности социализации личности студента в процессе его учебной, научно-исследовательской, общественной, культурно-познавательной и коммуникативной деятельности.

Существенное направление социализации – достижение единства обучения и воспитания, одним из организующих звеньев которого является этика студента. Как научная дисциплина, она анализирует специфику студенческой морали, обобщает опыт нравственного воспитания молодежи, обосновывает моральные требования к поведению, способствующие развитию профессиональных, деловых качеств, активной жизненной позиции. Усвоение студентами нравственных ценностей, своеобразного морального кодекса, влияет на изменение сознания и поведения, повышает уровень культуры, помогает разрешить негативные моменты в социализации студентов: между образованностью и воспитанностью, образованностью и гражданской зрелостью, профессиональным и нравственно-духовным развитием в условиях вузовской среды. Этика студента содействует ответственному и более осознанному отношению молодежи к своему настоящему и не столь отдаленному будущему, текущим задачам и перспективным целям послевузовской самостоятельной трудовой деятельности. Этика студента отражает специфику статуса вузовской молодежи и акцентирует на обусловленных ею установках поведения.

Отличительный признак студенчества, по сравнению с другими группами учащейся молодежи, – возрастание роли самостоятельности в решении своих задач. Для студентов в большей степени характерна склонность к индивидуальным, творческим способам выполнения учебных заданий. Интенсивность их интеллектуального развития органически связана со способностью быть самоорганизующейся личностью. Моральное качество самостоятельности, приобретаемое в вузе, становится основой способности специалиста принимать важные решения, нести за них персональную ответственность, идти на риск ради достижения положительного результата, проявлять инициативу, поддерживать инновации.

Автономность самоопределения посредством разнообразных форм самоуправления через общественные организации (союз молодежи, профсоюзные, спортивные, художественной самодеятельности и др.) обуславливает относительную внутреннюю независимость от внешнего контроля при увеличении удельного веса самоконтроля и саморегуляции поведения. Образ жизни студентов определяется вузовской средой: сосредоточением в крупных учебных заведениях, в академических группах, специфическими формами и способами овладения теоретическими знаниями, поливариантностью возможностей индивидуального выбора в развитии своего духовного мира, интеллектуальных способностей, культурного кругозора, посещение дискотеки, кино, театра, участие в спортивных соревнованиях.

Это предполагает необходимость согласовывать личные интересы с интересами общностей, конформистское поведение с сохранением своего индивидуального своеобразия. Временность студенческого статуса влияет на динамизм и мобильность жизни, повышает взыскательность за свой профессиональный и человеческий рост. Студенческие годы – наиболее благоприятное время для морально-эстетического совершенствования, качественного

овладения знаниями, культурного развития, освоения навыков общественного поведения. Особая впечатлительность, острота восприятия событий, стремление к новому, юношеский максимализм – эти свойства молодежи в условиях вуза используются для углубления познавательного интереса, приобретение навыков профессиональной и общественно-политической деятельности, способности и нравственной готовности творчески применять знания на практике. Это подтверждает принятый студентами Гомельского госуниверситета им. Франциска Скорины «Кодекс чести». Он включает нормы и правила, регулирующие отношения к учебным обязанностям, определяющие формирование у студентов активной гражданской позиции, патриотического сознания, правовой культуры, сохранение и продолжение исторических и культурных традиций, создание благоприятного морально-психологического климата в коллективе, бережного отношения к имуществу университета, формирование устойчивого позитивного отношения к здоровому образу жизни.

«Кодекс чести» фиксирует реально сложившиеся нормы поведения и одновременно в закреплении моральных ценностей ориентирует на систематическое и целенаправленное вузовское воспитательное воздействие на студентов и их самовоспитание и самоконтроль. Акцент ставится на саморегуляции как сознательно направляемом процессе восприятия рекомендуемых установок поведения. Они определяют нравственные аспекты выполнения вузовских обязанностей, что раскрывается в социальных функциях этики студента: регулятивной, ценностно-ориентирующей, воспитательной.

Латинское слово «студент» означает усердно работающий, занимающийся, жаждущий знаний, что подчёркивает доминирующее значение учебной деятельности и связанных с ней обязанностей. Учёба – организующее звено интересов и потребностей, пристрастий и склонностей студента. Вместе с тем учебный труд по конечному результату имеет глубокий социальный смысл, ведь уровень образованности оказывает прямое влияние на развитие науки, создание инновационных технологий, повышение культуры общества.

Управленческое влияние этики студента на обучающе-образовательный процесс основывается на теоретико-познавательном (гносеологическом), практическом и ценностном аспектах. Каждый из них имеет воспитательное значение, поскольку формирует моральную позицию, заинтересованность в приобретении знаний, стремление достичь определенных положительных результатов. Кроме того, выявляет духовно-нравственный потенциал, волевые, психологические качества, предрасположенность к напряженной и сложной учебной работе. Духовно-нравственный потенциал студентов в течение вузовского периода обогащается, приобретает новые грани, является действенным фактором познания, повышения интеллекта, приобретения профессиональных навыков.

Отношение студентов к выполнению своего учебного долга имеет моральный смысл, обусловленный субъективной мотивацией. Структура мотивов и побуждений позволяет выяснить степень увлеченности учебой. Уже мотив выбора вуза и факультета определяет осознание нравственной ответственности как исходного требования морали студенчества за выполнение учебных функций. Выбор вуза по призванию и склонности, желанию получить данную специальность имеет своим следствием в большинстве случаев добросовестность, старательность и усердие в учебе. Как подтверждает практика, случайное решение вопроса о поступлении в вуз, советы родителей и знакомых, престижность высшего образования вообще часто приводят к низкому уровню ответственности студента. Несоответствие желаний и индивидуальных способностей учебным требованиям порождает нередко равнодушие и пассивность студентов, недисциплинированность, безалаберность, пропуски занятий. В результате – низкая успеваемость и трудности в усвоении знаний. Жизненное кредо студента-«середняка» – заниженные требования к себе и неуверенность в своих возможностях. Одна из причин такой неуверенности – слабая адаптация к вузовским условиям, что объясняется неодинаковым уровнем способностей студентов, соответственно и различной мерой труда, вкладываемого в подготовку к занятиям. Есть также отрицательные моменты в методической организации поэтапного и поэтапного, от курса к курсу, овладения знаниями, обучения навыкам их самостоятельного пополнения, а также недостатки в системе контроля успевае-

мости. Неумение правильно организовать и распределять время, несформированная культура умственного труда, у некоторых – заурядная лень, недостаток упорства и целеустремленности, как отмечают сами студенты в беседах с преподавателями, – весомые причины слабой успеваемости. Сами преподаватели, отмечая отрицательные качества обучаемых, выделяют, прежде всего, отсутствие у части студентов основательной теоретической подготовки, поверхностность знаний, низкий уровень общей культуры и культуры мышления, пренебрежительное отношение к учебным обязанностям, пассивность, неумение серьезно работать над собой, безответственность.

В современный период изменяются критерии конкурсного отбора в вуз наиболее подготовленной молодежи: вводится «мотивационный» балл, в проведении профориентационного собеседования учитываются индивидуально-психологические особенности абитуриентов, их склонности и творческие возможности.

В связи с этим повышается значение познавательной функции этики студента, которая включает наряду с овладением нормами учебного поведения и моральный прогноз вузовской социализации студента. Это установка на социально-нравственную перспективу закрепления в сознании моральных ценностей, обеспечивающих нравственную надежность личности: трудолюбие, профессиональную компетентность, основательность, последовательность в принятии решений, принципиальность, необходимые для профессиональной мобильности и достижения результативности в труде, для самовыражения в общественной деятельности, устойчивости в жизненных испытаниях.

Итак, отношение к учебному долгу зависит от культуры умственного труда и в значительной мере от нравственной настроенности студента: настойчивости, работоспособности, организованности, целеустремленности. Культурный ум – пытливый, любознательный, глубокий, умеющий выявлять суть вопроса, отделять главное от второстепенного, всесторонне анализировать проблему. Гибкость – неперемнное качество культуры ума человека – самобытного, самостоятельного, предполагающего оригинальные подходы к решению задач. Учеба – интеллектуальный труд, требующий подключения морально-психологических качеств: сосредоточенности, упорства, собранности, волевых усилий.

Ценностно-ориентирующая функция морали исходит из важнейшего требования: развивать и укреплять потребность в учебе, углубляя познавательные интересы и тем самым совершенствовать интеллектуальные способности. Бездумное отношение к знаниям, их механическое заучивание не развивает творческий разум, духовно не обогащает личность. Весомое значение имеет овладение методикой отбора научных знаний, их закрепления и использования, а также приемами и способами самообразования, т. е. пополнения своих знаний, интенсивно накапливающейся научной и технической информацией.

Этика студента определяет нравственную ценность как гуманитарных, так и естественнонаучных знаний, которая состоит в их гуманистической направленности, расширении кругозора студентов, активизации мышления, развитии творческих способностей и профессиональных умений. Ценностно-гуманистическая значимость вузовского образования раскрывается в воспроизводстве и передаче молодому поколению накопленных знаний и социального опыта, того общечеловеческого культурного достояния, без которого невозможно восхождение на новые уровни общественного и научно-технического прогресса. Познавательная активность студентов – основа развития способностей к инновационному творчеству, прогнозированию, исследовательской и конструкторской инициативе, изобретательским навыкам, т. е. конкурентоспособности специалиста.

Значительную роль в познавательной активности также играет моральная мотивация, побуждающая и организовывающая учебный труд студентов. Благодаря моральной мотивации – сознательности, готовности к ответственному отношению к учебе, самодисциплине – обеспечивается единство обучения и самовоспитания, переход от потребности к склонности к учебе. В результате образование приобретает личностный смысл, становится внутренней доминантой поведения. Укрепление моральных ориентаций студентов зависит также от условий организации учебного процесса, общей моральной атмосферы вуза. Это предполагает

взаимосвязь форм индивидуальной, коллективной и групповой работы, что создает предпосылки для управления мотивацией и реализации таких моральных норм, как взаимопомощь и поддержка, коллективная ответственность за успехи каждого студента, соревновательность в качественном усвоении программ учебных курсов.

Система взаимопомощи в вузе включает такие апробированные формы, как проведение лучшими студентами консультаций, шефство старшекурсников над студентами младших курсов, передача отличниками своего учебного опыта. В ценностно-ориентирующей функции этики студента подчёркивается нравственный результат обучения, а именно – отдача от получаемых знаний, их творческое применение в практике общественной жизни.

Следует отметить особое воспитательно-развивающее влияние преподавателей на отношение студентов к учебе. Статус преподавателя вуза обязывает быть носителем высоких моральных принципов, их проводником в среде студенчества, организатором делового и заинтересованного отношения к учебному долгу. Нравственная позиция преподавателя, его требовательность и принципиальность оказывают действенное влияние и способствуют закреплению моральных норм в поведении молодежи. Преподаватель должен уяснить педагогическую задачу: доступно излагать учебный материал, использовать современные методические приемы, обеспечивающие полноту и основательность восприятия и усвоения знаний.

Профессионально-педагогическая и общая культура преподавателя, как подтверждает практика учебного процесса, включает качества: высокий уровень профессиональной подготовки, доскональное знание своего предмета, эрудиция, диалектический стиль мышления и способность к восприятию нового, отсутствие догматизма. Культура мышления и речи, лекторское мастерство, чёткость в изложении материала, творческое проблемное преподавание предмета, научная устремленность – существенные факторы воспитательного воздействия преподавателя на аудиторию. Профессионально-деловые качества педагога имеют значительный положительный заряд, так как укрепляют такие нормы морального кодекса студенчества, как дисциплинированность, исполнительность, самокритичность, взыскательность, добросовестность.

Как полагают сами преподаватели, необходимы доверительные отношения в общении со студентами, доброжелательность, тактичность, уважение, отсутствие высокомерия, неискренности в отношениях.

Моральное обоснование профессиональной подготовки специалиста исходит из учёта мнений студентов относительно целей получения образования. Как показывает опрос, многие считают: учеба в вузе позволяет «как можно больше узнать необходимых сведений для будущей профессии и стать хорошим специалистом»; «чтобы больше знать и уметь, чтобы от нашего труда была польза для общества»; «получить хорошую профессию, чтобы было интересно жить и работать». Характерны также размышления о понятии «честь студента», которое оценивается как моральный стимул профессионального формирования и выражает стремление оправдать репутацию своей профессии: «Честь студента, прежде всего, любовь к профессии, которую избрал и к которой себя готовишь»; «честь студента – стать хорошим специалистом, мастером своего дела, для чего нужны глубокие профессиональные знания».

В аспекте профессионального становления необходимый императив этики студента – выработать исполнительскую культуру как залог качественной работы специалиста: научиться точности и тщательности в учебном труде. Следует исходить из необходимости развития способностей, индивидуального своеобразия каждого студента. «Восхождение» к своей профессии предполагает личные усилия обучаемого, направленные на расширение общего кругозора, представлений о достижениях в сфере своего познания, об общественном значении избранной специальности.

Воспитательная функция этики студента проявляется в том, что она помогает осознать через социальную значимость труда связь личности с обществом, заботу об общественном благе, акцентироваться на собственном совершенствовании. Необходимо учитывать соотношение сознательных и стихийных моментов в профессиональной подготовке студента. Если на младших курсах обучение имеет самостоятельное значение и не связывается прямым

образом с избранной специальностью, то на старших курсах складывается модель поведения, непосредственно ориентирующая на предстоящую профессиональную деятельность. Специальные знания, способности и подготовленность к профессии в этот период становятся действенными, реализуемыми в процессе практики или уже самостоятельной работы.

Осваивая азы своей профессии, студент призван культивировать любовь к ней и чувство гордости за нее, что позволяет изучить её возможности и привлекательность. Степень информированности о выбранной профессии достигается, главным образом, чтением для первокурсников «Введения в специальность», использованием документальных фильмов, слайдов, экскурсий на предприятия, встречами со специалистами, отличающимися высоким уровнем профессионального долга. Укреплению чувства привязанности к своему вузу и факультету способствуют сложившиеся традиции: посвящение в студенты, дни факультета, знакомство с историей факультета и учеными-преподавателями, встречи с выпускниками университета.

Представить свою жизненную перспективу через профессиональное самоопределение, сформировать представление о предстоящей профессии под углом зрения ее общественной значимости и личного самоутверждения – таково назначение этики студента. Как показывает практика вузовской жизнедеятельности, мировоззренческий уровень отношения к профессии, оценка ее привлекательности и социальной престижности не всегда совпадает с реальным поведением студента: нередко возникает противоречие между должным и сущим, а знание общественной важности профессии не всегда становится побудительным мотивом усердия и старательности в овладении ею.

Этика студента призвана устранить существующий в сознании значительной части обучаемых разрыв между гуманистической и профессионально-экономической, инженерной, педагогической и другими функциями образования. В данном случае отношение к образованию как самостоятельной ценности, интеллектуально развивающей личность, прямо не связывается с профессиональной подготовкой. Разрешение этого противоречия предполагает ориентацию на развитие потребности и способности к общественно полезному труду. Внимание акцентируется на переориентацию представлений студентов об образовании в русло профессионального становления и перехода от чисто познавательного интереса к предстоящему труду в практически заинтересованное. Необходимая предпосылка такой переориентации – призывание к избранному виду труда, возможность творческого самовыражения и воплощения меры таланта.

В вузе используются различные формы стимулирования познавательного интереса к приобретаемой профессии: спецкурсы, спецсеминары, лабораторные и научно-исследовательские работы, курсовые проекты, конструкторско-технологические разработки, конкурсы, деловые игры и др. Активные формы обучения развивают профессиональные способности, помогают раскрыть индивидуальные возможности студента. Таким образом апробируются профессиональные и деловые качества, происходит поиск путей и способов решения практических задач, наращивание новых знаний. Только накопив в вузе положительный современный опыт самостоятельных решений и выбора целесообразных действий, будущий специалист приобретает опыт и свойства сметливости, инициативы, предприимчивости, самоорганизованности, творческого подхода к делу. Необходимо, чтобы требования к профессиональной подготовке приближались к реальным условиям производственного или педагогического процесса. В вузе, наряду с овладением основной специальностью, нужно усвоить научные основы управления, менеджмента, компьютерные технологии, что соответствует современному уровню профессионала и определяет его востребованность.

Этика студента тесно связана с профессиональной этикой – инженера, педагога, ученого, поскольку является мировоззренческой основой общественных и личных установок поведения в любом виде деятельности. Нравственная позиция будущего специалиста, готовность и способность выполнять служебные обязанности имеют начало в вузе. Они определяются фундаментальной подготовкой, основательностью специального образования, уровнем профессионального мышления, т. е. способностью к «математическому», «физическо-

му», «экономическому», «филологическому» и т. д. мышлению. Это основа высокой квалификации, мобильности, склонности к инновационной деятельности, способности использовать нетрадиционные пути решения профессиональных проблем. В нынешний период назрела необходимость интеграции образования, производства и науки, что повышает требовательность к целевой интенсивной подготовке специалистов на основе индивидуализации обучения, т. е. учета творческих ресурсов студентов.

Завершающий этап профессионального становления отличается большей конкретизацией представлений пятикурсников о своей работе. Складывается определенная модель деятельности, которая соизмеряется с индивидуально-типологическими особенностями. Такому соизмерению способствует преддипломная практика выпускников. Моральное регулирование профессионального формирования специалиста в вузе раскрывается в обосновании ценностных критериев, соответствующих ступеням «восхождения» к своей профессии: сложившиеся взгляды и идеалы относительно своего предстоящего труда, уяснение возможностей, личных желаний, склонностей и способностей в русле их адекватности избранной специальности, развитие профессионального интереса и потребности в познавательной активности, достижение профессиональной определенности, подкрепляемой проверкой на практике своего соответствия требованиям профессии.

Обогащение жизненного опыта студенческой молодежи, раскрытие нравственных особенностей происходит под влиянием общественной деятельности. Социальная активность в вузе – предпосылка человеческого роста и основание гражданской позиции молодого специалиста, его практического участия в общественных акциях. В Гомельском госуниверситете им. Ф. Скорины диапазон причастности к такой работе весьма широкий. Реализуются проекты БРСМ по трудовому устройству с учетом интересов студентов: строительные, экологические, педагогические отряды. Это проверенная школа трудовой закалки, умения преодолевать трудности, овладевать рабочим мастерством. Духовно-нравственной самоотдачей отличается волонтерское движение, призванное совершенствовать личностные качества альтруизма: милосердие, сострадание, поддержка и помощь ветеранам войны, детям-инвалидам, пожилым людям. Приобретаемые уроки нравственности в вузовский период укрепляют человеческие созидательные свойства студентов, убеждают в своей востребованности и полезности. Укрепляются и коллективистские навыки поведения, способность быть коллективными организаторами и исполнителями общественных поручений. Социальная активность воздействует на развитие коммуникативных и организаторских способностей, этику взаимоотношений в группе, что необходимо специалисту для овладения искусством управления, умением работать с коллегами, находить взаимопонимание, создавать положительный морально-психологический климат в коллективе.

Участие в органах студенческого самоуправления, в работе выборных общественных организаций имеют нравственный смысл, поскольку происходит самореализация студента, проявление духовных и физических сил, добровольное, по своей инициативе, воплощение творческих идей, избирательность в выполнении поручений. Особую роль здесь играет самодетельность, субъективная предрасположенность и увлеченность студентов. Прослеживается взаимосвязь между уровнем учебной и общественной активности. Хорошо успевающие студенты в большинстве активны и в общественных делах. Активность студента – широкое по своему содержанию понятие, выражающее его организованность, работоспособность, целеустремленность, разнообразие интересов и потребностей.

Вузовская среда откладывает отпечаток на структуре потребностей молодежи. При этом потребности следует рассматривать не столько в «потребительском», как в созидательном смысле, направленном на развитие индивида. Духовная целостность личности студента раскрывается в гармонии ее эмоциональной и рациональной сторон. Главная задача вуза – опережающее развитие способностей студента – интеллектуальных, профессиональных, научных, коммуникативных как доминирующего фактора совершенствования взаимосвязанных с ними потребностей. Например, профессиональные способности определяют потребность в творчестве, созидании и новаторском поиске. В данном случае студент стремится не

к формальной квалификации – просто получить диплом о высшем образовании, а к достижению в процессе упорного учебного труда необходимого профессионализма.

Развитие профессиональных способностей стимулирует потребность в творчестве и самостоятельном научном поиске. Склонности к общественно полезным делам побуждают потребность участвовать в изменении условий жизни, устранению недостатков, сочетать личные интересы с интересами различных общностей. Нравственное и эстетическое совершенствование студента, стремление к моральному творчеству, способность руководствоваться общечеловеческими ценностями, эстетически воспринимать действительность отражаются в потребности быть гармоничным человеком, воспринимать окружающий мир в целостности, множестве отношений со средой, другими индивидами.

Потребность в нравственном идеале, счастье, осмысленной жизни, творческом труде, в любви, дружбе, как показывает опрос, свидетельствует о внутренне напряженной духовной жизни вузовской молодежи, об установках на освоение реальных жизненных отношений, овладение инструментарием общественного поведения. В структуре духовных потребностей нравственные потребности – организующее начало образа жизни студента. Они побуждают к добру, справедливости, совестливости. В этом русле показательны мнения студентов: «Счастье – делать добро людям, быть им необходимым»; «Я счастлива, если приношу радости другим, если упорным трудом достигаю того, к чему стремлюсь», «Смысл моей жизни в том, чтобы стать как можно лучшим специалистом», «Наиболее осмысленная жизнь, наполненная творческим трудом», «Жизнь имеет смысл, если после тебя что-то осталось на Земле. Пусть это будет великое открытие, хорошая книга, дерево, посаженное твоими руками, рожденный и воспитанный ребенок».

Характерно, что труд рассматривается студенчеством как главный способ самовыражения человека. В этом проявляется воспроизводство на уровне индивидуального сознания подлинных ценностных ориентаций, обеспечивающих самодостаточность личности. Развитые нравственные потребности позволяют студенту убедиться в правильности своей жизненной позиции, взглядов и убеждений и одновременно получить моральное удовлетворение от выполнения вузовских обязанностей. Опираясь на нравственные потребности, этика студента обосновывает понятия «образованность, воспитанность, интеллигентность». Образованность – степень информированности в определенной отрасли знаний как основе профессиональной осведомленности. Воспитанность – уровень освоения принятых в обществе норм и правил поведения и их превращение во внутренние установки практических поступков. Интеллигентность в идеальном варианте – единство образованности и воспитанности. Ее специфические качества: культурный кругозор, сопричастность проблемам современности, доброта, человечность.

Комплексное развитие способностей и взаимосвязанных с ними потребностей студента находится у истоков воспитания всесторонней социальной культуры – труда и поведения, быта и досуга. Профессиональная подготовка специалиста сочетается с его общим социальным развитием. Этика студента исходит из учета объективных и субъективных факторов в динамике соотношения личных и общественных потребностей, преодоления противоречий между ними, подчёркивая социальную значимость всех видов вузовской жизнедеятельности. Благодаря этому, подтверждается профессиональное достоинство будущего специалиста, повышается его социальный престиж и уважение к нему окружающих.

Уже в студенческие годы важно научиться дорожить своей профессией и самоотверженно служить ей, не допускать равнодушия, скептицизма и расчетливого рационализма относительно получаемой от нее выгоды. Материальное вознаграждение за труд – безусловно, необходимое подспорье моральной заинтересованности в нем, но оно зависит от возрастания уровня общественного благосостояния, создаваемого благодаря профессиональной зрелости и мобильности специалистов. Высокий профессионализм со своей стороны способствует продвижению в служебной карьере, что отражается и в материальном стимулировании.

Таким образом, благодаря этике студента формируется моральная мотивация, практические нравственные ориентации поведения во всех областях вузовской жизнедеятельности,

проявляются и воплощаются духовные, творческие резервы его личности, целеустремленное движение от слова к поступку. Этика студента – действенный инструмент вовлечения в орбиту учебно-воспитательного процесса, самовоспитания, самоуправления и самоорганизации вузовской молодежи.

Резюме. В статье исследуется специфика морали студенчества, ценностные аспекты отношения студентов к основным сферам вузовской жизнедеятельности.

Abstract. The specificity of students' moral principles, valuable aspects of their attitudes to the basic spheres of high school ability to live are investigated in the article.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10

Онтологические основы праксиологии с позиций информационно-кибернетического подхода

В. С. Новожилов

Мировоззренческая культура каждой эпохи ищет опору и обоснование в самых актуальных для своего времени научных и философских идеях, определяемых самой логикой жизни, – все обновляющимся опытом познания и преобразования действительности.

Современная научно-техническая революция и особенно революция в области средств и способов организации материальной и духовной деятельности ставит перед мировоззренческой культурой нашего времени задачу переосмысления общей направленности и структуры философского знания.

При всей многоаспектности этой задачи неизменным остается праксиологический угол видения философской проблематики. Точка зрения практики методологически превращается для философии в интегративное средство анализа, позволяющее диалектически совместить в единой картине мира материальные и духовные аспекты бытия, органически связать онтологию и гносеологию с философской антропологией и культурологией.

Данное соображение, на наш взгляд, следует брать в расчет при совершенствовании программ философского образования на всех его уровнях и направлениях – от базисного до прикладных. При этом, главная методическая цель состоит не во внешнем, терминологическом обновлении философской лексики в духе праксиологии, а во внутреннем, а именно концептуальном переосмыслении традиционных тем философского обучения.

Дело усложняется недостаточной разработкой праксиологической тематики в нашей философской литературе. Для отечественной философии, родословная которой имеет глубокие марксистские корни, это обстоятельство тем более удивительно, что в аутентичном диалектическом и историческом материализме деятельностный праксиологический подход к пониманию человеческой активности и даже организации всего мирового порядка являлся самым главным, можно сказать, – исходным пунктом и нормой для всякого объяснения.

Методологическая значимость категории практики в кардинальном материалистическом переосмыслении К. Марксом гегелевского философского наследия выражена в хорошо известной его фразе из «Тезисов о Фейербахе» о том, что в истории философии «...Деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно...» [1, с. 264]. Задача, следовательно, состояла в том, чтобы дать адекватную, т. е. диалектико-материалистическую трактовку категории практики, проводя праксиологический принцип через все содержание философии и социологии.

Однако исторически сложилось так, что в марксистской литературе прошлого века праксиологические вопросы рассматривались односторонне, преимущественно в гносеологическом и социокультурном аспектах. Онтологическое обоснование праксиологии чаще всего сводилось к декларативным рассуждениям о субстанциальном характере человеческой деятельности, поскольку она совершается в основном по законам природы. Почти неразработанной в мировоззренческом и методологическом плане осталась мысль Маркса из его ранних произведений о том, что в человеческой деятельности природа как бы возвращается к самой себе. В последствии В. И. Ленин в своих «Философских тетрадах» эту мысль выразил так: «Две формы объективного процесса: природа и целеполагающая деятельность человека» [2, с. 179].

Настороженное отношение к попыткам онтологизации категории практики можно объяснить утвердившимся в сознании многих материалистов убеждением, что такие попытки неизбежно чреваты рецидивами вульгарного или умозрительного телеологизма.

Эти опасения, безусловно, имеют некоторые исторические основания.

С древних времен антропосоциоморфное уподобление естественного мира природы искусственному миру человека и его созидательной деятельности приводило к мировоззренческим уступкам религиозному мистицизму. Интуитивно ощущаемая самоактивность природы в этом случае чаще всего представлялась как свободная игра высших духовных сил, сообразно таинственным и неведомым целям и смыслам.

Первую попытку рационального натуралистического понимания практики мы находим в «Метафизике» Аристотеля, который понятие «действия и претерпевания» относит к разряду онтологических, оставляя однако в своих рассуждениях место традиционным убеждениям о духовных целедвижущих причинах бытия [3, с. 75].

Д. Бруно, придавая таким представлениям более материалистическую окраску, говорит о внешнем мире как «субстанциальной действительности, в которой заключена активная потенция всего» и определяет материю как первичный субъект всех изменений, заключающий в себе неизбыточное стремление и «возможность делать» [4, с. 226].

Этот, пантеистический по своей сути вариант онтологии получил всестороннюю разработку в философии Спинозы. Мыслитель был убежден, что «природа всегда и везде остается одной и той же: ее сила и могущество действия всегда одни и те же» [5, с. 357]. Спиноза даже аффекты (страсти человеческой души) ставил в прямую зависимость от природной способности человеческого тела к действию, т. е. решал психофизическую проблему в духе активистской материалистической онтологии.

В превращенной, спиритуалистической форме идея самоактивности бытия получила новое воплощение в рамках немецкой классической философии, в которой еще со времен «Монадологии» Лейбница с разных сторон прорабатывается концепция глобального Праксиса. Эта концепция наиболее убедительно развернута Гегелем в его «Науке логики», где процесс саморазвития вселенского духа вплоть до состояния человеческой активности интерпретирован с единых методологических позиций. Человеческая практика у него как субъективная деятельность имеет характер некоторого «в себе сущего инобытия», как выражение стремления внешнего мира реализовать себя в другой форме [6, с. 194]. Онтос, гносис и праксис слиты Гегеля в одну систему общемировой жизнедеятельности высшего духа и эта система подчинена всеобщим диалектическим законам функционирования и развития.

Единство объективной диалектики природы и субъективной диалектики сознания превратилось в марксистской философии в основополагающий принцип, но уже на материалистической основе. Однако при интерпретации этого принципа традиционно делается акцент на первом элементе этого единства. С материалистических монистических позиций такая акцентация оправдана, если не доводить ее смысл до крайнего противопоставления материи и духа. Известно классическое положение, что оппозиция материального и духовного ограничена лишь рамками основного гносеологического, т. е. субъект-объектного отношения.

В онтологическом плане понятия материи и духа диалектически подвижны и сочетаются в высшем синтезе логического восхождения от абстрактного их разделения к конкретному соединению.

Оставаясь в рамках диалектико-материалистических убеждений, характер взаимодействия сфер бытия вполне допустимо трактовать как своеобразную «субъективацию» природной картины мира, если понятие субъекта брать в широком смысле и трактовать его как область всякой самоактивности, что, кстати, восходит к самым первым определениям субстанции.

С другой стороны, последовательный материализм требует «объективации» целеполагающей субъективной деятельности, присущей человеку. Любое событие человеческой жизни как событие практическое при всей его субъективной уникальности не может быть абсолютно свободным, оно занимает, согласно такому материализму, закономерное место в объективной мировой линии событий и, следовательно, должно получить глубокое детермини-

стское истолкование. Только этот подход может привести к реализации главного мировоззренческого кредо – системного представления человека как части природы и природы как части человека.

Праксиология, ориентированная на указанные диалектико-материалистические представления, подкрепленные также новейшими научными аргументациями, способна усилить свою доказательную базу и убеждающее воздействие в ее мировоззренческом противостоянии позитивизму, экзистенциализму и прагматизму, которые в области прaksiологической проблематики остаются влиятельными вплоть до последнего времени.

В центре внимания этих западных философских школ лежит понятие опыта, очень близкое по смыслу понятию практики.

Опираясь на это понятие, позитивистская программа реформирования прежней метафизики добилась своей популярности за счет сугубого эмпиризма и физикализма. Балансируя на тонкой грани объективизма и субъективизма, философия позитивизма очень скоро пришла к феноменологической бессмыслице «принципиальной координации «Я» и «НЕ-Я»», глубокомысленным натяжкам в учении о «нейтральных элементах мира», известным логико-лингвистическим абсолютизациям – все в целях обоснования третьей линии в философии якобы свободной от односторонности материализма и идеализма, которая, однако, на проверку оказалась слегка замаскированной в терминах эмпириомонизма очередной, хотя и обновленной версией юмизма.

По своему интересны и симптоматичны для нашей культуры, но также малоубедительны все в той же субъективной настроенности претензии экзистенциализма и примыкающих к нему психологизаторских теорий на создание подлинной философии жизни. Экзистенциалистское понятие «бытия в мире» означает совокупность тривиальных интуитивных переживаний индивида в его стремлении к свободе, и, следовательно, проблема экстрариоризации сущностных сил человека через его деятельность не выводится далее чем за рамки анализа самосознания.

Западный, в основном американский, прагматизм, несмотря на то, что в самом его названии содержится понятие практики, соответствующую проблематику трактует весьма узко, с утилитарно-натуралистических позиций. Эта философия практики сведена к примитивной житейской аксиологии, ориентированной на критерии очевидной полезности.

В последнее время прaksiология, будучи приверженной принципам всеобщности и необходимости всякого теоретического объяснения, отправляясь от философской традиции, вместе с тем обновляет свое содержание, ориентируясь на системный, точнее системно-кибернетический подход. В рамках этого подхода практика может быть представлена в онто-функциональном, информационном аспектах.

Практическая способность в терминах традиционной онтологии означает, как мы говорили, область всякой самоактивности в мире, а значит, самоактивность материи. В объективном мире просто существуют формы связи между элементами и системами – по сути разные способы вещественно-энергетического обмена. Все материальные тела, условно говоря, ищут вовне «свое иное», притягивают другие тела и проникают в структуры других систем. С точки зрения концепции глобальной активности бытия, характерно понимание связи как нарушение границ систем, как взаимопревращение и диффузия материальных потоков. Жизнь природы с этих позиций может быть названа естественным обменным потоком и, следовательно, критерием позитивной качественности системы необходимо считать тот набор функциональных свойств, которые обеспечивают эти потоки.

Вещественно-энергетические потоки материального мира с точки зрения современной кибернетики и теории информации могут быть интерпретированы по-новому. Естественное функционирование объекта в контуре прямых и обратных связей необходимо представлять как процесс, имеющий неизменное информационное сопровождение.

Чтобы разобраться в современном понимании тонкой диалектики вещественно-энергетических и информационных потоков взаимодействия систем, отметим, что философское определение категории информации может исходить из разного понимания онтологического статуса информации. С точки зрения так называемой атрибутивной концепции, катего-

рия информации ничем не отличается от категорий пространства, времени, массы, т. е. обозначает фундаментальные свойства движущейся материи. Так же как и категория отражения, она поэтому применима не только к человеческому познанию, но и ко всем возможным способам взаимодействия в мире на разных структурных уровнях его организации.

Так называемые функциональные концепции базируются на определении информации только как отраженного разнообразия строения системы, как особого свойства, проявляющего себя исключительно в динамике меняющихся состояний воздействующей и испытывающей воздействие самоорганизующихся систем, т. е. систем самого высокого уровня организации.

Спор между этими концепциями ведется уже очень давно. Компромисс между ними на сегодняшний момент найден посредством введения понятий потенциальной (или связанной) и актуальной, реализованной информации.

Связанная информация заключена в статичной структуре или морфологии системы, ее элементном составе, способах внутренних связей. Ее поэтому еще называют абсолютной или структурной. Такая информация – свойство всех материальных объектов, она существует столько же, сколько существуют реальные системы, никогда не возникала и не исчезала.

Актуализация этой информации происходит в процессе функциональной активности системы и ее возникновение – ни что иное, как конкретизация всеобщей закономерности превращения возможности в действительность. Отсюда название этого вида информации – актуальная или оперативная.

Понятно, что разорвать эти два вида информационного состояния систем можно лишь в абстракции, так же как абстрактным оказывается противопоставление аспектов строения и развития, синхронии и диахронии в существовании бытия.

Действительное единство потенциальной и актуальной информации наиболее отчетливо проявляет себя по мере усложнения материальных систем, когда информационно-функциональное реагирование во взаимодействиях приобретает сигнально-знаковый, собственно управленческий характер с подлинным целеполаганием на основе опережающего отражения и сознательного построения моделей потребного будущего.

Однако требует обоснования вопрос об источнике этого единства. Нам представляется, что в целях такого обоснования допустим квазиуправленческий стиль рассуждений относительно вышепроанализированных природных взаимодействий. Чтобы избежать при этом крайностей умозрительного органицизма, в современной науке сближают понятия теории информации с понятиями физических областей знания, в первую очередь, термодинамики.

Н. Винер в своих самых ранних работах по теоретической кибернетике подчеркивал формальное тождество количества информации количеству термодинамической негэнтропии, в более общем смысле говорил также о связи величины информации и вероятности всякого события. Большинство современных теоретиков и философов системно-кибернетической ориентации продолжают эти выводы и утверждают, что потери информации весьма сходны с процессами, ведущими к увеличению энтропии и нарастанию неопределенности в поведении материальных систем.

С ростом уровня сложности систем информационно-адаптивные связи обеспечивают сохранение качественных границ в пределах организационной меры жизнедеятельности системы, закономерного перехода ее в процессе развития к другой мере.

Не правда ли, эти, казалось бы, метафизические рассуждения с целью объяснения мира из него самого – прямая конкретизация в свете информационной парадигмы фундаментального принципа самодвижения материи, ее неизбыточной «практической» интенции, т. е. абсолютного стремления ко все новым качественным становлениям.

Рождение жизни в процессе физико-химической эволюции материи фактически оказывается высшим практическим достижением природы. Вещественное и структурное разнообразие косной материи, то, что можно назвать количественно-информационной предпосылкой жизни, переходит в новое качество – адаптивную способность высокого уровня.

М. Эйген называет это новое качество прасемантической биологической информации.

ей, которая обнаруживает себя уже при репродукции живой клетки. Она организует систему генетического кода и развёртывание всей фенотипической программы, обеспечивает метаболизм, т. е. постоянное извлечение из среды свободной энергии для самообновления организма и замедление его падения к деградации и смерти. Вот как, например, описывает ученый процесс воспроизведения жизни в информационно-праксиологических терминах: «Все молекулы и специфические упорядоченные молекулярные структуры, возникшие благодаря межмолекулярным взаимодействиям, имеют ограниченное время жизни из-за теплового движения. Чтобы не потерять накопленную в них информацию, они должны успевать до своего распада построить хотя бы одну идентичную копию, содержащую план строения и функционирования исходной структуры» [7, с. 11].

Информационная актуализация новых адаптивных возможностей в ходе эволюции биосферы и ее переход в стадию ноосферы происходила путем обретения и усовершенствования организмами способности распознавания образов, движения их по многомерным каналам познания, то, что принято называть процессами восприятия, переработки, передачи и использования информации.

Организмическая тенденция современных мировоззренческих поисков очевидна у ученых многих естественнонаучных специальностей – не только биологов и биофизиков, что вполне объяснимо, но и физиков-теоретиков, вдохновленных результатами и выводами своей собственной науки. Например, эта тенденция обнаруживается у Н. Бора, который считал свой принцип дополнительности универсальным для всего познания, а не только для физики как таковой, и предполагал, что вероятностный, свободно-творческий стиль мышления в объяснении деятельности любых систем позволит сблизить со временем физиологию и психологию с физикой и химией. Руководствуясь теми же самыми соображениями, физиолог Ч. Шеррингтон допускал существование глубинного единства «свободы воли» электрона и свободы человеческой познавательной и практической деятельности. Э. Шредингер точно также, в своем определении жизни с точки зрения физики пишет: «Каждый сознательный разум, когда-либо говоривший или чувствовавший «Я», – представляет собой не что иное, как субъект, могущий управлять движением атомов согласно законам природы» [8, с. 304].

В современной теоретической биологии укореняется убеждение, что прогрессирующее развитие организационных форм жизни шло по пути диалектико-противоречивого сочетания жестко детерминированных и стохастических процессов. Это развитие детерминировано стадиями химической предэволюции. Закономерности такой детерминации глубоко исследованы современной синергетикой – общей теорией неравновесных процессов природы.

С одной стороны, эволюция жизни начинается со случайных событий, а с другой, само повышение уровня организации живых систем, с самого низшего молекулярного и вплоть до ноосферного, требует инструктивных детерминаций развития, а значит, жизнь изначально и всецело селективна и проективна. Селективная ценность информации, содержащейся в макромолекулах живого вещества, совершенствуется в результате естественного отбора, а затем с появлением разума – путём сознательного принятия решений в ходе целеполагания и целедостижения.

Современная биофизика в этих вопросах интегрируется с диалектико-материалистической философией, все более склоняющейся к концепции онтологической однородности мира. Физика плюс теория информации с параметром ценности – таков фундамент самого передового мировоззрения, которое отказывается от прежних редуccionистских (механистических и энергетических) ориентаций, в пользу организмических обобщений, что в современной литературе носит название информационно-кибернетического перспективизма, объясняющего саморазвитие материи как объективный процесс, направленный к повышению уровня организации.

В заключение, возвращаясь к методическим задачам совершенствования философского образования, обозначенным в начале настоящей статьи, укажем на необходимость уточнения некоторых традиционных тем вузовской программы по философии, а именно, в той части учебных вопросов, которые имеют отношение к онтологии. Считаем необходимым,

например, ввести в известную классификацию видов практики новый – онтологический уровень преобразующей активности в соответствии с информационной картиной мира.

Резюме. В статье представлен вариант экспликации онтологических аспектов философского учения о практике в соответствии с концептуальными положениями и методологическими принципами кибернетики и теории информации в общем контексте организмической парадигмы современного научного знания.

Abstract. The variant of an ontological aspect explication of philosophical doctrine about practice according to cybernetics and information theory conceptual positions and methodological principles in the general context of modern scientific knowledge organismic paradigm is presented in the article.

Литература

- 1 Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – Т. 42.
- 2 Ленин, В. И. Философские тетради / В. И. Ленин. – Полн. собр. соч. – Т. 29.
- 3 Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. – М., 1975. – Т. 1.
- 4 Бруно, Д. Диалоги / Д. Бруно. – М., 1949.
- 5 Цит. по: Антология мировой философии: в 4 т. – М., 1970. – Т. 2.
- 6 Цит. по: Ленин, В. И. Философские тетради / В. И. Ленин. – Полн. собр. соч. – Т. 29.
- 7 Эйген, М. Игра жизни / М. Эйген, Р. Винклер. – М., 1979.
- 8 Цит. по: Бирюков, Б. В. Кибернетика и методология науки / Б. В. Бирюков. – М., 1974.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10

Вера и знание в религии и науке

В. А. ОДИНОЧЕНКО

Вначале сделаем несколько методологических замечаний. Прежде всего, мы хотели бы четко обозначить границы темы нашего анализа. Именно это даст возможность рассуждать предметно и выявить специфику взаимоотношения веры и знания в религии и науке. Поскольку вопрос этот крайне сложен и имеет долгую традицию обсуждения в философской мысли, наши утверждения не имеют окончательного характера и предполагают, что возможны и иные точки зрения. Актуальным мы считаем само обсуждение обозначенной проблемы.

Мы хотели бы отделить вопрос о соотношении веры и знания от вопроса соотношения религии и науки. Хотя обычно эти вопросы отождествляются. Считается, что вера, как совокупность эмпирически не подтвержденных положений является неотъемлемым компонентом и основой религии, определяющим ее базовые характеристики, а наука дает объективное, т.е. соответствующее действительности и опытно обоснованное знание. Исходя из этого, как правило, строится противопоставление науки и религии. В настоящее время рассуждения обычно идут в русле закона трех стадий развития культуры, сформулированном еще в XIX веке одним из основоположников позитивизма, французским философом О. Контом (1798–1857). Он писал: «Этот закон состоит в том, что каждая из наших главных идей, каждая из отраслей нашего знания проходит последовательно три различных теоретических состояния: состояние теологическое, или фиктивное; состояние метафизическое, или абстрактное; состояние научное, или положительное» [2, с. 4]. На стадии науки человеческий дух, отказавшись от абстрактного объяснения мира на основе теологических или метафизических принципов, «стремится, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений, т.е. их неизменных отношений последовательности и подобия» [2, с. 4]. Сам Конт строил свой закон трех стадий как гипотетическую схему развития человеческого знания. Но впоследствии эти стадии стали рассматриваться как описание реального процесса развития. Базовой характеристикой религии считалось то, что она является пережитком, и будет отмирать по мере развития науки. Примерно такая же позиция, но уже с социологической точки зрения выражена в марксизме. Религия здесь определяется как “фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни” [11, с. 328]. Религия рассматривалась в марксизме прежде всего как средство эксплуатации – она дает людям иллюзорное утешение в их бедах, тем самым отвлекая от борьбы за реальное улучшение своей жизни. Однако в трудах Маркса отрицалась необходимость специальной борьбы с религией. Считалось, что она отомрет сама по мере реального решения социальных проблем и исчезновения необходимости в иллюзорном утешении. Наука в марксизме всегда рассматривалась как непримиримый противник религии.

Не будем указывать на необоснованность подобных рассуждений. Очевидно, что концепции XIX века, которые утверждали неизбежность исчезновения религии, не подтвердились. Несмотря на интенсивное развитие научных знаний в XX веке, большинство населения мира, в том числе и высокоразвитых стран, в настоящее время составляют верующие. Также и в нашей стране на протяжении последних двадцати лет влияние религии увеличивается, и очевидно, что в ближайшее время данная тенденция будет сохраняться.

Однако мы не считаем широкое распространение религии аргументом в пользу ее превосходства над наукой. Очень часто экологический кризис, распространение в безнравственности и прагматизма в обществе, техницизм европейской культуры связывают со спецификой науки, которая, якобы, делает упор на достижении и применении результатов своих

исследований вне зависимости от моральных последствий. Безусловно, наука – это проявление извечного стремления человека к знанию. Однако она не может быть самодостаточной. Наука является частью культурной системы и должна взаимодействовать с другими ее частями, такими как, например, мораль, политика, но также и религия. Попытки клерикализации, то есть стремление обеспечить первенствующую роль церкви и религии в политической и культурной жизни, порождают конфликт, проявлением которого в России стало открытое письмо 10-ти академиков РАН Президенту В. Путину [4]. У нас проявлением этого конфликта статья тогдашнего заместителя Администрации президента академика Рубинова [6].

Проблема, на наш взгляд, состоит в том, что взаимоотношения науки и религии имеют гораздо более сложный характер, который должен быть обозначен. Прежде всего, мы исходим из того очевидного положения, что знание и вера присутствуют как в науке, так и в религии. Вопрос в том, каков характер знания и веры в науке и в религии и как они соотносятся между собой в каждой из этих сфер.

Мы начнем с определений. Знание – это форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека, имеющей притязание на объективную истину (в отличие, например, от мышления или мысли, которые могут быть заведомо фантастичны). Выделяют различные виды знания: обыденное («здравый смысл»), личностное, неявное и др. Считается, что наиболее концентрированно выражение специфика знания дает наука.

Наука – это сфера человеческой деятельности, функция которой – выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности; одна из форм общественного сознания; включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат – сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира; обозначение отдельных отраслей научного знания. Непосредственными целями науки является описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, составляющих предмет ее изучения, на основе открываемых ею законов.

Подчеркнем, что наука – это именно один из видов человеческой деятельности, и, таким образом, она имеет активный характер. Данные опыта – не результат пассивного наблюдения, но ответы на задаваемые вопросы. Научные факты не являются некоторыми отдельными и независимыми атомарными единицами, а включены в систему знаний научной дисциплины, формируются под влиянием ранее выработанных теорий и затем служат базисом для новых.

Научная теория первоначально возникает из потребностей практики. Например, первая система знания, зафиксированная в евклидовой геометрии, является теоретическим осмыслением схем практической деятельности. Геометрия (*греч.* гео – земля и metreo – измерять) возникла из необходимости измерения земельных участков.

Однако наука в своем развитии выходит за рамки повседневной практики и создает свой вид практики – эксперимент, т.е. практическую ситуацию, которая сама по себе не встречается ни в природе, ни в повседневной жизни. Наука оперирует с абстрактными объектами, которые сама же и создает. Это касается уже понятий классической физики, которую все мы изучали в школе, и объекты которой кажутся очевидными с позиций здравого смысла. Однако это не так. «Время, пространство, место и движение, – пишет Ньютон в «Началах натуральной философии», – составляют понятия общеизвестные. Однако необходимо заметить, что эти понятия обыкновенно относятся к тому, что постигается нашими чувствами. Отсюда происходят некоторые неправильные суждения, для устранения которых необходимо вышеприведенные понятия разделить на абсолютные и относительные, истинные и кажущиеся, математические и обыденные.» [3, с. 31]. Ньютон вводит такие понятия как абсолютное время и пространство, которые отличаются от времени и пространства повседневного опыта.

Отметим, что абстрактные объекты классической науки можно было еще каким-то образом соотнести с повседневным опытом. В современной же науке это невозможно. Наиболее яркий пример – объекты квантовой физики, которые невозможно описать в терминах как повседневного опыта, так и классической физики. Они существуют как описание моделей опытной ситуации.

Также необходимо отметить, что проблема разума и веры имеет конкретный характер, как в историческом, так и в географическом смысле. Оно существует в рамках определенной, а именно европейской культуры. Скажем более конкретно: проблема соотношения веры и разума была впервые поставлена в христианстве.

В античности она не могла быть поставлена в силу специфики соотношения религии и науки в этой культуре. Они не могли конфликтовать в силу характера специфике античной религии.

Религия (от лат. religio – набожность, святыня, предмет культа) – мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), основанные на вере в сверхъестественное. Образцом религии для нас является христианство. Именно в основе его находится вера в Бога. Что касается античной религии, то в ней вере не придавалось основного значения. От греков не требовалось, чтобы они верили во все многочисленные истории о рождении богов, главное, чтобы человек исполнял культовые предписания. Известно, что за непочитание богов были осуждены философы Анаксагор (ок. 500-428 до н.э.) и Сократ (ок. 479-499 до н.э.), однако причины этого осуждения имели скорее политический, чем религиозный характер.

Принадлежность же к христианству же предполагает как глубокую веру, так и развитое религиозное сознание – человек должен понимать, во что он верит. Отсюда возникает проблема соотношения веры и знания. Известны три основные позиции по этой проблеме, которые послужили основанием для дальнейших рассуждений:

1 вера – это результат откровения, и она несоизмерима со слабым человеческим разумом (полемика максима Тертуллиана (160-220) – «верую, ибо абсурдно»);

2 положения веры не противоречат разуму, и хотя они не подлежат рациональному доказательству, однако сами являются основанием для дальнейших рациональных рассуждений (эта позиция была выражена в максиме святого Августина (354-430) – «верую, чтобы понимать»);

3 вера должна быть рационально осмыслена (максима П. Абеляра (1079-1142) – «понимаю, чтобы верить»).

Точка зрения на соотношение веры и разума, которая в дальнейшем была принята в католической церкви и оказала определяющее влияние на дальнейшую европейскую мысль, выработана святым Фомой Аквинским (1225-1274). Согласно ей, существует гармония между знанием и верой. Человеческий разум может самостоятельно постигать природу на основе опыта, не нуждаясь для этого в догматах веры. Также при помощи «естественного света разума» человек способен познавать Бога. Необходимость откровения, согласно Фоме Аквинскому, состоит в том, что самые важные богословские истины разуму недоступны. Например, можно рационально доказать существование Бога (как начальную и конечную причину и основу совершенства мира), но нельзя понять разумом Троицу и Боговоплощение. Человек, согласно Фоме, может узнать божественный план спасения только теми способами, которые изберет для этого Бог. Даже те истины, которые можно доказать философскими методами, для обычного человека более доступны через откровение.

Большинство исследователей подчеркивают, что именно христианское мировоззрение явилось той основой, на которой возникла европейская наука. Этому способствовали основные библейские идеи. Во-первых, это убеждение в том, что Бог создал мир в соответствии со Своим замыслом и дал ему законы развития, с неизбежностью приводило к выводу, что природа рационально постижима. В средневековом мировоззрении существовало представление о «двух Книгах». Первая – это Библия, в ней Бог непосредственно открывает себя. Но вторая книга – это книга природы, которая также служит источником познания своего Творца. Во-вторых, христианство является монотеистической религией (греч. *monos* – один, *theos* – бог), а монотеизм, провозглашая единственного Творца мира и его Законодателя, подразумевает универсальность и согласованность миропорядка. В-третьих, в Библии преобладает позитивное отношение к природе. Утверждение о том, что мир благ, естественным образом вытекает из учения о творении. При этом христианство категорически отвергает пантеизм (греч. *pan* – все, *theos* – бог), оно никогда не обожествляло силы природы или проявления органической

жизни. Сам по себе мир не был объектом поклонения в христианстве, он лишен сверхъестественных качеств, и поэтому мог стать объектом исследования. Образно говоря, христианство изгнало демонов из природы, и поэтому она стала предметом рационального изучения. В четвертых, учение о творении предполагает, что природу необходимо изучать при помощи наблюдения. Греческие философы исходили из того, что существует вечный и неизменный космос, принципы построения которого постижимы только с помощью разума. Но если мир является продуктом свободного акта Бога, то он необязательно должен быть именно таким, каков он есть, и мы можем понять его прежде всего не разумом (поскольку человеческий разум несоизмерим с божественным), но через наблюдение и постижение творений.

Также важное значение в трактовке соотношения веры и знания сыграло и изменение отношения к физическому труду. В античности он считался уделом рабов. Известно, например, что Архимед (ок. 287-212 до н.э.), прославившийся не только своими математическими работами, но и приложением их результатов в технике, считал эмпирические и инженерные знания “делом низким и неблагородным” и лишь под давлением обстоятельств (осада Сиракуз римлянами) вынужден был заниматься совершенствованием военной техники и оборонительных сооружений. Христианство же реабилитировало физический труд, как и труд вообще. А поскольку любая честная деятельность рассматривается в христианстве как богоугодное дело, то она может быть рационализирована. Исследователи считают, что в период средневековья произошла технологическая революция. Были широко внедрены трехполье, жесткий хомут, водяные и ветряные мельницы, механические приспособления в кузницах и мастерских. С пониманием деятельности и предназначения человека в христианстве тесно связан второй важный аспект ценностных и мировоззренческих ориентаций, который характерен для европейской культуры, – понимание природы как упорядоченного, закономерно устроенного поля, в котором разумное существо, познавшее законы природы, способно осуществить свою власть над внешними процессами и объектами, поставить их под свой контроль. Надо только изобрести технологию, чтобы искусственно изменить природный процесс и поставить его на службу человеку, и тогда укрощенная природа будет удовлетворять человеческие потребности во все расширяющихся масштабах.

Однако следует отметить, что опытная наука в средневековье не была развита. Схоластика, которая задавала основные методы рассуждения в этот период, строила свои выводы, не обращаясь к опыту, но дедуктивным путем выводила их из общих посылок. Именно этот метод и привел к конфликту с опытной наукой, которая стала зарождаться в Европе в 16 столетии, и который наиболее концентрированно проявился в деле Галилея (1564-1642).

Постепенно сформировалась концепция, разделяющая веру и знание. Основоположник европейского рационализма Р. Декарт (1596-1650) сформулировал представление о двух видах вещей: мысленных и протяженных. Природа – это совокупность протяженных вещей, и именно их изучает опытная наука. На этой основе в дальнейшем сформировался деизм (от лат. *deus* – бог) – религиозно-философская доктрина, которая признает бога как мировой разум, сконструировавший целесообразную «машину» природы и давший ей законы и движение, но отвергает дальнейшее вмешательство Бога в самодвижение природы (т. е. «промысел божий», чудеса и т. п.) и не допускает иных путей к познанию Бога, кроме разума. Но постепенно само представление о Боге было вытеснено из науки, поскольку она объясняет мир с естественных причин и не нуждается в допущении сверхъестественного. Показательным является случай с французским астрономом и физиком Пьером Лапласом (1749-1827). На реплику Наполеона: «Мсье Лаплас, мне сказали, что вы написали большую книгу о строении вселенной, ни разу не упомянув ее Творца», – он дал свой знаменитый ответ: «Я не нуждался в этой гипотезе».

Таким образом, европейская наука возникла на основании христианского мировосприятия, но постепенно произошла ее эмансипация от влияния религии. В XIX веке одной из основных функций в науке в европейской культуре стала мировоззренческая. Наука, прежде всего естествознание, начала определять общее видение мира.

Этому способствовал также практический характер естественнонаучного знания. Современная цивилизация неразрывно связана с достижениями науки, и именно благодаря этим

достижениям и их внедрению в производство стал возможен впечатляющий технологический прогресс XX века, приведший в развитых странах Запада и Востока к новому качеству жизни. Постепенно наука в европейской культуре заняла то место, которое раньше принадлежало религии. Большинство современных людей ориентируется на научные образы мироздания (представления о Большом взрыве и возникновении метagalктики, о кварках и генах, об эволюции жизни на Земле и т.д.) не потому, что знают все дискуссии и аргументацию, благодаря которым эти образы получили статус обоснованных и достоверных знаний, а потому, что они доверяют науке и убеждены в ее способности добывать истину. Иначе говоря, в принятии обыденным мышлением фундаментальных представлений научной картины мира в качестве мировоззренческих образов решающую роль играет вера в науку. «Действительно, можно утверждать, что наука в секуляризованном мировоззрении в значительной мере стала играть роль религии, способной дать окончательный и безусловный ответ на все коренные проблемы устройства мира и человеческого бытия» [9, с. 8].

При этом за образец науки и знания как такового бралась ньютоновская механика. Так, один из идеологов либерализма английский философ и экономист Дж. Стюарт Милль (1806-1873) утверждал, что ньютоновская механика вполне совершенна и не нуждается ни в каких улучшениях или изменениях. Она не может быть вытеснена даже более глубокой и более общей теорией и является последним словом при поиске ответов на вопросы об устройстве мира. Пьер Лаплас писал, что Ньютон был не только величайшим из всех гениев, но и самым удачливым из них, поскольку существует лишь одна вселенная, и на всем протяжении истории лишь одному человеку дано объяснить ее законы. Ньютонова механика стала прототипом научной работы, определив, на какие вопросы необходимо ответить и какие понятия при этом использовать. Ньютонова парадигма также создала новое представление о том, какое научное объяснение можно считать удовлетворительным; эта парадигма экстраполировалась и на другие сферы.

Перечислим основные черты знания, образцом которого являлась механика Ньютона. Во-первых, оно создавалось на основе реалистической методологии. Считалось, что теории описывают мир, как он есть, независимо от наблюдателя. Пространство и время рассматривались как абсолютная структура, в которой происходят все события, независимо от системы координат наблюдателя. «Первичные» качества, такие как масса и скорость, которые могут быть выражены математически, признавались объективными характеристиками реального мира. Во-вторых, оно было построено на основе классического детерминизма. Считалось, что будущее любой материальной системы в принципе можно предсказать на основании точного знания ее предшествующего состояния. В-третьих, это знание было редукционистским. Считалось, что поведением мельчайших составных частиц определяется поведение целого.

Физика XX века выявила историческую ограниченность этих положений: Во-первых, в теории Эйнштейна (1879-1955) была показана относительность пространства и времени, а в квантовой физике – то, что наши знания об объектах микромира не являются описанием их «самых по себе», а результат взаимодействия этих объектов с приборами. Во-вторых, выяснилось, что объекты микромира не подчиняются принципам классического детерминизма, и эти принципы не могут. В-третьих, по мере изучения сложных систем было показано, что в них свойства целого не определяются свойствами его частей, возникает системный эффект, когда части определяются целым.

В XX веке были сформированы идеалы и нормы новой, неклассической науки. Они характеризовались отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины природы, выработанной на том или ином этапе развития естествознания.

На этой основе в методологии науки произошел отказ от позитивистской трактовки научного знания как результата индуктивного обобщения опытных данных. В постпозитивизме было показано, что научное знание имеет системный характер и базируется на совокупности исторически изменчивых идеалов и норм исследования.

Все это послужило причиной возникновения новой трактовки соотношения веры и знания в науке. Прежде всего, отказались от того противопоставления науки и религии, которое было характерно для XIX столетия. Известный английский астрофизик Артур Эддинг-

тон (1882-1944) по поводу открытия квантовой механики сказал: "Религия стала возможна после 1927 г.". Он имел в виду, что в результате сформированного в квантовой механике принципа неопределенности была показана ограниченность классического детерминизма, отрицающего возможность случайности в природе, а, следовательно, вмешательство в нее Бога. Папа Пий XII (1876-1958) в 1952 году заявил, что теория Большого Взрыва в космологии «подтверждает библейскую идею творения». Также, поскольку была открыта предпосылочность научного знания, в качестве одной из таких предпосылок стали называть веру в объективную реальность мира, его гармонию и познаваемость. Так один из основателей квантовой физики В.Гейзенберг (1901-1976) прямо признает, что лишь теологической может быть основа для нашей уверенности в том, что математические структуры, принимаемые нами за законы природы, онтологичны. "Религия поэтому, пишет он, – не просто фундамент этики, она есть прежде всего основа для доверия. Возникает доверие к миру, вера в осмысленность нашего пребывания в нем" [1, с. 334]. Это перекликается с утверждением А. Эйнштейна: "Без веры в то, что возможно охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира не могло бы быть никакой науки. Эта вера есть и всегда остается основным мотивом всякого научного творчества"[10, с. 154].

Мы не будем вдаваться в анализ характера веры того же Эйнштейна. Его другие высказывания свидетельствуют о том, что великий физик придерживался скорее пантеистических, чем христианских взглядов. Отметим только, что Бог никогда не рассматривался в христианстве как часть естественнонаучной гипотезы, объясняющей упорядоченность природных процессов. Согласно христианству вера имеет сверхъестественное происхождение, и ее источником является Бог.

Как наука – не единственный, но весьма специфический носитель знания, так и религия – не единственный носитель веры. Вера в широком смысле – разновидность убеждения. В ней выделяют три компонента: знание (у человека есть какие-то взгляды), чувство (человек считает эти взгляды значимыми для себя, «переживает» по поводу их) и воля (готовность к деятельности по осуществлению своих взглядов). Вера в широком смысле определяется как признание чего-либо с такой решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств.

Это не значит, что истины веры не подлежат никаким доказательствам или противостоят разуму, а только то, что в ней преобладающим является волевой компонент, т.е. принятие и готовность к их осуществлению.

Взятая в этом смысле вера является неотъемлемым компонентом любой, в том числе и научной, деятельности. Безусловно, чтобы изучать мир, необходимо верить в его объективное существование. При этом вера не является чисто психическим образованием. Перед тем, как задуматься о реальности существования мира, человек в нем живет и действует, и именно эта деятельность формирует у нас объективный образ мира. Таким образом, некоторые вещи являются для нас очевидными еще до того, как мы начинаем о них размышлять. Само радикальное сомнение Декарта в реальности мира имело методологический характер по выявлению чего-то несомненного.

Но религиозная вера обладает своей спецификой. Она имеет не столько рациональный, сколько экзистенциальный характер и затрагивает основы жизни человека. Но при этом она опирается на конкретные онтологические основания. Религиозную веру можно определить как открытость человека сверхъестественному, уверенность в его реальном существовании и возможности взаимодействия с ним (т.е. том, что сверхъестественное оказывает какое-то влияние на его жизнь). Подчеркнем, что религиозная вера имеет смысл только в том случае, если это сверхъестественное реально существует. В зависимости от характера сверхъестественного формируется и характер веры. Христианин, верящий в единого Бога, верит совершенно иначе, чем язычник, поклоняющийся силам природы. Классической выражение христианского понимания веры дано апостолом Павлом в его «Послании к евреям»: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1). Подчеркнем, что это определение имеет смысл только в контексте евангельской вести о том, что

«так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16-17). Вне этой вести оно бессмысленно и мало что говорит неверующему человеку или представителю иной религии.

Необходимо подчеркнуть, что вера в христианстве имеет системный характер и описывается через совокупность библейских текстов. Ни в коем случае она не сводится к некритическому принятию догматов, тому, что называется «слепой верой». Вера возникает из опыта общения с Богом, и вне такого опыта она беспочвенна. Также, если говорить о христианстве, то оно, даже в восприятии Бога не отрицает необходимости знания. Основная христианская заповедь – «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душой твоею, и всем разумением твоим» (Мф. 22, 37). Таким образом, христианство предполагает, что человек воспринимает Бога всей полнотой своей личности, как разумом, так и верой.

Христианство настаивает на том, что вера возникает из личной встречи человека с Богом. Познание мира, в том числе и научное, может привести к осознанию гармонии мира и на этой основе – к размышлению о его Творце. Однако, как правило, этого не происходит. Наука в настоящее время развивается на своей собственной основе и не нуждается в допущениях религиозного характера.

Хотелось бы подчеркнуть, что в нашей статье проблема взаимоотношения веры и знания в религии и науке только обозначена. Несомненно она требует своего дальнейшей разработки. Подчеркнем, что наука и религия – развивающиеся явления. Это очевидно относительно науки, в которой непрерывно совершаются новые открытия. Но и в религии происходит развитие, то, что в христианстве называется “историей спасения”. Повторим наши основные положения:

1 проблема соотношения разума и веры – продукт европейской культуры, построенной на христианстве;

2 как наука так и религия отличаются от сферы обыденных представлений и это необходимо учитывать при рассмотрении соотношения в них знания и веры;

3 проблема соотношения знания и веры в культуре XX века имеет иной вид, чем в культуре XIX.

Резюме. В статье рассматривается проблема взаимоотношения знания и веры в религии и науке. Рассуждения основываются на том, что научное знание не является результатом только индуктивного обобщения опытных данных, но зависит от исторически обусловленной системы идеалов и норм исследования. Также и религия содержит в себе как веру, так и знание. Утверждается, что наука и религия – это различные, хотя и взаимосвязанные сферы культуры.

Abstract. The mutual relation of knowledge and belief in religion and science is considered in the article. The scientific knowledge isn't only the result of experience data inductive generalization, but depends on historically caused system of ideals and research norms. Religion itself comprises both belief, and knowledge. It is affirmed that science and religion are various, though interconnected spheres of culture.

Литература

- 1 Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., «Прогресс». – 1987. – 366 С.
- 2 Конт О. Курс положительной философии. СПб. –1900. – 156 С.
- 3 Ньютон И. Математические начала натуральной философии. Оптика. Оптические лекции. Л., Ленинградское областное издательство.–1931. – 83 С.
- 4 Открытое письмо 10-ти академиков РАН Президенту РФ Владимиру Путину //Фома. – 2007.– № 9. С. 20.
- 5 Рубинов А.Н. Диспут с богословом //Социология. – 2008. – №1. – С.65-78.
- 6 Рубинов А.Н. Наука и общество //Советская Белоруссия.–12. 12. 2006 – С. 3-5.

-
- 7 Степин В.С., Томильчик Л.М. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Мн., «Наука и техника». – 1970. – 96 с.
 - 8 Степин В.С. Философия религии в социокультурном контексте (Памяти Л.Н. Митрохина) //Социология. – 2008. – №4. – С. 38-48.
 - 9 Швырев В.С. Рациональность в спектре ее возможностей //Исторические типы рациональности. Т. 1. М. РАН, Ин-т философии.–1995. – С. 6-15.
 - 10 Эйнштейн А. Собрание научных трудов в 4 томах. М..1967, Т.4. М.,«Наука» – 446 С.
 - 11 Энгельс Ф. Анти-Дюринг //Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20, С. 316-568.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10

Пачатак, канец і лёс: мова і пісьмо ініцыяцыі

А. Д. ПАЎЛАВЕЦ

Пачатак. Усё на што не кінь вокам мае пачатак, нават наш артыкул. Усё так ці інакш распачынаецца. Калі мы глядзім навокал, то надзяляем ім усё наяўнае праз рацыянальныя аперацыі: мы знаходзім кропку адліку, нярэдка, адвольную, і пачынаем ад яе, робім пачатак. Аднак, калі мы глядзім на сябе, на сваё жыццё, то разумеем, што аўтабіяграфія, якую мы напішам пра сябе, ніколі не будзе мець пачатку.

Чалавек, звычайна, звязваецца з двума пачаткамі. Першы пачатак – гэта Усеагульны Пачатак, Пачатак сусвету, які апынаецца тым пачаткам, што нам не падпарадкоўваецца, у лепшым выпадку, мы здольныя толькі паказаць на яго, як гэта рабілі старажытныя грэкі. Дадзены Пачатак можа быць простаю субстанцыяй альбо Богам, які ўпарадкоўвае субстанцыю згодна з уласнымі ведамі. Мы звязаны з гэтым Пачаткам, паколькі мы частка Космасу і непазбежна выйшлі, як і ён, з гэтага Пачатку. Свет пачаў свой рух аднойчы і аднойчы ж спыніць сваё існаванне, каб нанова аднавіцца. Другі пачатак, менавіта наш, ён у нас адзіны. Пачатак у вантробе маці, калі сустракаюцца сперматазоід і яйцаклетка (хаця тут вядуцца спрэчкі). Але ці так гэта?

Дакладна мы можам казаць пра пачатак фізіялагічны, ён адзіны ў нас так, як і фізіялагічнае заканчэнне. Аднак што рабіць з намі ў культуры? Фізіялогія і культура – дзве адрозныя рэчы. Культура дае нам разнастайныя пачаткі. Мы пачынаемся шматразова. Культурныя каштоўнасці пастаянна на нас уздзейнічаюць, мяняюць нас. І мы шматразова знікаем, але не дашчэнт, нават пасля смерці мы застаемся ў культуры. Мы, нібыта пясчаная кніга Борхеса, не маем пачатку і заканчэння. Калі ж дадаць трэцяе вымярэнне, сакральнае, то справа яшчэ больш ускладніцца.

Пытанні пра пачатак адразу ж цягнуць за сабой новы шэраг пытанняў, якія датычацца лёсу. Пачатак і заканчэнне адразу ж цягнуць за сабой лёс. Але пачатак, пачынанне хаваецца за лёсам. Апошні маскуе і сцірае пачатак. Каб разабрацца і скінуць маскі, мы вымушаны задацца яшчэ шэрагам пытанняў. Калі нас мяняе культура, калі нанова ставіць у пачатку або падводзіць да чарговага заканчэння, што адбываецца з лёсам? Ён мяняецца або, наадварот, застаецца старым? Змены культурай закладзены ў нашым лёсе ці гэта нейкія стыхійныя рэчы, якія дзейнічаюць насуперак вызначанаму нам шляху?

Для вырашэння дадзенай праблемы патрэбна такая культурная з’ява, якая б утрымлівала ў сабе адначасова і нараджэнне, і пачатак (*initium*). Яна мусіць азначаць і шлях, па якім ідуць, і шлях, на які выступаюць (*ineo*). Адначасова гэта было б увядзеннем у таямніцу (*initio*). Усе вышэйзгаданыя словы знітаваныя з тэрмінам ініцыяцыя (*initiatio*). Для таго, каб падступіцца да яе, патрэбна спачатку паспрабаваць разабрацца, што ж гэта такое. З ёй звязана шмат розных уяўленняў, якія мяняюцца ад аўтара да аўтара. Некаторыя называюць ініцыяцыяй толькі абрады пераходу з аднаго ўзроставага стану ў другі. Нехта, звычайна прадстаўнікі культурнай антрапалогіі, звязваюць гэты тэрмін з плямёнамі, якія захавалі ў той ці іншай ступені першабытны лад жыцця. Некаторыя дадаюць да папярэдніх абрады сусветных рэлігій. І толькі адзінкі лічаць, што ініцыяцыя была і ёсць найбольш развітай формай у арганізмах, якія мы называем то таемнымі, то акультнымі, то містычнымі (спіс гэтых словаў даволі вялікі, калі не казаць пра значэнне, якое ўкладваюць у іх). Аднак мы і не ставім сабе на мэце даваць канкрэтнае вызначэнне ініцыяцыі, таму што гэта пагражае трывіяльным звязаннем да ўзроўню простага дэфініцыі. Дзеля большай аб’ектыўнасці паспрабуем разгледзець вызначэнні аўтараў, якія выйшлі з аднаго і таго ж лагера – лагера традыцыяналістаў, аднак погляды якіх даволі моцна розняцца.

Так, адзін з пачынальнікаў гэтага накірунку, Мірча Эліядэ вызначае ініцыяцыю як “совокупность обрядов и устных наставлений, цель которых – радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого. В терминах философских посвящение равнозначно онтологическому изменению экзистенциального состояния. К концу испытаний неопит обретает совершенно другое существование, чем до посвящения: становится другим” [3, с. 12–13].

Цікавым тут уяўляецца суаднясенне “онтологического изменения экзистенциального состояния” і “изменение религиозного и социального статуса посвящаемого”. Як бачна, экзистэнцыйны стан для М. Эліядэ – тое ж самае, што і сацыяльны, і рэлігійны статус неафіта. Іншага існавання індывід не мае. Таму не дзіва, што ён вымушаны выкарыстоўваць складаныя абрады, відавочна, дзеля таго, каб хоць неяк стаць іншым. Да ўсяго, ініцыяцыя тут носіць сацыялізуючы характар.

Прадстаўнік расійскага традыцыяналізму Аляксандр Дугін, грунтуючыся на працах Юліуса Эвола, разумее пад ініцыяцыяй “опыт переживания метафизических реальностей в личном плане. В таком случае человек пытается подстроить собственное существование, свой собственный опыт под те нормы, которые вытекают из метафизической теории. <...> Процесс инициации <...> начинается <...> с попытки человеческого существа, отталкиваясь от факта собственного присутствия в определенном пространственно-временном континууме, двигаться в сторону метафизики. Инициация – это течение в «обратном направлении»” [2, с. 405–406].

Зыходзячы з дадзенага вызначэння, метафізіка для А. Дугіна – гэта тое, што засталася ў нас ззаду, тое, што мы пакінулі на сваім жыццёвым шляху і да чаго зараз маем намер павярнуцца. Яго вызначэнне карэнным чынам адрозніваецца ад вызначэння М. Эліядэ. Калі першы паказвае, што ініцыяцыя – гэта рух наперад праз нейкія карэнныя анталогічныя змены, то для А. Дугіна – гэта рух назад, які адбываецца праз імкненне да страчанага.

Выклікае вялікую зацікаўленасць вызначэнне ініцыяцыі, дадзенае заснавальнікам традыцыяналізму Рэнэ Генонам, калі “индивидууму принадлежит инициатива «реализации», которая происходит методично, под строгим и непрерывным контролем, с тем, чтобы естественно завершиться выходом за пределы возможностей самого индивида как такового” [1, с. 365]. Для Р. Генона, як бачым, ініцыяцыя азначае паступовы выхад індывід за свае межы, паступовае жыванне сябе самога дзеля таго, каб апынуцца па-за межамі самога сябе. Прычым, яна (ініцыяцыя) носіць упарадкаваны характар як з боку індывіда, так і з боку таго, хто яго кантралюе – настаўніка.

Усё пачынаецца з радыкальнага недахопу: чалавеку нечага нестae. Ён пачынае разумець, што гэтакі стан, якім ён валодае зараз, яго не задавальняе. У чым заключана гэтая нястача (ці то ў экзистэнцыйным статусе, ці то ў індывідуальным быцці, ці то ў магчымасцях індывідуума), не так ужо і важна. Ты пачынаеш падазраваць, што ёсць нешта большае, і ты здольны гэтым валодаць, гэта “подозрение, которое есть у многих людей, на самом деле, первый признак” [2, с. 408] недахопу. Адкуль з’яўляецца гэтая нястача? Справа ў тым, што з пункту гледжання традыцыяналізму, індывід у сваёй праяве, ў прафанным свеце (у якім жывем мы з вамі) уяўляе сабой нешта хаатычнае, ён знаходзіцца ў цёмным стане. У яго павінна ўзнікнуць жаданне ўпарадкаваць сябе, праявіць, рэалізаваць тое, што прысутнічае ў ім у выглядзе чыстай патэнцыяльнасці.

Так, чалавек набліжаецца да вопыту разрыву, рыхтуючы сябе (альбо яго рыхтуюць) да разрыву са старым існаваннем, дзеля таго, каб набыць форму новага. Само апісанне з’явы разрыву выглядае даволі складанай і праблематычнай [пра гэта гл. падрабязней 2, с. 411–412]. Такім чынам, прастора у якой пачынае жыць ініцыяваны чалавек, распадаецца на шэраг разрываў, кожны з якіх прыводзіць да пераходу на больш высокую ступень існавання. У выніку ініцыяцыі адбываюцца наступныя змены:

1 заканчваецца хаатычнае існаванне ў прафанным свеце і жыццё індывіда пераходзіць да “развития возможностей человеческого состояния, взятого в его целокупности <...> т. е. к тому, что традиционно обозначалось как восстановление «изначального состояния» [1, с. 574]” (Малыя Містэрыі). Альбо да шляху “реализации сверхчеловеческих состо-

яний <...> состояния не обусловленного<...>обозначенного как «окончательное Освобождение» или «Высшее Отождествление» [1, с. 574]” (Вялікія Містэрыі);

2 чалавек пачынае існаваць у сістэме строгай іерархіі, сярод эліты. Р. Генон звязвае малыя містэрыі з ініцыяцыяй царскаю, а вялікія з ініцыяцыяй святароў [1, с. 579];

3 індывід атаесамляецца з ведамі трансцэндэнтнымі ў адносінах да яго;

4 яго інтэгруюць у Традыцыю.

У гэтай сістэме ёсць адзін бок, які практычна ніхто не закранаў, і мы мусім разгледзець яго больш дэталёва. Як было адзначана вышэй, пачатак і канец наўпрост звязаныя з лёсам. І тут няма нічога дзіўнага. Індывід да ініцыяцыі валодае лёсам, а гэта азначае, што ён знаходзіцца ўсёж такі ў некаторай упарадкаванай рэчаіснасці. Пакінуўшы па-за межамі сваёй ўвагі гэтую акалічнасць, пра яе забывалі ўспомніць і пасля. Што ж адбываецца з лёсам чалавека пасля ініцыяцыі? Пытанне цікавае хаця б тым, што пры адказе на яго можна было б паспрабаваць вызначыць, змены якога кшталту адбываюцца з чалавекам.

На першы погляд, заява традыцыяналістаў пра тое, што індывід, які пражывае ў прафанным свеце, суадносіцца з хаатычнай структурай, мае пад сабою даволі сур’ёзную глебу. Аднак ужо Р. Генон сам жа і адкідае гэтую версію, пры пераліку ўмоваў ініцыяцыі ён называе першай “«потенциальность» <...>: врожденные качества (qualification), обусловленные возможностями, свойственными самой природе индивида и представляющими собой *materia prima*, над которой и должна производиться инициатическая работа [1, с. 378]”. Нават ва ўзроставай ініцыяцыі, каб набыць спецыфічныя веды, патрэбна быць народжаным ці то хлопчыкам, ці то дзяўчынкай. Некаторыя людзі не здольныя атрымаць ініцыяцыю, паколькі не валодаюць неабходнымі якасцямі (у асноўным гэта нейкія фізічныя недахопы). Такое абумоўленне можна назваць элементам лёсу чалавека (нават больш, року чалавека), аднак наяўнасць нейкіх прыкмет не азначае, што ты за ўсё сваё жыццё здолееш рэалізаваць магчымасці, якія закладзены ў табе і абазначаны словам “патэнцыяльны”.

Пасля ініцыяцыі чалавек пачынае змяняцца. Прычым радыкальныя змены адбываюцца на ўсіх узроўнях. З’яўляецца “дифференцированный человек, т. е. человек, отделенный от остальных, отстраненный от других людей [2, с. 422]. ” Чалавек набывае “трансформированное тело”, якое апісваецца як “телесная возможность, освобожденная от ограничительных условий [1, с. 591]. ” Спіс зменаў, якія прапануюць традыцыяналісты, даволі вялікі, і пералічваць іх усе не мае тут ніякага сэнсу. Дастаткова будзе адзначыць, што новы пачатак азначае для нас якасна новае існаванне на ўсіх узроўнях: культурным, сацыяльным, фізічным. Такія змены не могуць не адбіцца на лёсе чалавека, паколькі ён з кожным этапам ініцыяцыі набліжаецца да той кропкі, якую можна назваць крыніцай чалавечага лёсу. Па-другое, адбываецца паступовае жыванне індывідуальнасці, пасля кожнага разрыву мы набываем якасці, якія аддаляюць нас ад уласнага “я” і набліжаюць да стану нейкай татальнасці, што азначае паступовае вызваленне і ад індывідуальнага, і ад калектыўнага лёсу. Табе застаецца адно – ісці па шляху. Пакінуць яго немагчыма. “Инициация <...> сообщается всем раз и навсегда, обладая поистине неуничтожимым характером [1, с. 419-420]”.

Увогуле ініцыяцыя нагадвае своеасаблівую мову, слоўнікавы запас якой утрымлівае ў сабе тэрміны, неабходныя для таго, каб змяняць чалавека, а пунктуацыяй выступае паступовая рэалізацыя і засваенне гэтай тэрміналогіі чалавекам. Калі браць уяўленні традыцыяналістаў пра ініцыяцыю, у адрозненне ад прафанныга ўзроўню, яна будзе падзелена на этапы і з гэтай прычыны будзе мець асэнсаваную структуру, нібыта асаблівым чынам пабудаваная мова. Адначасова кожны разрыў, кожны новы этап перапісвае чалавека, прычым перапісвае яго ўсё больш і больш абстрактнымі сімваламі, у рэшце рэшт зводзячы яго да ўзроўню аднаго слова – “аватара”. У такім перазапісе “формы <...> существуют лишь как выражения единой Истины [1, с. 392]. ” Такім чынам, любы запіс, любое слова адсылае да гэтага схаванага ад нас праследу, які ініцыіруемы вымушаны пераследваць, ад этапу да этапу, блукаць паміж пастаянных адсылак, каб у рэшце рэшт авалодаць недасягальнай крыніцай самога сябе і, скарыстаўшыся гэтым ключом, перапісаць сябе нанова, адначасова авалодаўшы сакрэтам і таямніцай сусветнага пісьма, таго пісьма, з якога ўсё пачало быць. Гэта выражаецца ў цікавай формуле страты/набыцця імя. “У такого существа действительно уже нет имени <...>, оно смо-

жет, если потребуется, взять любое имя для самопроявления в индивидуальной области, но имя это никоим образом не затрагивает его [1, с. 516].”

Лёс у такой сітуацыі, апынаецца паміж моваю і пісьмом. Паміж вусным пераказам і пісьмовым запісам. Са сталай структуры, якая гарантавала нам адносную стабільнасць (а так звычайна ўяўляюць лёс у прафанным свеце), ён аказваецца даволі няўстойлівым утварэннем пры ўздыме на больш высокія ўзроўні быцця.

Калі мы звернемся да мовы ініцыяцыі, то апынаемся ў так званай сферы “традиционной трансмиссии”. Р. Генон сцвярджае нават ідэнтычнасць абедзвюх з’яў: “инициация – это в сущности трансмиссия <...> с одной стороны, трансмиссия духовного влияния, а с другой – как трансмиссия традиционного учения [1, с. 528].” Трансмisiя абазначае перадачу. Мова ініцыяцыі – гэта вусная перадача. Генон кажа пра “гарызантальную” трансмісію. Такім чынам, лёс як частка гэтай мовы уяўляе сабою калектыўную з’яву, з’яву цалкам гістарычную, што абумоўлена прыналежнасцю да роду чалавечага. Аднак пры вуснай перадачы сэнс мовы вельмі хутка страціўся б, быў бы зменены. І тут з’яўляецца самая цікавая частка мовы ініцыяцыі, якая па сутнасці і забяспечвае веру, дае надзею чалавеку вырвацца з прафаннага свету. Сэнс мовы ініцыяцыі спускаецца з “надчалавечых” крыніцаў. Таму сэнс такой мовы нельга страціць, ён па-за часам. Кожны раз, калі чалавек перадае/прымае яе, з’яўляецца і сэнс нанова тут і зараз поўнасцю. Лёс, які апынаецца ў такім кантэксце, уяўляе з сябе цалкам самасную з’яву, паколькі ён атрымліваецца наўпрост з Першаснай Крыніцы. Па сутнасці, мова ініцыяцыі – гэта мова, якая дазваляе чалавеку вызваліцца ад рамак калектыўнага лёсу і скіраваць свой погляд да кантакту з самасным лёсам, каб у далейшым знітавацца з крыніцай традыцыі.

Што ж датычыцца пісьма ініцыяцыі, то яно ператварае лёс у шматузроўневую структуру. Для перапісвання самога сябе чалавек мае шмат інструментаў, але галоўны з іх – сімвал, які выступае намёкам на “вышэйшую рэчаіснасць.” З гэтага часу індывід фармальна ініцыяваны, ён атрымлівае “віртуальную ініцыяцыю”. Пачынаецца праца па перапісванні сябе, па пошуку тлумачэння сімвала, які “есть не столько выражение четко определенной отдельной идеи <...>, сколько синтетическая и схематическая репрезентация всей совокупности идей и концепций [1, с. 533].” Сімвал робіцца той кропкай адліку на кожным узроўні, які набліжае шукальніка да крыніцы яго самаснага лёсу, у якой адбудзецца канчатковае расчыненне апошняга. Рэчаіснасці, праз якія праходзіць індывід, таксама сімвалы, яны адсылаюць адна да адной, таму што “истинное основание символика – это соответствие между всеми уровнями реальности, связывающее их друг с другом и простирающееся, стало быть, от естественного до сверхъестественного [1, с. 466].”

Што ж адбываецца з лёсам, калі пачатак і канец супадаюць. У сітуацыі пераходу асобы з аднаго якаснага стану ў другі лёс адыгрывае ролю стабілізатара, які гарантуе нам як сувязь з грамадствам, так і сувязь са сваёй індывідуальнасцю. Немагчымы пераход з адной культурнай сітуацыі ў другую. Гэта дазваляе зрабіць адну цікавую заўвагу пра ролю лёсу ў станаўленні нашай індывідуальнасці. Калі калектыўны лёс дазваляе нам быць гістарычнай, культурнай, сацыяльнай асобай, якая мае сваё месца ў іерархічнай сістэме грамадства, то індывідуальны лёс выступае як ядро нашай асобы, што не дазваляе нам раскрыцца ў праявах сацыяльнага. Самасны лёс – гэта тое, што дазваляе адрозніваць сябе ад іншых.

Рэзюмэ. У артыкуле разглядаюцца пытанні суаднесенасці лёсу і пачатку, якая найлепшым чынам праяўляе сябе ў ініцыяцыі, што мае сваю мову і сваё ўласнае пісьмо. На матэрыялах філасофіі традыцыяналізму праводзіцца аналіз стану індывідума, яго лёсу ў працэсе праходжання ініцыяцыі.

Abstract. The life and beginning interrelation that best of all reveals itself in the initialization that has its own language and writing is considered in the article. A person’s position, his fate during the initialization are analyzed according to traditionalized philosophy concepts.

Літаратура

- 1 Генон, Р. Заметки об инициации / Р. Генон // Символика креста / Р. Генон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 357-660.
- 2 Дугин, А. Философия традиционализма / А. Дугин. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – 624 с.
- 3 Элиаде, Мирча. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / Мирча Элиаде. – М.: СПб.: Университетская книга, 1999. – 356 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10

Философские основания устойчивого развития

Н. О. Сиротко

Устойчивое развитие – это проблема многогранная. Она требует проведения интер- и мультидисциплинарных исследований. С этой точки зрения, устойчивое развитие является предметом заинтересованности многих научных дисциплин, особенно экономических, юридических наук, политологии и педагогики. Проведенные ими исследования принесли много ценных разработок.

Отдельной плоскостью изучения устойчивого развития занимаются философы. Перед ними стоят конкретные задачи, если брать во внимание интер- и мультидисциплинарный характер проблематики устойчивого развития. Первая состоит в раскрытии скрытых оснований типичных исследовательских перспектив и стандартных правил интерпретации полученных результатов, которые обязывают либо доминируют в рамках отдельных научных дисциплин, занимающихся этой тематикой. Вторая задача состоит в интеграции результатов исследований, основанных на аналогичных посылах. Третья основана на создании однородного пространства для проведения мультидисциплинарных исследований. Все эти задачи соотносятся с повышением теоретической и методологической сознательности сторон, заинтересованных устойчивым развитием.

В публикациях 2002 г. польские исследователи отметили 28 различных определений устойчивого развития, употребляющихся в польской научной литературе, учитывая формулировки документов ООН и ЕС. Сегодня они с уверенностью могли бы пополнить свой список. Ученые отмечают, что между разными версиями определения устойчивого развития существуют следующие различия:

- ✓ необходимость учитывать разные и – в связи с этим – только некоторые аспекты устойчивого развития;
- ✓ принятие других теоретических перспектив, основанное на предпочтении одного из аспектов устойчивого развития, как правило, экологического аспекту экономическому и социальному;
- ✓ игнорирование институциональной, пространственной, моральной и духовной сфер устойчивого развития;
- ✓ принятие разных факторов интеграции аспектов устойчивого развития;
- ✓ а также непринятие во внимание качества жизни или интерпретация его в категориях материального благосостояния [1, с. 26].

Указанные различия подводят нас к выводу, что постулат многостороннего изучения проблемы устойчивого развития не реализован. Одной из главных причин такого состояния вещей можно назвать позитивистскую традицию гуманистики. В коллективном сознании научных сообществ глубоко укоренилось объективистское убеждение о существовании естественной разницы между общественными фактами. Однако, если отбросить суждение о существовании разных экономических, юридических, политических и др. фактов, связанных с формированием человека как основы существования отдельных наук, таких как – соответственно – экономика, право, политология, педагогика, становится очевидно, что весь этот порядок фактов определяется через исследовательскую и интерпретационную перспективу, принятую или установленную сообществом ученых. А так как каждая из этих наук построена исключительно на основе типичного для нее круга вопросов и собственного набора правил интерпретации ответов, полученных на эти вопросы, и соединения их в одну модель

анализируемой сферы общественной жизни, то существует возможность перебросить логический мостик между всеми ними.

Кроме того, события в науке доказывают, как утверждает известный историк и философ Т. Кун, что установленная в данной дисциплине схема понятий, результатов и процедур не имеет абсолютного характера в процессе организации исследований и определения границ их предмета. Другими словами, обязательные в науке основания имеют относительный характер – они являются историческим и культурным образованием, которое сформировано ценностями, способами восприятия мира, мыслительными навыками и отношениями, господствующими в данном обществе. Они являются всем тем, чем собственно занимается философия, развивая основной мотив своих размышлений – тему рациональности.

В философские основания устойчивого развития входят разнообразные онтологические, антропологические, аксиологические и историософские убеждения ученых [1, с. 26]. Именно они по-иному конкретизируют существенные для интерпретации устойчивого развития вопросы, такие как, например: подход к отношениям человека и природы, понимание места человека в мире, способ представления человека и людских сообществ, граница между справедливостью внутри поколений и между поколениями, разница между развитием и ростом, в конце концов, с требованием постоянства развития. В совокупности они создают философию устойчивого развития с помощью проводимых учеными исследований и созданных ими концепций.

В таком понимании философия устойчивого развития является точкой отсчета, причиной и обоснованием для тезисов и постулатов, касающихся устойчивого развития, сформулированных на почве разных проектов или программ. Она является «философией» в обыденном значении этого слова, а не какой-либо когерентной системой или философской концепцией.

Тогда нужна ли философия устойчивого развития? На этот простой вопрос трудно ответить однозначно. Не нужна и нужна. Рассмотрим современные позиции западных ученых по данной проблематике.

Не нужна как «улучшенная» философия в охарактеризованном значении, т. е. как самостоятельная и когерентная система философии устойчивого развития – употребляя определение, использованное Э. Мартенсом и Г. Шнодельбахом: не как «наука» [1, с. 27]. Такой проект, конечно же, возможен и, определенно, не будет недостатка в профессиональных философах, готовых к его реализации. Но с точки зрения оговариваемых в данной статье вопросов это будет излишним усилием. Это лишь может дополнительно усложнить и так слишком запутанную ситуацию в процессе проведения интер- и мультидисциплинарных исследований. Такая возможность содержит в себе «угрозу» рождения очередной «зеленой» идеологии, еще одного экологизма, обоснованность которого начнут преувеличивать другие философы. Наконец, в философии существует множество школ. Другое дело, что каждая такая философия устойчивого развития содержит в себе определенный потенциал уговоров, способный к преобразованию аксиологической системы и отношений социальных групп, податливых этим, а не иным аргументам.

Но в то же время философия устойчивого развития нужна, как отмечают польские философы З. Хулл, А. Папузиньски, А. Павловски. Она является необходимым условием реализации постулата роста уровня теоретического и методологического сознания разных субъектов, занимающихся проблематикой устойчивого развития.

Важным шагом в эту сторону является классификация философских интерпретаций устойчивого развития, которая функционирует в научной литературе.

Ссылаясь на известную «бритву Оккама», которая предлагает не множить сущностей без необходимости, польский исследователь А. Папузиньски предложил соответствие названий типов философии устойчивого развития с категориями, широко используемыми в политологии и науках об охране окружающей среды. По его мнению, следует говорить о – соответственно – консервативной, прагматичной и системной философии устойчивого развития [2, с. 28]. Такой способ наглядно демонстрирует факт существования тесных связей между концепциями политики устойчивого развития и оговоренными философиями устойчивого

развития. Чтобы сконцентрироваться на данном вопросе, воспользуемся отношениями между тремя характерными чертами устойчивого развития, каждая из которых соотносится с одним из столпов устойчивого развития, т. е. с экономикой, обществом и природой. Это – экономический рост, качество жизни, состояние экосистем.

Имея в виду эти три параметра, следует начать с обсуждения прагматичной версии философии устойчивого развития. Она выглядит наиболее близкой стремлениям и идеям коллектива, разработавшего эти принципы в 1972-1987 гг, начиная с конференции ООН в Стокгольме до комиссии Брутланд. Согласно этой концепции, говоря в целом, устойчивое развитие – это развитие, которое предусматривает равновесие между экономическим ростом и состоянием экосистем с целью гарантии обществу высокого качества жизни [3, с. 50]. В деталях это означает указание на необходимость принятия экологических ограничений в производственной деятельности и количестве потребления, чтобы потребление не подрывало основ качества жизни, под которым понимается жизнь в здоровом и естественно эстетичном окружении. Тогда как потребление должно находиться в допустимых границах, с точки зрения ресурсов и разумных стремлений всех жителей земного шара к использованию этих ресурсов. Чтобы достичь этой цели, предлагается коррекция господствующей в современном обществе аксиологической системы в сторону большего уважения ценности качества жизни (измеряемой с помощью таких параметров, как свобода, равенство, труд, согласие между людьми, всеобщий доступ к основным благам, в том числе и природе) за счет ценности жизненного комфорта (измеряемой количеством материального потребления). А также предлагается внедрение механизмов, прежде всего рыночных, направленных на экономию ресурсов и энергии, а также на уменьшение количества неиспользуемых отходов. В области стратегии деятельности прагматичная философия устойчивого развития выдвигает стратегию согласования. Она имеет целью согласование антропогенных и природных направлений материи и энергии. Прагматичная философия устойчивого развития основывается на определенных постулатах:

1 онтологический – человек занимает настолько исключительное место во вселенной, чтобы обосновать трактовку природы как свою окружающую среду, т. е. понимание природы с точки зрения человека, например, его экзистенции, добра, интереса, нужд, желаний;

2 антропологический – человек есть существо общественное, которое может реализовать себя исключительно в группе посредством установленных отношений с другими людьми;

3 аксиологический – наивысшей ценностью является согласие с другими людьми, как, например, семья, приятели, сотрудники, соседи и т. д., с настоящими либо будущими поколениями;

4 историософский – человечеству предречено развитие и прогресс в течение исторического процесса самосовершенствования человека.

Консервативная философия устойчивого развития доминирует в среде европейских политиков, предпринимателей, экономических деятелей и технократов, присутствует в парламентарных и правительственных документах государств. Эта концепция провозглашает приоритет экономического роста перед качеством жизни и состоянием экосистем [4, с. 29]. Что правда, и здесь вопрос качества жизни и экологической ситуации не полностью обойден, но в первом случае над ним преобладает идеал комфортной жизни, потребления, признанного мерой производимых и потребляемых материальных благ, тогда как во втором случае все сводится к природной обусловленности и ограничениям экономического роста. Рассматриваемая концепция также ссылается на коррекцию либерального понимания развития хозяйствования как экономического роста, но не выходит за рамки постулата координации форм хозяйствования, развитых до сих пор, с экологическими условиями и далее усматривает в экономическом росте гарантии успеха деятельности человека во всех сферах. Для достижения цели предлагается оценка и введение на рынок свободных благ и т. н. побочных продуктов экономической деятельности (ущерб окружающей среде, эмиссия выхлопных газов, отходов производственных и использованных потребительских благ). По-прежнему признается результативность «невидимой руки рынка» в сфере стимулирования новых «более чистых» и материально и энергетически более производительных технических и технологических дос-

тижений. В области стратегии деятельности консервативная философия устойчивого развития предпочитает стратегию производительности. Сущностью стратегии производительности является перенесение оснований производительности, существующей на предприятии, на экологические объединения. Главная идея – рост благосостояния и в то же время увеличение результативности использования ресурсов, или уменьшение нагрузки на окружающую среду через ограничение использования естественных ресурсов. Распространенная Э. У. фон Вайцзеккером и четой Ловинсов концепция «фактор четыре» является обещающей конкретизацией этой стратегии. Западные исследователи Ж. Бойо, К. Малер и Л. Унемо говорят об устойчивом развитии, подразумевая, что экономическое развитие в определенной области (регион, нация, мир) устойчиво, если общие запасы ресурсов – человеческий капитал, физически воспроизводимый капитал, природные ресурсы, извлекаемые ресурсы – не будут постоянно уменьшаться. Авторы отмечают: «Вырубка лесов с целью возрастания экспортных доходов согласуется с устойчивым развитием». Но добавляют немедленно: «Только если вся или части выручки инвестируются в другие экспортные заработки или деятельность по уменьшению импорта с целью поддержать благосостояние будущих поколений» [5].

Консервативная философия устойчивого развития держится на следующих философских основаниях:

1 онтологическое – человек занимает привилегированное место во вселенной, что даёт полномочия для изменения всей природы в окружающую среду человека, приспособленную к удовлетворению его нужд или созданных рекламой искусственных, бесполезных желаний;

2 антропологическое – человек является разумным эгоистом, человеческим атомом, который суммируется арифметически в сообщество автономных индивидуумов;

3 аксиологическое – важнейшей ценностью является установка «больше иметь»: материальные блага суть высшая ценность, или то, что ценится и желаемо, будучи предметом всеобщей заботы, целью деятельности и критерием поступков человека;

4 историософское – прогресс человечества идентичен росту «богатства народов».

Системная философия устойчивого развития противоположна консервативной. Основной постулат касается приоритета состояния экологии перед экономическим ростом и качеством жизни, под которым понимаются категории материального комфорта. Это означает, что в случае конфликта экономических, социальных и экологических целей разрешается вопрос состояния экосистем. Такой подход обусловлен признанием экономики подсистемой экосистем. Другими словами, здесь принимается, что устойчивая экономика является результатом производительности экосистем, на которых она основана. В связи с этим отрицаются проекты включения в экономические расчеты свободных благ и побочных продуктов хозяйствования. Экологические ценности шире экономических и не поддаются измерению в денежных категориях. Качество жизни здесь также понимается по-другому, нежели в предыдущих случаях. Тогда как в консервативной интерпретации качество жизни основывается на жизненном комфорте, принимая во внимание запрет растраты того, что может его повысить и продлить это состояние, в прагматичном понимании – основывается на жизни в здоровых и эстетичных условиях окружающей среды даже ценой ограничения индивидуального потребления, то в этом случае речь идет совсем о другом. В системном подходе иногда прямо доходит до разрыва между качеством жизни и экономическим ростом. Прежде всего потому, что в наиболее радикальных подходах качество жизни понимается полностью в духовных категориях. Состоит оно из чувства смысла жизни, достоинства и реализации. Однако в более умеренных подходах, признающих существование материального измерения качества жизни, дело доходит до обратного понимания зависимости между экономическим ростом и качеством жизни. Во всех случаях речь идет о том, чтобы «больше быть». Системная философия устойчивого развития предпочитает стратегию ограничений (отказа, экологической аскезы). Сохранение динамического равновесия экосистем, трактованное как неперемное условие, считается первичной задачей экономической деятельности. Преамбула Хартии Земли гласит: «Человечество является частью огромной развивающейся Вселенной. Наш дом — планета Земля - жива благодаря уникальному живому сообществу. Силы природы делают наше существование опасным и непредсказуемым при-

ключением, однако Земля предоставила нам все условия, необходимые для развития жизни. Способность к восстановлению живого сообщества, благополучие людей зависят от сохранения биосферы и всех ее экологических систем, богатого разнообразия растений и животных, плодородной почвы, чистых воды и воздуха. Забота о глобальной окружающей среде, ресурсы которой не бесконечны, является задачей всех народов. Защита Земли, ее разнообразия и красоты — наш священный долг» [6]. Так как исполнение этого постулата невозможно в условиях утилитарной современной культуры, доминирующей идеи благосостояния и существующих правил разделения доходов человечества, поэтому предлагается перестройка экономической, социальной и политической системы. В том и другом случае концепция устойчивого развития эволюционирует в направлении видения новой общественно-экономической, экосоциальной модели развития. Западные ученые С. Капентер, М. Сагофф считают, что предыдущие экономические модели использовали как стандарт *идеал общества*, которое авторы видят в качестве врага хорошему обществу. С точки зрения ученых, экономика — это результат коллективного человеческого поведения, включая кооперацию для сохранения природных ресурсов, для сохранения природы не как ресурса, а как общей матрицы, в рамках которой люди живут как часть природы [5]. Еще один современный автор выступает в поддержку природы. Вандана Шива провозглашает «древнюю идею об отношениях между людьми и природой: земля вознаграждает людей, которым, в свою очередь, рекомендовано приложить старания для того, чтобы не задохнуться от ее щедрости» [7]. Шива также скептична по отношению к современным экономическим моделям, включая те, которые считают, что устойчивость может быть поддержана заменой ресурсов.

В основе системной философии устойчивого развития можно найти следующие философские предпосылки:

1 онтологические — человеку не принадлежит никакая привилегированная либо исключительная роль во вселенной, а следовательно, не хватает оснований для признания его величия в вопросе господства над миром природы и безусловного овладения ее богатствами; природа не является окружающей средой человека, зато человек и созданная им цивилизация, в т. ч. способы хозяйствования, — это часть природы;

2 антропологические — человек является одновременно существом общественным и природным, которое может себя реализовать исключительно в совместной жизни, с помощью установления отношений с другими живыми существами;

3 аксиологические — важнейшей ценностью является жизнь в любом облике, а за этим следует почтение ко всей жизни и солидарность человеческого мира и мира природы;

4 историософские — каждое существо состоит из космической пыли, оставшейся после большого взрыва, и вместе со всей природой есть результат процесса эволюции на Земле.

К сожалению, события последних лет не дают оснований для оптимизма по вопросу об устойчивом развитии (мировой экономический кризис, всевозможные эпидемии), причем ни в одном из рассмотренных вариантов. Перспектива его реализации скорее отдалается: нарастают общественные конфликты, как глобальные, так и локальные, по-прежнему происходит уничтожение экосистем и нарушение равновесия биосферы, как минимум одну треть населения мира заботит, как прожить до завтра, и ей совсем не до устойчивого развития. Наглядным примером может быть недавний саммит по климату в Копенгагене (12-18 декабря 2009 г.), который, как впрочем, можно было предположить, не достиг единства мнений и не выработал конкретной действенной программы по вопросам преодоления глобального потепления. Все это уже в недалеком будущем может — должно? — привести к глобальным изменениям во всех сферах общественной жизни и к экологической катастрофе. Быть может, лишь тогда — если человечество переживет эту катастрофу — концепция устойчивого развития дождется своего осуществления.

Резюме. Статья является попыткой представить главные аспекты философского дискурса на тему устойчивого развития. Это касается таких вопросов, как:

– специфика философского дискурса в отношении познавательных перспектив общественных и экономических наук;

– философские основания принципов устойчивого развития;
– философские интерпретации устойчивого развития и их классификация (принимая во внимание онтологические, антропологические, аксиологические и историософские предпосылки).

Abstract. The article is an attempt to present the main aspects of a philosophical discourse on a sustainable development. It concerns such questions as:

– philosophical discourse specificity concerning informative prospects of social and economic sciences;
– philosophical bases of sustainable development principles;
– philosophical interpretations of a sustainable development and their classification (taking into consideration ontological, anthropological, axiological and historiosophy preconditions).

Литература

1 Papuziński A. Filozoficzne aspekty zrównoważonego rozwoju – wprowadzenie // Problemy ekorozwoju, Vol. 1. No. 2, 2006. – с. 25-32.

2 Papuziński A. Filozofia zrównoważonego rozwoju jako subdyscyplina badań filozoficznych // Problemy ekorozwoju, Vol. 2, №2, 2007. – с. 27-40.

3 Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). - М.: Прогресс, 1989. – 372 с.

4 Hull Z. Filozoficzne i społeczne uwarunkowania zrównoważonego rozwoju // Problemy ekorozwoju, Vol. 3, №1, 2008. – с. 27-31.

5 C. Cuello Niet, Paul T. Durbin. Sustainable development and philosophies of technology // Society for Philosophy and Technology. - Numbers 1-2 Fall 1995, Volume 1. Режим доступа: <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/SPT/v1n1n2/nieto.html> 15. 12. 2008.

6 Хартия Земли. режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Хартия_Земли. 23. 11. 2009.

7 Shiva V. Poverty and Globalisation // BBC Reith Lecture Series 14 may 2000. Режим доступа: <http://www.mindfully.org/WTO/Poverty-Globalization-Shiva14may00.htm>. 13. 05. 2008.

УДК 930 (476):930.1(73); 141.2(73)

Белорусская историография в свете поэтологической философии истории Х. Уайта (на примере работ Н. И. Ермоловича)

В. В. ЦАЦАРИН

Американский философ Хейден Уайт предложил свою теорию философии истории, которая получила название «лингвистический поворот в истории». Сам Уайт называет свою концепцию поэтологической философией истории [1, с. 22]. Данная концепция была подробно проанализирована нами ранее [2, с. 62–69]. В данной работе попробуем проанализировать современную белорусскую историографию с точки зрения философско-исторических подходов поэтологической модели. Для примера возьмём известного белорусского историка Н. И. Ермоловича. Необходимо отметить, что данное исследование не затрагивает чисто исторических вопросов правомерности выводов Ермоловича (затронутые им вопросы являются спорными в белорусской исторической науке), оставляя их решение специалистам. Рассматривается лишь конкретная концепция конкретного историка, проводится апробация на белорусском материале философско-исторического подхода Х. Уайта.

Ермолович исследовал историю Беларуси периода от древнерусских княжеств до окончания существования Речи Посполитой. При этом все его опубликованные монографии являются своеобразным дополнением друг друга, некоторые места дублируются, но в каждой новой книге есть и новый, ранее не встречавшийся материал. Концептуально книги Ермоловича представляют собой некоторое единство – взгляды его на историю Беларуси в разных изданиях не меняются.

Концепцию истории Беларуси Ермоловича можно отнести по типу построения сюжета к комедии с элементами трагедии по классификации Х. Уайта. Уайт отмечает, что при построении сюжета по типу комедии происходит примирение человека с другими людьми, с их миром и обществом. В итоге общественные условия предстают как более чистые, гармонизируются друг с другом. Примирение происходит и при построении сюжета по типу трагедии, но оно более мрачное. Это примирение людей с условиями мира, вечными и неизменными. [1, с. 30]. Такого рода примирение происходит и у Ермоловича. Причём это видно как из общего хода его повествования, так и из описания и анализа им конкретных исторических событий и деятелей.

Главным героем и деятелем истории у Ермоловича выступает Беларусь, её народ, но не в марксистском его понимании, а народ как население территории безотносительно слововой принадлежности. По Ермоловичу, с самого начала возникновения государственности на территории Беларуси в лице Полоцкого княжества население этой территории стремилось к оформлению своей независимости от кого бы то ни было. Именно достижение независимости от Киева определяло всю политику полоцких князей на всём промежутке истории, пока Киев представлял собой реальную политическую силу. С этим связаны многочисленные кровопролитные войны, которые вели полоцкие князья не только с киевскими, но и часто с коалицией древнерусских князей, подчинявшихся Киеву, а также нежелание полочан (населения Полоцкого княжества) подчиняться князьям иных, кроме полоцкой династии, которую Ермолович ведёт от Изяслава, внука Рогволода, сына Рогнеды и великого киевского князя Владимира. Войны Полоцка с Киевом и коалициями древнерусских князей шли с переменным успехом. Нередко они завершались военным поражением Полоцка (элементы трагедии), но, в итоге, сами полоцкие князья, или всё население Полоцкого княжества, добивались своих целей и проводили независимую от Киева политику (элементы комедии). С переходом Полоцкого княжества в период феодальной раздробленности и утраты Полоцком сво-

его господствующего положения в княжестве ситуация кардинально не изменилась. На смену Полоцку приходит Минск (при княжении Глеба).

Согласно Ермоловичу, такое положение вещей очень скоро привело к осмыслению населением своего родства и тяготению к сохранению единства своего государства, укреплению и расширению его. А это ещё больше объединяло население Полоцкой земли. Даже период феодальной раздробленности особо не поколебал такое положение вещей. Борьба и междоусобные войны между «полоцкими» князьями не мешали им осознавать своё единство и в случае чрезвычайных обстоятельств выступать всем вместе.

Таким образом, начало осознания белорусского единства Ермолович относит ко времени и территории Полоцкого княжества, откуда это осознание распространялось и на иные земли территории Беларуси. Связывает он это с тем, что Полоцкое княжество было наиболее развитым в экономическом и политическом отношении среди других земель Руси.

Что касается возникновения Великого княжества Литовского, то Ермолович даёт этому государству свою оценку и характеристику, во многом отличную от иных. Он прямо заявляет о белорусском характере Великого княжества Литовского и особенно нетерпимо, даже воинственно, относится к традиционному взгляду на Великое княжество Литовское как на результат завоевания балтскими феодалами восточнославянских земель. Ермолович утверждает, что возникновение Великого княжества Литовского произошло благодаря усилению и возвышению славянского города Новгорода. Летописную Литву он отождествляет с современной лишь частично, а основную её территорию располагает в современной Беларуси. Также Ермолович доказывает, что основатель Великого княжества Литовского Миндовг не захватывал Новгородок, а был приглашён новгородцами для того, чтобы с его помощью расширить свою территорию за счёт завоевания Литвы.

Процесс становления Великого княжества Литовского Ермолович описывает как сложный и во многом трагический. Больше, чем Миндовга, он ценит его сына Шварна, который в военной, но больше политической борьбе с крестоносцами и особенно, с Галицко-Волынским княжеством сумел достичь своей цели – сохранил существование Великого княжества Литовского. В дальнейшей истории Великого княжества Литовского Ермолович отмечает трагические моменты, но, в целом, эта история видится ему как распространение белорусского влияния не только на территорию современной Беларуси, но и на некоторые сопредельные земли. Таким образом, Великое княжество Литовское, возникнув и распространившись на территории Беларуси, восприняло полоцкую идею единства населения данной территории и даже распространило её на те земли, которые в Полоцкое княжество не входили. Само же Великое княжество Литовское, особенно в период нахождения столицы в Новгороде, являлось полностью белорусским государством и проводило традиционную для Полоцка политику. Перенесение столицы в Вильно Ермолович, с одной стороны, считает попыткой усиления Жмуди, так как Вильно находилось намного ближе к Жмуди, чем Новгородок, но, с другой, – продолжением влияния Полоцка и его политики, которая ещё долгое время продолжала оставаться господствующей в Великом княжестве Литовском.

Что касается периода нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой, то, в целом, Ермолович оценивает его более трагически, чем предыдущие. Этот период он характеризует как время постепенной утраты Беларусью своего господствующего статуса в государстве. Это связано и с усилением роли Жемойтии (Жмуди), но особенно с ополячиванием белорусской политической элиты. Постепенно в новом государстве политический центр, который первоначально находился как в Кракове, Варшаве, так и в Вильно, переходит на территорию Королевства Польша, а политическая элита Великого княжества Литовского всё больше отходит от интересов белорусских территорий. Большую роль здесь Ермолович придаёт постепенному процессу окатоличивания и ополячивания белорусской знати, а также политике Русского государства, рассматривавшего себя как правопреемника Киевской Руси и претендовавшего на белорусские и украинские земли. В этот период, по Ермоловичу, появляются исторические мифы о незаконном отпадении этих территорий от Руси из-за коварства русского посла Гедимина (распространялся из Москвы) и о завоевании находившихся без управления после татаро-монгольского нашествия русских земель литовскими князьями.

(распространялся из Жемойтии). Тем не менее, и период Речи Посполитой Ермолович не рассматривает только как трагический в истории Беларуси. Несмотря ни на что, народ Беларуси остаётся самим собой и в очень неблагоприятных условиях сохраняет не только своё самосознание, но и идею независимости данной территории, которая в разных ипостасях проявляла себя на протяжении всей последующей истории и вылилась, в итоге, в независимую Республику Беларусь.

Таким образом, рассматривая историю Беларуси от возникновения независимого Полоцкого княжества через существование Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, в целом, Ермолович придерживается построения сюжета по типу комедии с элементами трагедии по классификации Уайта.

Рассмотрим теперь интерпретацию Ермоловичем некоторых конкретных исторических событий.

Так, оценивая политическую деятельность полоцкого князя Всеслава Брячиславича (Чародея), Ермолович отмечает, что “эпоха Усяслава, бясспрэчна, з’яўляецца адным з самых яркіх і змястоўных перыядаў нашай гісторыі. Калі бліскучыя перамогі, атрыманыя Полаччынай у гэты час, раскрылі яе вялікія сілы і магчымасці, то трагічныя паражэнні яшчэ больш загартроўвалі яе дух для далейшых, не менш цяжкіх, гістарычных выпрабаванняў. Жыццё Усяслава, поўнае крывавай барацьбы і рознабаковай кіпучай грамадскай дзейнасці, стала жывой легендай і святым паданнем, што так патрэбна народу як натхняльная сіла ў яго змаганні за сваё жыццё” [3, с. 150]. То есть главным итогом деятельности Всеслава для Ермоловича является усиление духа Полоцкого княжества в результате проводимых Всеславом военных действий, которые, в целом, поддерживались политической элитой Полоцка. Этому содействовали как победы Всеслава, так и поражения. Самым крупным поражением Всеслава Ермолович называет битву на Немиге под Минском, когда войска Всеслава понесли разгромное поражение от коалиции южнорусских князей во главе с великим киевским князем, а сам Всеслав был вынужден бежать с небольшой частью своих войск. Немигскую битву Ермолович характеризует как одну из самых кровавых, которая “глыбока ўразіла не толькі сваіх суайчыннікаў. Рэха яе праз 120 гадоў адбілася ў “Слове аб палку Ігаравым” вобразам жудаснай крывавай барацьбы” [3, с. 120]. Но одновременно эта битва, согласно Ермоловичу, “належыць да ліку таго, чым мы ганарымся ў нашай далёкай мінуўшчыне, поўнай няспыннай барацьбы з нашым першым па часе супернікам – Кіеўскай імперыяй. Битва на Нямізе была адной з трагічных вех крывавай барацьбы Полаччыны за сваё права на гістарычнае жыццё” [3, с. 120 – 121]. Таким образом, трагизм поражения в битве на Немиге для Ермоловича важен не сам по себе, но в том аспекте, что это поражение не привело к необратимым последствиям для Полоцка, а, наоборот, в каком-то смысле привело к усилению антикиевских настроений и укреплению желания добиться независимости Полоцкого княжества от Киевского. В качестве доказательства этого Ермолович приводит факт, что ни после пленения Всеслава, ни позже «полацкае веча не прымала князёў чужых дынастый» [4, с. 53 – 54].

В XII в. Ермолович примерно так же характеризует деятельность минского князя Глеба, который пытался увеличить территорию своего княжества за счёт захвата южных территорий, но также потерпел поражение от коалиции южнорусских князей [3, с. 172].

Однако некоторые события Ермолович вынужден характеризовать в стиле классической трагедии, например, утрату Полоцким княжеством своих прибалтийских вассальных княжеств (Герцике и Кукенойс) в борьбе с крестоносцами [3, с. 277].

Для Ермоловича свойственна общая оценка Великого княжества Литовского как одного из самых могущественных государств Европы: “Калі папярэдні Новагародскі перыяд з’яўляўся часам станаўлення і ўмацавання Вялікага княства Літоўскага (ВКЛ), то наступны – Віленскі, які таксама быў нядоўгім, бо працягваўся менш стагоддзя (з 1316 да 1385 г.), быў часам бурнага тэрытарыяльнага росту гэтай беларускай дзяржавы, што і вывела яе ў лік найбуйнейшых тагачасных еўрапейскіх краін” [5, с. 3]. То есть, развитие Великого княжества Литовского Ермолович оценивает как абсолютно положительный фактор истории Беларуси, полностью соответствовавший её интересам. Кроме того, перенесение столицы из Новогрудка в Вильно, согласно теории Ермоловича, не выпадает из общей пробелорусской политики Великого княже-

ства Литовского, так как оно “было вынікам далейшай крывіцка-дрыгавіцкай каланізацыі ў глыб балцка-літоўскіх земляў. Яно сведчыла таксама, што на першае месца ў гэтай дзяржаве выходзіла Полаччына. А гэта выклікала змену новагародскай дынастыі на полацкую. У святле прыведзеных фактаў нельга пагадзіцца са сцверджаннем пра “паступовае пранікненне” і “наступленне Літвы на Русь”. Фактычна было паступовае адступленне Літвы пад націскам славянскай каланізацыі. Прычым утварэнне Вялікага княства Літоўскага не толькі не спыніла, а, наадварот, яшчэ больш паскорыла асіміляцыю балцка-літоўскага насельніцтва... І ў гэтым нічога дзіўнага няма, бо ў новаўтворанай дзяржаве беларуская культура была пануючай, а беларуская мова – дзяржаўнай... Усё гэта гаворыць за тое, што беларускі народ у складзе Вялікага княства Літоўскага прадаўжаў тварыць сваю гісторыю, развіваў культуру, а не рабіў толькі ўклад у чужую гісторыю” [6, с. 48–49]. В пользу белорусского характера Великого княжества Литовского Ермолович приводит и тот факт, что вхождение современной территории Беларуси в состав этого государства происходило мирными путями, так что сейчас даже трудно сказать, когда именно какая часть современной Беларуси вошла в состав Великого княжества Литовского. “Калі аб’яднанне беларускіх земляў адбывалася мірна, то ўваходжанне ў склад дзяржавы балцка-літоўскіх земляў па-ранейшаму праходзіла шляхам іх гвалтоўнага далучэння. Як у свой час Міндоўг выгнаў літоўскіх князёў, калі ён “зане Литву”, як Войшалк, які пагалоўна знішчаў сваіх ворагаў пры заваяванні Літвы, Дзяволтвы і Нальшчанаў, як Трайдзень распраўляўся з нальшчанскімі феадаламі, як Віцень вёў барацьбу з жамойцкай знаццю, якая не прызнала яго ўлады, схіляючыся да саюзу з Ордэнам, так і Гедзімін фактычна пачаў сваю дзейнасць з барацьбы з тымі ж самымі жамойтамі, што па-ранейшаму супраціўляліся вялікакняскай уладзе і знаходзілі падтрымку ў крыжакоў” [4, с. 140–141]. “Такое становішча беларускіх земляў, у прыватнасці, іх больш ранняе злучэнне ў параўнанні з іншым усходнеславянскім абшарам, дало ім значныя перавагі. Найперш гэта забяспечыла ім дамінуючае значэнне ў Вялікім княстве Літоўскім. Менавіта беларускія землі вызначалі яго ўнутраную і знешнюю палітыку” [5, с. 14].

Оценивая отдельных великих литовских князей, Ермолович не особенно доверяет сложившимся традициям. Например, основным создателем ядра Великого княжества Литовского он считает не Миндовга, который “аказаўся дрэнным, няўмелым палітыкам. Яго дзеянні выклікалі міжнародны канфлікт, цэлая кааліцыя дзяржаў выступіла супраць Новагародскай дзяржавы... Міндоўг... фактычна не быў стваральнікам Вялікага княства Літоўскага... Не ён зрабіў сваёй сталіцай Новагародак. А Новагародак выбраў яго сваім князем. Не літоўскую ўладу ажыццяўляў тут Міндоўг, а быў выканаўцам дзяржаўных імкненняў Новагародка. Таму, не апраўдаўшы надзей новагародскіх феадалаў, ён і страціў новагародскі пасад” [6, с. 57 – 68], а его сына Войшелка: “аб’яднанне Войшалкам Новагародскай, Пінскай, Літоўскай, Нальшчанскай, Дзевалтоўскай і Полацка-віцебскай земляў у адзіную дзяржаву было фактычна трывалым пачаткам утварэння ВКЛ. Але калі далучэнне балцкіх земляў Літвы, Нальшчанаў і Дзяволтвы да Новагародка было гвалтоўным, то далучэнне Пінска, Полацка і Віцебска праходзіла добраахвотна. Гэтаксама пазней далучаліся да ВКЛ і іншыя беларускія вобласці. Такое аб’яднанне было вынікам гістарычнага працэсу эканамічнага, палітычнага і культурнага збліжэння беларускіх земляў у басейнах рэк Дзвіны, Дняпра, Нёмана, на аснове чаго ішло фарміраванне тэрыторыі Беларусі” [4, с. 92].

Оценивая правление Гедимины, Ермолович говорит о двух основных моментах, проявившихся в то время, “таму аб’ектыўная яго ацэнка мае прынцыповае значэнне для правільнага разумення далейшай беларускай гісторыі. У гэты час выразна пазначыліся як станоўчыя, так і адмоўныя асаблівасці нашага гістарычнага жыцця. Да першых трэба аднесці як найбольш важную – аб’яднанне асноўнай масы беларускіх земляў. Гэта надало ім моц і прыцягальную сілу для далейшага пашырэння, асабліва ва ўсходнім і паўднёвым кірунках, што і пачалося неўзабаве пасля Гедзімінавай смерці. Аб’яднанне стала трывалым грунтам і для канчатковага фарміравання беларускай народнасці, яе культуры і мовы [4, с. 163].

Одним из наиболее выдающихся великих князей литовских, согласно Ермоловичу, является Ольгерд: “Галоўны вынік князявання Альгерда – у выключным пашырэнні тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага, якое стала адной з найбольш вялікіх дзяржаў

Еўропы. У ёй беларускія землі, канчатковае аб'яднанне якіх таксама закончылася ў гэты час, займалі цэнтральнае месца, што значна ў большай ступені забяспечвала ім дамінуючае становішча. Гэта і давала магчымасць вызначаць галоўныя кірункі як унутранай, так і знешняй палітыкі Вялікага княства Літоўскага” [5, с. 70].

Кревскую унію между Великим княжеством Литовским и Королевством Польским Ермолович оценивает в трагических тонах: “Хаця знешне Крэўская унія насіла характар персанальнай дынастыі, якой яе і лічаць некаторыя даследчыкі, аднак маюць большую рацыю тыя, хто называе інкарпарацыяй ВКЛ у Польскае каралеўства” [4, с. 235].

В трагическом стиле описывает Ермолович и последовавшую вслед за Грюнвальдской битвой Городельскую унию: “Хоць, паводле Гарадзельскай уніі, у ВКЛ захоўвалася асобнасць улады вялікага князя, аднак жа яно, тым не менш, аб'яўлялася аб'яднаным з Польшчай. Як бачым, новая унія адбіла ў сабе далейшае зрашчэнне польскай дзяржаўнай улады з каталіцызмам і іх супольнае імкненне пранікнуць у глыб дзяржаўнага жыцця ВКЛ” [4, с. 254].

Тем не менее, оценивая период княжения Витовта, Ермолович говорит, что это было время “найбольшага дзяржаўнага ўздыму ВКЛ, яго вайскавай магутнасці, найбольшай тэрыторыі і палітычнай стабільнасці. Як у ранейшыя часы, так і пры Вітаўце ВКЛ найперш вызначалася як беларуская дзяржава. На гэта ўказвае тое, што ўсе вышэйшыя пасады займалі выхадцы з Беларусі, з іх складалася акружэнне Вітаўта, як пра гэта сведчыць апісанне яго свету на Салінскай сустрэчы. Як сам Вітаўт, так і ўвесь яго двор карысталіся толькі русінскай (г. зн. беларускай) мовай. На ёй жа вялося і дзяржаўнае справаводства” [4, с. 257].

Противостояние католических и православных феодалов Великого Княжества Литовского Ермолович снова оценивает в трагических тонах. По его мнению, именно это противостояние ослабляло государство, а после смерти Витовта привело к гражданской войне двух претендентов на великокняжеский престол: Свидригайло и Жигимонта Кейстутовича. Они являлись представителями соответственно православной и католической партий Княжества. Но именно односторонность проводимой ими политики привела их к поражению. “Вось чаму ў далейшым мы бачым асцярожнае лавіраванне паміж імі, уступкі то аднаму, то другому. Гэта і характарызуе дзейнасць наступнага вялікага князя Казіміра” [4, с. 262–263]. Тем не менее, время правления Казимира Ермолович оценивает в свете комедии: “Час Казіміра, як і ўсё XV ст., быў часам далейшага развіцця беларускай народнасці, яе культуры і мовы. Усяму гэтаму садзейнічала дамінуючае значэнне беларускіх земляў у ВКЛ, што і вызначыла гэту дзяржаву найперш як беларускую. Ажыўленая палітычная і звязаная з ёй рэлігійная барацьба таксама спрыяла больш інтэнсіўнаму развіццю беларускага грамадства, пра што сведчаць шматлікія помнікі беларускага пісьменства гэтага часу. Яны паказваюць, што беларуская мова абслугоўвала ўсе сферы дзяржаўнага і грамадскага жыцця, на ёй пісаліся велікакняжацкія граматы, прывілеі, летапісы, рознага роду лісты, царкоўная літаратура, у тым ліку магаметанская і іўдзейская” [4, с. 270–271].

Правление великого князя Александра Ермолович характеризует как “нешчаслівы час”, единственным положительным моментом которого он называет победу под Клецком над татарами [4, с. 279]. Тем не менее, “нягледзячы на крывабы і спусташальныя падзеі, якія перш за ўсё характарызуюць першую трэць XVI ст., у гэты выключна цяжкі час не толькі не спынілася культурна-этнічнае развіццё беларускага народа, але і ўзнялося на новую ступень. І гэта найперш звязана з тытанічнай дзейнасцю Францыска Скарыны. Ужо толькі тое, што ён быў заснавальнікам беларускага кнігадрукавання, паставіла Беларусь на ўзровень найбольш культурна-развітых краін Еўропы. Яго пераклад Бібліі выключна ўзбагаціў беларускую літаратурную мову, а яго прадмовы і пасляслоўі да біблейскіх кніг папоўнілі ідэйны змест, паглыбілі філасофскую думку і ўзнялі мастацкі ўзровень беларускай літаратуры. Гэтак жа афармленне кніг, шматлікія гравюры да іх адыгралі вялікую ролю ў развіцці беларускага мастацтва. Вядома ж, будучы доктарам лекарскіх навук, Ф. Скарына зрабіў вялікі ўклад у беларускую медыцыну. Выказана таксама меркаванне, што ён удзельнічаў у падрыхроўцы Статута 1529 г. Улічваючы тое, што падобнага юрыдычнага дакумента ў той час у Еўропе яшчэ не было, можна гаварыць аб авангарднай ролі Беларусі ў развіцці еўрапейскай дзяржаўна-прававой культуры. Менавіта дзейнасць Ф. Скарыны і Статут 1529 г. – найбольш

яскравыя сведчанні нязломнасці беларускага народа, які не толькі выжыў, але і набраў новыя духоўныя і інтэлектуальныя сілы ў самых неспрыяльных для гэтага гістарычных умовах” [4, с. 294–297]. “Аднак гэтыя неспрыяльныя знешнія ўмовы не маглі спыніць унутранага дзяржаўнага і грамадскага развіцця ВКЛ. Менавіта ў XVI ст. і закончыўся працэс іх канчатковага фарміравання, што і надало ВКЛ характэрнае дзяржаўнае аблічча” [4, с. 303]. То ёсць, в целом, данный период Ермолович опять-таки характеризует в духе комедии. “Асаблівасці ўнутранага жыцця ВКЛ: складанасць яго дзяржаўных структур, разнастайнасць у класавасаслоўным складзе яго грамадства, значная колькасць рэлігійных канфесій, высокая прававая культура. Усё гэта сведчыць, што наша дзяржава знаходзілася на еўрапейскім шляху свайго развіцця” [4, с. 311].

В свете трагедии описывает Ермолович события, связанные с Ливонской войной и Люблинской унией. Последнюю он характеризует как, фактически, подчинение Великого княжества Литовского Польшей, произошедшее почти что силой, благодаря тяжёлому положению Княжества во время войны. Польская сторона показывается им как вероломная, фактически втянувшая Великое княжество Литовское в войну с Русским государством и воспользовавшаяся этим для подчинения его себе. Однако, в целом, Кревский период (от Кревской до Люблинской унии) истории Беларуси Ермолович оценивает с точки зрения комедии, так как несмотря на во многом неблагоприятные обстоятельства, белорусский народ в это время сформировался и достиг европейского уровня развития. “І ўсё ж, нягледзячы на такія выключна неспрыяльныя абставіны, гэты перыяд, асабліва ў XVI ст., увайшоў у нашу гісторыю як “залаты век” нашай беларускай культуры. Яскравае сведчанне гэтаму – пануючае значэнне беларускай мовы ў дзяржаўным і грамадскім жыцці, беларускае пісьменства і кнігадрукаванне, прадстаўленае такімі выдатнымі імёнамі, як Ф. Скарына, С. Будны, В. Цяпінскі, такімі прававымі дакументамі, як Статуты 1529 і 1566 г., падобных якім у той час не было і ў Еўропе. Усё гэта паказвае, што ВКЛ мела выразна беларускае аблічча” [4, с. 324].

В истории Беларуси эпохи Речи Посполитой Ермолович видит намного больше элементов трагедии. Он это связывает с двумя факторами: “Па-першае, гэта аб’яднанне, якое да таго ж насіла прымусовы характар для насельніцтва ВКЛ, не толькі не пазбавіла, але яшчэ больш абвастрыла ў аб’яднанай дзяржаве ўнутраныя супярэчнасці паміж рознымі грамадскімі пластамі. Па-другое, тэрыторыя Рэчы Паспалітай па-ранейшаму заставалася арэнай даволі жорсткіх і працяглых войнаў, накіраваных як супроць яе самой, так і супроць суседніх дзяржаў. Таму, непазбаўленая ад ранейшых унутраных і знешніх цяжкасцей, Рэч Паспалітая і аказалася праз два стагоддзі расцягнутай па кавалках паміж сваімі сквапнымі на чужыя тэрыторыі суседнімі дзяржавамі” [4, с. 331].

С позиций комедии Ермолович оценивает деятельность короля польского и великого князя литовского Стефана Батория, которого характеризует как “чалавека з высокім палітычным розумам і цвёрдым характарам. Бясспрэчным з’яўляецца яго вялікі чалавечы, дзяржаўны талент і адміністрацыйны здольнасці” [4, с. 338]. И дело здесь не только в том, что благодаря военному таланту Батория были отвоёваны все белорусские земли [4, с. 349], но и в том, что, по мнению Ермоловича, Баторий возродил традиционную для Полоцка политику по отношению к северорусским землям Новгорода и Пскова, начатую ещё Всеславом Чародеем [4, с. 344–345].

В целом, в мотивах комедии описывает Ермолович Брестскую церковную унию. По его мнению, уния не оправдала надежд тех польских кругов, которые пытались с её помощью проводить полонизаторскую политику. “Для іх унія была толькі пераходным звязом ад праваслаўя да каталіцтва. Аднак яна стала самастойнай царквой і вядучай па колькасці яе прыхільнікаў, а разам з тым было болей і парафій у параўнанні з каталіцкай і праваслаўнай цэрквамі... Унія адыграла станоўчую ролю, бо, стаўшы фактычна нацыянальнай царквой, яна тым самым садзейнічала захаванню і далейшаму развіццю этнічнай адметнасці нашага народа.” [4, с. 358 – 360].

Дальнейшую историю Беларуси Ермолович описывает, в основном, с позиций трагедии. Связано это, в том числе, с тем, что история Беларуси XVII – XVIII вв. – это, прежде всего, история войн. В таком ключе описывает Ермолович и казацкие набеги на территорию

Беларуси [4, с. 365], и многочисленные войны между Россией и Речью Посполитой [4, с. 372, 395, 408]. Описывая войну 1654–1667 гг., Ермолович обращает внимание на деятельность могилёвского шляхтича Константина Поклонского, в котором видит первого выдающегося деятеля новой Беларуси [4, с. 384].

Однако общий стиль написания истории Беларуси по типу комедии Ермолович не оставляет. Так, исследуя XVIII в., он отмечает, что «нягледзячы на неспрыяльныя палітычныя ўмовы, у дзяржаве тым не менш ішло прыкметнае эканамічнае развіццё» [4, с. 421].

Исследуя разделы Речи Посполитой, Ермолович обращается к типу трагедии. Присоединение территории Беларуси к Российской империи он характеризует как «канчатковую ліквідацыю беларускай дзяржаўнасці, якая мела звыш тысячагадовую гісторыю. Спачатку ў форме племянных саюзаў крывічоў, дрыгавічоў і радзімічаў, пасля ў форме паасобных княстваў (Полацкага, Турава-Пінскага, Смаленскага, Новагародскага і Старажытнай Літвы), што ў XIII – XIV стст. аб’ядналіся ў ВКЛ, якое з’явілася вышэйшым этапам у развіцці беларускай дзяржаўнасці ў мінулым» [4, с. 432]. Но, тем не менее, заканчивая свою монографию, Ермолович вновь обращается к построению сюжета по типу комедии: «Аднак і гэты страшэнны нацыянальны і сацыяльны ўціск не мог змярцвіць беларусаў як народ. Што ж, калі яны змаглі скласціся і вырасці на зямлі, дзе амаль без перапынку лютавалі знішчальныя войны, то ўжо гэта характарызуе іх як выключна жыццяздольную нацыю. І таму яна змагла пераадолець і найцяжэйшыя выпрабаванні на сваім шляху ў XIX і XX стагоддзях, захаваўшы сваю адметнасць як народа і адрадыўшы сваю дзяржаўнасць. Паслядоўнае адстойванне гэтага і з’яўляецца цвёрдым грунтам для далейшага паўнакроўнага гістарычнага жыцця беларускага народа» [4, с. 433]. Таким образом, и в рассмотрении отдельных, конкретных событий истории Беларуси Ермолович использует, в основном, построение сюжета по типу комедии. Территория Беларуси, белорусский народ в целом, всё-таки преодолевают многочисленные неблагоприятные моменты в своей истории (их Ермолович описывает, строя сюжет по типу трагедии) и остаются, по-сути, самими собой, поднимаясь на новый уровень, виток своей истории.

Рассмотрим теперь, какой тип доказательства по классификации Уайта использует в своих построениях Ермолович. Можно отметить, что, в основном, Ермолович придерживается контекстуалистского типа формального доказательства, но в определённых ситуациях переходит на позиции механицистской аргументации с её установкой на применение неких общих исторических законов. В последнем можно видеть влияние традиционного для историков советской школы марксистского видения истории. Но, с другой стороны, сам Уайт при описании различных типов формального доказательства, применяемых историками в написании своих работ, отмечает, что такого рода соединение контекстуализма с механицизмом является обычным явлением, что связано с невозможностью использования контекстуалистского подхода для написания крупных исторических трудов [1, с. 37–38].

Рассматривая историю Беларуси в целом, те или иные исторические события, в частности, Ермолович старается строить своё формальное доказательство на рассмотрении их в том контексте, в котором они произошли, анализировать в качестве их предпосылок те события, которые им предшествовали, проследить то влияние, которое они оказали на дальнейший ход истории. При этом он иногда даже выходит за хронологические рамки своего исследования и «пунктиром» обозначает те ситуации, которые испытали на себе воздействие того или иного события. Это видно на примере рассмотрения Ермоловичем политических решений тех или иных князей, различных войн с тем или иным противником, заключённых уний между Великим княжеством Литовским и королевством Польским (особенно Кревской и Люблинской), а также Брестской церковной унии. Да и само деление истории Беларуси на периоды, данное Ермоловичем, подчинено этой его тенденции. Первоначальный Полоцкий период связан с тем, что наиболее независимым, проводящим самостоятельную политику государством на территории Беларуси являлось Полоцкое княжество. Второй период, по Ермоловичу, – Новгородский – связан со своеобразным переходом политического центра Беларуси в Новогрудок как центр нового белорусского государственного образования: Велико-го княжества Литовского. Третий период – Виленский – связан с перенесением столицы Велико-го княжества Литовского в Вильно, что Ермолович считает следствием возобновления в

новом государстве основ прежней полоцкой политики [4, с. 163]. Четвёртый период истории Беларуси Ермолович называет Кревским. Он связан с заключением Кревской унии и его последствиями. И последний период, который рассматривает Ермолович, – период нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой – является следствием заключённой Люблинской унии. Такого рода прослеживания связей событий на последующие события встречаются у Ермоловича постоянно во всех его исторических трудах, рассматривающихся здесь. Даже в своей полемической книге «Па слядах аднаго міфа» он постоянно обращается к такого рода связям.

Что касается механицистских «вкраплений» в формальное доказательство у Ермоловича, то они связаны, прежде всего, с его отношением к так называемым общим историческим законам. Как историк советской школы, как историк-марксист, Ермолович не мог и не хотел игнорировать эти законы. Занимаясь исследованием политической истории, он многие политические явления и события объяснял, исходя из первичности экономических интересов и отношений. Также Ермолович постоянно пишет о необходимости, неизбежности и прогрессивности такого явления средневекового развития, как феодальная раздробленность. «У цэлым усе даследчыкі як на прыкмету аслаблення Полацкай зямлі ўказваюць на яе раздробленне пасля смерці Усяслава, пры якім яна захоўвала адзінства. Тут яўнае неразуменне гістарычнага працэсу. З аднаго боку, сцвярджаецца прагрэсіўнасць развіцця феадалізму ў Старажытнай Русі, а з другога боку – адмоўна характарызуецца палітычная дэцэнтралізацыя, якая з’яўляецца *заканамірным вынікам* папярэдняе ўказанага працэсу. Менавіта поступ феадалізму, што абуджаў мясцовыя эканамічныя інтарэсы, і быў той спружынай, якая прыводзіла ў рух дэцэнтралізацкія імкненні, узмоцненыя ранейшай гісторыяй і фактарамі геаграфічнага становішча... Апынуўшыся ў авангардзе *заканамірнага эканамічнага развіцця*, сама Полацкая зямля, зноў-такі першая з усіх усходнееўрапейскіх земляў падпала пад працэс феадальнага драбнення на паасобныя ўдзелы» [3, с. 149 – 150] (выделено мной – В. Ц.). “Драбненне [феадальная раздробленность – В. Ц.] было аб’ектыўным гістарычным працэсам” [3, с. 202]. “Аднак раздробленасць, якая была вынікам феадальнага спосабу вытворчасці, з’яўлялася на той час *заканамірным і прагрэсіўным этапам гістарычнага развіцця*. Таму яе нішто не магло спыніць. Вось чаму ніякія рашучыя захады кіеўскіх князёў не маглі стрымаць далейшага палітычна-эканамічнага развіцця Полацкай зямлі... Феадальная раздробленасць, як слушна адзначаюць даследчыкі, перш за ўсё праявілася ў Полацкай зямлі, што сведчыла пра яе больш высокае сацыяльна-эканамічнае развіццё ў параўнанні з некаторымі іншымі землямі. Гэта і было прычынай таго, што яна, першай вылучыўшыся з Кіеўскай дзяржавы, у сваю чаргу сама стала дзяліцца на ўдзелы. У кожным з іх замацаваўся той ці іншы род полацкіх князёў. Аднак па-ранейшаму для ўсіх іх быў прывабны полацкі пасад, які меў значэнне вялікакняскага і за які пачыналася паміж імі барацьба... Але феадальная раздробленасць і звязаная з ёю палітычная дэцэнтралізацыя і міжусобная барацьба не маглі цягнуцца без канца. Справа ў тым, што ў непрах самой феадальнай раздробленасці выпявалі ўмовы для яе адмірання. Ствараючы лепшыя магчымасці для асваення новых земляў і прыродных рэсурсаў, росту гарадоў, развіцця земляробства і рамёстваў, феадальная раздробленасць гэтым самым садзейнічала таварнай вытворчасці, г. зн. вытворчасці непасрэдна для абмену, для гандлю. А гэта ў сваю чаргу вяло да эканамічнага і палітычнага збліжэння паасобных земляў... З прычыны далейшага развіцця прадукцыйных сіл феадальнага грамадства і пашырэння гандлю пачаўся працэс феадальнай канцэнтрацыі, на аснове якога ішло збліжэнне асобных тэрыторый Полацкай зямлі. І хаця ўдзелы працягвалі існаваць яшчэ доўгі час, аднак міжусобная барацьба паміж імі не адзначана ў крыніцах, як, напрыклад, у сярэдзіне XII ст. Эканамічныя інтарэсы бралі верх і прымушалі падначальвацца ім” [4, с. 13–16].

Относительно возникновения Великого княжества Литовского Ермолович приводит следующие доводы: ослабление древнерусских княжеств в результате татаро-монгольского нашествия, опасность агрессии крестоносцев и *общие экономические интересы* белорусских земель. Именно последний фактор у Ермоловича является решающим. О нём говорится ещё в описании политической деятельности минского князя Глеба в XII в.: “дзеянні Глеба Менскага ў адносінах дрыгавіцка-прыпяцкіх зямляў не былі валютарысцкія. У грандыёзных

планах Глеба Менскага па далучэнні да свайго княства нёманскіх, дняпроўскіх і прыпяцкіх земляў добра выяўляюцца контуры будучай Беларусі і цэнтральнае значэнне ў ёй Менска. Ажыццяўленне гэтай ідэі праз восем стагоддзяў выдатна пацвердзіла выключную палітычную праніклівасць Глеба Менскага” [3, с. 172]. Говоря о возвышении Новгородского княжества, Ермолович вновь обращается к общим тенденциям развития феодального общества: “Новгородской зямлі ўдалося выйсці з-пад залежнасці ад галіцка-валынскіх князёў, у першую чаргу, таму, што іх зямля была аслаблена мангола-татарскім нашэсцем” [6, с. 60]; “Такое аб’яднанне [возникновение Великого княжества Литовского – В. Ц.] было вынікам гістарычнага працэсу эканамічнага, палітычнага і культурнага збліжэння беларускіх земляў у басейнах рэк Дзвіны, Дняпра, Нёмана. На аснове чаго ішло фарміраванне тэрыторыі Беларусі” [6, с. 82]; “Прыліў новага насельніцтва, зразумела, не мог не выклікаць яшчэ большага развіцця прадукцыйных сіл Новгородской зямлі, што ў першую чаргу выкарысталі для свайго ўзбагачэння яе феодалы. Маючы ў сваіх руках вялікія багацці, яны былі зацікаўлены ва ўстанавленні больш моцнай дзяржаўнай улады, з дапамогай якой можна было б трымаць у пакорнасці сялян і рамеснікаў, захопліваць новыя землі” [4, с. 23]; “Паколькі ўтварэнне ВКЛ было найперш вынікам эканамічнага, палітычнага і культурна-этнічнага збліжэння і аб’яднання беларускіх земляў, то гэты гістарычны працэс быў у інтарэсах беларускіх феодалаў. Таму становіцца зразумелым, чаму ў ВКЛ пануючае месца заняла беларуская культура і дзяржаўнай стала беларуская мова” [4, с. 94].

Также говоря о истории Великого княжества Литовского, Ермолович ещё раз обращается к историческому закону, согласно которому народность, объединённая в единое государство, получает толчок в своём развитии по сравнению с теми народностями, объединение которых в едином государстве не состоялось: “Паколькі Беларусь не ведала татарскага нашэсця і яе эканамічныя і культурныя цэнтры не былі разбураны, адзначаны працэс /эканамічнае, палітычнае і культурна-этнічнае збліжэнне земляў тэрыторыі Беларусі/ тут адбываўся хутчэй, чым у рускіх і ўкраінскіх землях, дзе ён быў перарваны татарскай навалай. Вось чаму пашырэнне тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага ішло шляхам аб’яднання беларускіх земляў, якое адбывалася мірна. І таму мы не можам указаць дакладна, якая з іх і калі стала састкаю Вялікага княства Літоўскага. Такое становішча беларускіх земляў, у прыватнасці іх больш ранняе злучэнне ў параўнанні з іншым усходнеславянскім абшарам, дало ім значныя перавагі. Найперш гэта забяспечыла ім дамінуючае значэнне ў Вялікім княстве Літоўскім. Менавіта беларускія землі вызначалі яго ўнутраную і знешнюю палітыку” [5, с. 13–14].

Как видно, механицистский тип формального доказательства используется Ермоловичем не так уж часто. Кроме приведённых цитат, можно привести их ещё лишь несколько. Поэтому становится понятным, что из всего объёма ермоловичских текстов эти цитаты представляют собой пусть и немаловажную, но всё же небольшую часть. Всё остальное повествование и анализ у Ермоловича строится по типу контекстуалистского формального доказательства. Поэтому мы и определили тип формального доказательства, который использует Ермолович как контекстуализм, совместимый с механицизмом по классификации Уайта. При этом, на наш взгляд, доминирует у Ермоловича всё же контекстуализм.

При определении типа идеологического подтекста по классификации Уайта сложно предложить в качестве подтверждения какие-либо цитаты. Этот подтекст виден из общего характера и стиля исторического произведения. Рассматриваемые здесь книги Ермоловича такой стиль содержат, причём он неизменен в каждой из них. Этот идеологический подтекст можно определить как консерватизм. Уайт определяет историка-консерватора как исследователя, для которого идеал находится в прошлом. Историк-консерватор, в отличие от политика-консерватора, не стремится и не провозглашает возврат к прежнему. Он осознаёт необходимость изменений, но считает, что эти изменения не должны проходить быстро и кардинально изменять тот порядок вещей, который существует. В отношении Ермоловича можно утверждать, что для него идеал белорусской государственности как идеи и как её воплощения находится в прошлом: в Полоцкий, Новгородский и Виленский периоды истории Беларуси. Все изменения, происходившие в тот период, Ермолович описывает как положительные, способствовавшие развитию белорусской государственности. Дальнейшие изменения в

истории Беларуси Ермолович рассматривает как в той или иной степени ухудшение положения Беларуси, что, по его словам, после разделов Речи Посполитой привело к утрате всякой формы суверенитета территории Беларуси в составе Российской империи. И хотя Ермолович заканчивает своё повествование утверждением о том, что на современном этапе идея независимости Беларуси нашла своё полное выражение и реализацию, тем не менее, данная проблема у него абсолютно не выражена, так как современную историю Беларуси он не рассматривает. В целом же, Ермолович придерживается консервативного типа идеологического подтекста по классификации Уайта.

Таким образом, Ермолович использовал в своих исторических произведениях тип построения сюжета – комедия с элементами трагедии, тип формального доказательства – контекстуализм с элементами механицизма и тип идеологического подтекста – консерватизм.

Резюме. В статье даётся анализ концепции истории Беларуси Н. И. Ермоловича с точки зрения философско-исторической схемы американского мыслителя Х. Уайта.

Abstract. The analysis of N.I. Ermolovich's Belarusian history concept from the point of view of American thinker H. White's philosophical-historical scheme is given in the article.

Литература

1 Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002.

2 Цацарын, В. У. Хэйдэн Уайт і Польш Рыкёр аб структуры гістарычнага тлумачэння / В. У. Цацарын // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – № 4 (55). Ч. 1.

3 Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацкі і Новагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск,

4 Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мн., 2003.

5 Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд / М. Ермаловіч. – Мн., 1994.

6 Ермаловіч, М. І. Па слядах аднаго міфа / М. Ермаловіч. – Мн., 1991.

История

УДК 327.51 (091)

Персидский залив как зона геополитических интересов США

С. А. Андросик

В данной статье рассматривается внешняя политика США и, в частности, анализируется политика США в регионе Персидского залива. В статье определяется, какими именно интересами США обусловлено внимание к этому региону.

В XX в. после обнаружения огромных запасов нефти и начала промышленной разработки нефтяных месторождений роль Персидского залива как транспортной артерии, позволяющей обеспечить бесперебойное снабжение углеводородным сырьем страны-импортеры нефти, не только не уменьшилась, но и значительно возросла.

Персидский залив – это одна из «несущих конструкций» современной системы международных отношений. Здесь сосредоточено примерно 70% мировых запасов нефти (в том числе в Саудовской Аравии – 25%, в Ираке – 11%, в Кувейте и ОАЭ – по 10%) [5, с. 26]. В 80-е годы Саудовская Аравия, Кувейт и Ирак экспортировали около половины всего поступавшего на мировые рынки "черного золота". В странах региона находится 40% мировых запасов газа. Здесь сходятся в своеобразный "узкий пучок" воздушные и сухопутные коммуникации, связывающие Европу с Азией. Большинство государств Персидского залива – крупнейшие экспортеры капитала (зарубежные авуары одного лишь Кувейта достигли к концу 1997 г. 120 млрд. долларов) [2, с. 24]. Регион представляет собой емкий рынок сбыта: в 1992 году Саудовской Аравией было импортировано товаров на 34 млрд. долларов, Кувейтом – на 7 млрд. долларов, а в 1997 году Ираном – на 15 млрд. долларов [8, с. 18].

Интерес США к этому стратегическому региону был предопределен логикой глобального противостояния двух мировых военно-политических систем во главе с США и СССР, стремлением Вашингтона и его союзников сохранить контроль над местными политическими режимами и обеспечить беспрепятственный доступ Запада к нефтяным ресурсам зоны Персидского залива, т.е. государств Аравийского полуострова, Ирака и Ирана.

Неожиданный и мощный удар по американским позициям и интересам в регионе, нанесенный исламской революцией 1979 г. в Иране, заставил Вашингтон в реализации своей политики на Ближнем и Среднем Востоке перейти от опоры на дружественные ему, но недостаточно устойчивые местные режимы к стратегии исключительного использования собственной силы.

Если в 80-х годах XX в. в первую очередь речь шла об Иране и исламских оппозиционных движениях в зоне Персидского залива и не было и речи ни о терроризме, ни об угрозе со стороны Ирака, и более того, Ирак как политический оппонент и военный противник Ирана воспринимался Вашингтоном в качестве важной, если не главной, составляющей части антииранского блока в регионе, своего рода барьера на пути культивировавшейся в те годы Тегераном т.н. «исламской революции», то в начале XXI в. вектор стратегических интересов США изменился. Соединенные Штаты теперь не на стороне Ирака, начало нового столетия ознаменовалось уже военной экспансией в этой стране.

Повышенное внимание к Персидскому заливу со стороны западных государств, и прежде всего Соединенных Штатов, обусловлено стремлением обеспечить бесперебойные поставки нефти. Эта задача носит долгосрочный стратегический характер, учитывая зависи-

мость, в частности, экономики США, от ввоза углеводородного сырья: в начале XXI в. за счет импорта будет обеспечиваться две трети их потребности в "черном золоте" (для сравнения, в 1989 году – 44 %). Вашингтон стремится не допустить установления какой-либо другой державой контроля над нефтяными месторождениями и обеспечить сохранение стабильности в зоне Персидского залива.

Ближневосточная нефть представляет собой важный компонент потребляемых в США нефтепродуктов. В настоящее время США импортируют 55% потребляемой нефти, почти 22% которой поставляется из стран Персидского залива, остальные поставки осуществляются из неарабских стран – таких как Канада и Венесуэла. Зависимость США от Персидского залива начала усиливаться после 1991 г.: реальное потребление нефти из этого региона увеличилось с 1,8 млн. баррелей в день в 1991 г. до 2,4 млн. баррелей в 2000 г. В результате США стали достаточно чувствительными к политическим и экономическим колебаниям ситуации на Ближнем Востоке. Тем более что на Персидский залив приходится 65% мировых резервов нефти и 29% ее производства в мире [6, с. 32].

Геополитическое пространство Персидского залива традиционно является объектом пристального внимания политиков и экспертов в современной системе международной безопасности и международных отношений. В научных кругах как Запада, так и Востока до сих пор идут дискуссии о том, какие критерии правомерно использовать для определения «пространственной протяженности и географического месторасположения региона» [1, с. 16].

Я. Черкасский [10, с. 35] предлагает использовать для идентификации региона метод «экономической и политической включенности», который позволяет четко определить границы региона Персидского залива, назвав государства, входящие в него: государства – члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) – Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Королевство Саудовская Аравия, с одной стороны, и Ирак, Иран – с другой. Йемен, географически так же расположенный на Аравийском полуострове и граничащий с Саудовской Аравией и Оманом, в силу отсутствия экономической и политической вовлеченности в дела региона не рассматривается как его составляющая. Согласно этой концепции, страны региона можно разделить на две категории:

1. Великие региональные державы (прежде всего Ирак, Иран и, в некотором отношении, Королевство Саудовская Аравия);

2. Малые региональные державы (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ и Оман).

Вынужденный уход Ирака с мирового нефтяного рынка и экономические затруднения Ирана в эксплуатации своих природных ресурсов, а также падение добычи нефти в России изменили расстановку сил, «аравийская шестерка» в сложившихся условиях заняла лидирующие позиции в качестве нефтеэкспортера. Причем по мере сокращения мировых углеводородных запасов важность стран ССАГПЗ в мировой экономике и политике будет только возрастать.

Правящие круги США исходят из того, что изменение миропорядка в связи с прекращением «холодной войны» не привело к девальвации геополитической значимости региона Персидского залива, который неизменно включается в зону «жизненно важных интересов США» во всех доктринальных документах по внешнеполитической тематике. Такой подход аргументируется как признанием его ключевой роли в обеспечении стабильности мировой экономики и благополучия стран Атлантического альянса, так и воздействием на широкую гамму актуальных международных и региональных проблем.

Збигнев Бжезинский констатирует, что «впервые в истории неевропейская страна (США) возвысилась до роли не только главного арбитра отношений в Евразии, но и первой державы мира» [7, с. 264].

С этой точки зрения, суть нынешней ситуации, связанной с событиями в Ираке и других странах, хорошо объясняют три документа, предопределяющие стратегическую логику поведения и роль США:

1. Доклад Национального совета США по разведке (декабрь 2000 г.) «О развитии мировой ситуации до 2015 г.», содержащий предупреждение о том, что к указанному сроку США столкнутся с проблемой энергетического кризиса. Причина – рост потребления энергоресурсов

в других странах, особенно в Китае, Индии, а также в Европе. В докладе прогнозируется, что к 2015 г. 4/5 ближневосточной нефти будет импортироваться в Восточную Азию. Даются рекомендации о необходимости сокращения зависимости США от импорта нефти. Эксперты рекомендуют сократить ежедневный импорт с 11 млн. баррелей до 5-6 млн.;

2. Энергетическая программа Дж. Буша, опубликованная в мае 2001 г., где ставится задача увеличить потребление к 2040 г. до 23 млн. баррелей в день. Такие масштабные планы вызывают необходимость поиска новых источников энергетических ресурсов во всех районах мира и установления над ними жесткого контроля;

3. Новая стратегия национальной безопасности США, принятая в 2002 г., свидетельствует о выборе путей выхода из предкризисного состояния, в котором находится американская экономика. Вашингтон рассчитывает решать эти проблемы преимущественно с помощью военной силы, устанавливая контроль над ключевыми ресурсными регионами мира, а также волевым введением гибких цен на нефть для себя и лояльных ему стран [4, с. 56].

Следует напомнить, что вся стратегия и политика Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке со времени окончания второй мировой войны 1939-1945 гг. была направлена на расширение и закрепление экономических, политических и военно-стратегических позиций США в этих районах мира.

Процесс изменения геостратегической ситуации в зоне Персидского залива наметился после резкого обострения отношений Ирака с арабскими монархиями Аравийского полуострова, в результате чего возник «кувейтский кризис» 1990 г. В дальнейшем была серия безуспешных попыток Совета безопасности ООН заставить С. Хусейна вывести свои войска с оккупированной кувейтской территории, создание под эгидой США антииракской коалиции и группировки многонациональных сил, и, наконец, «Буря в пустыне» – военная операция США и их союзников по освобождению территории Кувейта. В итоге военно-политическая обстановка в зоне Персидского залива и в целом на Ближнем и Среднем Востоке была надолго дестабилизирована.

Окончательное закрепление американской группировки в Заливе произошло в ходе операции "Буря в пустыне", когда союзники США в Заливе вынуждены были просить их о размещении войск на своей территории. «Буря в пустыне» оказалась призванной не только решить конкретные проблемы безопасности в Персидском заливе – освобождение Кувейта и разоружение Ирака. Залив стал своего рода полигоном, где впервые была отработана система региональной безопасности, основанная на гарантиях и интересах внешней державы (США) и на новом американском понимании «мирового порядка» [3, с. 82]. В отличие от Великобритании, которая манипулировала местными игроками, США приняли на себя функции лидера и стороны, принимающей решения, оставив местным государствам исключительно роль союзников и наблюдателей. После войны в Заливе США приняли в отношении региона новый курс – стратегию «двойного сдерживания» Ирана и Ирака. Его проведение позволило США в течение десяти лет обеспечивать бесперебойные поставки нефти из стран Залива и избегать крупных конфликтов между ними. Однако к концу XX в. данный курс себя исчерпал как тактически, так и стратегически.

В США ситуация в энергообеспечении обсуждается в терминах национального энергетического кризиса. В 2001 г. рабочая группа представила президенту США доклад «Национальная энергетическая политика», в котором предлагается, среди прочего, содействовать усилиям по доступу к мировым энергоресурсам. А Министерство энергетики США прямо выделило зоны особых энергетических интересов страны и мировые области энергетического контроля и наблюдения. Дело, однако, в том, что эти зоны и области представляют интерес и для других государств: и поставщиков, и потребителей энергоресурсов [9, с. 62]. Все это говорит о том, что интерес США к региону Персидского залива несколько не ослабнет, а в условиях все повышающейся энергетической зависимости США от импорта энергоресурсов будет только возрастать. Именно «нефтяной фактор» и в меньшей степени геостратегическое положение региона определяют повышенное внимание США к данному региону.

Резюме. Статья посвящена внешней политике США в регионе Персидского залива. Автор анализирует интересы, которые являются самыми важными для США в этом регионе. Эти интересы будут доминировать из-за увеличивающейся зависимости США от импорта энергетических ресурсов. Именно «нефтяной фактор» и в меньшей степени геостратегическое положение региона определяют повышенное внимание США к данному региону.

Abstract. This article is focused on the USA foreign policy in the Persian gulf region. The author finds the interests, that seem to be the most important for the US in the area. This interest will be increased due to the USA increasing dependence on energy resource import. It is rather «oil factor» than geostrategic position that determines great interest of the USA in this region.

Литература

- 1 Александров, И.А. Монархии Персидского залива. Этап модернизации / И.А. Александров. – М.: Международные отношения, 2000. – 296 с.
- 2 Борисов, А.В. Страны, Люди, Время. Персидский залив. БОЛЬШАЯ НЕФТЬ – БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА / А.В. Борисов // Азия и Африка сегодня. – 2000. – № 2. – С. 24-27.
- 3 Братерский, М.В. Иран и Арабские страны: традиционный конфликт и роль США / М.В. Братерский // МЭиМО. – 2003. – № 11. – С. 81-90.
- 4 Ивашов, Л.Г. Что стоит за планами войны США против Ирака / Л.Г. Ивашов // Журнал теории и практики Евразийства. – 2003. – № 22. – С. 52-58.
- 5 Кувейт: Государство и границы. – М., 1994. – с. 226.
- 6 Лавренов, С.А. Нестабильность в Персидском заливе выгодна США / С.А. Лавренов // Мировая энергетическая политика. – 2002. – № 2. – С. 29-34.
- 7 Нарысы амерыканскай гісторыі // пад рэдакцыяй Г. Сінкота. – Мн.: Інфармацыйнае агенцтва ЗША, 2000. – 642. с.
- 8 Смирнов, А. Война в пустыне / А. Смирнов // Вооружённые силы России. – 2000. – №4. – С. 17-23.
- 9 Телегина, Е.В. Мировой энергетический кризис и геополитические интересы России / Е.В. Телегина // МЭиМО. – 2003. – № 5, – С. 60-64.
- 10 Черкасский, Я. Региональная безопасность Персидского залива / Я.Черкасский // Белорусский журнал международного права и международных отношений // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 4. – С. 34-39.

УДК 27-4 (=161.1)

Развитие идеи «симфонии властей» в православном богословии и русской религиозно-философской мысли

В. К. БОРЕЦКАЯ

Выработанные в патриотическом богословии принципы церковно-государственных отношений были зафиксированы в канонах и государственных законах Византийской империи. Их взаимные отношения выстраивались исходя из принципа симфонии (συμφωνία), на основании которого церковь и государство составляли один сложный и нераздельный организм. Хотя данная теория и подразумевала относительную автономию двух властей, на практике она часто приводила к политизации религии, что порождало конфликтные ситуации и приводило к прямому противостоянию церкви и государства. Целью настоящего исследования является анализ и реконструкция основных принципов взаимоотношения церкви и государства в православном богословии и русской религиозно-философской мысли. Актуальность данной проблематики обусловлена необходимостью раскрытия специфики социального богословия, которое оказывало и оказывает влияние на формирование церковно-государственных взаимоотношений, а также его авторитетностью для современного социального учения РПЦ.

Система церковно-государственной «симфонии» основывалась на предисловии к 6-й новелле знаменитого Corpus juris civilis императора Юстиниана (527-565), которая гласила: «Величайшие блага, дарованные людям высшею благодатью Божьей, суть священство и царство, из которых первое (священство, церковная власть) заботится о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому ничто не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу. И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого рода» [1, с. 43-44]. Согласно данному постановлению, идеальной целью этих двух порядков, как церкви, так и государства, является приближение Царства Божьего. Государство само по себе не имеет сотериологического характера, его значение сводится к выполнению определенной функции в сложном организме «государства-церкви». Идеал симфонии заключался в соподчинении целей государства и церкви, во взаимной поддержке при соблюдении юридической независимости. Государство получало со стороны церкви моральную и духовную поддержку, а церковь заручалась поддержкой государства, которое создавало условия, благоприятные для благовествования и духовно-просветительской деятельности.

Следующим шагом подтверждения системы «симфонии» было утверждение Эпанагоги, юридического свода для судей, составленного в конце IX века. В ней, учитывая опыт иконоборческих войн, настаивалось на идеале равноправия двух властей в духе диархии. Государство в Эпанагоге представлено наподобие человеческого организма, состоящего из двух частей: души и тела. Для гармоничного обустройства государства необходимо существование двух властей, которые, как душа и тело, должны находиться в согласии. Т. е. достижение благосостояния подданных возможно лишь тогда, когда священство и императорская власть находятся в согласованных отношениях между собой. Следует подчеркнуть, что искомым идеалом согласия в Византии достигался путем единения закона и канона, регламентирования внутрицерковных правил государственными конституциями и новеллами, наделением епископов гражданскими обязанностями и правом печалования, а византийских василев-

сов, именуемых «епископами дел внешних», правом наблюдать за точным исполнением церковных постановлений их подданными: духовенством и мирянами [2, с. 26-44]. Логическим последствием такого слияния стало право императора отменять распоряжения церковной власти, если он находил их несогласными с законами и канонами. Поэтому в Византии идеал симфонии в юридической реализации и политической практике зачастую подвергался деформации вследствие смешения сфер деятельности государства и церкви.

Следуя принципу акривии (*ἀκρίβεια τῶν δογμάτων καὶ κανόνων*), т. е. точного соблюдения православных догматов и канонов, византийские богословы не стремились к конкретизации сфер полномочия духовной и государственной властей, а также к определению принципов их взаимосотрудничества. Богословская мысль была глубоко консервативна, поэтому даже в трудах знаменитых византийских богословов, таких как Иоанн Дамаскин, Михаил Пселл, отсутствовала разработанная система социального богословия. Выдающийся представитель русского дореволюционного византиноведения А. П. Лебедев, характеризуя византийское богословие, отмечал, что «мысль идет по однажды принятому пути без всяких позывов к чему-нибудь новому, к усиленному труду и серьезному углублению» [3, с. 176]. Причину такой инертности в какой-то степени можно объяснить двойственностью основных парадигмальных установок византийского богословского дискурса. Первая из них, представленная православной аскетикой – парадигма обожения. Являясь доминирующей, она содержит в себе сущностный элемент православной духовности. Вторая парадигма освящения (сакрализации), в значительной мере унаследована от языческой религиозности и традиционно преобладает в отношении к светской власти и государству.

Заимствуя идеологию двуединства, вместе с элементами государственной церковности и патерналистским архетипом монархии, русские религиозные мыслители пытались дать новое обоснование идеи симфонии, опираясь на традиции, заложенные еще в эпоху патристики. Одна из них, опираясь на взгляды Евсевия Кесарийского, на традицию теонимичности, признает первенство государственной власти, исходя из формулы: «Один Бог – один Царь». Вторая, ссылаясь на позицию Иоанна Златоуста, подчеркивает независимость церкви и необходимость социального служения. Следует отметить, что русская религиозная мысль, вбирая в себя противоречивость культурно-исторического развития России и сложные формы взаимодействия с западной богословской и социально-философской мыслью, постоянно существовала в ситуации «раскола» между западной формой социального служения церкви миру и византийской системой церковно-государственных отношений. Особенностью русского православного богословия является отсутствие четко выработанной схоластической доктрины для христианского социального служения, которая совмещала бы в себе мистическую созерцательность и благочестие с практической активностью. Отсюда присутствие антиномии в русском богословии относительно концепции взаимоотношений церкви и государства. Достаточно ярко прослеживается она в знаменитом споре XVI в. иосифлян и «заволжцев». Иосифляне, являясь сторонниками Иосифа Волоцкого (Санина), отстаивали самостоятельность и независимость церкви и монастырей как средоточия духовной жизни. Это были попытки восстановить утраченную уже в Византии «симфонию» церкви и государства и утвердить примат духовной власти в религиозно-нравственном аспекте над волюнтаризмом царской власти, в условиях усиливающегося влияния государства на внутрицерковную жизнь. Воплощение в жизнь данной идеи требовало решения ряда политических, экономических и богословских вопросов, что нашло отражение в дискуссии 1505 года по частному вопросу о церковном имуществе. Оппоненты иосифлян, последователи исихаста и книжника Нила Сорского, отстаивали позицию созерцательности, отказа от активной религиозно-социальной деятельности и абсолютного нестяжания в вопросах церковного имущества. Защищая чистоту православия и нравственные ценности христианства, приводя разумные доказательства, каждая из сторон затрагивала один и тот же вопрос о служении обществу и государству, но основываясь на своем опыте. Разногласие возникали, по мнению выдающегося русского богослова XX века Г. Флоровского, относительно способа «завоевания мира»: путем активного социального служения или через преображение и воспитание нового человека, через становление новой личности [4, с. 25]. Следует отметить, что активная деятельность

Волоцкого инициировала новое церковное мировоззрение в русском православии, несколько отличающееся от унаследованного из византийского богословия.

В XVII веке вновь возникает вопрос относительно церковно-государственных отношений, но уже на фоне церковного реформирования. Инициатива реформирования исходила от царя Алексея Михайловича и, помимо исправления и приведения в соответствие церковно-богослужебных книг, затрагивала также вопросы церковно-монастырского землевладения и вотчинных прав духовенства. В 1562 году к уже начатой при патриархе Иосифе реформе был привлечен патриарх Никон, который со свойственным ему рвением и влечением к греческому православию продолжил начатые преобразования. Пытаясь отстоять права церкви, он не признал Соборного уложения 1649 года об ограничении церковно-монастырского землевладения и открыто выступил против правительственных мероприятий. В своей защитной речи «Разорение» на Соборе в ноябре 1666 года он обвинил царя и его правительство в посягательстве на свободу церкви. По мнению Г. Флоровского, Никон в своей речи пытался отстоять идею духовного первенства священства, опираясь на воззрения Иоанна Златоуста [4, с. 69]. К сожалению, прибегая к обвинению государственной власти, Никон не попытался определить области служения государственной и церковной власти, а также принципы их взаимного ограничения. В результате собор восточных и русских иерархов, опираясь на опыт византийского православия, признал действия Никона по отношению к царю не соответствующими православным канонам и лишил его сана.

Церковные преобразования Петра I лишили церковь свободы самоуправления, сделав ее государственной структурой. Ликвидация патриаршества и введение должности обер-прокурора и коллегиального церковного управления – Священного Синода значительно ограничило свободу РПЦ, а также автономию приходов и монастырей. Новая система церковно-государственных отношений выстраивалась в соответствии с «Духовным регламентом», составителями которого были Петр и епископ Феофан Прокопович. В регламенте, помимо обоснования необходимости введения коллегиального начала в церковном управлении, присутствовала идея абсолютной государственной власти, исходя из известного постулата западной реформации: *cujus regio, ejus religio*. По мнению Г. Флоровского, это была попытка «Русской Реформации» путем внешней реформы церкви, путем отождествления государственной и церковной властей, что привело к бюрократизации внутрицерковной жизни, к снижению внутреннего духовного потенциала церкви и упадку миссионерской деятельности [4, с. 86]. В результате русское православное богословие, опираясь на базисные парадигмы восточно-христианской традиции аскетизма и сакрализации светской власти, заимствуя также концептуальный аппарат из западной интеллектуальной традиции, приобретает компилятивный характер, с присущим ему оправданием сосуществования функций христианского императора и главы христианской церкви в лице светского представителя власти.

В конце XIX – начале XX века положение православной церкви в России определялось в основном законодательными актами, принятыми еще при Петре I. Православная церковь, являясь фактически частью государственной монархической структуры, наделялась особыми привилегиями перед другими исповеданиями. Данные привилегии создавали в России положение религиозного предопределения, что предрасполагало к социальному бездействию церкви и усугубляло конфликт между церковной иерархией и мирянами. Все это указывало на необходимость внутреннего преобразования церковного строя и кардинального преобразования системы церковно-государственных отношений, в частности, восстановление соборного строя церкви и учреждение патриаршества.

В Европе с середины XIX века появляются различные формы христианского социального движения. Активный рост данного движения был спровоцирован социальным упадком, а также остро вставшей проблемой свободы совести и вероисповедания в секуляризированном государстве. В русском православии таких полномасштабных организаций и движений социального христианства не было, но вопрос социального христианства становится одним из основных для русской религиозно-философской мысли [5, с. 19]. Духовное возрождение в кругах русской интеллигенции приводит к глубоким нравственным исканиям и как следствие – к философскому обоснованию идеи социального христианства или христианского со-

циализма. В сущности, это была христиански осмысленная социальная этика, которая рассматривала религию как фактор побуждения человека не только к личному благочестию и благотворительности, но и к честной и плодотворной работе на благо общества, к улучшению политической и экономической систем, к доброжелательному диалогу со всеми людьми доброй воли. Возникновение ее, по мнению философского журнала «Логос» Ф. Степуна, было закономерным для русского философского мышления, потому что «для русского человека вообще, философствовать всегда значило по правде и справедливости устраивать жизнь, нудиться Царством Небесным, что и придавало всем философским прениям тот серьезный, существенный и духовно-напряженный характер» [6, с. 90].

Благодаря популяризации данной идеи, среди религиозных мыслителей и прогрессивного духовенства происходит трансформация богословских воззрений не только относительно социальной активности церкви как общественного института, но и трансформация принципов церковно-государственных отношений. В настоящем исследовании мы обозначим позиции тех мыслителей, которые пытались обосновать принципы церковно-государственных отношений, исходя из идеи социального христианства. Следует также отметить, что по отношению к форме государственного обустройства данные авторы занимали противоположные позиции от апологии монархии до антимонархизма, но всех их объединяет идея активного, свободного от внешнего вмешательства христианского творчества, благодаря которому возможно гармоничное обустройство социума.

На социальное значение христианства указывает в своих «Философических письмах» А. Чаадаев (1792-1856), подчеркивая его влияние на развитие культуры и общества. Но первая попытка богословского обоснования данной идеи принадлежит идеологу славянофильства А. С. Хомякову (1804-1860). В его концепции «соборности» церковь предстает не как авторитет или учреждение, а как «свободная соборность в любви во имя Христа» [7, с. 41]. Он призывает христиан к соборному действию, к реальному осуществлению христианского учения в жизни. Соборность церкви – это образ совершенства, к которому должна стремиться вся общественная жизнь [7, с. 65, 177]. Пытаясь защитить православную церковь от нападок западных богословов, доказывая независимость церкви от императорской власти, Хомяков не представляет какого-то определенного способа организации церковно-государственных отношений, что объяснимо отсутствием четко разработанной метафизической системы. Основным принцип сводится не к повиновению государственной власти, а к воплощению соборности и просветлению религиозным духом общественной жизни.

Дальнейшее развитие идеи «соборности» находим в проекте «свободной теократии» Вл. Соловьева (1853-1900), религиозно-философские воззрения которого можно охарактеризовать как попытку соединения двух форм общественного и духовного служения церкви обществу. «Всеединое богочеловеческое общество» должно являть собой гармоничное сочетание трех сфер общественной жизни: церкви (духовного союза), государства (политического союза) и земства (экономической области отношений). Констатируя «реально-нравственный характер государства», философ обосновывает его необходимость для создания условий в целях реализации свободной теократии [8, с. 509, 1106-1107]. «Христианская миссия» государства заключается в содействии человеку при реализации его божественного предназначения, т. е. «применения христианской морали ко всем вопросам общественного и политического характера» [8, с. 218]. Основными функциями государства, с точки зрения мыслителя, являются правоохранительная и социальная. С одной стороны, государство должно способствовать установлению и поддержанию справедливого порядка, без которого социум не может гармонично существовать. С другой – создавать необходимые условия для достойного существования личности. Стать проводником не формальной, правовой, но подлинной справедливости государство может, согласно мысли философа, через признание фундаментом всех прав единственного подлинного закона жизни на земле, который является основой христианской нравственности. Государство представляет собой одну из форм человеческой солидарности, поэтому всегда в той или иной мере способствует реализации религиозно-нравственных принципов, деятельно исполняемых обществом в конкретную историческую эпоху. Соответственно, оно может быть христианским в той степени, в какой христианским является само общество, придерживаясь

позиции «христианской политики». Под этим определением, которое являлось антитезой политике национальных интересов, философ понимал, прежде всего, необходимость воплощения христианских принципов не только в личностном, но, прежде всего в социальном аспекте [9, т. 1, с. 66]. Существенная роль здесь отводится социальному служению церкви, т. е. на сколько она будет являться духовным авторитетом для сограждан.

Обосновывая необходимость союза государства и церкви, Вл. Соловьев предполагает их взаимную зависимость и свободное равенство, что является необходимым условием для осуществления христианского идеала на земле. «Истинное отношение церкви и государства, без сомнения, есть обоюдная свобода, но не отрицательная свобода равнодушия, а положительная свобода согласного взаимодействия в сослужении одной общей цели – устройению истинной общественности на земле» [9, т. 1, с. 56]. Взаимоотношения церкви и государства должны предполагать относительную автономию и тесное сотрудничество, что подразумевает духовное воздействие церкви на внутренний мир человека и создание государством условий для достойного существования и духовного совершенствования людей. Следует отметить, что соловьевское понимание идеала церковно-государственных отношений оказало влияние на многих русских религиозных мыслителей и церковных иерархов, став предпосылкой будущих внутрицерковных преобразований РПЦ.

Являясь сторонником монархического принципа власти, видный русский идеолог монархизма и религиозный мыслитель Л. А. Тихомиров (1852-1923) также подчеркивает необходимость социальной активности церкви в государстве, при условии восстановления «истинного строя церкви – то есть Церкви самостоятельной, соборной, независимой от мирской власти и связанной с вселенским православием» [10, с. 364]. Деятельность церкви в социальном пространстве предстает как проявление духа соборности и «совершается в теснейшей совместимости всех членов» [10, с. 350]. Поэтому, учитывая обременительную зависимость церкви от российского государства, которая имела статус государственного учреждения, Тихомиров отстаивает ее право на самоуправление и возрождение патриаршества. Благодаря чему возможно восстановление приходской жизни и социальной деятельности церкви без угрозы клерикализма и иерократии. Государство нуждается в церкви «самостоятельной, неподчиненной никому, кроме своего Владыки – Христа», как в независимом источнике нравственности и морали, дабы избежать абсолютизма и деспотизма [10, с. 351]. Обосновывая необходимость союза государства и церкви, Лев Александрович предполагает духовное первенство последней, в значении нравственной и религиозной основы монархии. Их гармоничный союз является основой для активного церковно-государственного сотрудничества в процессе улучшения социальных условий.

Первой попыткой подготовить церковную реформу стали синодальные собрания 1905-1907 гг., которые были инициированы прогрессивным духовенством и религиозно ориентированной интеллигенцией. Всем епархиальным архиереям был разослан запрос, какие реформы в области церковного управления представляются желанными, с целью определения предмета обсуждения на Соборе. Собранные 4 тома документов как нельзя лучше свидетельствовали о необходимости внутрицерковных преобразований и нового определения церковно-государственных отношений, на фоне изданного 17 апреля 1905 года указа о веротерпимости. К сожалению, это не повлекло за собой кардинального изменения позиции со стороны церковных иерархов и богословов.

Оживление церковной жизни, вследствие отречения Николая II от престола, активизировало реализацию идеи о созыве Собора РПЦ. Основным заданием собора было восстановление патриаршества и структуры церковного самоуправления, а также определение новых отношений с государством, т. е. обособление от государственных институтов и установление границ церковной самостоятельности. Основные принципы построения системы церковно-государственных взаимоотношений были изложены в декларации составленной известным русским общественным деятелем и богословом С. Булгаковым «Об отношении Церкви к государству».

Продолжая идею Вл. Соловьева о «свободной теократии», известный русский общественный деятель и богослов С. Булгаков (1871-1944) в своих выступлениях на Поместном

Соборе 1917-1918 гг. подчеркивает необходимость независимости церкви и отказа от мер государственного принуждения в вопросах религиозного самоопределения личности [11, с. 13, 15]. Аннуляция внешнего союза с государством освобождает церковь от соблазна клерикализма и, что не мало важно, создает условия для плодотворной миссионерской деятельности в политико-социальной сфере. Разделение сфер служения церкви и государства не обозначает их отчуждения. Последовательно придерживаясь в своих воззрениях позиции отрицания специфически христианской или клерикальной формы государства, С. Булгаков предстает как противник крайнего эсхатологизма и полного отделения церкви от государства [11, с. 14-15; 12, с. 341]. Интерпретация проблемы в контексте абсолютного монархизма или либерализма неприемлема, прежде всего, с точки зрения христианской догматики и сотериологии. С одной стороны, церковь догматически не связана ни с одним из политических режимов. Взаимоотношения церкви и государства исходят из принципа долженствования, «по которому всякая власть должна быть христианским служением» [11, с. 15]. С другой, – реализуя потенциал всеобщего преображения заложенного в догмате о Боговоплощении, церковь не может отказаться от христианизации социума. «Церковь, – как отмечает С. Булгаков, в своем докладе «О правовом отношении Церкви в государстве», – не может отказаться быть светом миру, не изменив вере. И задача ее определяется не бойкотом неумолимой власти, а великой ответственностью перед Богом и народом» [11, с. 12]. В своей деятельности церковь должна стремиться к христианизации государства через активную общественную позицию самих христиан, которые являются подданными государства. Осознавая себя частью государства, христианин должен выполнять свой гражданский долг, исходя из принципов христианской морали, способствуя тем самым «христианскому преображению государственности» [11, с. 12]. В результате государство, пользуясь собственными средствами в политической практике, будет руководствоваться критериями христианской морали. Новый проект церковно-государственных взаимоотношений в условиях секуляризованного государства, декларируемый с. Н. Булгаковым на Поместном Соборе, можно охарактеризовать как попытку богословско-социологической интерпретации византийской симфонии властей в духе социального христианства.

На основании доклада С. Булгакова членами собора были определены и приняты основные принципы церковно-государственных отношений – это признание независимости церкви, а также ее культурного и исторического значения для российской государственности. Соборными декларациями не отрицалась и сама возможность союза с государством, при условии сохранения внутрицерковной свободы. Следует подчеркнуть, что на Поместном соборе 1917-1918 гг. обозначился явный отказ РПЦ от позиции монархического патернализма в церковно-государственных отношениях, хотя многие верующие еще долго не могли избавиться от стереотипа православного коллаборационизма, заимствованного еще со времен Византии. Впоследствии это привело к расколу РПЦ за границей и образованию в 30-е гг.: карловицкой церкви (объединяющей сторонников монархизма), патриархальной церкви (поддерживающей позицию московского патриархата в условиях советской реальности) и евлогийанской церкви (ратующей за церковную автономию и социальную активность церкви).

Развивая идею социального христианства, русский богослов и историк профессор А. Карташев (1875-1960), позитивно оценивал ситуацию церковно-государственных отношений сложившуюся в секуляризованных демократических государствах, где формально уравнивали все религии и культы, определив феномен религии в область частного права. Новейшее правовое положение церкви он определял как наиболее оптимальное в современных условиях «для развертывания работы церкви, имеющей окончательной целью христианизировать по возможности все разветвления общественной и национальной жизни» [13, с. 158]. Церковь посредством активной социальной деятельности христианизует не только «интенсивно», преображая отдельную личность, но и «экстенсивно», совершая «обожение» (theosis) общественного устройства и самого государства. Воздействуя внутренне, «молекулярным путем, клеточка за клеточкой, шаг за шагом», церковь, даже будучи в меньшинстве, сможет оказывать влияние на культурную и политическую жизнь, преображать в духе Евангелия, творить «великое историческое дело теократии-христократии в новых формах жизни» [13, с. 180].

Придерживаясь положительного мнения о византийской системе церковно-государственной диархии, Карташев не являлся сторонником православного коллаборационизма, провозглашающего обязательным союз церкви с государством, независимо от политики последнего. Отношения церкви к государству, согласно суждениям богослова, должны зависеть от политики самого государства [13, с. 184-185]. Это обозначает, что церковь не может соглашаться с безнравственными повелениями власти, равно как и занимать позицию реакционного отрицания или революционного, силового изменения структуры и политики государства. Таким образом, в условиях секуляризации вероисповедная политика отделения церкви от правового государства не является трагедией, а в духе «христократии» должна восприниматься как раскрытие новых перспектив для христианства.

В русле идеи социального христианства развивает свое учение о государственном правосознании профессор философии права И. А. Ильин (1882-1954). Государство, по мнению философа, следует воспринимать «как живую систему братства, прямо соответствующую духу евангельского учения» [14, с. 245]. Интерес государства и интерес отдельной личности тождественны. С одной стороны, сознательным гражданином можно назвать личность, которая способна интерес своего государства принимать как свой собственный, что не означает отказа от личных интересов и посвящение исключительно государственным делам. С другой стороны, государство, создавая национальную культуру, используя потенциал всех сограждан, обеспечивает систему социальной защиты, при которой отдельный гражданин воспринимается как свободная, творческая личность. Сочетать в равновесии личный и государственный интерес, «возводить каждый духовно-верный и справедливый интерес отдельного гражданина в интерес всего народа и всего государства» можно, по мнению И. А. Ильина, благодаря воспитанию сограждан в духе «христианской солидарности» [14, с. 245]. Основой государственного правосознания, согласно убеждениям данного мыслителя, является духовная солидарность граждан и признание участия всех сограждан в общественной жизни.

Идея социального христианства в русской религиозно-философской мысли раскрывается в духе этического универсализма, для которого характерно наличие попытки совмещения христианской и социальной парадигмы в их иерархическом соподчинении при отсутствии жесткого разделения религиозного и светского. Характерным для данной идеи является признание необходимости отделения церкви от государства, что гарантирует православию освобождение от социальной пассивности. В концепции христианского социализма и гуманизма государство воспринимается в качестве исторической силы, необходимой для поступательного движения всеобщей истории, богочеловеческого процесса. Следует подчеркнуть, что, возникнув на рубеже XIX — XX вв., данная идея не связана с революционными настроениями данной эпохи, поскольку не предполагает кардинального изменения социального порядка. Для нее характерна позиция признания принципов христианской любви и свободы, которых достаточно, чтобы реализовать *hic et nunc* идеал гармоничных человеческих отношений. К сожалению, она не была принята и поддержана широкими кругами русских православных верующих, что может быть объяснимо особенностями русской религиозности, для которой характерным является восприятие духовности как монашеского посвящения и отшельничества, спиритуалистическая отрешенность, морализм и фатализм, соединенные с официальным казенным клерикализмом. Сложность состояла не столько в трудности религиозного осмысления безличных социально-политических структур, отхода от идеи патерналистской монархии, сколько в религиозном осмыслении социально правовых структур, соответствующих общественно-правовому режиму и секуляризированному государству. Хотя следует отметить, что в эмиграции, в условиях религиозного меньшинства и отсутствии поддержки со стороны государства православными верующими были предприняты попытки по сращиванию практического христианства с социальной эволюцией, которые носили характер соловьевского идеала «христианской политики».

Наиболее ярким примером является деятельность матери Марии Скобцовой (1892-1945), которая практически единоличным усилием организовала проект помощи нуждающимся русским эмигрантам «Православное дело» [15, с. 493-495]. Благодаря деятельности данного проекта был открыт странноприимный дом для нищих эмигрантов и несколько об-

щежитий с дешевыми квартирами для нуждающейся интеллигенции. Одновременно мать Мария активно печаталась в журналах, освящая в своих публицистических статьях праксиологические аспекты христианства, затрагивая проблемы живой, духовной и практической помощи ближнему, а также наиболее обострившийся в эмиграции вопрос о церковно-государственных отношениях. Являясь сторонницей церковной автономии, она оценивала сложившуюся ситуацию РПЦ за границей как свободу «от гонений и от государственных подачек» [16, т. 2, с. 242]. Свобода от вмешательства со стороны государства обозначает для церкви ответственность за свои неудачи, за свою миссионерскую пассивность, за образ церковности и социальное церковное творчество. Находясь в состоянии «свободы», церковь не может обвинять власть в чрезмерном внимании или гонениях, вся ответственность за религиозную активность или ее отсутствие ложиться на саму церковь.

Идеал «симфонии властей» в православном богословии основывается, с одной стороны, на признании относительной автономии церкви и государства, с другой – на их соподчинении и взаимной поддержке. Вследствие инертности развития богословской мысли относительно социального служения церкви в обществе концепция диархии церкви и государства получает свое развитие и социально-философское обоснование в контексте идеи социального христианства в русской религиозной философии. К сожалению, данная идея не привела к возникновению полномасштабного проекта в русском православии, из-за преобладания философских и умозрительных моментов, но стала предпосылкой для формирования и определения основных постулатов современного социального учения РПЦ.

Резюме. Идея диархии подразумевала относительную автономию государственной и духовной властей, но на практике она часто нарушалась в пользу императорской власти, что порождало конфликтные ситуации и приводило к прямому противостоянию церкви и государства. Заимствуя византийскую модель церковно-государственных отношений, русская философско-религиозная мысль обладая самобытностью, ориентированная в большей степени не на познание абстрактных истин, а на искание правды и смысла жизни, дала ей новое обоснование в русле идеи социального христианства.

Abstract. The idea of a diarchy means a relative autonomy of the state and spiritual authorities, but in practice it is often broken in favour of the imperial power, which arises conflicts and leads to church and state direct opposition. Borrowing Byzantian church-state relation model, Russian philosophical-religious thought possessing the originality, focused in a greater degree not on knowledge of abstract trues, but on truth and life essence search, has given it a new explanation in the tideway of social Christianity idea.

Литература

- 1 РПЦ и право: комментарии / отв. ред. М. В. Ильичев. – Москва: Изд. БЕК, 1999. – 464с.
- 2 Соколов, И. И. О Византизме в церковно-историческом отношении; Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843-1453); Вселенские судьи в Византии / И. И. Соколов. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2003. – 272с.
- 3 Лебедев, А. П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви / А. П. Лебедев. – 2-е изд., исправ. и доп. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2003. – 336с.
- 4 Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Минск: Изд. Бел. Экзархата, 2006 – 608с.
- 5 Borecka, W. Idea społecznego chrześcijaństwa w rosyjskiej myśli religijno-filozoficznej końca XIX – początku XX wieku // Osiągnięcia naukowe młodzieży akademickiej w XXI wieku / nauk. red. A. Bobryk. – Siedlce, 2007. – 19-25s.
- 6 Степун, Ф. Россия накануне 1914 года // Вопросы философии № 9, 1992. – с. 85-120.
- 7 Хомяков, А. С. Сочинения богословские / А. Хомяков. – Санкт-Петербург: Наука, 1995 – 478с.
- 8 Соловьев, Вл. Россия и Вселенская Церковь / Вл. Соловьев. – Минск: Харвест, 1999. – 1600с.
- 9 Соловьев, Вл. Сочинения в 2 т. / Вл. Соловьев. – Москва: Правда, 1989 – т. 1: Философская публицистика. – 688с.

- 10 Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – Москва: Библиотека Сербского Креста, 2004. – 512с.
- 11 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг.: в 9 т. / Москва, 1996 – т. 4. Деяния XLI – LI. – 184с.
- 12 Булгаков, С. Православие. Очерки учения о православной церкви / С. Булгаков. – Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1985 – с. 406.
- 13 Православие в жизни: сб. статей / Христианская жизнь: Клин, 2001 – 446с.
- 14 Ильин, И. А. Собрание сочинений. В 10 т. / И. А. Ильин. – Москва: Русская книга, 1996. – т. 1 – 406с.
- 15 Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: Воспоминания / Митрополит Евлогий. – Москва: Моск. Рабочий; ВПМД, 1994. – 621с.
- 16 Мать Мария (Скобцова). Воспоминания. Статьи. Очерки / Мать Мария. – Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1992 – т. 2 – 284с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 26.01.09

Германский вопрос в политике Польши 50-70-х гг. XX века в историографии ПНР

Л. В. ГАВРИЛОВЕЦ

В историографии ПНР важное место занимают исследования, посвящённые такому значимому аспекту ее внешней политики, как германский вопрос. От решения германского вопроса во многом зависело обеспечение безопасности польского государства. Мы попытаемся проследить развитие в ПНР исследований, посвящённых политике Польши по германской проблеме в 1950-1970-е годы. Наша задача будет заключаться в выявлении тех вопросов истории польской политики по германскому вопросу, которые нашли освещение в исследованиях историков ПНР. Также мы попытаемся выяснить, насколько объективно и полно они исследованы в польской марксистской историографии того времени. Это необходимо, чтобы определиться с основными направлениями исследования на современном этапе.

Среди работ, посвящённых германской проблеме были как комплексные работы, так и работы, относящиеся к отдельным вопросам, которые рассматривали лишь некоторые аспекты польско-германских отношений. По мнению польских историков-марксистов, в первой половине 1950-х гг. в германской политике Польши ведущее место занимали следующие вопросы: ремилитаризация ФРГ и объединение Германии.

Большим вкладом в изучение указанной проблемы были работы В. С. Эйсымонта [7], С. Ольшовского [5] А. Сковроньского [23], Е. Скибиньского [22], М. С. Воланьского [26], а также исследования на тему границы на Одре и Нисе Лужицкой Б. Вевюра [1], Е. Сулека [20] и других. Необходимо отметить, что польская историческая литература не уделяла достаточно большого внимания вопросу о польско-германской границе. Работы, опубликованные в Польше на эту тему, ограничивались рассмотрением лишь отдельных сторон проблемы. Главным их недостатком было слабое использование первоисточников, так как авторы зачастую не имели доступа ко всей документации. Б. Вевюра, Е. Сулек, рассматривая проблему признания границы на Одре и Нисе Лужицкой ФРГ и ГДР, отмечали, что в связи с существованием двух германских государств определились две противоположные позиции в отношении польско-германской границы. Признав Потсдамское соглашение в качестве правовой основы территориального урегулирования, ГДР заключила с Польшей пограничные соглашения. Заключение Згожелецкого договора между ПНР и ГДР способствовало продвижению Польши на запад и стало тем выходом, который за счёт Германии позволял удовлетворять как советские, так и польские территориальные интересы. Правительство ФРГ, отмечает Б. Вевюра, подчёркивая готовность отказаться от применения силы для реализации территориальных претензий, делало акцент на идеологическом аспекте, что решение, приемлемое для правящих кругов ФРГ, возможно лишь после смены строя в Польше [1, с. 191-192]. На договор между ГДР и Польшей федеральное правительство отреагировало заявлением, что «никогда не согласится с отображением тех чисто немецких земель, что это противоречит всем нормам права и человечности» [20, с. 372]. М. Томала делает акцент на том, что в период демократических изменений в Польше осенью 1956 г. правящие круги Западной Германии и Запада начали спекулировать на проблеме границы по Одре и Нисе Лужицкой. Правящие круги ФРГ попытались провести антипольскую игру, заявив, что ГДР поставила перед правительством Польши вопрос об изменении границы. Это была попытка вбить клин между ПНР и ГДР [24, с. 118].

В историографии ПНР отсутствуют обобщающие исследования по проблеме объединения Германии, но частично она рассмотрена в работах А. Сковроньского [23] и М. Столярчика

[21]. Польское правительство отмечало невозможность решения проблемы объединения Германии без участия двух германских государств. Одновременно оно отвергало различные концепции западных государств, касающиеся решения проблемы объединения Германии через ликвидацию ГДР. Это означало не только признание существования ГДР как суверенного государства, но также её роли как одного из факторов безопасности в Центральной Европе.

Польское правительство, отмечает А. Сковроньский, критиковало западные предложения в деле объединения Германии, основывавшиеся на решениях «свободных выборов». Одновременно оно поддерживало предложения, изложенные правительством ГДР, исходя из международной ситуации и политики проводимой западными государствами. Варшава считала целесообразным и возможным поддержать некоторые начальные шаги, которые не затрагивали бы прав и интересов кого-либо из сторон, но могли бы улучшить взаимоотношения и установить доверие между ГДР и ФРГ [23, с. 158-160]. Историки ПНР отмечали, что в 1960-е годы изменились некоторые аспекты отношения Польши к вопросу объединения двух немецких государств. Ему стало уделяться меньше внимания. Если в конце 60-х годов польские политики в своих выступлениях вообще касались проблемы перспективной возможности объединения Германии, то, отмечает М. Столярчук, эту перспективу они чаще всего упоминали в формулировке: «эту проблему решит история». В существовавшей в то время политической ситуации немецкая двугосударственность рассматривалась как одна из гарантий безопасности Польши и мира в Европе [21, с. 38].

В 1956-1961 годах, согласно концепции историков ПНР, ведущей в польской политике стала проблема нормализации отношений между ПНР и ФРГ. Контакты двух стран развивались в сфере торговли и по вопросу воссоединения семей. Следует отметить, что историография ПНР по этой теме весьма обширна и представлена работами Д. Г. Томашевского [6], А. Кручковского [4], Э. Гайда [3], М. Ф. Раковского [18]. В их работах рассмотрены основные направления внешней политики Польши (дипломатические отношения с ГДР и ФРГ, вопросы разоружения, значение договора 1967 г. и 1970 г.). Во внешней политике ПНР отношения с ФРГ занимали особое место. От нормализации отношений между двумя странами, важнейшим условием которой являлось признание со стороны ФРГ западной границы Польши, во многом зависела обстановка на европейском континенте. После образования двух германских государств Польская Народная Республика обращалась к Западной Германии с многочисленными предложениями о нормализации отношений. В свидетельствах партийных и правительственных руководителей Польши, указывает Э. Гайда, неоднократно подчёркивалось, что в интересах нормализации отношений в Европе правительство Польши готово установить открытые дипломатические отношения с правительством ФРГ [3, с. 113]. Однако правящие круги ФРГ всякий раз их отвергали.

Проблема компенсации и воссоединения семей в политике двух государств в историографии ПНР недостаточно изучена и представлена работами С. Холевяк [10], Ч. Пилиховского [17] и Е. Корбела [13]. Польские историки отмечают, что только после урегулирования вопроса о западной границе, ссылаясь на соответствующие международно-правовые акты, правительство Польши предъявило ФРГ требование выплатить личные компенсации следующим категориям польских граждан: бывшим узникам концлагерей и других мест заключения, подвергнувшимся преследованиям за политическую деятельность либо за национальную принадлежность. А также вдовам, сиротам и родственникам жертв террора оккупантов; лицам, потерявшим здоровье и ставшим калеками вследствие террора немцев; депортированным на принудительные работы в Германию, военнопленным, не получившим вознаграждения за свою работу, и ещё некоторым категориям граждан [10, с. 100-101]. Однако так как между ПНР и ФРГ не были установлены дипломатические отношения, то Закон о компенсациях не давал жертвам гитлеровских преступлений живущих в Польше никаких оснований для получения компенсаций [17, с. 109-113]. Историография ПНР делает вывод, что вопрос о компенсациях остался нерешённым в связи с нежеланием правительства ФРГ пересматривать действующее законодательство.

Что касается вопроса воссоединения семей, то Е. Корбел отмечает, что Польское правительство дало согласие на репатриацию из Польши всех граждан немецкого происхожде-

ния, которые пожелают уехать к их родственникам в ГДР или в Западную Германию. Польское правительство разрешило не только это «воссоединение семей», но и временные поездки польских граждан за границу с целью посещения родственников, в частности в ФРГ, а также поездки западногерманских граждан в Польшу с аналогичной целью. Согласно соглашению, выехать из Польши могли 2 категории лиц: предусматривалось соединить разделённые семьи – детей с их родителями в ФРГ, разделённых супругов или родителей с их детьми, могли выехать одинокие люди, лишённые помощи, военные вдовы, сироты и инвалиды. Польские историки делают заключение, что процесс выезда граждан немецкого происхождения из Польши проходил довольно медленными темпами, чему содействовало отсутствие дипломатических отношений ФРГ с Польшей [13, с. 87-94].

Вопросы мирного договора с Германией и ее разоружения нашли своё отражение в работах М. С. Воланьского [26], М. Томалы [24]. В 1962-1963 годах диалог между державами оказался мало реальным, так как проекты мирного договора совершенно расходились. Советская концепция требовала признания двух немецких государств, западная – скорого их воссоединения. Польские правящие круги поддерживали проект ГДР 1957 г. о «немецкой конфедерации», а также советский план от января 1959 г., требующий мирного договора с двумя немецкими государствами [26, с. 201]. Акцентируя внимание на советском проекте мирного договора, отмечает М. Томала, польское правительство особенно подчёркивало значение постановлений, целью которых было предупреждение возрождения германской агрессивности. А, следовательно, статьи проекта оправданно предусматривали наложение на Германию обязанности мирного урегулирования международных конфликтов, отказа от применения силы и оружия массового уничтожения и признание фактически существующих границ в Европе. Историки ПНР оправдывали позицию правящих кругов Польши, которые утверждали, что «отказ от заключения мирного договора под предлогом стремления к объединению Германии означал бы не только сохранение небезопасной для мира ситуации в Европе, но также затруднял бы процесс сближения между двумя германскими государствами – необходимое условие объединения Германии на мирных и демократических основах» [24, с. 125-127].

Особое внимание в историографии ПНР было уделено вопросу разоружения. Детальное освещение польские инициативы по этому вопросу получили в работах К. Малцужинского [16], С. Артемовской [8], Т. Лос-Новак [15]. Данные авторы в своих исследованиях исходили, прежде всего, из позиции политических деятелей. В их трудах доказывается, что осуществление польского предложения о создании в Центральной Европе зоны, свободной от атомного, водородного и ракетного оружия, оказало бы благотворное влияние в целом на международную обстановку и способствовало бы установлению необходимого доверия во взаимоотношениях между государствами. Это соглашение могло бы стать важным шагом на пути к разрядке напряжённости в Европе, к устранению угрозы возникновения истребительной ядерной войны на Европейском континенте [6, с. 57]. По мнению Т. Лос-Новак, следствием замораживания ядерного оружия была бы перспектива начать переговоры по многим политическим проблемам, а также решение германского вопроса согласно польским интересам. Непринятие же плана могло привести к «нарушению существующего между двумя блоками равновесия, если не военного, то политического» [15, с. 268-270]. К. Малцужинский характеризует позицию правительства ФРГ по вопросу разоружения как неконструктивную, так как оно выдвинуло требование: сначала объединение Германии, потом разоружение. По мнению автора, объединение Германии было предложено для отклонения ФРГ предложений по разоружению. Отсутствие доверия со стороны ФРГ к социалистическим странам стало еще одной причиной того, что оно отвергло польские предложения по разоружению [16, с. 20].

Вопросы, связанные с подписанием Варшавского договора 7 декабря 1970 года рассматриваются в работах А. Клафковского [12], Л. Гелберга [11] и Е. В. Шидлака [19]. А. Клафковский характеризует правовой аспект договора между ПНР и ФРГ. Автор отмечает, что он является выражением компромисса между ПНР и ФРГ. По его мнению, договор открывал возможности для польско-западногерманского сотрудничества по двум направлениям: первое – экономические, научные, научно-технические и культурные контакты, второе – гуманитарные (вопрос компенсаций и воссоединения семей) [12, с. 75].

Л. Гелберг, анализируя договор, приходит к выводу, что главное в нём – нормализация политических отношений между двумя странами. Развитие этих отношений может способствовать активной деятельности в направлении создания системы безопасности и сотрудничества в Европе [11, с. 76].

Некоторые историки (А. Лавровский) считали, однако, что, несмотря на подписание договора, ни о каком политическом взаимопонимании между ПНР и ФРГ речи в то время не шло, пока не были установлены дипломатические отношения ФРГ с СССР. До подписания ФРГ договоров с СССР и Польшей социалистические государства определили семь направлений, от решения которых зависел вероятный исход мирных переговоров с Бонном: признание границы на Одре и Нисе Лужицкой, а также всех других границ в Центральной Европе; международно-правовой статус для ГДР; аннулирование Мюнхенского соглашения 1938 года; отказ от «доктрины Хальштейна»; нераспространение ядерного оружия; поддержка плана разоружения; независимый статус для Западного Берлина. По мнению историков ПНР, данный перечень основных условий был направлен на достижение разрядки напряжённости в Европе. Однако эти предложения не встретили позитивного отклика со стороны ФРГ и подготовка договора с Польшей проходила очень медленно [14, с. 90].

Польская историография отмечает, что договор от 7 декабря 1970 года встретил сильную оппозицию в ФРГ. Лидеры оппозиционных партий считали, что «Польша беспокоится о своей безопасности и поэтому желает предварительного подтверждения условий международно-правового признания своей западной границы ФРГ. А оглашая свои категорические требования о признании западной границы ПНР Бонном, польские политики были заинтересованы и в полном признании результатов поражения Германии не только в войне против СССР, но ещё больше против Польши» [14, с. 53-54].

По мнению историков ПНР, договор 1970 г. об основах нормализации отношений между Польшей и ФРГ является одним из важнейших достижений польской внешней политики 70-х годов XX века, а также одним из составных элементов процесса европейской разрядки. Его значение заключалось в том, что в нём содержалось политическое и юридическое признание со стороны ФРГ границы по Одру и Нейсе. Договор также содержал обязательства относительно отказа от применения силы или угрозы её применения. Всё это, как считают польские историки, были очередные шаги в направлении разрядки в отношениях между Польшей и ФРГ [3, с. 167-168].

Во взаимоотношениях Польши с ФРГ в 50-70-е годы XX века, кроме политического, присутствовал фактор экономический. Большинство работ по данной проблеме представлено трудами польского историка М. Томалы [25], статьями З. Новак, Е. Зелковского, А. К. Адамовича, Е. Ольшинского и др. Исследователями рассмотрены основные предпосылки заключения долгосрочного договора об экономическом и научно-техническом сотрудничестве между Польшей и ФРГ на период 1970-1974 годов. Сотрудничество Польши и ФРГ в научно-технической сфере началось значительно позже, после того, как 15 октября 1970 г. был подписан долгосрочный договор об экономическом сотрудничестве, предусматривавший увеличение товарооборота между Польшей и ФРГ, экономическое сотрудничество и обмен научно-техническими достижениями. Польские историки отмечают, что торговые отношения с Польшей имели большое значение для ФРГ, так как польский рынок, как и рынки других стран Восточной и Юго-Восточной Европы были рынками сбыта для немецкой промышленности [25, с. 138-141].

Систематическое исследование истории становления отношений ГДР с Польшей началось в конце 50-х - 60-е годы XX века, когда были опубликованы сборники документов по внешней политике ГДР и тематические документальные сборники по германскому вопросу. На основе анализа этих документов, а также материалов прессы появились монографии и научные статьи по истории отношений между ГДР и Польшей, в которых рассматривались основные этапы, направления и формы их сотрудничества. Это работы историков Е. Басинского [9], Б. Вевюры, А. Е. Каминского, Т. Пётровяк, Е. Серванского, В. Грабска, Б. Осинска. Центральное место в исследованиях истории отношений между ГДР и Польшей занимала такая важная проблема, как преодоление унаследованных от прошлого отношений недоверия

и вражды между народами двух стран. Между Польшей и ГДР 15 марта 1967 г. был заключен договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В договоре 1967 г. ГДР вновь признала и подтвердила неприкосновенность западной границы Польши, а Польша, подписав договор, приняла на себя обязательство гарантировать нерушимость западных границ ГДР. Как отмечали представители польских правящих кругов «этот договор объединяет политическую и оборонительную мощь Польши и ГДР, создаёт широкие возможности для развития экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между народами обоих государств» [2, с. 461-462].

В 70-е – 80-е годы XX века в Польше в ряде статей были рассмотрены вопросы приграничного сотрудничества, развитие отношений между местными органами ГДР и Польши, решение проблемы переселенцев в Восточной Германии. Это исследования М. Цыганского, Ф. Мединского. Следует здесь отметить коллективную работу под редакцией К. Федора «Сотрудничество на приграничных территориях ПНР-ГДР». Он отмечает, что развитие культурных контактов Польши и ГДР предусматривала статья 9 договора 1967 г., а также постановления 1956, 1964, 1969 гг. о культурном сотрудничестве. Двусторонние соглашения и договор стали основой для дальнейшего развития сотрудничества двух стран в культурной и научной сферах. Следует отметить, что на эту тему уже существует обширная литература, представленная многочисленными статьями Б. Мискевича, Т. Михальска-Пацыняк, Е. Мушинского и др., а также назвать коллективную работу польских историков «ПНР-ГДР. Союз и сотрудничество». Однако в историографии ПНР отсутствуют обобщающие работы на тему научно-технического и культурного сотрудничества ПНР-ГДР.

Историки ПНР едины во мнении, что проблема польско-германских отношений является ключевой во внешней политике Польши 50-70-х годов XX века. Возникновение двух германских государств в 1949 г. поставило перед Польшей задачу установления дипломатических отношений с каждым из них. Учёные отмечают тесное сотрудничество ПНР и ГДР и обходят проблемы во взаимоотношениях двух стран. Нормализация отношений между ПНР и ФРГ осложнялась, по мнению польских историков, политикой ФРГ по отношению к ГДР и государствам, поддерживающих с ней дипломатические отношения. Лишь только предложение В. Гомулки от 17 мая 1969 г., а также изменение политического облика правительства ФРГ открыли возможность для начала нормализационных переговоров.

Резюме. Проблема польско-германских отношений является ключевой во внешней политике Польши 50-70-х годов XX века. Поэтому в историографии ПНР ей уделено большое внимание. В трудах польских историков довольно широкое освещение получили вопросы разоружения, процесс нормализации отношений ПНР-ФРГ, культурное и научно-техническое сотрудничество ПНР и ГДР. Вопросы объединения Германии, дипломатические шаги Польши во время второго Берлинского кризиса в историографии ПНР рассмотрены не достаточно основательно. Также польская историография не уделяла достаточно большого внимания и вопросу о польско-германской границе. Работы по проблеме польско-германских отношений указанного периода, опубликованные в Польше, идеализируют внешнюю политику Варшавы и всю вину за напряженность в отношениях между ПНР и ФРГ связывают исключительно с реваншистскими устремлениями правящих кругов последней.

Abstract. Polish-German relations are the key problem in Poland foreign policy of 50-70th years of the 1950s-1970s. Therefore in PPR historiography the great attention is given to it. Polish historians' works give extended coverage to disarmament, relation stability between PPR and FRG, cultural, scientific and technical cooperation. Germany unity and Poland diplomatic steps during the second Berlin crisis are not considered thoroughly enough in PPR historiography. Also Polish historiography doesn't give enough attention to the Poland-German border. The works on the Poland-German relations of the specified period, published in Poland, idealize Warsaw foreign policy and the fault for intensity in PPR-FRG relations connect only with revanchist aspirations of ruling circles of the latter.

Литература

- 1 Вевюра, Б. Польско-германская граница и международное право / Б. Вевюра, под ред. Ю. Г. Барсегова. – М.: Иностранной литературы, 1959. – 239 с.
- 2 Гомулка, В. Избранные статьи и речи 1961-1964 / В. Гомулка. – М.: Политиздат, 1965. – 580 с.
- 3 Гайда, Э. Внешняя политика ПНР (1944-1975) / Э. Гайда. – М.: Прогресс, 1977. – 253 с.
- 4 Кручковский, А. Внешняя политика Польской Народной Республики / А. Кручковский. – М.: Международные отношения, 1968. – 139 с.
- 5 Ольшовский, С. Народная Польша в борьбе за мир и безопасность / С. Ольшовский // Международная жизнь. – 1974. - № 8. – С. 16-26.
- 6 Томашевский, Д. Г. Внешняя политика ПНР / Д. Г. Томашевский. – М.: Международные отношения, 1963. – 87 с.
- 7 Эйсымонт, В. С. Польско-западногерманские отношения в 1956-1962 гг. / В. С. Эйсымонт // Омский госуд. пед. ин-т им. А. М. Горького. Учёные записки № 27. – Омск, 1967. – С. 3-43.
- 8 Artymowska, Z. Plan Rapackiego. Za i przeciw / Z. Artymowska. – W-wa: KiW, 1958. – 67 s.
- 9 Basiński, E. Bastion pokoju między Odrą a Łabą. Powstanie i rozwój NRD / E. Basiński. – W-wa: LSW, 1963. – 345 s.
- 10 Cholewiak, c. Odszkodowania wojenne dla obywateli polskich / S. Cholewiak // Sprawy międzynarodowe. – 1974. – № 4. – S. 99-112.
- 11 Gelberg, L. Układ PRL-NRF z grudnia 1970 r. Analiza prawna / L. Gelberg. – Wrocław-W-wa-Kraków-Gdańsk: Wyd-wo PAN, 1974. – 120 s.
- 12 Kłafkowski, A. Układ Polska – NRF z 7 grudnia 1970 r. Podstawy interpretacji w świetle prawa międzynarodowego / A. Kłafkowski. – W-wa: Interpress, 1973. – 110 s.
- 13 Korbel, J. Wyjazdy i powroty: Migracje ludności w procesie normalizacji stosunków między Polską a NRF / J. Korbel. – IZ Opole, 1977. – 224 s.
- 14 Ławrowski, A. Od nadziei do rozczarowań. Zachód wobec spraw polskich w latach 1969-1983 / A. Ławrowski. – W-wa: MON, 1983. – 359 s.
- 15 Łos-Nowak, T. Polskie inicjatywy w sprawie broni nuklearnej w Europie Środkowej 1957-1964 / T. Łos-Nowak. – Wrocław: WUW, 1989. – 380 s.
- 16 Małcużyński, K. Plan Gomulki / K. Małcużyński. – W-wa-Poznań: ZAP, 1964. – 90 s.
- 17 Pilichowski, Cz. Odszkodowania NRF dla Polaków / Cz. Pilichowski // Sprawy międzynarodowe. – 1957. – № 1. – S. 107-118.
- 18 Rakowski, M. F. Die Aussenpolitik der Volksrepublik Polen / M. F. Rakowski. – W-wa: Interpress, 1975. – 238 s.
- 19 Szydlak, J. W. Układ Polska-NRF z 7. XII 1970 o podstawach normalizacji ich wzajemnych stosunków a Umowa Poczdamka / J. W. Szydlak. – Poznań: WP, 1974. – 180 s.
- 20 Sułek, J. Stanowisko rządu NRF wobec granicy na Odrze i Nysie Łużyckiej (1949-1966) / J. Sułek. – Poznań: IZ, 1969. – 422 s.
- 21 Stolarczyk, M. Zagadnienie zjednoczenia dwóch państw niemieckich w polityce zagranicznej Polski w latach 60 / M. Stolarczyk // Wybrane problemy polskiej polityki zagranicznej lat sześćdziesiątych pod red. J. Przewłockiego. – Katowice: UŚ, 1989. – S. 25-39.
- 22 Skibiński, J. Polska-NRF. Problemy normalizacji stosunków / J. Skibiński. – W-wa: Interpress, 1974. – 219 s.
- 23 Skowroński, A. Polska a problem Niemiec / A. Skowroński. – W-wa: KiW, 1967. – 311 s.
- 24 Tomala, M. Warszawa – Berlin – Bonn (1944-1980) / M. Tomala. – Szczecin: Wyd-wo Glob, 1987. – 399 s.
- 25 Tomala, M. Polska-NRF. Gospodarka. Stosunki ekonomiczne / M. Tomala. – W-wa: PWE, 1973. – 155 s.
- 26 Wolański, M. S. Polskie partie i organizacje polityczne w kraju wobec problemu niemieckiego w latach 1949-1969 / M. S. Wolański. – Wrocław: WUW, 1986. – 329 s.

Заканадаўчая база аграрнай палітыкі польскіх улад у Заходняй Беларусі ў 1919-1925 гг.

В. П. ГАРМАТНЫ

Уводзіны

Заканадаўчае афармленне аграрнай палітыкі польскіх улад у Заходняй Беларусі ў 1919-1925 гг. даволі слаба асветлена ў айчынной гістарыяграфіі і разглядалася пераважна ў кантэксце агульных прац па развіцці сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі ў складзе Другой Рэчы Паспалітай. Сярод такіх прац трэба перш за ўсё адзначыць даследаванні Л. Гака [4], П. І. Зялінскага [7], Б. Я. Кухарава [9], І. В. Палуяна [10], А. А. Сарокіна [11], А. А. Цітовай [12, 13] і іншыя навуковыя працы. Сярод польскіх навукоўцаў азначанае пытанне знайшло сваё адлюстраванне ў працах С. Інглата [18], З. Ландау і Е. Тамашэўскага [20, 21], а таксама іншых гісторыкаў, але іх дзейнасць была накіравана перш за ўсё менавіта на разгляд рэалізацыі гэтых законаў, а не на іх распрацоўку.

У сучасны перыяд развіцця беларускай гістарычнай навукі дадзенаму пытанню прысвечаны працы гродзенскіх гісторыкаў А. Ф. Вырастка (Сцяпанавай) [3] і С. М. Грэся [6], але ў айчынной гістарыяграфіі да гэтага часу адсутнічае комплекснае даследаванне заканадаўчай базы аграрнай палітыкі польскіх улад у Заходняй Беларусі ў 1919-1925 гг., таму дадзены артыкул з'яўляецца спробаю запоўніць гэты прабел.

Асноўная частка

За гады Першай Сусветнай (1914-1918 гг.) і Савецка-польскай войнаў (1919-1921 гг.), якія працягваліся на тэрыторыі Беларусі няспынна амаль пяць гадоў, сельская гаспадарка краю была цалкам разбурана. Перад польскім урадам паўстала адна з асноўных задач – узняць з руін сельскую гаспадарку Заходняй Беларусі і забяспечыць прадуктовую бяспеку краіны. У кіруючых колах палітычных партый і ўрадавых сферах адроджанай Польшчы ішло актыўнае абмеркаванне разнастайных праектаў аграрнай палітыкі, у Сейме Другой Рэчы Паспалітай дзейнічала камісія аграрных рэформ [11, с. 59-60]. У 1919 г. з мэтай правядзення планавых аграрных пераўтварэнняў польскімі ўладамі створана Галоўная землеўная ўправа (ГЗУ) [14, с. 131], пераутвораная ў 1923 г. у Міністэрства аграрных рэформаў.

На неабходнасць спалучэння аграрнай рэформы і каланізацыі “Крэсаў Усходніх” звяртала ўвагу сеймавых паслоў фракцыя Народна-Нацыянальны Саюза (ННС, ZLN, Związek Ludowo-Narodowy, “эндэцыя”), дасылаючы 9 красавіка 1919 г. маршалку Сейма Войцэху Тампчынскаму прапанову, у якой прадпісвалася магчымасць задавальнення патрабаванняў мясцовага насельніцтва ў залежнасці ад вызначэння лініі ўсходняй мяжы Польшчы. Пасол Ян Лютаслаўскі (ННС) выказваўся за неабходнасць правядзення на ўсходніх землях Другой Рэчы Паспалітай паланізацыі і адзначаў неабходнасць яе эвалюцыйнага характару, бо ў іншым выпадку яна можа ўзрушыць асновы існавання дзяржавы.

Фракцыя Польскай нацыянальнай партыі “Пяст” (ПНП-“Пяст”, PSL-“Piast”, “людэўцы”) падкрэслівала, што асноваю дзяржавы з'яўляецца сялянства і лічыла правядзенне аграрнай рэформы дзяржаўнаю і нацыянальнаю праблемаю, “вырашэнне якой пашырыць межы дзяржавы і ўзмоцніць польскае панаванне” [5, с. 97].

Яшчэ пад час Савецка-польскай вайны, 10 ліпеня 1919 г., у перыяд пад'ёму ў Польшчы рэвалюцыйнага руху, Сейм па прапанове ўрада Ігнацыя Яна Падэрэўскага пасля працяглай гарачай дыскусіі большасцю ўсяго ў адзін голас прыняў “Прынцыпы землеўнай рэформы

і адзяржаўлення лясоў” – першы закон па аграрным пытанні ў міжваеннай Польшчы [6, с. 3-4]. Паводле закону з свабодных ворных земляў, якія ў выніку войнаў засталіся без гаспадароў, уладамі ствараўся дзяржаўны земляўны фонд, праводзіліся выкуп і парцэляцыя (продаж зямлі невялікімі надзелямі – парцэлямі) часткі памешчыцкіх маёнткаў звыш вызначанага максіму валодання зямлі: для Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны гэты памер складаў 400 га, а для этнічнай Польшчы – 180 га. Уладальнікі высокапрадукцыйных насенных, жывёлагадоўчых, рыбных і іншых спецыялізаваных гаспадарак вызваляліся ад прымусовай парцэляцыі належачай ім зямлі [10, с. 33-34; 21, с. 13].

Дзеля правядзення парцэляцыі вызначаліся маёнткі, якія былі ўласнасцю дзяржавы; маёнткі, якія раней належалі членам дынастыі захопніцкіх дзяржаў, Рускаму сялянскаму банку, царкве і манастырам; маёнткі, набытыя пры дапамозе ліхварства і земляўнай спекуляцыі, а таксама маёнткі альбо іх часткі, выкупленыя дзяржаваю ў прыватных уладальнікаў у прымусовым парадку па меры развіцця парцэляцыі [4, с. 6-7].

У першую чаргу парцэляцыі падлягалі маёнткі, якія былі разбураны пад час Першай сусветнай (1914-1918 гг.) і Савецка-польскай (1919-1921 гг.) войнаў і ўладальнік якіх не меў намеру аднаўляць гаспадарку, маёнткі з неўрэгуляваным пытаннем аб сервітутах і г. д. Маёнткі, якія знаходзіліся на нізкім узроўні сельскагаспадарчага развіцця і прыносілі страты (мала пастаўлялі на рынак прадуктаў), падлягалі парцэляцыі ў поўным памеры. Лес з парцэляваных маёнткаў поўнаасцю адыходзіў ва ўласнасць дзяржавы.

Перш за ўсё пад час правядзення парцэляцыі зямлю атрымлівалі батракі, што страцілі працу ў выніку ажыццяўлення аграрнай рэформы, затым былыя ўласнікі дробных і карлікавых гаспадарак, салдаты польскай арміі пасля вяртання з войска, а таксама безземляўныя і малаземляўныя сяляне, якія нічым іншым не займаюцца і для якіх зямля служыла асноўнаю крыніцаю існавання.

Закон прадугледжваў стварэнне новых хутароў і прырэзку зямлі карлікавым гаспадаркам, прычым агульная плошча надзела не павінна была перавышаць 25 маргоў (14 гектар). Кошт зямлі не вызначаўся, аднак мясцовым уладам пры вызначэнні кошту зямлі прадпісвалася прымаць пад увагу не толькі яе “вытворчую вартасць”, але і вартасць пасеваў, меліярацыйных работ і г. д. Уласнікі самастойных гаспадарак пры магчымасці ўносілі плату наяўнымі грашыма, а малаземляўныя маглі атрымаць ільготную дзяржаўную пазыку.

“Сейм спрабаваў заваяваць сялянства аграрнай рэформай”, – пісаў вядомы дзяржаўны і палітычны дзеяч Другой Рэчы Паспалітай Вацлаў Студніцкі [11, с. 59]. Памешчыкі выступалі супраць пазбаўлення часткі сваіх земляў, так, напрыклад, на з’ездзе Камісіі польскіх Саюзаў Землеўладальнікаў Казімір Святаполк-Мірскі адзначыў: “Памешчыкі заўсёды выступалі супраць такога закону аб аграрнай рэформе, але гэта зусім не значыць, што яны выступалі супраць удасканалення аграрнай структуры дзяржавы” [17, с. 39].

Правыя партыі (ННС, PSChD-Партыя хрысціянскіх дэмакратаў і іншыя) выступілі супраць такога плану аграрнай рэформы і распачалі шырокую агітацыю супраць яго. Галоўнымі аргументамі правых сталі наступныя сцвярджэнні:

1) прымусовая парцэляцыя парушае права прыватнай уласнасці і супярэчыць з хрысціянскімі законамі;

2) у руках польскіх памешчыкаў няма такой колькасці зямлі, якой хапіла б на надзяленне ёю малаземляўных і безземляўных сялян;

3) аграрная рэформа, праведзеная на такіх умовах, магла б ліквідаваць паспяховыя асабістыя сельскія гаспадаркі, якія пастаўляюць сваю прадукцыю на экспарт;

4) правядзенне аграрнай рэформы і перш за ўсё парцэляцыі на “Крэсах Усходніх” магло б аслабіць эканамічную перавагу польскіх землеўласнікаў.

Правыя сцвярджалі, што такая аграрная рэформа магла б аслабіць сельскую гаспадарку і ў выніку падарваць эканоміку краіны. Контраргументы “людцаў” з ПНП-“Пяст” і ПНП-“Вызваленне” (PSL-“Wyzwolenie”) былі наступнымі:

1) незалежная дзяржава не можа дазволіць сабе, каб тыя яе грамадзяне, што “жываюць і крывёю” баранілі яе, дыскрымінаваліся эканамічна і культурна;

2) эканамісты сцвярджалі, што сяляне з 1 га зямлі могуць даць прадуктаў больш, чым у экстрэнсіўнай памешчыцкай гаспадарцы;

3) павышэнне заможнасці сялян станоўча паўплывае на іх пакупніцкую здольнасць, што дазволіць паспяхова развівацца прамысловасці;

4) на працягу 1919-1920 гг. “людзкі” адзначалі небяспечныя пракамуністычныя настроі значнай часткі сялян, якія пакутавалі ад земляўнага голаду [19, с. 266].

Закон ад 10 ліпеня 1919 г. насіў дэкларатыўны характар, не быў апублікаваны ў дзяржаўным друкаваным органе “Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej” і таму не меў абавязковай сілы [7, с. 25], але асноўныя яго палажэнні атрымалі працяг у наступных законах польскіх улад па аграрным пытанні.

У планах аграрнай палітыкі на падставе прынятых Сеймам II Рэчы Паспалітай законаў ад 7 мая 1920 г. [16, 1920, № 42] і 10 студзеня 1922 г. [16, 1922, № 10] прадугледжвалася ліквідацыя сервітутаў (сумеснага земляўнага карыстання сялян і памешчыкаў) добраахвотным ці прымусовым шляхам у выпадку згоды аднаго з яго ўладальнікаў. Па закону “ліквідацыя сервітута павінна была кампенсавацца зямлёю ці наяўнымі грашымі толькі ў выпадку дамовы абодвух бакоў. Калі сервітуты ліквідаваліся прымусовым парадкам, то грашовая кампенсацыя дапускаецца толькі ў выглядзе выключэння, а менавіта: а) калі зямлі, абцяжараныя сервітутамі, ужо распарцэляваны на дробныя надзелы; б) калі ліквідаваныя сервітуты могуць быць заменены толькі лесам, які мае ахоўнае значэнне, ці плошча, занятая лесам, не прыдатна для выкарыстання пад ворныя зямлі” (артыкул 5).

Сяляне пазбаўляліся адвечнага права карыстацца агульнымі пастбішчамі, выганамі, збіраць у лесе грыбы і ягады, лавіць у рэках і азёрах рыбу і г. д. [9, с. 36]. За талон на права наведвання лесу з мэтай збору грыбоў, ягад і нават моху вяскоўцы вымушаны былі плаціць па 2-3 і больш злотых. Калі ляснік лавіў селяніна ў лесе без такога талона, то земляроб павінен быў заплаціць вялікі штраф. Варта адзначыць, што сяляне знайшлі выйсце з гэтай сітуацыі: яны куплялі сумесна на вёску некалькі талонаў і хадзілі ў лес па чарзе.

15 ліпеня 1920 г. пад час найбольшай небяспекі для існавання Польскай дзяржавы, калі Чырвоная Армія падышла да сцен Варшавы, Сейм нават без абмеркавання, адзінагалосна адобрыў больш радыкальны закон па ажыццяўленні аграрнай палітыкі: “Выканаўчыя правілы да закону аб земляўнай рэформы ад 10 ліпеня 1919 г.” [16, 1920, № 70; 20, с. 290], які ўтрымліваў асноўныя пастановы папярэдняга закону. Сейм заклікаў урад абвясціць па ўсіх паведах, што ўсе, хто ўхіляецца ад абавязкаў вайскавай службы і прызыву, пазбаўляецца права на атрыманне ў будучым надзела зямлі і карыстання прынятым законам.

Закон аб аграрнай рэформе складаўся з трох частак: папершай вызначалася, якія зямлі выдзяляюцца на правядзенне парцэляцыі і як грамадства будзе імі распараджацца; другая частка акрэслівала, якім спосабам будзе ажыццяўляцца выкуп парцэляванай зямлі; паводле трэцяй тлумачылася, як і на якіх умовах будзе падзелена парцэляваная зямля [15, с. 3]. Закон прадугледжваў надзяленне зямлёю малаземляўных і безземляўных сялян праз выкуп яе за палову рынкавага кошту: 80% утвараемага земляўнага фонду вызначалася менавіта для іх. Першынства ў набыцці на “Крэсах Усходніх” зямлі адводзілася інвалідам вайны, сельскагаспадарчым рабочым і малаземляўным сялянам, якім польскім урадам выдаваліся праз Сельскагаспадарчы банк ільготныя крэдыты [14, с. 131; 22, р. 131].

17 снежня 1920 г. Сейм II Рэчы Паспалітай па прапанове ўрада на чале з Вінцэнтам Вітасам (лідар ПНП-“Пяст”) прыняў закон аб вайсковым асадніцтве (асаднікі – каланісты-перасяленцы з карэннай Польшчы) [16, 1921, № 4]. Гэты закон падзяляўся на дзве часткі, якія папярэднялі адна адну і складалі непарыўнае адзінства: першая з іх вызначала парадак надзялення зямлёю добраахвотнікаў і заслужаных салдат польскай арміі, паводле другой – пачынаў існаваць асобны земляўны фонд з плошчаў на ўсходніх землях Другой Рэчы Паспалітай [3, с. 235-236; 25, с. 27-30]. Дзеля правядзення мерапрыемстваў па надзяленні асаднікаў зямлёю ствараліся спецыяльныя камітэты, у абавязак якіх уваходзіла ўзаемадзеянне з адказнымі за выкананне закону органамі ўлады – Міністэрствам спраў вайсковых, ГЗУ і Міністэрствам сельскай гаспадаркі і дзяржаўных маёмасцей.

Памер аплаты за зямлю быў прыроўнены да 30-100 кг збожжа за 1 га штогод з выплаты дзяржаве на працягу 30 гадоў, пачынаючы з пятага года пасля атрымання зямлі (артыкулы 3 і 7). Інваліды і заслужаныя салдаты польскай арміі маглі атрымаць ад дзяржавы доўгатэрміновыя крэдыты з іпатэчным забеспячэннем. Дзяржава аказвала дапамогу натураю або грашыма для абзавядзення гаспадаркай. На гаспадарку адводзілася 80 м³ будматэрыялаў і 2 000 000 марак грашыма, інвентаром або збожжам (артыкул 5 і 8). Пры дэмабілізацыі асаднік атрымоўваў воз з канём і вупражжу. Асаднік павінен быў пасяліцца на сваім водрубце на працягу года і ў трохгадовы перыяд асвоіць яго. Створаныя асадніцкія гаспадаркі не маглі быць падзелены (артыкул 10), прададзены без згоды Галоўнай земляўнай управы на працягу 25 гадоў ад даты іх атрымання (артыкул 33). Зямля, якая не апрацоўвалася кандыдатам у асаднікі на працягу 3 гадоў, магла быць перададзена іншаму прэтэндэнту.

Грашовая ўзнагарода за адчужэнне ў дзяржаўны фонд зямлі ўсталёўвалася ўладамі ў палову, а прадавалася сялянам па поўным рынкавым кошце. Закон ад 15 ліпеня 1920 г. пакідаў за памешчыкамі права звяртацца ў суд са скаргаю на рашэнні земляўных органаў, таму пасля заканчэння Савецка-польскай вайны суды ў многіх выпадках прызнавалі страту паловы рынкавага кошту зямлі парушэннем правоў прыватнай уласнасці, што абвастрыла ў краіне аграрнае пытанне [1, с. 28; 11, с. 71].

З маёнткаў, за якія выплачвалася звыш 500 тысяч марак, утрымлівалася ад 5 да 30% кошту ў фонд надзелу зямлёю бяднейшых сялян, інвалідаў і заслужаных вайскоўцаў. Аплату былыя ўласнікі зямлі атрымоўвалі не наяўнымі грашыма, а чатырохпрацэнтнымі часовымі распіскамі, якія ў будучым павінны быць кампенсаваны чатырохпрацэнтнаю дзяржаўнаю рэнтай. Асобам, якія атрымоўвалі парцэлы (земляўныя надзелы), дзяржава выдавала праз Сельгасбанк доўгатэрміновую пазыку, а інваліды і салдаты польскай арміі атрымоўвалі зямлю бясплатна [7, с. 26].

Паводле прынятага закону ўсе бежанцы-беларусы, што не паспеюць вярнуцца дадому да 1 красавіка 1921 г., пазбаўляюцца сваіх надзелаў, а на гэтых землях польскі ўрад планаваў таксама пасяліць вайсковых і цывільных асаднікаў [22, р. 132], але на практыцы гэты закон вельмі часта не выконваўся: мясцовыя ўлады часцей за ўсё перадавалі зямлю і тым сялянам, якія вярнуліся дадому пасля азначанага тэрміну.

Ацэньваючы прыняты закон, пасол Ян Домбскі (ПНП-“Пяст”) падкрэсліў, што “ён (закон) імкнецца вырашыць тры пытанні: каланізацыю ўсходніх земляў, надзяленне зямлёю польскіх салдат і асваенне кінутых земляў”. Далей Домбскі пісаў: “Я ўпэўнены, што спакойны беларускі селянін не будзе мець нічога супраць таго, каб зямля, якую ён сам не можа абрабіць, будзе аддадзена польскаму салдату, тая зямля, якую ён абараняў ад бальшавіцкага нападу. Я моцна веру, што малаземляўны або безземляўны селянін будзе таксама не прымацца пад увагу і не будзе пакрыўджаны” [5, с. 97].

У першай Канстытуцыі Другой Рэчы Паспалітай ад 17 сакавіка 1921 г. аграрная рэформа ніяк не ўпаміналася, але падкрэслівалася неабходнасць змянення аграрнага ладу краіны і адначасова зацвярджалася недатыкальнасць любой прыватнай земляўнай уласнасці (артыкул 99), што ставіла пад сумненне адпаведнасць Канстытуцыі прынятага закону аб аграрнай рэформе, таму на практыцы быў ажыццёўлены зусім іншы праект рэформы – больш кансерватыўны, але прыдатны для ажыццяўлення. Такім чынам, Канстытуцыя значна абмежавала парцэляцыю зямлі і зрабіла невыконваемай пастанову аграрнага закону аб выкупных выплатах [8, с. 36; 12, с. 2].

У выніку падпісання 18 сакавіка 1921 г. Рыжскай мірнай дамовы амаль палова беларускіх земляў апынулася ў складзе Польшчы, на гэтыя землі польскія ўлады пачалі перасяляць вайсковых і цывільных асаднікаў (перасяленцаў-каланістаў з карэннай Польшчы). У распараджэнні старшыні ГЗУ ад 23 сакавіка 1921 г. тлумачылася, каго закон разумеў пад салдатамі польскай арміі: гэта радавыя, афіцэры, генералы, служачыя польскай арміі і падраздзяленняў добраахвотнікі (апалчэнцы), якія неслі вайсковую службу не менш чатыры месяцы – усе яны мелі права на бясплатнае надзяленне зямлёю. Згодна з законам не маглі атрымаць зямлі салдаты, якія былі пакараны за злачынствы супраць узброеных сіл польскай дзяржавы ці самавольна бралі ў карыстанне чужыя землі [11, с. 68-69].

Погляды “людаяўцаў” Вінцэнта Вітаса і “эндэкаў” Рамана Дмоўскага на аграрную рэформу не супадалі, з-за чаго ім не ўдалося стварыць кааліцыі ў Сейме 1922 г. Свае супярэчнасці польскія палітыкі змаглі вырашыць 13 мая 1923 г. на сустрэчы ў Ланцкароне, у маёнтку сенатара Людвіка Гамерлінга, дзе яны заключалі часовы і даволі нетрывалы кампраміс (так званы “Ланцкаронскі пакт”) [14, с. 131; 19, с. 268].

У плане правядзення рэформы прадугледжвалася камасацыя (ліквідацыя цераспалосіцы), што азначала правядзенне хутарызацыі. 31 ліпеня 1923 г. польскім Сеймам прыняты закон аб камасацыі [23, с. 447]. Сяляне павінны былі плаціць за хутарызацыю кожнага гектара зямлі ў залежнасці ад яе якасці ад 14 да 20 злотых, за складанне праектаў меліярацыі, утрыманне землеўпарадкаў, перанясенне дарог і г. д., таму камасацыя першапачаткова праходзіла даволі марудна.

У снежні 1924 г. урад Уладзіслава Грабскага (ННС) выступіў з новым законапраектам па аграрным пытанні, па якім прадугледжвалася адчужэнне без выкупу памешчыцкіх земляў Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны на карысць вайсковых і грамадзянскіх асаднікаў [9, с. 29]. 26 ліпеня 1925 г. Сейм Другой Рэчы Паспалітай пры падтрымцы праўрадавых партый ППС (PPS, Польскай Партыі Сацыялістычнай) і ПНП-“Вызваленне” адхіліў законапраект левых і прыняў “Закон аб правядзенні земляўнай рэформы” [18, с. 215], які ўвайшоў у гістарыяграфію як “Закон аб парцэляцыі і асадніцтве”.

28 снежня 1925 г. Сейм II Рэчы Паспалітай прыняў канчатковы варыянт аграрнай рэформы [16, 1926, № 1], распрацаваны на базе “Ланцкаронскага пакту” (май 1923 г.). Новы закон фактычна адмяніў земляўную рэформу 1920 г. і стаў асноваю далейшай аграрнай палітыкі. Аграрная рэформа складалася з насаджэння вайсковага і цывільнага асадніцтва, ажыццяўлення парцэляцыі, правядзення камасацыі і ліквідацыі сервітутаў. Закон афіцыйна замацаваў механізм продажу памешчыкамі часткі сваіх земляў. Парцэляцыя павінна была праходзіць дабраахвотна, але не бясплатна – разглядаемы закон дапушчаў магчымасць адчужэння прыватных земляў праз выкуп па кошце, вызначаным урадам, прадугледжваў пашырэнне прывілеяў памешчыкаў і свабодны продаж зямлі па рынкавым кошце [13, с. 274; 24, с. 11-24]. Памешчык меў права самастойна выбіраць надзел зямлі пад правядзенне парцэляцыі – зразумела, што гэта была зямля горшай якасці. Законам прадугледжвалася парцэляцыя 200 000 га зямлі штогод (на працягу першых дзесяці гадоў). Калі на працягу года ў краіне прадавалася менш за 200 000 га памешчыцкай зямлі, то дзяржава прымусявала пускала на продаж частку земляў буйных маёнткаў па рынкаваму кошце, каб сяляне набывалі штогод не менш за 200 000 га. Парцэляваныя надзелы прадаваліся надзеламі да 15 га ў вялікапольскіх землях і да 26 га ў Заходняй Беларусі і Заходняй Украіне [1, с. 28; 11, с. 135].

Памешчыкі захоўвалі земляўны надзел у памеры 60 га ў раёне буйных гарадоў, а ў іншых раёнах Польшчы гэты памер складаў 180 га. У сувязі з тым, што на “Крэсах” гаспадарка была больш экстенсіўная і польскія памешчыкі разглядаліся ў якасці апоры цэнтральнай улады, то тут максімум складаў 400 га (калі маёнтак меў прадпрыемствы для перапрацоўкі сельгаспрадукцыі, то максімум павялічваўся да 1 000 га). Такім чынам памешчыкі ўцягваліся ў капіталістычныя адносіны, а парцэляцыя разам з тым дапамагала заможным сялянам ствараць фермерскія гаспадаркі [2, с. 26; 20, с. 302].

Казімір Святаполк-Мірскі ад імя памешчыкаў Польшчы крытыкаваў прыняты закон і адзначаў, што “Закон аб аграрнай рэформе ўводзіць у аграрную праблематыку штучныя элементы, якія вынікаюць адзінкава з імкнення да колькаснага вырашэння аграрнага пытання – механічнага надзялення як мага большай колькасці людзей зямлёю, а не якаснага, гэта значыць стварэння здаровай аграрнай структуры, якая б абаялілася на разнастайныя тыпы сельскай гаспадаркі. Такім чынам, у якасці нездаровай аграрнай структуры трэба прызнаць павелічэнне і замацаванне тыпа вегетатыўнай і несамастойнай гаспадаркі” [17, с. 41].

Заклучэнне

Такім чынам, аграрная палітыка польскіх улад у Заходняй Беларусі ў 1919-1925 гг. ажыццяўлялася перш за ўсё на падставе законаў, прынятых Сеймам Другой Рэчы Паспалітай

10 ліпеня 1919 г., 7 мая 1920 г., 15 ліпеня 1920 г., 17 снежня 1920 г., 10 студзеня 1922 г., 31 ліпеня 1923 г. і 26 ліпеня 1925 г. Польскімі ўладамі быў абраны прускі шлях развіцця капіталізму ў вёсцы, гэта значыць з захаваннем буйнога памешчыцкага землеўладання і выкупам сялянамі зямлі за грошы.

Заканадаўчая база аграрнай палітыкі была дэталёва распрацавана на працягу 1919-1925 гг. Сеймам і польскімі дзяржаўцамі і дапоўнена ў наступныя гады неабходнымі ўдакладняючымі пастановамі, але сама рэформа ў сувязі з пачаткам 1 верасня 1939 г. Другой Сусветнай вайны не была праведзена да канца і таму не змагла вырашыць аграрнага пытання ў міжваеннай Польшчы.

Рэзюме. Стаття посвящена законодательной базе аграрной политики польских властей в Западной Белоруссии в 1919-1925 гг.

Abstract: The article tells about the formation of legislative basic agrarian reform Polish authorities in Western Belarus in 1919-1925.

Літаратура

- 1 Аграрный вопрос и крестьянское движение. Справочник. Том второй / Под ред. М. П. Горова. – Москва, Международный аграрный институт, 1936. – 198 с.
2. Броўкін, Я. А. Эканоміка Польшчы ў 1921-1929 гг. / Я. А. Броўкін // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 3. – С. 25-31.
- 3 Вырстка, А. Ф. Выпрацоўка заканадаўства аб асадніцтве ў II Рэчы Паспалітай і яго рэалізацыя / А. Ф. Вырстка // Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў: зборнік навуковых артыкулаў / Гродна, ГрДУ, 2006. – 422 с. – С. 232-237.
- 4 Гак, Л. Аграрная політыка польскай буржуазіі ў Заходняй Беларусі / Л. Гак. – Мінск, Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Партмассектар, 1933. – 95 с.
- 5 Гамулка, К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918-1922 гг.) / К. Гамулка. – Вільня, ЕГУ, 2008. – 256 с.
- 6 Грэсь, С. М. Законы аб аграрнай рэформе 1919-1925 гг., іх распрацоўка і прыняцце ў Сейме і Сенаце / С. М. Грэсь // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 1. – 2007. – № 4. – С. 3-7.
- 7 Зялінскі, П. І. Аграрная рэформа ў Заходняй Беларусі (1919-1939 гг.) / П. І. Зялінскі // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі 17-18 верасня 1999 года, Мінск, БДУ. – Мінск, БДУ, 2000. – С. 24-30.
- 8 Канстытуцыя Польскае Рэспублікі 17 сакавіка 1921 г. і Закон 20 студня 1920 г. аб польскім грамадзянстве. – Вільня, Друк С. Бэхэра, 1924. – 102 с.
- 9 Кухарев, Б. Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919-1939 гг.) / Б. Е. Кухарев. – Минск, Вышэйшая школа, 1975. – 112 с.
- 10 Полуян, И. В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929-1933 гг. / И. В. Полуян. – Минск, Навука і тэхніка, 1991. – 207 с.
- 11 Сорокин, А. А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920-1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск, Наука и техника, 1968. – 204 с.
- 12 Титова, А. А. Позиции польских политических партий по вопросу аграрной реформы в 1922-1925 гг. : автореф. дисс. на соискание степени канд. ист. наук / А. А. Титова. – Москва, МГУ, 1977. – 26 с.
- 13 Цітова, А. Беларускі дэпутацкі клуб і праблема аграрнай рэформы ў польскім Сейме ў 1922-1935 гг. / А. Цітова // Беларусіка-Albaruthenika: Кн. 3. Нацыянальныя і рэлігійныя культуры, іх узаемадзеянне. Мінск, Навука і тэхніка, 1994. – 432 с. – С. 269-276.
- 14 Brzoza, Cz. Polska w czasach niepodleglosci i Drugiej Wojny Swiatowej (1918-1945) / Cz. Brzoza. – Krakow, Fogra, 2001. – 424 s.
- 15 Dabrowska, M. O wykonaniu reformy rolnej (objasnienie ustawy z d. 15 lipca 1920 r.

wraz z urzędowym tekstem ustawy i przepisow wykonawczych) / M. Dabrowska. – Warszawa, Druk Księgarnia Rolnicza F. Wyszynskiego i S-ki, 1921. – 102 s.

16 Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej – Warszawa, Kancelaria Prezesa Rady Ministrów, 1919-1939.

17 Galka, B. W. Miejsce i rola ziemianstwa w strukturze społeczno-economicznej II Rzeczypospolitej. Zarys problematyki / B. W. Galka // *Dzieje Najnowsze*. – 1985. – № 1. – S. 33-52.

18 Historia chłopow polskich / pod redakcja Stefana Inglota. – Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 395 s.

19 Jezierska, A., Leszczyńska, C. Historia gospodarcza Polski / A. Jezierska. – Warszawa, Key Text, 1999. – 560 s.

20 Kostrowicka, I., Landau, Z., Tomaszewski, J. Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku / I. Kostrowicka. – Warszawa, Ksiaska i Wiedza, 1975. – 590 s.

21 Landau, Z., Tomaszewski, J. Gospodarka Drugiej Rzeczypospolitej / Z. Landau // *Dzieje Narodu i Panstwa Polskiego*. – 1991. – № 3. – S. 1-80;

22 Lubachko, I. S. Belorussia under Soviet rule. 1917-1957 / I. S. Lubachko. – Lexington, The University press of Kentucky, 1972. – 220 p.

23 Odlanicki-Poczobutt, St. Wojewodztwo Nowogrodzkie / St. Odlanicki-Poczobutt. – Wilno, Nakladem Wilenskiej Izby Rolniczej, 1936. – 498 s.

24 Sprawozdanie stenograficzne z 263 posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej z dnia 28 grudnia 1925 r. – [Warszawa], 1925. – 40 s. – S. 11-24, 35-40.

25 Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920-1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa, Instytut studiow politycznych PAN oficyna wydawnicza RYTM, 2003. – 431 s.

УДК 94 (410):327.8:94(470:438):327.2:94(477) «1919–1920»

Позиция Великобритании в связи с польско-советской военно-политической борьбой за Украину в конце 1919–1920 г.

Е. Н. ДУБРОВКО

В конце 1919 г. территория современной Украины была ареной острой военно-политической борьбы различных сил, среди которых значительную активность проявляли Советская Россия и Польша. Последняя ещё в ходе Парижской мирной конференции выставила требования возврата ряда территорий на востоке, до конца 18 века входивших в состав Речи Посполитой. Параллельно с политическими шагами Польша предпринимала военные операции, занимая данные территории. В итоге, к концу 1919 г. на юго-востоке её войска вышли к линии Бар-Белокоровичи (на территории современной Украины), таким образом, заняв исторические районы Восточной Галиции, части Волыни и Подолии. Успехи польских политических акций были далеко не так велики. Летом 1919 г. Польша была уполномочена на военную оккупацию Восточной Галиции без дальнейшего признания за ней прав на эту территорию. Реализация принятого в конце ноября решения о передаче Польше мандата на эти земли на 25 лет была отложена на неопределённый срок уже в конце 1919 г. [1, с. 10-11]. Что же касается прилегающих территорий Волыни и Подолии, то их занятие польскими войсками формально не было санкционировано союзными державами. Декларация Верховного Совета о восточных границах Польши не предполагала права Польши на управление этими украинскими территориями [2, с. 255-257].

Советская Россия не предъявляла непосредственных претензий на присоединение украинских земель. Её политика сводилась к созданию украинского государства, однако, непременно с советской формой правления. Таковым стала Украинская Социалистическая Советская республика, провозглашённая в марте 1919 г. на съезде советов в Харькове после поражения Германии и возвращения советской власти на Украину. Данное государство с лета 1919 г. состояло в военно-политическом союзе с РСФСР, являясь, по сути, буферным образованием и формальной реализацией права народов бывшей Российской Империи на самоопределение. Территория УССР постоянно менялась: с занятием Красной Армией новых областей росло количество украинских губерний.

Дальнейшее продвижение польских и советских войск по украинской территории, соответственно на восток и запад, должно было неминуемо привести их к вооружённому столкновению. В декабре 1919 и январе 1920 г. правительство Советской России обращалось к Польше с предложением о мире, при этом была указана и линия максимального продвижения советских войск, т. н. «линия Дрисса-Бар» [3, с. 331-333]. Т. е. под польской оккупацией должны были остаться уже занятые ею украинские территории. Однако заключение мира с непризнанным советским государством, несущим, кроме того, революционную идеологию, не могло дать Польше гарантий стабильности её восточных границ. Схемой, которая с точки зрения некоторых польских политиков была призвана обеспечить такую стабильность, была т. н. «федералистская концепция». Она предполагала создание, в том числе и на украинской территории, государств-буферов с несоветской формой правления между Польшей и Советской Россией. Под флагом федерализма борьба Польши за влияние на украинских землях представлялась ими не как аннексионистская политика, а как реализация вильсоновских принципов и защита народов Европы от большевизма. Эти лозунги позволяли польскому правительству искать необходимой поддержки у великих держав, которая должна была выражаться либо в международных гарантиях польско-советского мира, заключённого на польских условиях, либо в военной поддержке Польши в дальнейшей вооружённой борьбе с Со-

ветской Россией. Позиция великих держав должна была, таким образом, сыграть роль в судьбе украинского народа, оказавшегося в зоне напряжённой польско-советской военно-политической борьбы. Целью данной статьи является анализ позиции, которую в связи с этой борьбой заняла Великобритания.

Проблема эта в советской и постсоветской историографии не получила достаточного освещения. Исследования советских историков и близкие к ним работы историков ПНР за редким исключением крайне скупы на факты и щедры на идеологические штампы [4]. Белорусские историки могут обращаться также к работам зарубежных авторов, однако, в них нашли отражение только отдельные стороны исследуемой проблемы [5, 6, 7, 8, 9]. Очевидно, что этого недостаточно, поскольку изучение процессов, происходивших на соседней украинской территории, имеет для нас несомненное значение. Оно позволит сравнить судьбу белорусского и украинского народов и их государственности в период создания Версальской системы, а значит, лучше понять события отечественной истории.

Великобритания к концу 1919 г. не признала ни одного из национальных государственных образований, провозглашённых на украинской территории. Формально бо́льшая часть украинских земель подпадала под статус территорий бывшей Российской империи, по отношению к которым Великобритания стремилась воздерживаться от активной политической деятельности. Непризнанная Советская Россия рассматривалась британским премьером Д. Ллойд Джорджем в этот период в качестве потенциального экономического партнёра, поэтому он стремился избегать любых политических акций, которые могли повредить налаживаю отношений с ней. Основные принципы такой политики были сформулированы на заседании британского кабинета министров 29 января 1920 г. Было отмечено, что Великобритания не будет поощрять де факто признанные сообщества [communities], граничащие с Советской Россией, к продолжению войны с ней. Только при угрозе их законным границам со стороны советского государства союзники обязались оказать им возможную помощь. Помимо этого, отмечалось, что в максимально возможной степени будет поддерживаться торговля с большевиками [7, с. 276-277; 8, с. 140]. Это решение должно было ограничить «зону ответственности» Великобритании восточными границами признанных ею государств. Однако проблема оформления восточных границ польского государства, остававшаяся до конца не решённой, а также активная военно-политическая деятельность поляков по её решению, создавали брешь в британской системе безопасности в этом районе. По итогам Парижской мирной конференции, как уже отмечалось ранее, Польша была уполномочена лишь на военную оккупацию Восточной Галиции. Поэтому нахождение польских войск на территории Волыни и Подолии рассматривалось как несанкционированное и незаконное. Об этом Д. Ллойд Джордж напомнил в ходе личных встреч с польским премьером Станиславом Патеком в январе 1920 г. [10, с. 803-805]. Кроме того, британский премьер заявил, что Великобритания не сможет помочь Польше, если причиной срыва польско-советского мира будут её попытки удержать территории бо́льшие, чем те, что были гарантированы мирной конференцией [10, с. 910]. Это означало, что Польша не могла рассчитывать на помощь Великобритании в случае входа советских войск на территорию Восточной Галиции, так как последняя формально не входила в границы польского государства.

Таким образом, в начале 1920 г. позиция Великобритании по вопросу польско-советского конфликта на Украине свелась к поддержке перехода к мирному способу его разрешения. При этом претензии Польши на украинские территории, в частности, на Восточную Галицию, явно не поощрялись.

Польское руководство, не желая отказываться от своих территориальных притязаний, попыталось реализовать их более приемлемым для союзников путём. На помощь была призвана федералистская концепция. Так, в своём интервью иностранным журналистам в феврале 1920 г. начальник польского государства Ю. Пилсудский высказался за мир с большевиками и против насильственного присоединения Украины, Беларуси и Литвы к Польше [11, с. 154-155]. В проекте условий мира с Советской Россией, разработанном в Польше, предусматривалось создание независимого украинского государства с западной границей, проходившей по течению рек Збруч и Стирь, т. е. Восточная Галиция оставалась за Польшей. Бо-

лее того, предполагалась возможность продвижения польско-украинской границы ещё восточнее до р. Горынь. На востоке границы Украины оставались открытыми, зависящими от её собственной способности добиться желаемого от России. Зона польского вмешательства ограничивалась линией границы Речи Посполитой до раздела 1772 г. [12, с. 569-571]. Ещё более убедительными для мировой общественности должны были стать польско-украинские переговоры и заключение политической конвенции, которая аналогичным способом очерчивала границы будущего украинского государства [13, с. 400-401]. Очевидно, что Польша готовила Украине судьбу государства-буфера, находившегося в её сфере влияния.

Со своей стороны, советское руководство, несмотря на его мирные инициативы, не оставило планов советизации украинских территорий, находившихся за линией «Дрисса-Бар». Об этом свидетельствует записка наркома иностранных дел Г. В. Чичерина от 14 февраля, где он отмечал, что военные склонны не считаться с указанной линией, а И. Сталин, в частности, настаивал на налаживании контактов с восточными галичанами и обещании им независимости [14, с. 45-47]. Таким образом, в период т. н. мирной передышки ни одна из сторон от своих претензий на Украину не отказалась.

В Лондоне отдавали себе отчёт в том, что угроза возобновления активных военных действий на польско-советском пограничье оставалась вполне реальной. Тем более, что английский верховный комиссар на Украине Х. Д. Макиндер, возвращаясь в Англию в конце 1919 - начале 1920 г. через Варшаву, сообщал о готовности Ю. Пилсудского начать весной 1920 г. наступление на Украине [7, с. 270]. Сам начальник польского государства также публично подчёркивал, что большевики вынуждают Польшу к войне, концентрируя силы на западном фронте [11, с. 161].

Вместе с тем в Великобритании в конце зимы – начале весны 1920 г. наблюдался несомненный рост интереса к украинским землям. Прежде всего, этот интерес был экономического характера. В появившихся в Англии в этот период брошюрах об Украине пропагандировались большие выгоды от коммерческих отношений с ней: от импорта оттуда зерна, сахара, молочных продуктов и иного сырья, а также от экспорта промышленных товаров. Кроме того, отмечалась возможная выгода от участия в налаживании железнодорожного сообщения на украинских территориях [15, р. 9-10]. Этот интерес в условиях правительственного курса на установление экономических отношений с Советской Россией определял судьбу украинских земель в глазах Великобритании как территории, находившейся в сфере советского влияния. Для такой позиции были и иные основания. Как отмечал А. Марголин, украинский посланник в Лондоне в первой половине 1920 г., британский интерес к Украине был обусловлен попытками Великобритании добиться каких-либо преференций в Восточной Европе. Балтика, по его мнению, для этого не подходила, так как потенциально в силу экономических и географических факторов была сферой влияния Германии. Польша тяготела к Франции. Потому для Англии осталась Украина, не имевшая границ с Германией, но имевшая выход к Чёрному морю, удобный для английского торгового флота [16, с. 249-250]. Похожую информацию содержат сообщения европейских газет, датированные февралём 1920 г. Отмечалось, что Англия проявила желание распространить свою сферу влияния, помимо Прибалтики, и на Украину. Мотивировалось это стремлением превратить последнюю в противовес «созданию французского империализма – Польше» [17]. Однако прямой путь к достижению такой цели был перекрыт англо-французским соглашением от 23 декабря 1917 г., по которому Украина признавалась своеобразной сферой влияния Франции [18]. Заключённое в период войны с Германией с целью обеспечить обороноспособность Восточного фронта, в новых политических условиях оно стало для Великобритании препятствием на пути осуществления её восточноевропейской политики. Поэтому весной 1920 г. в официальных британских кругах нащупывались возможности пересмотра тайного договора с Францией либо его аннулирования [16, с. 217]. Удобной для Великобритании альтернативой могло стать «закрепление» Украины в той или иной форме за Советской Россией при условии установления торговых отношений с последней. В этом направлении, очевидно, действовали английские государственно-политические деятели, которые «давали понять» украинскому посланнику, что Украине надо попытаться идти путём мира с Советской Россией [16, с. 214]. Реализация польских

претензий была невыгодна Великобритании, так как ещё сильнее втягивала Украину во французскую сферу влияния. Поэтому в Англии польский проект условий мира с Советской Россией был воспринят как неприемлемый и даже «безумный» [19; 12, с. 561]. Английский посланник в Варшаве заявил, что Великобритания таких польских требований не поддержит [9, р. 145]. Федералистские лозунги, предложенные Польшей, также не имели поддержки в Великобритании. Польский посланник в Лондоне сообщал в Варшаву, что английское правительство считало идею создания федерации «замаскированной аннексией или утопией», а в возможность существования украинского государства здесь не верили [12, с. 561-563, 608-610]. Как отмечал глава военного ведомства У. Черчилль, желание польского правительства заключалось в том, чтобы создать на Украине буферное государство между Польшей и большевистской Россией [20, с. 178].

В конце апреля 1920 г. в Лондон пришли сведения о польско-украинском соглашении, в котором Польша признала Украину независимым государством, а последняя отказалась в её пользу от Восточной Галиции и части Волыни [21]. Вскоре началось польское вооружённое наступление на Украине.

Эти шаги Польши не вызвали официальной реакции английского кабинета. Как отмечал А. Магрголин, правительство ожидало результатов польско-украинского наступления [16, с. 218]. Очевидно, однако, что веры в успех этого наступления не было. Подтверждается это тем, что в разгар польского наступления, когда Киев уже был занят поляками, британский кабинет министров принял решение, что в будущее торговое соглашение с Советской Россией войдёт и территория Украины [7, с. 292].

Таким образом, ни федералистские лозунги Польши, ни успешное начало её военной кампании в Украине не изменили позиции Великобритании, склонной допустить переход Украины в советскую сферу влияния, чтоб извлечь из этого экономическую выгоду после заключения торгового соглашения с большевиками.

В начале июня 1920 г. ситуация на польско-советском фронте изменилась. Советские войска перешли в успешное наступление. Оно подтверждало британские предположения о недолгосрочности польских успехов и обеспечивало возврат Украины в орбиту советской политики. Поэтому вмешиваться в польско-советский спор на данном этапе у Великобритании не было необходимости. В связи с этим стоит привести запись из дневника личного секретаря Ю. Пилсудского К. Свитальского от 22 июня о том, что давления Англии, чтоб был заключён мир, в тот момент не было. Автор также высказал предположение, что Англии даже выгодно советское нападение на запад, так как оно отвлекало Советскую Россию от Персии [22, с. 55]. Правда, в военном ведомстве Англии было и иное мнение. Так, У. Черчилль указывал, что занятие Украины большевиками приведёт к уменьшению производительных сил и помешает вывозу зерна из Украины. Кроме того, продвижение большевиков на запад заставляло его сомневаться в возможности разоружения Германии [20, с. 179]. Вскоре появился повод для беспокойства и у главы британского правительства.

По мере продвижения советских войск на запад возникала угроза их вторжения в «законно признанные границы» Польши и, следовательно, необходимости оказания ей помощи против Советской России. То есть, как минимум, это был риск срыва начавшихся англо-советских торговых переговоров или даже открытого вооружённого столкновения. На повестку дня вставал вопрос о допустимых пределах продвижения советских войск в западном направлении. На территории Украины таковыми, по-видимому, должны были стать границы Восточной Галиции, которая, являясь объектом польских притязаний, формально находилась в распоряжении союзников. Захват её Красной армией не обязывал Великобританию помогать Польше, т. к. эти земли не входили в территорию последней. Но с другой стороны, это было бы равносильно вызову, брошенному союзным державам. Однако в конце июня Политбюро приняло решение об «осторожной политике, охраняющей независимость Восточной Галиции». Было решено отказаться от немедленной аннексии Восточной Галиции в пользу более осторожного пути распространения там советской власти, т. е. через создание Галицийского ревкома, организацию восстания и т. д. [14, с. 126-127]. Таким образом, советская сторона избавила Великобританию от необходимости немедленного вмешательства в вооружённый конфликт.

В начале июля польское правительство, не дожидаясь перехода советскими войсками так называемой «линии 8 декабря 1919 г.», обратилось к союзнической конференции в Спа с просьбой о помощи. При этом польское правительство заявило о готовности заключить мир на условиях самоопределения народов, проживающих между Польшей и Россией [23, с. 291].

Вопрос о польских претензиях на восточную Украину во время конференции Великобритании даже не поднимала. Польские делегаты 9 июля сами публично признали, что ни границы 1772 года, ни занятие Киева не могут быть национальными целями [24, р. 502-506]. Позиция британской делегации по вопросу принадлежности этой территории проявилась в ходе беседы с украинским представителем А. Марголиным, которому было заявлено, что украинский народ, как «народ России» не может рассчитывать на вмешательство Англии в устроение его судьбы. Только статус Восточной Галиции отличался, так как это была часть «австрийского наследства», а народы бывшей Австрийской империи получили право на самоопределение [16, с. 238-239]. Британский премьер подчёркивал в ходе конференции ошибочность восточногалицийской политики Польши и необходимость учёта воли населения этой территории при решении её судьбы [24, р. 502-506]. По-видимому, Д. Ллойд Джордж не исключал возможность победы просоветской ориентации населения при проведении плебисцита в Восточной Галиции. На это ему позволяли рассчитывать данные политического доклада, подготовленного в ведомстве иностранных дел Великобритании 11 июня 1920 г. В нём содержался вывод о том, что симпатии большинства украинцев, в том числе и в Восточной Галиции, склоняются к большевикам [7, с. 295-296]. Ещё больше убеждают в готовности Д. Ллойд Джорджа допустить большевиков в Восточную Галицию его заявления на совещании 10 июля. Британский премьер, ссылаясь на то, что большевистские войска уже вошли на территорию Восточной Галиции, предложил, чтобы они остановились на линии, которой достигнут к моменту перемирия. Это предложение было принято и вошло в итоговое соглашение, подписанное Польшей [24, р. 524-530]. Таким образом, очевидно, что отстаивать право Польши на военную оккупацию Восточной Галиции Великобритания не была намерена. Вместе с тем и о передаче её под военную оккупацию Советской России или Украине речь идти не могла. Очевидно, что, не являясь единоличной распорядительницей судьбы Восточной Галиции, Великобритания не могла напрямую решить вопрос о её судьбе в своих интересах. Однако договорённость о приглашении представителей Восточной Галиции на предложенную России конференцию в Лондоне позволяла надеяться, учитывая данные упомянутого выше доклада, на приемлемое для Великобритании решение вопроса о судьбе края.

По итогам конференции в Спа британское правительство 11 июля отправило ноту советскому правительству с рядом предложений, в том числе о заключении перемирия с Польшей. Однако, по сравнению с формулировками соглашения, подписанного с Польшей в Спа, текст т. н. «ноты Керзона» оказался несколько изменённым. В частности, изменения касались вопроса о линии перемирия в Восточной Галиции. Текст оказался двусмысленным. С одной стороны, отмечалось, что по условиям перемирия польская армия отступит на линию, намеченную Парижской мирной конференцией в качестве восточной границы областей, в которых Польша имеет право вводить свою администрацию. Естественно, эта линия проходила западнее Восточной Галиции, что и подтверждалось дальнейшим её описанием. С другой стороны, отмечалось, что в Восточной Галиции обе стороны останутся на линии, занятой ими ко дню перемирия [25, с. 54-55]. Эта неоднозначность показывала неурегулированность а priori вопроса о судьбе Восточной Галиции и позволяла польской и советской сторонам попытаться реализовать свои варианты его решения.

Советский вариант наметился 15 июля, когда Галицийским ревкомом была провозглашена Галицийская Социалистическая Советская республика с центром в Тернополе. Что касается польского правительства, то оно, хоть и приняло условия Великобритании в Спа, не спешило оставлять свои претензии на украинские земли. Стараясь успокоить общественное мнение Польши, премьер В. Грабский заявил, что союзники решили оставить мандат Польше на управление Галицией на несколько лет, после чего будет воплощён принцип самоопределения [23, с. 297-298]. Представителям украинского национального движения, оказавшимся в довольно сложном положении после того, как Польша своим соглашением с союзниками

фактически перечеркнула польско-украинский договор, Ю. Пилсудский прямо заявил, что в Восточной Галиции доминирует Польша, а в восточной Украине они сами должны доказать, что украинское государство существует [22, с. 59-60]. Таким образом, во второй половине июля 1920 обе стороны конфликта не оставили планов доминирования на территории Восточной Галиции.

В своём ответе на британскую ноту от 11 июля советское правительство отказалось от посредничества Великобритании в деле заключения мира с Польшей [25, с. 47-53]. Однако линия перемирия, предложенная в т. н. «ноте Керзона» и отражавшая мнение союзников, а в большей мере Великобритании, о пределах советского продвижения на запад, стала важной отправной точкой при формулировании сторонами конфликта их требований.

В период военных успехов советской армии, то есть вплоть до середины августа 1920 г. польское правительство, обсуждая возможные условия перемирия, принимало т. н. «линию Ллойд Джорджа» (она же «линия Керзона») на участке от Гродно до Бреста. На южном участке поляки не оставляли своих претензий на Восточную Галицию. Подтверждал это отказ Польши подписать 10 августа 1920 г. т. н. пограничный договор с пятью великими державами, Чехословакией, Югославией, Румынией, так как он не включал Восточную Галицию в состав польского государства [26, с. 133]. Поляки пытались включить в перечень требований к Советской России территорию с городами Владимир Волынский, Ковель и рекой Збруч. В качестве второго варианта рассматривалась предложенная союзниками «линия фронта, существующая на день перемирия» [27, с. 206-207, 211-214].

В отличие от Польши, советское правительство в этот период рассматривало возможности отклонения от т. н. «линии Керзона» не свою пользу, а в пользу Польши. Делалось это, как отмечал председатель Польревкома Ю. Мархлевский, «по дипломатическим соображениям» [14, с. 140-141]. Заявление о предоставлении Польше более выгодной границы должно было вызвать симпатии к советской власти не только у польского населения, но и у части западноевропейского общества. Эти дипломатические игры касались и украинского народа. В частности, было заявлено о передаче Польше земли к востоку от г. Холм (Хелм) с украинским униатским населением [25, с. 100-101, 137-139]. Историческим основанием для такого жеста было то, что эти земли до 1912 г. входили в состав Царства Польского, когда были выделены в отдельную Холмскую губернию и присоединены к России. Об уступке Польше Восточной Галиции речь не шла. Кроме того, создание там Галицийской ССР явно говорило о том, что отказываться от этой территории Советская Россия не собиралась.

Дипломатические шаги советской стороны имели определённый успех. Великобритания, ещё ранее сделав в польско-советском противостоянии ставку на Советскую Россию, полностью подтвердила её отправкой телеграммы в Варшаву, которая, по сути, одобряла советские территориальные требования [20, с. 181].

Начало польского контрнаступления и военные успехи поляков изменили политическую ситуацию и уменьшили возможности Великобритании влиять на ход польско-советского противостояния на территории Украины и в восточноевропейском регионе в целом. 23 августа в ходе переговоров в Минске польская делегация отвергла все мирные предложения Советской России. В своём заявлении она вновь обратилась к стратегии федерализма, говоря о праве народов, заселяющих территорию между Польшей и Россией, на самоопределение. Более того, она заявила, что т. н. «линия Керзона» ничем не обоснована [28, с. 103-107]. Очередным вызовом Великобритании стало решение польского Совета обороны государства о возможности военного перехода через «линию Керзона», принятое 27 августа [29, с. 224-228]. Британская дипломатия могла ответить лишь переданными через своего посланника в Варшаву рекомендациями не пользоваться преимуществами военных успехов и не претендовать на этнически чужие земли [9, с. 152].

В конце августа позиция Великобритании укрепилась благодаря достижению единства мнений союзников по польскому вопросу. Как и Великобритания, Франция, США и Италия рекомендовали Польше воздержаться от территориальной агрессии против России. [30]. В таких условиях польская сторона попыталась найти компромисс между позицией союзников и собственными представлениями о национальной безопасности. Польша сделала ставку

на собственные военные силы и попытались достичь стратегически удобную для себя восточную границу. В качестве возможного варианта была признана т. н. «линия германских окопов» [29, с. 224-228]. В Восточной Галиции поляки рассчитывали на выход своей армии к линии р. Збруч на момент заключения перемирия [27, с. 368-379]. В поисках международной поддержки своих территориальных требований Польша сделала ставку на Францию. В инструкции польского МИД отмечалось, что в пользу линии «германских окопов» было согласие на неё представителей П. Н. Врангеля [27, с. 368-378]. В условиях военных успехов Вооружённых сил Юга России в начале осени 1920 г. а также признания правительства П. Н. Врангеля Францией можно было рассчитывать на принятие указанной линии французским правительством. Кроме того, было известно, что французское правительство готово на признание Восточной Галиции за Польшей при условии доступа в регион французского капитала [31, с. 130]. Сближение с Францией, таким образом, могло помочь Польше в решении вопроса о её восточной границе на украинской территории. Недаром Ю. Пилсудский заявлял французским газетам об общности интересов Франции и Польши [11, с. 183-186].

Советское правительство к концу сентября в условиях военных успехов Польши и П. Н. Врангеля заявило об отказе от Восточной Галиции и готовности идти на значительные территориальные уступки, о чём было сделано заявление ВЦИК [25, с. 204-206]. Как заявлял В. И. Ленин на IX Всероссийской конференции РКП(б) 22 сентября, вопрос о территориальных границах был «20-степенным» по сравнению с вопросом о скорейшем окончании войны [32, с. 370-395].

В отличие от советской стороны, в польской делегации в Риге вопрос о границах подлежал острой дискуссии [6, с. 262]. Итогом её стало решение требовать на территории Украины границу, исходя из стратегических, а не этнографических принципов, что означало принадлежность Польше железной дороги Ровно-Сарны [33, с. 70].

Таким образом, осенью 1920 г. обе участницы конфликта, исходя из изменившейся военно-политической ситуации, по-новому сформулировали свои претензии на территории Украины. Следует отметить, что места УНР в их планах не оказалось, в праве участвовать в мирной конференции в Риге ей было отказано [13, с. 428-430].

Британское правительство осенью 1920 г. воздерживалось от значительной политической активности в деле польско-советского противостояния на Украине. Военные успехи «профранцузской» Польши и П. Н. Врангеля, а также приостановка англо-советских переговоров лишили Великобританию значительных рычагов влияния на ситуацию. Хотя по-прежнему предпринимались попытки надавить на Польшу и навязать «линию Керзона» [6, с. 264]. Они оказались неудачны. Также оказались безрезультатными попытки украинских национальных деятелей найти помощь в Великобритании [7, с. 301-306]. Вопрос о судьбе украинских земель был оставлен, по сути, на разрешение Польше и Советской России.

По договору о перемирии и прелиминарных условиях мира, заключённому в Риге в октябре 1920 г., Польша получила Восточную Галицию и значительную часть Волыни [25, с. 245-256]. Данный договор был оценён в Великобритании как победа польского варианта решения территориального спора [34].

Таким образом, в итоге польско-советской военно-политической борьбы за Украину в конце 1919 – 1920 г. Польша реализовала свои претензии на Восточную Галицию и, исходя из стратегических соображений, добилась присоединения части Волыни. Остальная территория Украины оказалась под контролем советского правительства. В условиях военных побед Польши, для которой была характерна профранцузская ориентация, Великобритания, в силу своих экономических интересов более склонная видеть всю Украину в советской зоне влияния, свою позицию навязать не смогла.

Резюме. Статья посвящена изучению позиции, которую заняла Великобритания в связи с борьбой Советской России и Польши за украинские земли в конце 1919 – 1920 году, т. е. в период от декабрьской декларации союзных держав по вопросу определения восточных границ Польши, до момента практического разрешения этого вопроса в ходе войны между Польшей и Советской Россией. Рассматриваются планы польской и советской сторон в отношении Украины в этот период, а также реальные шаги, предпринятые для их реализации и

вылившиеся в открытый вооружённый конфликт. Анализируется позиция Великобритании в связи с данным конфликтом, обусловившие её факторы и значение для исхода польско-советского противостояния в Украине на момент заключения перемирия в Риге.

Abstract. The article is devoted to studying Great Britain position in connection with Soviet Russia struggle against Poland for the Ukrainian lands at the end of 1919-1920, i.e. during the period from the December declaration of allied states concerning Poland eastern frontiers till the moment of the practical salvation of this question during the war between Poland and Soviet Russia. The article considers Poland and Soviet plans towards Ukraine during this period, and also the real steps undertaken for their realization and poured out in an open confrontation. The position of Great Britain in connection with this conflict, the factors caused it and the value for outcome in Polish-Soviet confrontation in Ukraine at the moment of signing an armistice in Riga are analyzed.

Литература

- 1 Дубровко, Е. Н. Польские территориальные претензии в Восточной Европе и политика Великобритании (конец 1918 – 1919 гг.) / Е. Н. Дубровко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2008. – №4 (49). – С. 7-16 /
- 2 Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały: w 3 t. / red. K. R. Bierzanek. – W-wa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965. – Т. 1. – 644 s.
- 3 Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / редкол.: И. А. Хренов [и др.] – М.: Изд-во АН СССР, 1964-1986. – Т. 2: Ноябрь 1918 – Апрель 1920. / С. Вроньский [и др.] – 1964. – 689 с.
- 4 Лихолат, А. В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917-1922 гг) / А. В. Лихолат. – М.: Госполитиздат, 1954. – 654 с.; Карпенко, О. Ю. Імперіалістична інтервенція на Україні 1918-1920 / О. Ю. Карпенко. – Львів: Видавництво Львівського університету, 1964. – 256 с.; Nowak-Kiełbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w latach 1918-1923. Kształtowanie się stosunków politycznych / M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1975. – 444 s.
- 5 Складов, С. А. Польско-украинское разграничение в 1918-1923 гг.: автореф. ...дис. канд. ист. наук: 07. 00. 03 / С. А. Складов; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1998. – 23 с.
- 6 Czubiński, A. Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918-1921 / A. Czubiński. – Opole: Inst. Śląski w Opolu, 1993. – 314 s.
- 7 Regina-Zacharski, J. Sprawa Ukraińska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1917-1923 / J. Regina-Zacharski. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004. – 398 s.
- 8 Davies, N. Lloyd George and Poland, 1919-20 / N. Davies // Journal of Contemporary History. – 1971. – Vol. 6. – No. 3. – P. 132-154 // Sage Publications, Ltd. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/259884> – Date of access: 15.07.2008.
- 9 Elcock, H. J. Britain and the russo-polish frontier, 1919-1921 / H. J. Elcock. // The Historical Journal. – 1969. – Vol. 12, №1. – P. 137-154.
- 10 Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by E. L. Woodward [and others]. – London: His Majesty's stationary office, 1949. – Vol. 3. – 910 p.
- 11 Piłsudski, J. Pisma-mowy-rozkazy: w 8 t. / J. Piłsudski. – W-wa: Towarzystwo wydawnicze "Polska zjednoczona", 1930-1931. – Т. 5. – 1931. – 330 s.
- 12 Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / редкол.: И. А. Хренов [и др.] – М.: Изд-во АН СССР, 1964-1986. – Т. 2: Ноябрь 1918 – Апрель 1920. / С. Вроньский [и др.] – 1964. – 689 с.
- 13 Мазепа, І. Україна в огні й бурі революції. 1917-1921 / І. Мазепа. – Киев: Темпора, 2003. – 608 с.
- 14 Польско-советская война. (Ранее не опубликованные документы и материалы): в 2 ч. / редкол.: И. И. Костюшко [и др.]. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. – Ч. 1. – 216 с.
- 15 Bagnall-Bull, E. The Ukraine. The granary of Europe / E. Bagnall-Bull. – London: Cornwall Gardens, c. W. – 16 p.

- 16 Марголинъ, А. Украина и политика Антанты. (Записки еврея и гражданина) / А. Марголин. – Берлинъ: Издательство С. Ефронъ, 1921. – 397 с.
- 17 [Из чешских газет] о положении ведущих западных держав // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 5889. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 12.
- 18 Соловьев, О. Ф. Как Англия и Франция делили Россию / О. Ф. Соловьёв // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – 1997. – N 10. – Режим доступа: http://www.pereplet.ru/history/Author/Russ/S/Solovjew_O/Articles/13-1097.htm – Дата доступа: 19. 08. 2009.
- 19 Lenin threatens Poland // The New York Times [Electronic resource]. – 1920. – 4 March. – Mode of access: <http://query.nytimes.com/> – Date of access: 15. 07. 2008.
- 20 Черчилль, В. Мировой кризис / В. Черчилль. – М.-Л.: Государственное военное издательство, 1932. – 328 с.
- 21 Ukrainian Independence. Agreement with Poland // The Times [Electronic resource]. – 1920. – 24 April. – Mode of access: <http://archive.timesonline.co.uk/> . – Date of access: 1. 09. 2008.
- 22 Świtalski, K. Dziennik 1919-1935 / K. Świtalski. – W-wa: Czytelnik, 1992. – 836 s.
- 23 Kumaniecki, K. Wł. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912-styczeń 1924 / K. Wł Kumaniecki. – Warszawa-Kraków: Nakładem księgarni J. Czernieckiego, 1924. – 782 s.
- 24 Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London: His Majesty's stationery office, 1958. – Vol. 8. – 892 p.
- 25 Документы внешней политики СССР: в 21 т. – М.: Гос. изд. полит. литературы, 1957-1977. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / Г. А. Белов [и др.]. – 1959. – 724 с.
- 26 Wasilewski, L. Kwestia Ukraińska jako zagadnienie międzynarodowe / L. Wasilewski. // Serja prac komisji dla badań zagadnień polsko-ukraińskich / Prace Ukraińskiego Instytutu Naukowego. – W-wa: Drukarnia Piotr Pyz i S-ka, 1934. – Т. XXVIII. – Zeszyt 1. – 146 с.
- 27 Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / редкол.: И. А. Хренов [и др.] – М.: Изд-во АН СССР, 1964-1986. – Т. 3: Апрель 1920 – Март 1921. / С. Вроньский [и др.] – 1965. – 715 с.
- 28 Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918-1939. W 2 t.-Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1989. –Т. 1: 1918-1932 / Т. Jędruszcak [i in.]. –1989. – 467 s.
- 29 Rok 1920. Wojna polsko-radziecka we wspomnieniach i innych dokumentach / J. Barkowski. – W-wa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1990. – 532 s.
- 30 Asks polish pledge against invasion // The New York Times [Electronic resource]. – 1920. – 26 August. – Mode of access: <http://query.nytimes.com>. – Date of access: 15. 07. 2008.
- 31 Ольшанский, П. Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 гг) / П. Н. Ольшанский. – М.: Наука, 1969. – 260 с.
- 32 Ленин, В. И. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. / В. И. Ленин. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. – 607 с.
- 33 Grabski, St. Uwagi o bieżącej historycznej chwili Polski / St. Grabski. – W-wa: Nakładem księgarni Perzyński Niklewicz & Co, 1922. – 160 s.
- 34 Reds sign armistice with poles // The New York Times [Electronic resource]. – 1920. – 7 October. – Mode of access: <http://query.nytimes.com>. – Date of access: 17. 09. 2008.

Отношения между Союзом ССР и БССР по вопросам административно-территориального деления (1919–1941 гг.)

С. А. ЕЛИЗАРОВ

В формально-правовом аспекте СССР создавался и функционировал как федеративное государство, что предполагало разграничение властных полномочий между союзным центром и союзными республиками как субъектами федерации. В этом плане проблема соотношения полномочий союзных и республиканских органов власти в сфере реорганизаций административно-территориального деления союзной республики – это один из аспектов более широкой проблемы наличия реального суверенитета советских союзных республик в составе многонационального СССР. В представленной статье автор на примере административно-территориальных преобразований в БССР попытался проанализировать соотношение между существовавшими формально-юридическими нормами и фактической возможностью республиканских властей самостоятельно определять характер, формы, методы и конкретные параметры этих преобразований.

Сложившееся в Российской империи административно-территориальное деление и в начале XX в. оставалось прежде всего административно-полицейским и фискальным инструментом в руках властей и не устраивало пришедших к власти большевиков. Стремление изменить сами принципы формирования административно-территориального деления, привести его в соответствие с новыми политическими и экономическими реалиями прослеживается с первых дней власти большевиков. Уже в обращении НКВД Советской России к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «Об организации местного самоуправления» от 24 декабря 1917 г. ставилась задача перераспределения административных функций между «отдельными пунктами губерний и уездов, вообще об изменении административных границ». В обращении отмечалось, что «многие губернские и уездные центры сохраняют до сих пор своё значение исключительно как центры административные, тогда как центрами промышленной и торговой жизни являются другие пункты тех же губерний и уездов», в которые Советам предлагалось переместить административные центры. На перспективу ставилась и более масштабная задача – «распределение на административные округа, соответствующие экономическому значению отдельных пунктов и экономической связи между собой...» [1, с. 95]. Декрет СНК Советской России от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч. » предоставил «всецело местным Советам» право изменять территории губерний, уездов, волостей и создавать новые административно-территориальные единицы. НКВД РСФСР в циркуляре №7 от 11 мая 1918 г. указывал, что Советское правительство этим декретом «даёт возможность каждому селению, волости, уезду и проч. группироваться вокруг тех естественных центров, к которым они ощущают тяготение» [2, с. 21].

На местах эти решения активизировали бесконтрольное образование новых административно-территориальных единиц путем дробления прежних и выделения новых губерний, уездов и волостей. Если территория Российской империи к началу 1917 г. (в границах советских республик 1922 г.) делилась на 74 губернии, 605 уездов и 13913 волостей, то на 1 января 1922 г. – 84 губернии, 759 уездов и 15072 волости. [3, с. 7].

С конца 1918 г. центральные органы попытались этот стихийный процесс остановить или, в крайнем случае, взять под свой контроль. В постановлении ВЦИК «Об областных объединениях» (23 декабря 1918 г.) прямо указывалось на необходимость прекратить на уровне уездов, губерний и областных объединений административно-территориальные реор-

ганизации [1, с. 175]. Декретом СНК РСФСР «О порядке разрешения вопросов об изменении границ губерний, уездов и волостей» от 15 июля 1919 г. все вопросы об изменении административных границ должны были решаться с согласия НКВД республики по представлению местных губернских Советов, а также была установлена минимальная норма населения для волости в 10000 человек. Это ограничило стихийный процесс дробления волостей и в определенной степени привело к приостановке бесконтрольного местного творчества в области административных перекроек. [4, с. 31]. А 9 декабря 1919 г. VII Всероссийский съезд Советов в резолюции «О советском строительстве» до разрешения ВЦИК вопроса о новом административно-хозяйственном делении Советской России все вопросы административно-территориальных преобразований решил передать на разрешение республиканскому СНК «после предварительного обсуждения вопроса всеми заинтересованными исполнительными комитетами и народными комиссариатами» [1, с. 222]. В результате возможности местных Советов проводить самостоятельные административно-территориальные преобразования были значительно ограничены, а сам этот процесс был поставлен под контроль центральной власти. В 1922 – 1923 гг., когда в Советской России шел интенсивный процесс укрупнения уездов и волостей, решения по этим вопросам принималось декретами ВЦИК или постановлениями Президиума ВЦИК.

В Советской Белоруссии вопросы административно-территориального деления самостоятельными нормативно-правовыми документами не регулировались, а в качестве нормативной базы до образования СССР использовались правовые нормы, действовавшие в РСФСР. Примеров массовых стихийных административно-территориальных изменений, аналогичных проведенным местными органами Советской власти в РСФСР, в ССРБ не выявлено, а немногочисленные административно-территориальные реорганизации (образование в 1919–1920 гг. Барановичского и Несвижского уездов, укрупнение сельсоветов в 1922 г.) проводились решениями Президиума республиканского ЦИК по предложениям местных Советов.

В Конституции ССРБ, принятой 3 февраля 1919 г. I Всебелорусским съездом Советов, а также в дополнениях к ней, принятых в декабре 1920 г. II съездом Советов ССРБ, вопросы регулирования процессов административно-территориальных преобразований отражения не нашли [1, с. 187–190, 251–257].

Образование СССР привело к необходимости законодательного разграничения полномочий союзных и республиканских органов власти в административно-территориальных вопросах. Согласно Конституции СССР, принятой 31 января 1924 г., ведению СССР в лице его верховных органов подлежало изменение внешних границ Союза, а также урегулирование вопросов об изменении границ между союзными республиками. Все же вопросы административно-территориального деления союзных республик оставались в компетенции руководящих органов самих республик [1, с. 460].

До принятия новой республиканской Конституции в БССР практической работой по проведению административно-хозяйственной реформы 1924 г. занимался Президиум ЦИК БССР. С 1925 г. чаще всего по вопросам административно-территориальных преобразований Президиум ЦИК принимал совместные с СНК постановления, а в некоторых случаях эти вопросы оформлялись отдельными постановлениями СНК БССР.

11 апреля 1927 г. VIII Всебелорусский съезд Советов утвердил новую Конституцию БССР, статья 25 которой вопросы административно-территориального деления относил к компетенции Всебелорусского съезда Советов и ЦИК БССР [5, с. 6]. Опыт проведения крупнейшей в истории БССР административно-территориальной реформы 1924–1927 гг. свидетельствует, что в основе ее проведения были положены принципы, первоначально получившие признание и поддержку в центральных партийных и советских органах СССР в качестве основы для проведения административно-территориальных преобразований во всех республиках Союза. Однако официально эти принципы не были утверждены ни в советском, ни в партийном порядке: XII съезд РКП (б) (апрель 1923 г.) план нового административно-хозяйственного деления признал «лишь предварительной рабочей гипотезой, нуждающейся в дополнении, проверке и разработке на основании опыта» [6, с. 88]. Это создавало возмож-

ности значительной интерпретации этих принципов в зависимости от конкретных условий той или иной союзной республики. Выбор варианта нового административно-территориального деления, конкретных сроков и темпов проведения реформы, количественных и качественных параметров вновь создаваемых административно-территориальных единиц целиком определялся белорусским руководством и не требовал какого-либо согласования или утверждения союзных органов. При этом решающую роль в подготовке и проведении реформы играли советские органы власти: Президиум ЦИК БССР и СНК БССР как центры принятия решений и центры управления проведением реформы, а также Госплан БССР как центр разработки конкретных вариантов административно-хозяйственных преобразований. Партийные органы республики какой-либо самостоятельной или давящей роли в проведении административно-хозяйственной реформы 20-х гг. не играли, были малозаметны и мало инициативны.

С начала 30-х гг. ситуация с реальным, а не официально декларируемым, разграничением полномочий союзных и республиканских органов власти и управления по вопросам административно-территориальных преобразований начинается меняться. С этого момента складывается практика, когда в нарушении Конституции СССР 1924 г. и Конституции БССР 1927 г. (как и Конституций других союзных республик) нередко вопросы административно-территориальных изменений в союзной республике стали окончательно разрешаться не республиканскими органами, а общесоюзными. Так, в феврале 1931 г. Президиум ЦИК СССР утверждает Постановление Президиума ЦИК БССР о ликвидации Острошиц-Городокского и Самохваловичского районов, в июле того же года – Постановление ЦИК БССР о перерайонировании, в мае 1935 г. – Постановление ЦИК БССР об образовании 12 новых районов, в июне 1935 г. – Постановление ЦИК БССР об образовании в БССР 4 округов [7, д. 14, л. 20, 67об, 68; д. 23, л. 56, 75об.]. Все решения по административно-территориальным изменениям предварительно согласовываются в центральных союзных партийных и советских органах и только после этого приобретают форму республиканских решений. Обязательным становится первоочередное согласование этих вопросов в ЦК ВКП(б), а партийные органы превращаются в центры принятия решений, определения не только принципиальных, но и конкретных параметров административно-территориальных преобразований, контроля за их осуществлением. В более явной и жесткой форме инициатива проведения важнейших административно-территориальных преобразований уже исходит из союзных партийных органов (ликвидация округов в 1930 г., образование новых районов в 1935 г.).

С принятием Конституции СССР 1936 г. порядок решения вопросов административно-территориального деления становится еще более централизованным. Ст. 14 Конституции СССР относил к ведению Союза ССР утверждение изменений границ между союзными республиками, утверждение образования новых краев и областей, а также новых автономных республик в составе союзных республик [1, с. 731]. Официально все остальные административно-территориальные вопросы относились к полномочиям союзной республики. Согласно Конституции БССР 1937 г., к ведению республики относились установление границ округов, районов, сельсоветов и создание новых округов, районов и сельсоветов [8, с. 8]. Однако на практике все процессы административно-территориальных преобразований в республике находились под контролем центральных органов Союза. 15 апреля 1938 г. Президиум Верховного Совета СССР принял решение “О порядке разрешения вопросов административно-территориального деления союзных республик”, согласно которому по вопросам административно-территориального деления, отнесенным к компетенции союзных республик (образование новых округов и районов, переименование районов городов и поселков, перенесение окружных и районных центров, перевод рабочих поселков в города и т. п.), “без предварительного уведомления и без совета” с Президиумом Верховного Совета СССР “союзные республики не принимали решений по этим вопросам” [9, д. 19, л. 192]. Указы Президиумов Верховных Советов союзных республик по вопросам административно-территориального деления, отнесенных к компетенции союзных республик, считались утвержденными после рассмотрения Секретариатом Президиума Верховного Совета СССР и последующего опубликования в “Ведомостях Верховного Совета СССР”. Несмотря на то, что данное решение проти-

воречило конституционным нормам, союзные республики, в том числе и БССР, выполняли его неукоснительно. Как и прежде, все вопросы административно-территориальных преобразований предварительно согласовывались по партийной линии с ЦК ВКП(б) как обязательном условии их последующего утверждения в советском порядке.

XX съезд КПСС и декабрьский (1956 г.) Пленум ЦК КПСС определили курс на ликвидацию излишней централизации и расширение прав союзных республик в решении целого ряда вопросов хозяйственного и социально-культурного строительства. В русле этой политики Президиум Верховного Совета СССР постановлением от 25 апреля 1956 г. «Об изменении порядка преобразования населенных пунктов» отменил свое решение от 15 апреля 1938 г. [10, д. 1197, л. 43]. 11 февраля 1957 г. Верховный Совет СССР принял Закон «Об отнесении к ведению союзных республик разрешения вопросов областного, краевого административно-территориального устройства», согласно которому образование и упразднение областей и краев в союзных республиках относилось к ведению союзных республик. Соответственно была изменена и статья 28 Конституции СССР, которая получила следующую формулировку: «Разрешение вопросов об областном, краевом административно-территориальном устройстве союзных республик относится к ведению союзных республик» [10, с. 54 – 55]. В свою очередь, пункт «б» статьи 19 Конституции БССР в редакции Закона БССР от 15 марта 1957 г. устанавливал, что ведению БССР в лице ее высших органов государственной власти подлежит «установление областного деления республики, границ и районного деления областей» [12, с. 19-20]. Эти решения в значительной степени расширили границы самостоятельности союзных республик в вопросах административно-территориальной организации своей территории, хотя и после этого все важнейшие административно-территориальные преобразования по-прежнему в обязательном порядке согласовывали по партийной линии с ЦК КПСС. Как и прежде, характер, направления и принципы всех административно-территориальных изменений в республиках определялись общесоюзным руководством, оставляя за республиками возможность определять их конкретные параметры и сроки проведения.

В Конституции СССР 1977 г. соотношение компетенций между Союзом ССР и союзными республиками в решении вопросов административно-территориального деления в целом осталось прежним. Ст. 73 Конституции СССР 1977 г. к ведению СССР в лице его высших органов государственной власти относил утверждение образования новых автономных республик и автономных областей в составе союзных республик. Решение всех остальных административно-территориальных вопросов входило в компетенцию союзных республик. Вместе с тем в Конституции СССР 1977 г. права союзных республик в решении вопросов административно-территориального деления были сформулированы конкретнее, чем ранее: статья 79 указывала, что «союзная республика определяет свое краевое, областное, окружное, районное деление и решает иные вопросы административно-территориального устройства» [13, с. 21, 23]. Соответственно ст. 76 Конституции БССР 1978 г. фиксировала, что «Белорусская ССР определяет свое областное, районное деление и решает иные вопросы административно-территориального устройства» [14, с. 30]. Принципиальных изменений не произошло и во взаимоотношениях союзного центра и союзной республики по вопросам административно-территориальных реорганизаций.

В СССР союзный центр являлся вершиной властной вертикали, задававший основные направления административно-территориальным преобразованиям во всех союзных республиках, определявшим их основные цели, принципы и методы осуществления на различных этапах исторического развития. Этот подход был противоположен принципу субсидарности, при котором полномочия и обязанности передаются субъектами федерации на основе договора на более высокий уровень в случаях, если они сами не в состоянии с ними успешно справиться. В СССР же именно высшие союзные институты власти определяли порядок делегирования полномочий нижестоящим органам, в том числе союзным республикам. Это делегирование осуществлялось не на основании соглашения между центром и союзными республиками, а решением верховного союзного центра властной иерархии, ядром которого были высшие органы коммунистической партии СССР.

БССР (как в целом и все союзные республики) в контексте общих указаний союзного центра имела определенную (чаще всего значительно большую, чем в экономических вопросах) самостоятельность в практическом осуществлении намеченных сверху административно-территориальных преобразований (определение количества создаваемых или ликвидируемых административно-территориальных единиц, их границы, сроки проведения реорганизаций, вопросы отнесения населенных пунктов к различным категориям и выделение самих этих категорий). Степень самостоятельности руководства БССР в вопросах административно-территориального деления на разных этапах советской истории менялась в зависимости от выбранной центральным руководством стратегии и тактики развития, а также соответственно менявшимся трактовкам ленинского принципа «демократического централизма». Исторический опыт свидетельствует, что наибольшую степень самостоятельности в сфере административно-территориальных преобразований БССР имела с 1919 по конец 1920-х гг., наименьшую – в 1930-1940-е гг.

Резюме. Статья посвящена проблеме соотношения формальных и реальных полномочий союзных и республиканских органов власти в вопросах административно-территориального деления БССР в 1919 – 1941 гг.

Abstract. The article is devoted to the parity problem of allied and republican authority formal and real powers in the questions of the BSSR administrative-territorial division in 1919-1941.

Литература

- 1 История Советской конституции (в документах). 1917-1956. /сост.: А. А. Липатов [и др.] – М.: Юридическая литература, 1957. – 1046 с.
- 2 Лужин, А. В. Административно-территориальное устройство Советского государства /А. В. Лужин. – М.: Юридическая литература, 1969. – 172с.
- 3 Сулькевич С. Изменения в территориальном делении СССР за 7 лет /С. Сулькевич. – М.: Изд-во Комм. Академии, 1925. – 36 с.
- 4 Административно-территориальное устройство БССР: Справочник. В 2-х т. / Глав. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; редкол.: В. А. Круталевич [и др.] – Минск: Беларусь, 1985-1987. – Т. 1 (1917-1941 г.) / сост.: Т. А. Воробьева [и др.]. – 1985. – 390 с.
- 5 Канстытуцыя (Асноўны Закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. – Менск.: Выд. Кіраўніцтва Спраў СНК і Эканамічнае Нарады БССР, 1927. – 56 с.
- 6 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986гг.): в 15 т. /Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1983-1989. – Т. 3 (1922-1925 гг.) – 1984 – 494 с.
- 7 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3316. Оп. 13.
- 8 Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической республики. С изменениями и дополнениями, принятыми Первой сессией Верховного Совета БССР 26 июля 1938 г. – Минск: Госиздат Белоруссии, отдел полит. литературы, 1938 – 43 с.
- 9 Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 968. Оп. 1.
- 10 Национальный архив республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 81.
- 11 Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1975.: в 4 т. /редкол.: В. И. Васильев [и др.]. – М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. – Т. 1. – 718 с.
- 12 Зборнік законаў Беларускай ССР і указаў Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР за 1956 – 1958 гг. / юрыдычны аддзел Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР; склад.: Я. Я. Бурдзявіцкі і В. Л. Шумілоўская. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1959. – 437 с.

13 Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. – М.: Юридическая литература, 1980. – 48 с.

14 Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Принята на внеочередной девятой сессии Верховного Совета БССР девятого созыва 14 апреля 1978 года. – Минск: Беларусь, 1978. – 63 с.

Гомельский государственный технический
университет им. П. О. Сухого

Поступило 21.01.10

Строительство и начало эксплуатации Московско-Брестской железной дороги в 70-е гг. XIX в.

С. Б. ЖИХАРЕВ

Несмотря на то, что Беларусь имеет довольно обширную железнодорожную сеть, история железнодорожного транспорта до сих пор не получила всестороннего освещения в научной литературе. Сравнительно много внимания в белорусской историографии советского периода уделялось формированию, уровню жизни и революционной борьбе белорусского пролетариата. Обозначенные проблемы стали предметом исследования нескольких кандидатских диссертаций [1]. Образовавшийся информационный вакуум с определенными оговорками могут заполнить юбилейные издания, опубликованные к 100-, 125- и 130-летию истории Белорусской железной дороги [2]. В 1990-х годах в периодических изданиях появился ряд статей белорусских авторов, в которых анализируются последствия железнодорожного строительства для городов, сельского хозяйства, промышленности, а также интеграционные экономические процессы [3]. Обзор истории железнодорожного строительства в Беларуси во второй половине XIX – XX вв. с выделением этапов в данном процессе предпринял исследователь А. Л. Киштымов [4]. В белорусской историографии пока нет попыток углубленного изучения истории отдельных железнодорожных магистралей, включая их проектирование, постройку, эксплуатацию, огосударствление и влияние на социально-экономическое развитие прилегающих районов. В данной статье пойдет речь о строительстве и начальном этапе эксплуатации Московско-Брестской магистрали – крупнейшей транспортной артерии, пересекающей Беларусь с востока на запад. По понятной причине в центре внимания будет находиться ее белорусский отрезок – участок Смоленск-Брест. К сожалению, объем статьи не позволяет исследовать все аспекты, связанные с последующей эксплуатацией, модернизацией и огосударствлением обозначенной железной дороги, а также ее влиянием на социально-экономическое и культурное развитие примыкающих территорий. Перечисленные проблемы имеют вполне самостоятельное значение и могут стать предметом специального исследования.

Необходимость соединения Москвы с Варшавой сознавалась российским обществом еще в 60-е годы XIX века. Этот вопрос оживленно обсуждался в прессе. В частности, решительным защитником сооружения Московско-Брестской железной дороги выступили «Московские ведомости». В одной из статей газеты отмечалось, «что до тех пор, пока Москва не будет соединена со Смоленском, а через него с самими западными окраинами нашей государственной территории, важнейшие интересы государства не могут считаться вполне обеспеченными... Дорога от Москвы до Смоленска есть необходимость» [5, с. 2].

В октябре 1866 года Смоленская губернская земская управа представила через местного губернатора прошение министру внутренних дел о том, чтобы предусмотренное правительством «соединение рельсовым путем» Москвы с Варшавой было сделано через Смоленск [6, л. 2]. В документе затрагивались причины, вызывающие строительство железных дорог. При этом подчеркивалось важное военное значение Московско-Варшавской железной дороги и необходимость соединения центра мануфактурной промышленности страны с Северо-Западным краем. Сооружение Московско-Варшавской железной дороги также должно было отвечать интересам национальной политики царизма: усовершенствованные пути сообщения входили в общий план российских властей по дальнейшему сближению Северо-Западного края с остальной империей [7, с. 373]. Через год Александр II одобрил предложение представителей земства Смоленской губернии о строительстве Московско-Смоленской железнодорожной линии. На принятие властями подобного решения определенное влияние

оказал массовый голод, вызванный плохими урожаями в течение нескольких лет в губерниях российского Нечерноземья. Для оказания материальной поддержки местному сельскому населению сооружению Московско-Смоленской железной дороги присваивался статус общественных работ. Нищета и голод обеспечили стройку неограниченным ресурсом дешевой и вместе с тем низкоквалифицированной рабочей силы [8, с. 13].

Непростые взаимоотношения России со своими европейскими соседями требовали от властей поддержания высокой боевой готовности ее вооруженных сил. Большую обеспокоенность у лиц военного ведомства вызывал недостаток железнодорожных путей сообщения в направлении западной границы. В своей аналитической работе по военному значению железных дорог С. П. Бутурлин предложил вариант железнодорожной сети, который соответствовал в первую очередь интересам Военного министерства [9, с. 52]. В списке наиболее важных стратегических железнодорожных линий первое место заняла магистраль Москва–Смоленск–Орша–Минск–Брест. По мнению автора проекта названная железнодорожная линия могла значительно упростить переброску военных резервов из внутренних областей к западной российской границе.

С середины 60-х годов вопрос о строительстве прямой железнодорожной магистрали от Москвы до Варшавы и далее на Запад неоднократно обсуждался в высших слоях российского общества. Она была необходима для расширения внешней торговли и реализации стратегических интересов государства. В 1867 году министр путей сообщения П. П. Мельников в письме Александру II сообщал о Московско-Брестской железной дороге: «Значение предполагаемой дороги преимущественно стратегическое: она соединит две наши оборонительные линии Буг и Днепр и составит оперативную линию для театра военных действий в Литве...» [10, с. 137]. Вместе с тем министр считал, что дорога будет содействовать и развитию местной промышленности. Одновременно Московско-Брестская магистраль должна была способствовать ослаблению польского и усилению русского влияния, русского землевладения, русификации населения западных губерний, поскольку «только центральные густонаселенные губернии могут выставлять полезных деятелей для Западного края» [10, с. 137].

15 декабря 1868 года государство предоставило концессию на строительство первого участка линии Москва-Брест представителю торгового дома «Шепелер и Шварц» в Риге потомственному почетному гражданину А. Шепелеру и банковскому дому «Братья Зульцбах и К°» из Франкфурта-на-Майне. В целом российские частные финансовые структуры довольно активно сотрудничали с банками Германии в учреждении железнодорожных обществ [11, с. 136]. Открытие движения на участке от Москвы до Смоленска (390 верст) состоялось в сентябре 1870 года. В это же время был окончательно решен вопрос о продлении данной железной дороги. Назначенный в 1869 году Министром путей сообщения В. А. Бобринский включил дорогу от Смоленска до Бреста длиной в 620 вёрст в окончательный вариант новой железнодорожной сети 1870 года (27 линий).

Объективно напрашивалось решение о продлении дороги от Смоленска до Бреста – среднего звена магистрали Москва-Варшава – через белорусские губернии. Однако в выборе главного направления и будущего назначения дороги возникли серьезные межведомственные разногласия. Так, инженер-полковник А. Е. Шпилев настаивал, чтобы железную дорогу между Смоленском и Брестом прокладывали через Могилев. При этом предлагались три направления для соединения Могилева с Брестом. Все без исключения варианты имели как сильные стороны, так и недостатки [12, л. 2-5]. 1 марта 1868 года в Комитете железных дорог состоялось обсуждение записки о строительстве Смоленско-Брестской железной дороги наместника в Царстве Польском графа Ф. Ф. Берга. Как и следовало ожидать, разгорелась оживленная дискуссия. Спор шел о следующих возможных направлениях: Бобруйск-Пинск или Минск-Слоним. Причём первый вариант еще в 1867 году был предложен министром путей сообщения П. П. Мельниковым. Его мнение разделял начальник главного штаба генерал-адъютант граф Гейден, который считал, что «Бобруйская крепость является удобным пунктом для укрепленного лагеря и воинских складов, и поэтому необходимо провести изыскания именно этого направления» [12, л. 15 об.]. Второй вариант поддерживал граф Берг и авторитетные лица в военной области – Н. А. Милютин, а также Э. И. Тотлебен [13, с. 55].

Нельзя не согласиться, что гипотетически возможным театром военных действий скорее могла стать Минская губерния, а не малонаселенный и труднопроходимый район полесских болот. Направление на Минск поддерживали председатель Комитета железных дорог граф С. А. Строганов и гофмейстер А. А. Абаза. Они делали акцент на преимуществах коммерческого характера линии Минск–Слоним. В подобном варианте Смоленско-Брестская линия вошла в сеть железных дорог 1870 года. Она не должна была пересекать Днепр дважды и была на 44 версты короче дороги в направлении Бобруйск–Пинск, что позволяло значительно снизить расходы на строительство.

С предложением строительства белорусского участка Московско-Брестской магистрали в январе 1870 года выступил А. М. Варшавский – крупнейший акционер Московско-Смоленской железной дороги, известный в России железнодорожный предприниматель. В качестве дополнительного аргумента в пользу своей инициативы он упомянул о разрешении, выданном ему еще летом 1869 года на производство за свой счет изысканий для железной дороги от Смоленска до Брест-Литовска [14, л. 1]. Комитет министров признал доводы Варшавского убедительными, и 4 марта 1870 года государство заключило уступочный договор с товариществом Московско-Смоленской железной дороги. Министр путей сообщения В. А. Бобринский мотивировал это решение приемлемостью строительной цены, заявленной обществом и рациональностью соединения в одних руках строительства двух смежных дорог. Капитал для сооружения Смоленско-Брестской железной дороги был обеспечен вторым выпуском консолидированных облигаций российских железных дорог [подробнее см. 15, с. 122–123]. Основные положения концессии указаны в таблице 1.

Таблица 1

Финансовые условия учреждения акционерного общества Смоленско-Брестской железной дороги

Название железной дороги	Длина линии (верст)	Основной капитал (млн. руб.)	Стоимость версты (тыс. руб.)	Гарантия на капитал (%)	
				облигации $\frac{3}{4}$	акции $\frac{1}{4}$
Смоленско-Брестская	631	26040	42	5,1	—

Источник: [16].

В соответствии с условиями концессии общество принимало на себя обязательства построить за собственный счет железную дорогу через города Оршу, Борисов, Минск и Кобрин до Бреста и обеспечить ее подвижным составом и всем необходимым для ее эксплуатации [16; 17, лл. 24–27об.]. Сначала проектировщики Смоленско-Брестской линии исходили из стратегического назначения данной железной дороги. В связи с этим концессия предполагала заготавливать небольшое количество подвижного состава, что в немалой степени должно было способствовать невысокой повёрстной цене. Однако сразу после открытия дороги состав пришлось увеличить.

Кроме того, в §15 уступочного договора содержалось предписание, которое категорически требовало от общества 1/3 необходимых для строительства железной дороги рельсов, скреплений, паровозов и вагонов приобрести в России, а остальные выписать из-за границы. Относительно слабое развитие в стране главных отраслей тяжелой промышленности (металлургия и машиностроение) требовало от государства принятия мер для их поддержки. Подобное же условие концессии создавало устойчивый спрос на уголь, металл, продукцию машиностроения, стимулируя тем самым развитие соответствующих отраслей российской экономики.

Монополистом в производстве комплектующих паровозов и вагонов (колеса, бандажи, оси, рессоры) долгое время оставался Обуховский завод в Петербурге. Неудовлетворительная технологическая база, а также отсутствие серьезных конкурентов привели к дороговизне и низкому качеству продукции, выпускаемой этим предприятием. Зарубежные аналоги по всем названным показателям превосходили российские. Так, оси Обуховского завода об-

ходились заказчикам в 6 рублей 80 копеек за пуд, тогда как германские – по 2 рубля 17 копеек. Сходная ситуация сложилась и в производстве рельсов: Путиловский завод производил рельсы (с 1874 года вместо железных стальные) по 2 руб. 37 копеек за пуд, в то время как более качественные заграничные принадлежности стоили 45 копеек за пуд [18, с. 30].

Несмотря на протекционистскую политику властей, российские производители в начале 70-х годов были пока не в состоянии обеспечить даже минимум обозначенных в концессиях железнодорожных принадлежностей. После утверждения концессии на Смоленско-Брестскую железную дорогу А. М. Варшавский сделал заявление, что может завершить сооружение линии в 1871 году, то есть на два года раньше, чем того требовал уступочный договор [19, л. 1]. Вместе с тем высокие темпы сооружения новой линии явно превосходили скромные возможности российских рельсопрокатных заводов. Поэтому хозяин строительства Московско-Брестской железной дороги обратился в Департамент торговли и мануфактур с просьбой разрешить беспошлинный ввоз из-за границы всех необходимых для железной дороги рельсов. Заинтересованные в досрочном завершении строительства стратегической железной дороги ключевые министерства поддержали действия Варшавского [19, л. 4].

На всем протяжении Смоленско-Брестская магистраль пересекала ряд населенных пунктов, где планировалось возведение станций, депо, жилых и складских помещений. Например, проект предусматривал строительство в Орше станции второго класса с основным депо на 12 паровозов. На станции «Борисов» предполагалось построить шпалопропиточный завод с водопроводом [20, л. 1].

Технические нормативы, на основе которых составлялись предварительные проекты железнодорожных линий, требовали строить станции как можно ближе к городам. При этом учитывались интересы самих населенных пунктов. В конечном счете место расположения станции утверждал лично министр путей сообщения после предварительного согласования с городской думой. В 1871 году энергичные меры городских властей по защите интересов торговой элиты Минска привели к трехнедельному замедлению темпов строительных работ на белорусском участке Московско-Брестской магистрали. По тем же соображениям на полгода затянулся выбор окончательного месторасположения станции «Минск». Перипетии этой борьбы, вызванной коллизией интересов городского населения Минска и администрации Московско-Брестской компании, уже рассматривались в нашей публикации [21, с. 39-40].

За исключением этого инцидента, Московско-Брестская железная дорога строилась в максимально сжатые сроки. К 1 августа 1870 года на участке Смоленск–Брест было произведено 70% всех земляных работ [22, л. 2]. Каторжные условия труда при наличии неограниченного контингента дешевой рабочей силы давали подрядчикам возможность не применять на стройке дорогостоящих средств механизации. Высокие темпы строительства обеспечивались хорошей координацией совместных усилий 14000 землекопов. Из технических средств использовалось 1500 конных подвод и два локомотива с 80 вагонами. Министерство путей сообщения наградило за проявленные организаторские способности в строительстве подрядчиков Московско-Брестской железной дороги купцов Фридланда и Горвица золотыми медалями [23, лл. 4-9об.].

Смоленско-Брестский участок после объединения в марте 1870 года с Московско-Смоленской железной дорогой в одну линию стал составной частью единой Московско-Брестской магистрали [24, с. 6]. 29 ноября 1871 года постройка линии Москва-Брест была завершена, и дорога вступила в число действующих. Соединив позже в узлы другие линии Северо-Западной России, данная дорога сыграла определяющую роль в формировании железнодорожной сети Беларуси.

Управление железной дороги подразделялось на местное и центральное. Местные руководящие органы Московско-Брестской магистрали разместились в наиболее крупном пункте, через который прошла дорога, – г. Москве. Несмотря на экономический рост провинциальных центров, Петербург оставался непревзойденным лидером по концентрации центрального аппарата крупнейших железнодорожных компаний, поскольку успех руководства акционерными обществами зависел главным образом от доступа на петербургский рынок капиталов. Кроме того, для поддержания устойчивых контактов с высшими государст-

венными учреждениями правление общества Московско-Брестской дороги, как и многих других, разместилось в Санкт-Петербурге.

С целью понижения повёрстной стоимости железных дорог в период частного железнодорожного строительства большинство линий сооружалось в один путь и лишь с самыми необходимыми постройками. При этом невысокий спрос на грузоперевозки еще не требовал большого количества подвижного состава [25, с. 80]. В технических условиях новых линий допускались не характерные для равнинной России извилистые, зигзагообразные профили и проекты, которые лишали возможности нормально эксплуатировать подобные железные дороги. Так, земельное полотно Смоленско-Брестской железной дороги сооружалось в целом в расчете на один путь. Исключение составили лишь мелкие выемки и подходы к мостам. Посередине прогонов между станциями создавались площадки длиной 400 саженей, рассчитанные также на двойной путь.

Для экономии средств Московско-Брестская магистраль строилась с предельными уклонами в 0.008 и очень кривыми радиусами в 300 саженей, что противоречило элементарным нормам безопасности. Весь балластный слой дороги состоял практически из одного песка. Основу верхнего строения пути составили рельсы легкого типа. При весе 20 фунтов на 1 погонный фут такие рельсы могли выдержать нагрузку железнодорожного состава в количестве не более 20 вагонов. В то же время на дорогах, имеющих более правильный профиль, паровоз был в состоянии обслуживать состав в количестве 45 вагонов [26, с. 14].

Быстрое строительство Московско-Брестской магистрали крайне отрицательно сказалось на качестве выполненных работ. Факт наличия здесь серьезных недостатков был зафиксирован в апреле 1874 года на внеочередном общем собрании акционеров общества Московско-Брестской железной дороги. Участники собрания ходатайствовали перед правительством о выдаче субсидии для приведения дороги в надлежащее состояние [5, с. 2]. Список участников этого знакового собрания акционеров представлен в таблице 2. Наиболее влиятельными собственниками общества Московско-Брестской железной дороги были отец и сын Варшавские, владевшие 5020 акциями компании, что составляло 46% от общего числа акций, принадлежавших 23 крупнейшим акционерам железной дороги.

Таблица 2

Список крупнейших акционеров общества Московско-Брестской железной дороги, предъявивших акции к общему собранию 3 апреля 1874 г.

№	Фамилия и инициалы акционера	Количество	
		акций	голосов
1	Аншельзон Л. Н.	500	5
2	Адамович Н. Е.	50	2
3	Адлер Ц.	200	5
4	Бентовен Н. С.	116	3
5	Бек В.	25	1
6	Бергман О.	25	1
7	Брюль П.	200	5
8	Вульф А. Н.	35	1
9	Варшавский А. М.	2920	5
10	Варшавский М. А.	2100	5
11	Вольф А. В.	200	5
12	Винберг Е. Ф.	300	5
13	Винберг Ф. Ф.	200	5
14	Винберг К. Ф.	400	5
15	Вельц М. О.	50	2
16	Вейс Г.	50	2
17	Гулевич Г. Х.	41	1

18	Горвиц А. Е.	500	5
19	Горвиц М. А.	200	5
20	Гобер Ф.	2150	5
21	Гамалицкий О. В.	63	2
22	Годлевский А. А.	500	5
23	Гешен Ф.	100	3
Всего в акционерном обществе Московско-Брестской железной дороги насчитывалось 126 акционеров, обладавших 521 голосом (прим. – С. Ж.)		10925	83

Источник: [27; 28].

Начиная с 1871 года, в России ежегодно составлялись мобилизационные планы. Под мобилизацией понимались мероприятия по укомплектованию войск по штатам военного времени, а также стратегическое сосредоточение подразделений действующей армии на театре военных действий. Первым днём мобилизации в рамках рассматриваемого периода было объявлено 2 ноября 1876 года, что было вызвано началом русско-турецкой войны. При этом представители Военного министерства критически оценили транспортные возможности большинства стратегических железных дорог, построенных в западном направлении. По данным Генерального штаба на 1876 год пропускная способность Московско-Брестской железной дороги в условиях военного времени не превышала 5 поездов в сутки. При таком крайне замедленном движении дивизия могла быть перевезена только за 7 дней. Всю вину за сложившуюся обстановку представители военного ведомства возлагали на правительственную инспекцию железных дорог. По мнению полковника Генерального штаба Шебанова место правительственного инспектора в большинстве случаев не что иное, как «синекура» [29, л. 3об.]. Государственный контролер в 1876 году также был вынужден признать факты многочисленных нарушений со стороны государственных комиссий в ходе освидетельствования вновь построенных железных дорог. Часто выделенные правительством инженеры удостоверяли прочность, доброкачественность сооружений, а в последующем на практике эти заключения получали полное опровержение [30, с. 51].

С целью поддержания обороноспособности страны в России в течение целого ряда лет осуществлялось развитие пропускной способности существующих железных дорог. Так, 12 января 1876 года министр путей сообщения К. Н. Посьет направил в Военное министерство 2 ведомости с детальным изложением всех видов работ по модернизации Московско-Брестской железной дороги [31, л. 144]. Среди первоочередных мер Министерство путей сообщения предлагало: во-первых, улучшить существующую или создать новую систему водоснабжения на 23 станциях Московско-Брестской железной дороги, что позволит в перспективе ежедневно отправлять до 22 грузовых и пассажирских поездов. По инициативе военного ведомства планируется также полностью обновить водоснабжение на 11 станциях участка Смоленск-Брест, а на 7 станциях этого же участка устаревшие паровые машины заменить более мощными, во-вторых, построить на участке Москва-Смоленск 18 новых полустанций и расширить некоторые существующие полустанции за счёт укладки разъездных и запасных путей и, наконец, в-третьих, уложить на участке от Смоленска до Бреста 2-й железнодорожный путь [31, л. 146об.].

Конечной целью всех обозначенных мероприятий должно стать наращивание пропускного потенциала железнодорожной магистрали до 3 пассажирских и 12 товарных или 15 воинских поездов в день (участок от Москвы до Смоленска), а на участке от Смоленска до Бреста по 27 пассажирских и военных поездов. 15 февраля 1876 г. К. Н. Посьет обратился к главе финансового ведомства М. Х. Рейтерну по поводу источников финансирования этого проекта. В связи с этим 22 мая 1876 года Александр II утвердил положение Комитета министров, в котором оговаривались условия выполнения обществом Московско-Брестской железной дороги дополнительных работ для приведения дороги в состояние, соответствующее потребностям экономики и военного дела. Главным условием этого документа являлась постройка второго рельсового пути на участке от Смоленска до Бреста. В соответствии с этим

Московско-Брестской компании разрешалось увеличить облигационный капитал дороги. Правительство в свою очередь предоставило обществу гарантию 3%-ного дохода на акции, которые до этого времени не имели гарантии [32].

Осуществлявшаяся в течение двух лет укладка второго пути позволила с 1 февраля 1879 года начать его эксплуатацию на всем протяжении линии Смоленск-Брест. Задача строителей упрощалась тем, что начальный технический проект Смоленско-Брестского участка с самого начала предполагал возведение дренажных систем и мостов из расчета на последующее сооружение второго пути. Все строительные работы велись подрядным методом. Участие белорусских предпринимателей в сооружении второго пути на Смоленско-Брестском участке выражалось в получении подрядов на производство земляных работ, поставке строительных материалов, сооружении станционных строений. В конечном счете два самых крупных подрядчика – купец И. А. Бусурин и дворянин Н. П. Поплавский – передали часть работ более мелким предпринимателям из числа своих родственников и знакомых [33, с. 188]. В результате сформировалась группа многочисленных посредников между главными подрядчиками и непосредственными исполнителями работ, в связи с чем тысячи рабочих из соседних белорусских и российских губерний не имели даже малейшей возможности бороться с нарушениями своих прав.

Ближайшей задачей правительства при строительстве железнодорожных путей сообщения в западных губерниях было признано соединение Московско-Брестской железнодорожной магистрали с построенной еще в 1867 г. частным акционерным обществом Варшаво-Тереспольской железной дороги (200 в.). Для этого было необходимо достроить небольшой по протяженности (7 верст) участок между Тересполем и Брестом. 17 февраля (1 марта) 1870 г. открылось движение по участку Брест–Тересполь. Таким образом, было завершено создание непрерывной железнодорожной коммуникационной линии между Москвой и Варшавой. Строило этот участок государство (Комитет по сооружению Тереспольско-Брестской железной дороги во главе с генерал-лейтенантом Шуберским), но эксплуатацию обеспечивало частное общество Варшаво-Тереспольской железной дороги. Еще в начале 1866 г. министерство путей сообщения планировало, что продолжение железнодорожного пути из Тересполя через реку Буг до Кобринского форштадта Брест-Литовской крепости с ветвью до реки Муховец осуществит акционерное общество Варшаво-Тереспольской железной дороги. Однако условия постройки Брест–Тереспольского участка, заявленные предпринимателями, оказались настолько невыгодными, что 24 марта 1866 г. было принято решение прекратить с ними все переговоры [34, л. 43об.].

В итоге наместнику в Царстве Польском графу Бергу поручили в максимально сжатые сроки составить подробный проект, планы и сметы работ и представить их на утверждение министру путей сообщения П. П. Мельникову. Согласно представленным Бергом финансовым документам, стоимость участка Брест-Тересполь составила 1540000 рублей, что не устроило МПС, и после внесения технических корректив в проект (замена станции возле Кобринского форштадта на деревянное здание) предполагаемые расходы уменьшились до 1200000 рублей [34, л. 46]. Большую часть средств для покрытия этой суммы планировалось получить из контрибуционного сбора и штрафного капитала Царства Польского.

В 1875 г. актуализировалась проблема постройки второго железнодорожного пути на участке между Брестом и Варшавой. Инициаторами проекта модернизации Брест-Тереспольской и Варшаво-Тереспольской железных дорог выступили Военное министерство и Министерство путей сообщения. На важное стратегическое значение Варшаво-Тереспольской железной дороги указывал военный министр Д. А. Милютин. В частности он отмечал, что «дорога эта – продолжение Московско-Брестской железной дороги – будет вполне удовлетворять военным потребностям только в том случае, если вторая пара рельсов будет доведена до Варшавы. Иначе произойдет замедление в прибытии военных подразделений, что негативно повлияет на успех мобилизации войск и сосредоточение их за Вислой» [31, л. 161]. Глава военного ведомства подчеркивал, что на сегодняшний день Варшаво-Тереспольская железная дорога может отправлять только по 5 воинских и по 2 пассажирских

поезда в сутки (4,5 тыс. солдат без оружия и боеприпасов). Если учесть, что на укомплектование расположенных в Привислинском крае войск необходимо доставить из Московской и соседних губерний до 60000 человек и около 6000 лошадей, то их транспортировка потребует 21 день [31, л. 171об.].

26 апреля 1876 г. министр путей сообщения обратился к министру финансов М. Х. Рейтерну с просьбой договориться с обществом Варшаво-Тереспольской железной дороги о производстве всех этих работ и приобретении этим обществом принадлежащего государству Тереспольско-Брестского участка. Стоимость дополнительных работ была определена в 3200000 руб. Однако министр финансов отказался выделить необходимую сумму для обустройства Варшаво-Тереспольской железной дороги. Поэтому министр путей сообщения предложил паллиативную меру: построить на этой линии 6 полустанций, что позволит ежедневно отправлять по 10 поездов [31, л. 173].

Таким образом, военно-стратегическое назначение Смоленско-Брестской железной дороги было впоследствии изменено в интересах ее будущего коммерческого использования. Строительство данной дороги через г. Минск в обход г. Могилева послужило причиной последующего экономического и административного возвышения первого на фоне усиливающейся стагнации последнего. Привлечение к сооружению Смоленско-Брестского участка Московско-Брестской магистрали частных предпринимателей способствовало высоким темпам строительства при его низком качестве. В одних случаях заинтересованное в быстрой постройке железной дороги правительство сознательно закрывало глаза на недоработки, в других эпизодах ситуацию спасали взятки, которыми не гнушались отдельные чиновники Государственного контроля. Усовершенствование Московско-Брестской магистрали, проведенное по инициативе государства и, в первую очередь, Военного министерства во второй половине 70-х гг. XIX в., ликвидировало наиболее вопиющие недостатки в ее деятельности. Вместе с тем решительное вмешательство правительства в дела железнодорожной акционерной компании ущемляло ее законодательно установленные права, блокируя частную инициативу.

Резюме. В статье рассматривается строительство и развитие Московско-Брестской железной дороги. Эта магистраль сыграла важную роль в социально-экономическом развитии Беларуси. С вводом дороги в эксплуатацию Минская и Гродненская губернии получили всесезонное сообщение, что способствовало росту товарного и пассажирского обмена с районами центральной России и Польши. Железнодорожная магистраль Москва-Брест заложила основу Минского, Барановичского, Брестского и других железнодорожных узлов. Дорога значительно расширила торгово-промышленные возможности соответствующих населенных пунктов и придала новую динамику их экономическому развитию.

Abstract. Moscow-Brest railway building and development is considered in the article. This highway has played an important role in Belarusian social and economic development. With road input to operation Minsk and Grodno provinces have received the all-weather message, which promoted growth of a commodity and passenger exchange with Central Russia and Poland areas. Moscow-Brest railway has set basis to Minsk, Baranovich, Brest and other railway junctions. The road has expanded commercial and industrial possibilities of the corresponding settlements and has given new dynamics to their economic development.

Литература

1 Титок, В. А. Формирование и революционная борьба железнодорожного пролетариата Белоруссии во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис..... канд. ист. наук: 07. 00. 02 / В. А. Титок; Пед. ин-т им. М. Горького. – Минск, 1966. – 24 с.; Бараноўскі, Л. С. Заработная плата і сямейны бюджэт чыгуначнікаў Беларусі канца XIX – пач. XX ст. (па матэрыялах галоўных майстэрняў Лібава-Роменскай чыгункі ў Гомелі): Автореф. дис..... канд. ист. наук: 07. 00. 02 / Л. С. Бараноўскі Л. С.; Акад. наук БССР. – Минск, 1978. – 24 с.; Тупик,

П. А. Железнодорожники Белоруссии в период империализма (численность, состав, положение): Автореф. дис..... канд. исторических наук: 07. 00. 02 / П. А. Тупик; Пед. ин-т им. М. Горького. – Мн., 1991. – 18 с.

2 Железнодорожная магистраль Белоруссии. К столетию со дня введения в строй. – Минск: Беларусь, 1971. – 208 с.; Гапеев, В. И., Лукьянов, В. А. Минское отделение белорусской железной дороги (1871-1996 гг.) / В. И. Гапеев В. И., В. А. Лукьянов. – Минск: Полымя, 1996. – 344 с.; Железная дорога Беларуси. История и современность / В. Г. Рахманько, А. Б. Бессольнов, В. А. Шоба и др.; Под общ. ред. В. Г. Рахманько. – Минск: Триолета, 2001. – 488 с.

3 Бейлькин, Х. Ю. Железнодорожное строительство в Беларуси в свете архивных источников / Х. Ю. Бейлькин // Тезисы международной научно-теоретической конференции «Архивоведение, источниковедение, историография Беларуси: состояние и перспективы». 1–2 декабря 1993. – Минск, 1993. – Ч. 1. – С. 136–140; Бейлькин, Х. Ю. Чыгуначныя тарыфы і сельская гаспадарка Беларусі (к. XIX – пач. XX ст.) / Х. Ю. Бейлькін // Весці Акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 1996. – №2. – С. 78–84; Рацько, А. Ф. Роля чыгункі ў развіцці гарадоў Беларусі (другая пал. XIX – пач. XX ст.) / А. Ф. Рацько // Весці Бел. дзярж. пед. ун-та. – 1996. – №1. – С. 56–59; Соніч, А. Як Беларусь стала краінай вялікага транзіту / А. Соніч // Беларуская Мінчушчына. – 1996 – №5. – С. 40–44; Эрдман С., Шоба У, Саўчук І. Мінскі варыянт / С. Эрдман і інш. // Беларуская Мінчушчына. – 1996. – №5. – С. 45–48.

4 Киштымов, А. Этапы железнодорожного строительства на Беларуси // Гістарычны альманах / А. Киштымов. – 2002. – Т. 7. – С. 116–143.

5 Дятлова, Н. Дореволюционное прошлое Минского железнодорожного узла / Н. Дятлова // Железнодорожник Беларуси. – 1967. – 25 ноября. – С. 2.

6 По отношению министра внутренних дел относительно ходатайства Смоленского земства о необходимости соединения Москвы и Варшавы прямым железнодорожным путем через Смоленск // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). – Фонд 268 (Департамент железнодорожных дел Министерства финансов). – Оп. 1. – Кн. 1. – Д. 62. – 9 лл.

7 Батюшков, П. Н. Белоруссия и Литва: исторические судьбы северо-западного края / П. Н. Батюшков. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1890. – 376 с.

8 Рагинский, А. Мысль о полезнейшем направлении Смоленско-Московской железной дороги / А. Рагинский. – Вильно, 1868. – 13 с.

9 Бутурлин, С. П. О военном значении железных дорог и особенной их важности для России / С. П. Бутурлин. – М., 1865. – 96 с.

10 Бейлькин, Х. Ю. Железнодорожное строительство в Беларуси в свете архивных источников / Х. Ю. Бейлькин // Тезисы международной научно-теоретической конференции «Архивоведение, источниковедение, историография Беларуси: состояние и перспективы». 1–2 декабря 1993. – Минск, 1993. – Ч. 1. – С. 136–140

11 Ананьич, Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. / Б. В. Ананьич. – Л.: Наука, 1991. – 196с.

12 О рассмотрении в Комитете железных дорог вопроса о направлении Смоленско-Брестской железной дороги // РГИА. – Фонд 207. – Оп. 3. – Д. 213. – 24 лл.

13 Кислинский, Н. А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: В 4 т. / Н. А. Кислинский. – СПб.: Типография Ком-та министров, 1902. – Т. 2.

14 Заявление акционера Варшавского в правление общества Московско-Смоленской железной дороги с предложением о строительстве железнодорожной линии Смоленск-Брест. 1870 г. // Национальный музей истории культуры и искусства Беларуси. – Фонд «научно-вспомогательный». – №20323.

15 Жихарев, С. Б. Особенности финансирования частного железнодорожного строительства в России в 50–70-е гг. XIX в. / С. Б. Жихарев // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка. Випуск 33. Серія: історичні науки: №3: Збірник. – Чернігів: ЧДПУ, 2006. – №33. – С. 121–124.

16 Высочайше утвержденный устав общества Смоленско-Брестской железной дороги; Высочайше утвержденная концессия на Смоленско-Брестскую железную дорогу // Полное

собрание законов Российской империи с 12 дек. 1825 г. по 1 марта 1881 г. – СПб.: Тип. II отд. с. е. и. в. канцелярии, 1830–1881. – Собрание II. – Т. 45. – №48083. – (далее: ПСЗ II).

17 О сооружении Смоленско-Брестского участка Московско-Брестской железной дороги; копия текста концессии от 4 марта 1870 г. на сооружение Смоленско-Брестской железной дороги // РГИА. – Фонд 338 (Правление общества Московско-Брестской железной дороги). – Оп. 1. – Д. 4016. – 68 лл.

18 Муравьев Е., Сударенков В. Очерк истории Смоленского отделения Ордена Ленина Московской железной дороги / Е. Муравьев, В. Сударенков. – Смоленск, 1970. – 273 с.

19 Ходатайство министра финансов М. Х. Рейтерна о беспошлинном пропуске из-за границы 1 100 000 пудов рельсов для Смоленско-Брестской железной дороги // Национальный музей истории культуры и искусства Беларуси. – Фонд «научно-вспомогательный». – №20275.

20 Музей истории Белорусской железной дороги. – Фонд «основной». – №68.

21 Жихарев, С. Б. Некоторые аспекты железнодорожного строительства в Минской губернии в свете источников Национального исторического архива Беларуси / С. Б. Жихарев // Гістарычнаму факультэту – 20 гадоў: зборнік навуковых прац гістарычнага факультэта ГДУ імя Францыска Скарыны / рэдкал.: В. А. Міхедзька (адказ. рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі РБ, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2009. – С. 33-42.

22 Ведомости о ходе работ на Московско-Брестской железной дороге на участке Смоленск-Брест // РГИА. – Фонд 338. – Оп. 1. – Д. 4038. – 35 лл.

23 О награждении лиц участвовавших в строительстве участка Смоленск-Брест Московско-Брестской железной дороги; списки награжденных // РГИА. – Фонд 229. – Оп. 1. – Д. 799. – 38 лл.

24 Иллюстрированный путеводитель по Александровской железной дороге. Издан к столетнему юбилею Отечественной войны (1812–1912 гг.). – М.: тов-во А. А. Левенсон, 1912. – 316 с.

25 Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1880 г. – СПб.: Гос. тип., 1881. – 80 с.

26 Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России по вопросу об усилении провозоспособности сети железных дорог в России. – СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петерб. военного округа, 1881. – 172 с.

27 Список акционеров общества Московско-Брестской железной дороги, предъявивших акции к Общему Собранию 3 апреля 1874 г. // Национальный музей истории культуры и искусства Беларуси. – Фонд «научно-вспомогательный». – №20311.

28 Протокол проверки акций, представленных в кассу правления к Общему собранию акционеров, назначенному на 3 апреля 1874 г. // Национальный музей истории культуры и искусства Беларуси. – Фонд «научно-вспомогательный». – №20274.

29 Докладная записка полковника генерального штаба Шебанова о состоянии железных дорог в России // Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 678 (Александр II). – Оп. 1. – Д. 646. – 101 лл.

30 Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1876 г. – СПб.: Гос. тип., 1877. – 137 с.

31 О приведении Московско-Брестской железной дороги в положение соответствующее ее стратегическому значению // Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). – Фонд 400 (Главный штаб). – Оп. 24. – Д. 59. – 175 лл.

32 Об условиях для исполнения обществом Московско-Брестской железной дороги дополнительных работ и поставок для приведения дороги в положение, соответствующее потребностям торговли и военным нуждам // ПСЗ II. – Т. 51. – №55976.

33 Белоруссия в эпоху капитализма: Сб. документов и материалов: В 3 т. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – Т. 2: Развитие капитализма в промышленности, положение промышленных рабочих и рабочее движение в Белоруссии 1861–1900. – 336с.

34 Тереспольско-Брестская железная дорога. Протокол заседания Гродненского губернского правления от 3 июля 1868 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 2. – Оп. 38. – Д. 686. – 683 лл.

УДК 378.637 (476.2–2 Гом):930.25 (476) (093)

Малоизвестные страницы истории Гомельского государственного педагогического института (по документам Национального архива Республики Беларусь)

А. И. ЗЕЛЕНКОВА, М. П. САВИНСКАЯ

Становление и развитие Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины неразрывно связано с историей и культурой страны, системой образования в СССР и БССР. Основные этапы деятельности университета отражены в ряде работ, изданных в разные годы [1]. Однако поиск и изучение архивных документов открывает новые страницы истории вуза. Интересные материалы, свидетельствующие о непростом пути, который прошёл наш университет за 80 лет, хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь. В данной работе показан период деятельности Гомельского государственного педагогического института, предшествовавший его преобразованию в университет. Несмотря на значительные успехи в подготовке педагогических кадров, в 1950 – 1960-е годы в истории вуза было немало сложных и неоднозначных событий.

С 1954 г. результаты научных исследований преподавателей публиковались в «Учёных записках» Гомельского государственного педагогического института. О высоком уровне отдельных разработок свидетельствует то, что они вызвали интерес научной общественности не только в СССР, но и за рубежом. Так, в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина из США пришёл запрос с просьбой прислать экземпляр первого выпуска «Учёных записок» Гомельского педагогического института. Особый интерес американских учёных вызвала статья П. М. Левитского [2]. Несмотря на трудное послевоенное десятилетие, старший преподаватель кафедры зоологии факультета естествознания П. М. Левитский получал необходимые дорогостоящие реактивы, подопытных животных (кроликов) для проведения исследований. Однако, существовавшая в то время в СССР идеологическая система, препятствовала свободному общению с учёными капиталистических стран. Выполнение просьбы учёных из США затянулось. Об этом свидетельствует следующий документ: «Директору Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. Ленина от 28 февраля 1956 г.

Министерство просвещения БССР не считает целесообразным отправку в США Учёных записок Гомельского педагогического института им. В. П. Чкалова (вып. 1, Минск, Учпедгиз БССР, 1954 г.), так как одна из статей этого сборника даёт путанное и крайне упрощённое толкование интернационализма.

Заместитель Министра просвещения БССР С. Умрейко» [3, л. 311].

По воспоминаниям кандидата исторических наук Г. С. Евдокименко (с 1954 г. – заместитель директора по учебной и научной работе Гомельского педагогического института им. В. П. Чкалова) «Учёные записки» всё же были высланы, так как из Министерства просвещения СССР пришёл соответствующий приказ.

Трудный путь прошли некоторые факультеты Гомельского государственного университета. Так, открывшийся в 1944 г. в пединституте исторический факультет неоднократно преобразовывался. С 1956 г. набор на специальность «История» был прекращён. Для студентов-историков II–IV курсов были введены переходные учебные планы, которые включали филологические дисциплины. Факультет с 1956 по 1961 гг., когда был сделан последний выпуск историков, назывался историко-филологический. Преподаватели, работавшие в пединституте в те годы, называют разные причины закрытия исторического факультета. Приведённый далее документ отражает позицию Министерства просвещения БССР о прекращении подготовки специалистов-историков в Гомельском педагогическом институте.

«Зав. Отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС тов. Кирилину З. А. По письму преподавателей Гомельского педагогического института относительно сохранения в составе этого института исторического или историко-филологического факультета Министерство просвещения БССР сообщает следующее.

1. Руководствуясь постановлением Совета Министров СССР, Министерство просвещения БССР внесло предложение в ЦК КПБ и Совет Министров БССР о переводе всех институтов на пятилетний срок обучения и широкий профиль подготовки учителей семилетних и средних школ. Определение профилей в каждом из 9 педагогических институтов производилось на основе учёта потребности педагогических кадров на ближайшие 10 лет. На основе этих данных установлено, что в ближайшие 7-8 лет не будет увеличиваться потребность в преподавателях истории, больше того, если учесть, что в настоящее время средняя учебная нагрузка составляет всего лишь 13 час. на преподавателя этой специальности, то при сохранении подготовки учителей истории при Могилёвском, Минском и Гродненском педагогических институтах даже при минимальных наборах на 1 курс можно будет обеспечить все школы республики преподавателями истории в ближайшие 8-10 лет. 2.... Новые факультеты по подготовке учителей истории, языка и литературы или какой-либо другой специальности в институтах не создавались. Не отвечает действительности и то, что якобы в составе Минского педагогического института иностранных языков организована подготовка учителей по многим специальностям... 3. Вопрос о подготовке учителей широкого профиля предварительно, до принятия решения, обсуждался на широком совещании работников институтов в Министерстве просвещения БССР и в Отделе школ ЦК КПБ и нынешний широкий профиль по каждому институту получил одобрение абсолютного большинства работников вузов и органов народного образования. Возражения отдельных преподавателей исторического факультета Гомельского педагогического института по поводу упразднения в будущем подготовки в этом институте преподавателей истории для школ исходят не из реальной потребности в педагогических кадрах, а из необходимости сохранить себя в этом институте в будущем. Подготовка ныне обучающихся студентов в этом институте будет сохранена до окончания ими института. Следовательно, преподаватели исторических дисциплин в основном будут обеспечены работой в этом институте на протяжении 4-5 лет, после чего им будет предоставлена работа по специальности в других институтах республики. Вопрос об упразднении подготовки в будущем специальности истории в Гомельском педагогическом институте согласован с обкомом КПБ. Министр Просвещения БССР И. Ильюшин» [4, л. 46-48].

После закрытия исторического факультета фонд специальной исторической литературы библиотеки Гомельского педагогического института, комплектовавшийся многие годы, был передан Белорусскому государственному университету, Мозырскому и, в основном, Могилёвскому педагогическим институтам.

В 1956 г. также обсуждался вопрос о закрытии в Гомельском пединституте факультета физического воспитания. Такое предложение было внесено руководством вуза и поддержано Министерством просвещения БССР. Намечалось закрытие факультета после выпуска обучающихся студентов, а набор на 1 курс с 1957 г. не планировался. На совещании руководителей вузов республики у секретаря ЦК КПБ К. Т. Мазурова (13 сентября 1956 г.) были приняты решения по работе высшей школы: «а) продумать вопросы о воспитательной работе в вузах; б) перевести работу вузов на белорусский язык; в) поставить лучше изучение родного края (краеведение); г) внести в ЦК КПБ предложения о базовых школах; д) перевести физкультурный факультет из Гомеля в Минск; е) закрыть Полоцкий институт [5, л. 148, 152]. Однако решение о закрытии в Гомельском пединституте факультета физического воспитания так и не было реализовано.

В целом, в 1950-е годы в СССР происходили существенные изменения в системе образования. Выпускники средней школы ориентировались на учебу в вузах и с неохотой шли на производство. Возникла необходимость реформирования школы таким образом, чтобы превратить ее в резерв пополнения кадров рабочего класса и технической интеллигенции. Развернувшаяся в 1956 г. дискуссия о том, как приблизить школу к производству, завершилась принятием в декабре 1958 г. закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальней-

шем развитии системы народного образования в СССР». Вместо семилетки была создана обязательная восьмилетняя политехническая школа. Среднее образование молодежь получала, оканчивая среднее профтехучилище, техникум, вечернюю (заочную) школу рабочей молодежи, аналогичную сельскую, или проучившись 3 года в средней образовательной школе «с производственным обучением». Для желающих продолжить образование в вузе вводился обязательный производственный стаж. Предпринятые усилия по увеличению числа обучающихся в высшей школе молодежи с производства привели к развитию системы вечернего и заочного обучения. С этой же целью в 1957 г. были изменены правила приема в высшие учебные заведения. Преимущественное право получали демобилизованные из армии и отработавшие не менее двух лет на производстве.

Перестройка школы и содержания её работы требовала внесения изменений в подготовку педагогических кадров. Существовавшая система подготовки учителей широкого профиля для средней школы не соответствовала изменениям, которые предполагалось провести в общеобразовательной школе. С 1956 г. педагогические институты БССР, как и во всех других союзных республиках, были переведены на работу по широкому профилю. Единый перечень специальностей, установленный Министерством высшего образования СССР, был рассчитан на объединение двух факультетов с таким расчётом, чтобы выпускники пединститутов могли преподавать в школе не один, а два родственных предмета. В Гомельском педагогическом институте такие изменения были проведены на факультете естествознания. Так в справке, подготовленной заместителем Министра просвещения БССР С. Умрейко, отмечалось: «До перехода на широкий профиль в педагогических институтах БССР было три факультета естествознания (в Витебском, Гомельском и Брестском педагогических институтах). Два факультета были переведены на специальность естествознания и химии (Витебск и Гомель) и один – на специальность естествознания и географии (Брест). В Гомельском и Витебском педагогических институтах кафедра химии существует уже давно, с 1944 г., в этих институтах уже накопилось богатое оборудование, в Брестском же пединституте кафедра химии была создана только в 1952 г., оборудование по химии здесь гораздо беднее, чем в Витебском и Гомельском пединститутах. Поэтому естественно-географическая специальность была образована в Бресте, а не в Гомеле или Витебске. Брестская область будет получать учителей химии и естествознания из Витебского и Гомельского пединститутов, выпускники же естественно-географического факультета Брестского пединститута будут распределяться по всем областям Белорусской ССР, поскольку этот факультет является единственным в республике» [6, л. 280-281]. С момента преобразования факультета естествознания Гомельского педагогического института факультет стал называться химико-биологическим.

Для осуществления такого направления реформы как политехнизация школы предусматривалась подготовка учителей, которые бы сами были хорошо теоретически и практически подготовлены по основам производства. С этой целью в педагогических институтах планировалось создание инженерно-педагогического и агропедагогического факультетов. Инженерно-педагогический факультет должен был готовить преподавателя специальных дисциплин по широкому профилю (технология производства, машиноведение, электротехника и т. д.), а агропедагогический – по сельскохозяйственному производству (полеводство, огородничество, животноводство, садоводство, пчеловодство и агротехника). Учебные планы таких факультетов предусматривали общетеоретические прикладные науки и специальные курсы со сроком обучения 5 лет [7, л. 172-173]. Министерством просвещения БССР было принято решение об открытии в Гомельском педагогическом институте с 1959 г. инженерно-педагогического факультета [8, л. 4]. Название факультета позднее трижды менялось (индустриально-педагогический, общетехнических дисциплин и труда, общетехнических дисциплин и физики).

Однако поставленной цели реформа не достигла. Школьники по-прежнему с неохотой шли на производство, вечерние и заочные старшие классы хороших знаний не давали. Слабая материально-техническая база, узкий и случайный выбор профессий, предлагаемых в школе с производственным обучением, не обеспечивали должной профессиональной подготовки. Качество образования снижалось.

В 1957/1958 учебном году в руководстве республики обсуждался вопрос, который мог кардинальным образом изменить судьбу научно-педагогического и студенческого коллективов Гомельского педагогического института. В фонде Министерства просвещения БССР сохранился документ, свидетельствующий о предполагаемом расформировании нашего вуза. Министром просвещения БССР И. Ильюшиным была подготовлена подробная справка о нецелесообразности ликвидации Гомельского пединститута. К сожалению, не удалось выявить, кто являлся инициатором данного предложения, и кому была адресована записка И. Ильюшина. Возможно документ, исходя из практики тех лет, был составлен для партийного руководства СССР и БССР или Министерства просвещения СССР. Целесообразно привести полный текст указанного документа:

«Справка по вопросу предполагаемого расформирования Гомельского педагогического института.

Гомельский педагогический институт является самым большим педагогическим вузом Белоруссии. В нём обучается 1 447 студентов стационара и 1 293 заочников, работает 110 научных работников. В институте имеется 5 факультетов больше, чем в любом другом педагогическом институте Белоруссии. Площадь учебного корпуса Гомельского педагогического института составляет 3 867 кв. м., площадь общежитий 1 600 кв. м., институту принадлежит также 48 квартирный жилой дом. Для работы химико-биологического факультета имеется в институте агробиостанция.

При таком положении в Гомельском педагогическом институте приходится учебной площади на одного студента 2,6 кв. м., жилой площади общежитий 1,1 кв. м., на человека. Передача студентов Гомельского педагогического института в Мозырский педагогический институт невозможна по ряду причин:

1. Мозырский педагогический институт располагает учебной площадью 3 212 кв. м., что составляет сейчас 5 кв. м. на человека. В случае передачи студентов Гомельского педагогического института Мозырскому в Мозырском пединституте будет с 1 сентября 1958 г. 2 042 студентов, при этом на одного студента придётся 1,5 кв. м. учебной площади, что делает невозможным проведение занятий даже при двух сменах. Остро нуждающиеся студенты Гомельского педагогического института не смогут разместиться в общежитии Мозырского пединститута, так как вся площадь этих общежитий составляет 828 кв. м.

2. Для химико-биологического факультета Гомельского пединститута и для факультета физвоспитания требуются большие вспомогательные сооружения – теплицы, оранжереи, учебно-опытный участок, агробиостанция, учебные мастерские, специальные спортивные сооружения, которые создавались в Гомельском пединституте десятилетиями. Для создания этих вспомогательных сооружений в Мозыре потребовалось бы большое новое строительство в объёме нескольких миллионов рублей и 2-3 года времени. Без этих сооружений работа химико-биологического, физкультурного и физико-математического факультета была бы в Мозыре совершенно невозможной.

3. Гомельский педагогический институт располагает богатым оборудованием по физике, математике, химии, биологии, имеет библиотеку более чем в 200 тыс. томов. Только для размещения этого оборудования в Гомельском педагогическом институте занято около 1 500 кв. м. площади. Для того, чтобы разместить это оборудование в здании Мозырского пединститута вместе с оборудованием Мозырского пединститута потребуется занять почти всё здание его учебного корпуса, то есть практически отвести почти всю учебную площадь под книгохранилище, мастерские, кабинеты, библиотеку и т. д.

4. В Гомельском педагогическом институте работает 110 научных работников. При условии перевода Гомельского пединститута в г. Мозырь потребуется и строительство в Мозыре жилого дома для размещения научных работников. При таком переезде, несомненно, лучшие преподаватели института уедут за пределы Белоруссии.

Из вышеизложенного видно, что перевод Гомельского педагогического института в Мозырский пединститут не только нецелесообразен, но и невозможен.

Министр И. Ильюшин [9, л. 177-179].

Кроме того, Министерство просвещения БССР обратилось к секретарю ЦК КПБ К. Т. Мазурову с просьбой дать согласие «на прекращение с 1959 г. приёма в Мозырский пединститут и на объединение его в 1960 г. с Гомельским пединститутом. В Мозырском пединституте после выпуска студентов в 1960 г. останется 287 человек. Контингент студентов Гомельского пединститута уменьшится к тому времени с 1 302 до 1 100 человек и всех студентов Мозырского пединститута можно будет перевести для завершения учёбы в Гомельский пединститут. После закрытия Полоцкого и Мозырского педагогических институтов выпуск студентов оставшихся 7 пединститутов и БГУ вполне смогут обеспечить кадрами школы республики» [10, л. 77-78]. В 1959/1960 учебном году набор на 1 курс Мозырского пединститута не осуществлялся, по этой причине было сокращено более 10 преподавателей. Из оставшихся 36 человек только «7 преподавателей имели степень кандидата наук, не было ни одного доцента, 5 преподавателей окончили аспирантуру, но не защитили кандидатские диссертации» [11, л. 6-7]. Однако педагогический институт в г. Мозыре так и не был закрыт, в связи с тем, что это предложение не было поддержано союзными органами. Вероятно, принятию решения о закрытии вуза препятствовало то, что Мозырский пединститут носил в то время имя Н. К. Крупской. Нельзя забывать, что в той государственной системе это служило одной из высших форм поощрения и отличия.

Высоко оценивая профессиональный уровень преподавателей Гомельского педагогического института 30 октября 1958 г., Министр просвещения БССР обратился в Астрономический совет Академии наук СССР со следующей просьбой: «Министерство просвещения БССР просит организовать при Гомельском педагогическом институте /гор. Гомель, ул. Кирова, 167/ станции оптических наблюдений за искусственными спутниками Земли, для чего выделить институту необходимое оборудование и дать соответствующий инструктаж научным работникам этого института.

В Гомельском педагогическом институте имеется физико-математический факультет, на котором работают преподаватели должной квалификации, способные организовать указанные наблюдения. Министр просвещения БССР И. Ильюшин» [12, л. 331].

В январе 1960 г., руководствуясь приказом Министра высшего образования СССР от 17 февраля 1956 г., Министерством высшего, среднего специального и профессионального образования БССР было принято решение создать к июлю 1960 г. межвузовские учебно-консультационные пункты (УКП) в городах Бресте, Витебске, Гомеле, Гродно, Могилёве и Молодечно на базе педагогических институтов и кооперативного техникума. Как отмечалось в справке, «эти учебные заведения располагают учебно-преподавательскими кадрами и имеют достаточную материальную базу. В указанных городах и вблизи их проживает большое количество студентов-заочников. Для качественного проведения «консультаций, лекционных, лабораторных и практических занятий и создания нормальной работы студентам, рекомендовалось установить связи с местными предприятиями, учреждениями, школами» [13, л. 26-27]. При Гомельском пединституте учебно-консультационный пункт был открыт 1 июля 1961 года. В справке методиста научно-методического кабинета министерства подчёркивалось, что в пединституте на УКП работали квалифицированные преподаватели, приглашались педагогические работники и других учебных заведений г. Гомеля (БИИЖТ). УКП при Гомельском пединституте организовывал и проводил вступительные экзамены в другие вузы республики. Студенты систематически слушали лекции и отрабатывали лабораторные работы. Среди замечаний по работе УКП назывались несоблюдение расписания экзаменов, перенос занятий на дневное время и другие. В условиях нехватки учебных площадей в пединституте (решение вопроса о строительстве нового учебного корпуса затянулось на несколько лет) работа УКП затрудняла деятельность и преподавателей, и студентов-заочников. В документе отмечалось: «Необходимость организации и проведения занятий на учебно-консультативном пункте, на вечернем отделении и курсах по подготовке в вуз, занятия в институте проходят в три смены с 8 ч. 25 мин. утра до 22 ч. 30 мин. вечера» [14, л. 44-47, 108]. Постепенно работа со студентами-заочниками на учебно-консультационном пункте приобрела более организованный характер, и в 1968 г. к УКП Гомельского пединститута были прикреплены студенты-заочники из 55 вузов Советского Союза.

Важным звеном в развитии Гомельского педагогического института оставалось решение кадрового вопроса. В 1961 г. был сделан первый набор в аспирантуру института. По трём специальностям с отрывом и без отрыва от производства было принято 6 человек: Романовский А. В. (математика), Соболенко В. Н., Шляпин Р. М., Янковский Н. А. (русская литература), Лаврукевич И. И., Сапегин Л. М. (ботаника). Через год по поручению Министра высшего, среднего специального и профессионального образования БССР М. В. Дорошевича была проведена проверка работы аспирантуры. В докладной записке по результатам проверки отмечалось: «Руководство аспирантами осуществляется высококвалифицированными специалистами профессорами, доктором физико-математических наук С. А. Чунихиным, доктором сельскохозяйственных наук Ф. Н. Харитоновичем (оба названных профессора работают в научно-исследовательских учреждениях в г. Гомеле), доктором филологических наук П. П. Охрименко (заведует кафедрой в этом же институте). Все аспиранты сдали запланированные кандидатские экзамены по иностранному языку и философии на «хорошо» и «отлично» и приступили к сбору материалов по темам диссертаций. Работа аспирантов контролируется кафедрами. Все аспиранты были аттестованы на заседании учёного совета института 4 октября 1962 года. С набором в аспирантуру в этом году дело обстоит не блестяще. Во-первых, по всем специальностям (русская литература, математика, ботаника, педагогика, методика преподавания химии) был совсем незначительный конкурс или совсем без конкурса. Во-вторых, по математике и ботанике до настоящего времени не подобраны кандидатуры. По ботанике было подано заявлений соответственно местам, но двое поступающих не выдержали экзаменов. Поступающие по специальности «математика» сдали пока экзамены по иностранному языку и истории КПСС. По специальности экзамен у них будет принят после возвращения из отпуска будущего их руководителя профессора С. А. Чунихина, который потребовал своего присутствия на вступительных экзаменах. По-моему мнению, незначительный наплыв в аспирантуру объясняется слабой связью института с учителями школ – бывшими своими воспитанниками, а также слабой заботой кафедр о комплектовании аспирантуры. В течение прошлого учебного года ни одна из кафедр не обсудила на своём заседании данного вопроса. Ст. инспектор Управления вузов А. П. Гесь» [15, л. 234-237].

Составной частью деятельности педагогических вузов страны являлась воспитательная работа со студентами, формирование всесторонне развитой личности. С начала 1960-х гг. в высших учебных заведениях БССР работали факультеты общественных профессий, на которых студенты «овладевали практическими навыками по руководству различными кружками художественной самодеятельности, исполнительским мастерством, опытом работы по лекторской пропаганде, фотоделу, радиовещанию, организации культурного досуга трудящихся». В 1965 г., анализируя деятельность факультетов общественных профессий, Министерство высшего и среднего специального образования в справке для Совета Министров БССР отметило и опыт организации такой работы в Гомельском педагогическом институте. В документе подчёркивалось, что «Гомельский пединститут для работы на факультете умело использует имеющиеся в городе возможности (преподаватели и студенты старших курсов Гомельского музучилища). Активное участие в работе факультета принимают ведущие преподаватели института (профессор П. П. Охрименко, доцент И. А. Ильиных), директор областного Дома народного творчества и др. Для занятий по музыке в институте был оборудован специальный класс. На факультете действует 3 отделения, на которых обучается 152 студента: отделение хормейстеров (103 человека), хореографическое отделение (36 человек) и музыкальное (игра на инструментах) – 13 человек» [16, л. 140, 144].

Введённые в научный оборот документы Национального архива Республики Беларусь свидетельствуют, что 1950—1960-е гг. были важным этапом в развитии Гомельского педагогического института и стали шагом на пути его преобразования в университет.

Резюме. В статье А. И. Зеленковой М. П. Савинской «Малоизвестные страницы истории Гомельского государственного педагогического института (по документам Национального архива Республики Беларусь)» освещаются сложные и неоднозначные события истории Гомельского педагогического института на пути его преобразования в университет. Впервые

введены в научный оборот некоторые документы по организации учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работы в вузе в 1950 – 1960-е годы.

Abstract. Difficult and ambiguous events in Gomel pedagogical institute history on the way of its transformation to a university are considered in the article. For the first time some documents on methodical, scientific research and bringing up working organization process in a higher education establishment are entered into the scientific turn in the 1950s-1960s.

Литература

1 Гомельский государственный университет // Составители: Езепова Т. И., Козлов В. В., Болтовский А. И. – Минск: Высшая школа, 1976. – 52 с.; Гомельский государственный университет // Составители: Научитель М. В., Езепова Т. И. – Минск: Высшая школа, 1979. – 28 с.; Старовойтов, М. И. Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины: Исторический очерк / М. И. Старовойтов, А. И. Зеленкова, М. П. Савинская. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2005. – 359 с. и другие.

2 Левитский, П. М. О нервном влиянии на систему крови кролика ректальных введений гетеросыворотки / П. М. Левитский // Ученые записки Гомельского педагогического института им. В. П. Чкалова. Вып. 1. – Минск, Государственное учебно-педагогическое издательство БССР, 1954. – С. 167-178.

3 Письмо заместителя Министра просвещения БССР директору Государственной библиотеки им. В. И. Ленина // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 42. – Опись 5. – Дело 345.

4 Письмо Министра просвещения БССР в Отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 42. – Опись 5. – Дело 345.

5 Предложения участников совещания, проведённого у секретаря ЦК КПБ т. Мазурова // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 42. – Опись 5. – Дело 345.

6 Справка по вопросу подготовки учителей широкого профиля на факультетах естествознания в педагогических институтах // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 42. – Опись 5. – Дело 408а.

7 Справка Министра просвещения БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 42. – Опись 5. – Дело 408а.

8 Справка по вопросу подготовки специалистов в педагогических институтах БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 42. – Опись 5. – Дело 426.

9 Справка по вопросу предполагаемого расформирования Гомельского педагогического института // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 42. – Опись 5. – Дело 408а.

10 Письмо секретарю ЦК КПБ К. Т. Мазурову // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 42. – Опись 5. – Дело 426.

11 Отчёт о работе Мозырского государственного педагогического института // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1220. – Опись 1. – Дело 74.

12 Письмо Министра просвещения БССР Астрономическому Совету Академии наук СССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 42. – Опись 5. – Дело 427.

13 Справка об открытии учебно-консультационных пунктов в БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1220. – Опись 1. – Дело 4

14 Справка о состоянии работы Гомельского и Мозырского межвузовских УВП // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1220. – Опись 1. – Дело 806.

15 Докладная Министру высшего, среднего специального и профессионального образования БССР М. В. Дорошевичу // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1220. – Опись 1. – Дело 806.

16 Справка в Совет Министров БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1220. – Опись 1. – Дело 806.

УДК 32.001(075.8)

Тэарэтычна-метадалагічныя перадумовы аналізу палітычных трансфармацый

Я. Я. КАСЦЮШКА

У сучасных сацыяльна-гуманітарных навукх вядома існуе цэлае кола семантычна разнастайных паняццяў, якія маюць статус канцэптаў. Да прыкладу, гэта – эвалюцыя, рэвалюцыя, мадэрнізацыя, трансфармацыя, традыцыйнае і мадэрнае грамадствы. Натуральна, нас цікавяць іх палітычныя аспекты. Прааналізуем з гэтай пазіцыі наступныя паняцці: палітычныя змяненні, палітычнае развіццё, палітычная мадэрнізацыя, палітычныя рэвалюцыя і рэформа, мадэрн (сучаснасць), традыцыйнае і сучаснае (мадэрнае) грамадствы, палітычныя трансфармацыі і некаторыя інш.

Палітычныя змяненні – ператварэнне структур, працэсаў ці мэтаў, якія закранаюць размеркаванне або здзяйсненне уладных паўнамоцтваў у кіраванні грамадствам. Палітычныя змяненні альбо прыстасоўваюць існуючую сістэму ўлады і кіравання да новых выклікаў, альбо прыводзяць да замены адной палітычнай сістэмы на іншую, паколькі старая няздольная падтрымліваць сваё эфектыўнае функцыянаванне. Асноўныя тыпы – палітычная рэформа, рэвалюцыя, дзяржаўны пераварот, рэстаўрацыя, частковы ці поўны перагляд канстытуцыі.

Палітычнае развіццё можна вызначыць як узростанне здольнасцяў палітычнай сістэмы да гнуткага прыстасавання ў сацыяльных умовах, якія змяняюцца (патрабаванні груп інтарэсаў, новыя суадносіны сіл і рэсурсаў улады) пры захаванні і павелічэнні магчымасцяў для эліт і шараговых грамадзян выконваць свае спецыфічныя функцыі ў справе кіравання грамадствам і дзяржавай.

Трэба заўважыць, што нібыта блізкія паняцці палітычны працэс, з аднаго боку, і палітычныя змяненні і развіццё, з другога, маюць істотныя адрозненні. Калі працэс узаўважвае палітычную сістэму, то змяненні і развіццё не толькі ператварэнне ўнутраных уласцівасцяў сістэмы, але і пераход у іншы якасны стан альбо замену аднаго тыпу сістэмы іншым. Напрыклад, С. Хантынгтан разумее палітычнае развіццё як схему змяненняў, якія адбываюцца ў грамадстве пэўнага тыпу ў выніку канкрэтных прычын і накіраваны на мэты, дасягненне якіх функцыянальна неабходна для дадзенага грамадства [1].

Палітычнае развіццё адбываецца *цераз змяненні* і азначае рост: 1) складанасці (дыверсіфікацыі); 2) спецыялізацыі; 3) дыферэнцыяцыі палітычных інстытутаў дадзенага грамадства. З улікам гэтага паспрабуем больш разгорнута пазначыць крытэрыі палітычнага развіцця:

1) рацыяналізацыя пабудовы палітычнай сістэмы і дыферэнцыяцыя структур і органаў кіравання;

2) фарміраванне новых каналаў і механізмаў артыкуляцыі і агрэгацыі патрэбаў і інтарэсаў розных сацыяльных супольнасцяў;

3) удасканаленне нарматыўна-прававой базы для забеспячэння роўнасці палітычнага ўдзелу традыцыйных і новых сацыяльных груп, дзеля каштоўнаснай інтэграцыі соцыуму;

4) павелічэнне кампетэнтнасці палітычнай эліты (і контрэліты);

5) свабодная канкурэнцыя эліт за падтрымку насельніцтва, селекцыя кампетэнтных эліт;

6) механізмы кантролю з боку грамадзян за кіруючым класам;

7) адэкватнае мэтавызначэнне, выкананне задач і дасягненне рэальнага прагрэсу.

Найперш, чым дэталёва разглядаць ужо згаданыя тыпы палітычных змяненняў (рэвалюцыя, рэформы і інш.), звернем ўвагу на вядомы метадалагічны падыход – *тэорыю мадэрнізацыі*. Праблемна-паняццйнае поле гэтай метадалагічнай парадыгмы вельмі шырокае і разнастайнае.

Ідэйныя вытокі канцэпцыі палітычнай мадэрнізацыі сягаюць палітычнай філасофіі Дж. Лока, А. Сміта, Ж. Кандарсэ, Ж. Русо, Ш. Монтэск'ё, іншых мысліцеляў Асветніцтва. Але ж сапраўдныя стваральнікі тэорыі мадэрнізацыі – Фердынанд Цёніс, Макс Вебер, Талкат Парсанс. Распрацоўка парадгмы палітычнай мадэрнізацыі звязана з пасляваенным перыядам (50-60-я гг. XX ст.) і адбылася ў творчасці буйных навукоўцаў: Г. Алманда, Д. Аптэра, С. Вербы, Д. Коулмэна, Л. Пая, С. Хантынгтана, С. Ліпсета, У. Растоў і інш. Узнікнуўшы ў 50-я гг. як тэарэтычная мадэль развіцця вызваленых ад каланіяльнай залежнасці краін, канцэпцыя мадэрнізацыі ўрэшце пераўтварылася ў абгрунтаванне агульнай мадэлі глабальнага працэсу развіцця цывілізацыі, сутнасць якой у апісанні характару і напрамкаў пераходу ад традыцыйнага да сучаснага грамадства ў выніку навукова-тэхнічнага прагрэсу, сацыяльна-структурных зменаў, ператварэння нарматыўнай і каштоўнаснай сістэм [2].

С. Хантынгтан адзначае, што мадэрнізацыя ўяўляе шматоблічны працэс, які ўключае перамены ва ўсіх сферах чалавечай свядомасці і чалавечай актыўнасці. Асноўныя кампаненты мадэрнізацыі – *урбанізацыя, індустрыялізацыя, секулярызацыя, дэмакратызацыя, развіццё адукацыі, пастаянны ўдзел СМІ ў грамадска-палітычным жыцці* [1, 2].

Прынцыпова разумець, што ў сваіх тэарэтычных асновах канцэпцыя мадэрнізацыі грунтуецца на светапогляднай парадгме Асветніцтва – **лінейна-стадыяльны прагрэс цывілізацыі як сутнасць і мэта існавання ўніверсуму**. У такім разе марксізм з яго фармацыйным падыходам знаходзіцца ў інтэлектуальнай роднасці з тэорыяй мадэрнізацыі, бо вытокі агульныя – ідэі, светапогляд і каштоўнасці Асветніцтва.

У агульнагістарычным сэнсе **мадэрнізацыю** можна разумець як: **1)** працэс сацыяльных змяненняў і пераўтварэнняў у грамадстве, асаблівая форма развіцця пры пераходзе ад традыцыйнага грамадства да сучаснага, трансфармацыя аграрнага соцыума ў індустрыяльны, сусветна-гістарычны працэс станаўлення і экспансіі тэхнагеннай цывілізацыі; **2)** свядомая ўстаноўка дзяржавы на правядзенне якасных пераўтварэнняў у грамадстве з улікам вопыту перадавых краін [4]. Сацыёлагі і палітычныя мысліцелі XIX–XX стст., якія заклалі ідэйна-тэарэтычныя асновы мадэрнізацыі, разумелі яе прыроду ў розных іпастасях. Так, М. Вебер рабіў акцэнт на рацыяналізацыі палітычнай сферы, іншыя – Г. Спенсэр, Т. Парсанс – адзначалі паглыбленне, узмацненне дыферэнцыяцыі сацыяльных і палітычных структур. Аднак у падвалінах розных трактовак палітычнага развіцця як мадэрнізацыі ляжала нейкая супольная мадэль: гісторыя, грамадска-палітычны працэс разумеліся як перадвызначаны аб'ектыўнымі сацыяльна-эканамічнымі фактарамі рух ад традыцыйнага (аграрна-саслоўнага) грамадства да пераходнага, і ўрэшце – да сучаснага (мадэрнага).

Адзначым некаторыя характэрныя рысы *традыцыйнага і сучаснага* (індустрыяльнага, тэхнагеннага, мадэрнага) грамадстваў. У *традыцыйным грамадстве* пануе простае ўзнаўленне ўласнага сацыяльнага вопыту, падпарадкаванасць індывіда кланавая-карпаратыўным супольнасцям, знешнім сілам, нявылучанасць чалавечай асобы з універсуму (арганіцызм); духоўным ядром з'яўляецца рэлігія, існуе каставая-саслоўная іерархія грамадства, дзяржава звычайна дэспатычная і паглынае, пануе над грамадствам і чалавекам, эканоміка мае аграрны характар, малая роля таварна-грашовых адносін, слабы падзел працы, палітыка не з'яўляецца спецыялізаванай сферай жыццядзейнасці, нізкая сацыяльная мабільнасць. Для *тэхнагеннага, сучаснага грамадства* характэрны іншыя рысы: духоўнае ядро – рацыянальнасць і навуковыя веды, навукова-тэхнічны прагрэс як вызначальны фактар грамадскага развіцця, свабода мыслення і творчасці, шырокая практыка інавацый, аўтаномія чалавечай асобы, індывідуалізм; секулярызацыя грамадства, перавага таварна-грашовых адносін, рост індустрыяльнай вытворчасці і падзелу працы, фармаванне прававой дзяржавы, станаўленне палітыкі як спецыялізаванай сферы жыццядзейнасці, працэсы яе паступовай лібералізацыі і дэмакратызацыі, складная сацыяльная дыферэнцыяцыя і высокая сацыяльная мабільнасць, тэндэнцыя інстытуцыялізацыі ў розных сферах жыцця грамадства [5].

На агульную думку даследчыкаў, традыцыйнае і сучаснае грамадствы прынцыпова адрозніваюцца па сваіх базавых сацыяльных парадгмах. У XX ст. Т. Парсанс і П. Штомпка вылучылі “тыповыя пераменныя”, па якіх характарызуюць прыроду разгляданых катэгорый. Пададзім гэта ў выглядзе лагічнай табліцы [2, 6].

Крытэрыі	Традыцыйнае грамадства	Мадэрнае грамадства
Узровень сфармавання сацыяльнай структуры	<i>Дыфузнасць</i> , г. зн. невыразны, незамацаваны, само сабой зразумелы характар роляў, груп, сацыяльных адносін	<i>Спецыфікацыя</i> , г. зн. сфармаваная спецыялізацыя роляў і адносінаў, акрэслены падзел працы, якія забяспечваюць ўзаемадзеянне ў групах
Аснова статусу	<i>Прадпісанне</i> (г. зн. аднясенне да роляў статусаў груп, адносінаў), заснаванае на спадкаемнасці па нараджэнні ці сваяцтву	<i>Дасягненне</i> (суаднесенае са статусамі, ролямі, групамі, адносінамі), заснаванае на асабістых высілках і заслугах
Крытэрыі рэкрутавання	<i>Партыкулярызм</i> (г. зн. выбар і стаўленне да партнёраў па сацыяльных кантактах, роўна як і доступ да роляў і груп), заснаваны на ўнікальных асабістых рысах патэнцыйных кандыдатаў, якія не адносяцца непасрэдна да выконваемай работы ці да характару груп і ўзаемаадносінаў	<i>Універсальнасць</i> (выбар і стаўленне да партнёраў па сацыяльных узаемасувязях, а таксама доступ да роляў і груп), якія грунтуюцца на агульных, катэгарыяльных рысах, непасрэдна абумоўленых задачамі і характарам груп ці адносінаў
Крытэрыі ацэнкі	<i>Калектывізм</i> , г. зн. ацэнка і ўспрыняцце людзей звязаныя з іх чалецтвам у групах, калектывах, супольнасцях, плямёнах. Найважней тое, да якіх груп прыналежаць людзі, а не тое, хто яны ёсць самі па сабе	<i>Індывідуалізм</i> , г. зн. ацэнка і ўспрыняцце людзей, засяроджаныя на іх індывідуальных дзеяннях. Найважней тое, што менавіта яны робяць
Роля эмоцый	<i>Эмацыйнасць</i> – уварванне эмоцый у сацыяльнае жыццё	<i>Нейтральнасць</i> як уціск эмацыйных праяваў, дзелавая, рацыянальная атмасфера сацыяльнага жыцця

Такім чынам, **мадэрнізацыя**, і як вынік, **утварэнне падстаў сучаснага грамадства** абапіраюцца на шэраг аб'ектыўных перадумоў:

1. *Прывядзенне да аднастайнасці кодаў унутрынацыянальных зносін*, кансалідацыя тэрытарыяльнай, этнічнай і моўнай прасторы, што стварае спрыяльныя ўмовы для *станаўлення нацыі-дзяржавы* і палітычнай сістэмы сучаснага тыпу.

2. *Здзяйсненне індустрыялізацыі*, якая вядзе да якасных зрухаў сацыяльнай структуры, а гэта ў сваю чаргу з'яўляецца пабуджальнай прычынай асучаснівання палітычнай сферы.

3. *Фармаванне агульнанацыянальнага ўзнаўленнячага комплексу*, якія функцыянуе ў рэжыме самападтрымліваючага росту, падмацаванага аб'яднанай транспартнай і інфармацыйнай інфраструктурамі.

4. *Урбанізацыя* (рост гарадоў і гарадскога насельніцтва як дамінанта), якая садзейнічае ўзнікненню гарадской культуры як вобразу жыцця і стылю паводзін, што вызначае напрамак развіцця грамадства.

5. *Павелічэнне сацыяльнай і тэрытарыяльнай мабільнасці насельніцтва* ў выніку зацвярджэння індустрыяльных формаў гаспадарчай дзейнасці, размыванне жорсткіх грамадскіх і інстытуцыянальных сувязяў традыцыйнага тыпу.

6. *Пераўтварэнне*, пад уплывам вышэйпазначаных структурных зрухаў, *палітыкі ў адну са сфер самарэалізацыі асобы*, а індывіда – у аўтаномнага самастойна мыслячага і дзейнага суб'екта палітычнага працэсу, цяпер вольнага ад абмежаванняў замкнутых груп (абшчын).

7. *Зацвярджэнне новых палітычных інстытутаў*, якія пачынаюць функцыянаваць у рэжыме прадстаўніцтва ўсяго мноства наяўных у грамадстве інтарэсаў.

Да асноўных ідэальных тыпаў палітычных змяненняў у паліталогіі звычайна адносяць: *мірныя* (мірнае ўрэгуляванне) і *гвалтоўныя* (ваенныя канфлікты і інш.). Мірныя палі-

тычныя змяненні ў рамках нацыі-дзяржавы – гэта **рэформа**. Звычайна пад рэформай разумеюць змяненні якіх-небудзь бакоў грамадскага жыцця пры захаванні асноў існага палітычнага ладу. Гэтыя змяненні маюць эвалюцыйны і негвалтоўны характар. **Рэвалюцыя** (лац. *revolutio* – паварот, пераварот) – карэнныя якасныя змены ў развіцці чаго-небудзь. Сацыяльная рэвалюцыя – пераварот ва ўсёй палітычнай і сацыяльна-эканамічнай структуры грамадства. У якасці адной з дзвюх форм палітычнага развіцця рэвалюцыя супрацьпастаўляецца **эвалюцыі** (лац. *evolutio* – разгортванне) – павольнаму, паступоваму працэсу змяненняў у палітычнай сферы. У сучаснай паліталогіі таксама выкарыстоўваюцца тэрміны *інвалюцыя* (лац. *involutio* – згортванне) як зваротнае развіццё і *дэвалюцыя* як рух назад, уніз, паніжэнне ўзроўню чаго-небудзь. *Рэвалюцыя* – калектыўны, гвалтоўны і свядомы захоп улады якой-небудзь грамадскай групай. Напрыклад, Ш. Эйзенштадт, вядомы даследчык тэорыі рэвалюцыі тлумачыць гэтае паняцце наступным чынам [2, 3].

Рэвалюцыя характарызуецца як самы інтэнсіўны гвалтоўны і свядомы працэс з усіх сацыяльных рухаў. У ёй бачаць памежнае выяўленне свабоднай волі і глыбокіх пачуццяў, праяву выдатных арганізацыйных здольнасцяў і высокаразвітой ідэалогіі сацыяльнага прагнату. Асаблівае значэнне надаецца ўтапічнаму ці вызваленчаму ідэалу, заснаванаму на сімволіцы Роўнасці, Прагрэсу, Свабоды і на перакананні, што рэвалюцыі ствараюць новы лепшы сацыяльны парадак [2, 8]. У паліталогіі выкарыстоўваецца даволі простая класіфікацыя рэвалюцый: 1) Палітычная рэвалюцыя на ўзроўні дзяржавы; яны абмяжоўваюцца раптоўнай трансфармацыяй інстытутаў, змяняючы іх легітымізацыю (Французскія рэвалюцыі 1830 і 1848 гг.); 2) Сацыяльныя рэвалюцыі, звязаныя з карэнным пераўтварэннем грамадства (Вялікая французская рэвалюцыя 1789 г., Расійская рэвалюцыя 1917 г., Лістападаўская 1918 г. у Нямеччыне); яны могуць быць паскораны ваеннай паразай дзяржавы або перапынены ў ходзе свайго развіцця; 3) Рэвалюцыі, якія ствараюць новую дзяржаву (Амерыканская рэвалюцыя 1787 г.); яны часта з’яўляюцца вынікам распаду шматнацыянальнай імперыі ці дэкаланізацыі (Аўстра-Венгрыя ў 1918 г., Алжыр у 1954-1962 гг.).

Дзяржаўны пераварот – раптоўны неканстытуцыйны захоп улады, незаконная змена кіруючай эліты ў цэлым (прэзідэнцтва, ураду, персаналу кіруючых структур), якія не звязаны з якімі-небудзь карэннымі змяненнямі палітычнага рэжыму, сацыяльных і эканамічных адносін. Агульныя для рэвалюцыі і дзяржаўнага перавароту – калектыўны, гвалтоўны характар палітычнага дзеяння, а таксама цераз прапаганду ідэалагізацыя падзеяў. Істотнае адрозненне – крыніцы перавароту (змова, звычайна ўнутры дзяржструктур), мэты – пераварот толькі разбурае легітымнасць існай улады дзеля зацвярджэння ля стэрна дзяржавы іншай асобы ці групы, якія абаяваюцца на сілу. Вядомы публіцыстычны сінонім дзяржперавароту – *путч* – звяржэнне ўраду (ці спроба) з дапамогай арміі, групы афіцэраў. Гісторыя ведае мноства такіх падзеяў, асабліва ў Лацінскай Амерыцы, Афрыцы. Бывае, што дзяржпераварот становіцца пачаткам рэвалюцыйных пераменаў. Два такія значныя прыклады: марш Мусаліні на Рым у 1922 г. прывёў да ўсталявання фашысцкай дыктатуры; пераварот 1974 г. у Партугаліі пахіснуў аўтарытарызм, пакінуты Салазарам, і распачаў “рэвалюцыю гваздзікоў” – палітычныя змяненні, якія прывялі да дэмакратыі.

Рэстаўрацыя (лац. *restauratio* – аднаўленне) – працэс палітычных змяненняў, накіраваны на адраджэнне спосабу кіравання (рэжыму), раней звергнутых рэвалюцыяй ці дзяржаўным пераваротам. У палітычнай гісторыі рэстаўрацыі звычайна рэакцыйныя, напрыклад, паўторнае валадаранне дынастыі Бурбонаў у Францыі 1815-1830-х гг.

Перагляд канстытуцыі – яшчэ адна разнавіднасць палітычных змяненняў, якую нярэдка адносяць да рэформы. Але гэта не зусім так. Працэдура адзіначаснай рэвізіі асноўнага закону дзяржавы выкарыстоўваецца ў якасці палітыка-юрыдычнай прылады, якая дапамагае распачаць працэс мірнай змены аджылага сваё рэжыму. Іменна гэтым спосабам скарыстаўся такі мудры і славыты палітык, як дэ Голь, калі ў 1958 г. прадставіў на зацвярджэнне рэферэндумам зусім новы канстытуцыйны тэкст, і ў Францыі была інстытуцыяналізавана V Рэспубліка – палітычны рэжым, які з пэўнымі мадыфікацыямі існуе да нашага часу.

Асобна разгледзім падыходы С. Хантынгтана ў рэчышчы палітычнай мадэрнізацыі, які прапанаваў шэраг значных і ў чымсьці сенсацыйных навуковых канцэпцый – ад “хваляў

дэмакратызацыі” да “сутыкнення цывілізацый” [1, 2]. У Хантынгтана *палітычная мадэрнізацыя* тлумачыцца як масавая мабілізацыя і развіццё палітычнай свядомасці і ўдзелу, якія спараджаюць у выніку нестабільнасць. Прынцыповыя элементы палітычнай мадэрнізацыі: *рацыяналізацыя* ўлады (у выніку секулярызацыі, заняпаду традыцыйных лаяльнасцяў, інтэграцыі і цэнтралізацыі з’яўляецца ўласна палітычная ўлада, у грамадстве зацвярджаецца адзіны ўладны цэнтр, які валодае суверэнітэтам); *дыферэнцыяцыя* новых палітычных функцый і ўзнікненне спецыялізаваных структур для іх здзяйснення; масавы палітычны ўдзел і заснаванне новых палітычных інстытутаў для яго арганізацыі. Палітычная мадэрнізацыя можа быць распачатая не толькі эканамічнымі змяненнямі, але і павелічэннем інтэнсіўнасці сацыяльных камунікацый, узроўню грамадскай і г. д.

Гэты палітолаг разглядае *палітычнае развіццё* як стварэнне складаных і аўтаномных палітычных інстытутаў. Ён прапануе чатыры пераменныя для вызначэння ўзроўню інстытуцыяналізацыі арганізацый, працэдур і палітычных сістэм: *здольнасць да адаптацыі* (функцыянальная і да выклікаў асяроддзя), *складанасць* (вызначаецца наяўнасцю розных элементаў, падсістэм і функцый і ў выніку падтрымлівае стабільнасць), *аўтаномія* (аўтаномія палітычнай сферы – атрыбут развітай палітычнай сістэмы, здольнасць забяспечыць уваходжанне новых груп у палітыку па вызначаных правілах; яе адсутнасць ці перавага непалітычных сродкаў і метадаў у палітыцы прыводзіць да карупцыі), *цэласнасць* – здольнасць падтрымліваць сацыяльна-палітычную сістэму як агульнае цэлае, аб’яднанае шэрагам прынцыпаў і сфераў сацыяльнай жыццядзейнасці, сістэмнае адзінства грамадства. Вынікамі нізкага ўзроўню аўтаноміі і цэласнасці з’яўляюцца дзяржаўныя перавароты і частае ўмяшальніцтва ваенных у палітыку. Атрыбут высокаразвітога грамадства – палітычныя інстытуты, здольныя выражаць грамадскія інтарэсы, прычым партыя ёсць ключавы інстытут сучаснай палітыкі.

Для дэманстрацыі суадносінаў *палітычнай мадэрнізацыі і развіцця*, а таксама іх залежнасці ад сацыяльна-эканамічных працэсаў Хантынгтан выбудоўвае наступную схему: 1) павелічэнне сацыяльнай мабілізацыі ў параўнанні з эканамічным развіццём вядзе да стану расчаравання ў выніку завышаных сацыяльных чаканняў (фрустрацыі); 2) узрастанне сацыяльнай фрустрацыі ў параўнанні з рэальнымі магчымасцямі прыводзіць да палітызацыі грамадзян, да росту палітычнага ўдзелу; 3) запозненасць палітычнай інстытуцыяналізацыі, яе неадпаведнасць узроўню палітычнага ўдзелу азначае палітычную нестабільнасць. Такім чынам, калі тэмпы сацыяльнай мабілізацыі і пашырэння палітычнага ўдзелу высокія (вынік палітычнай мадэрнізацыі), а тэмпы палітычнай арганізацыі і інстытуцыяналізацыі (паказчыкі палітычнага развіцця) нізкія, то вынікам стануць усеагульнае насілле і нестабільнасць. Таму выснова, што свядомае ці спантаннае павелічэнне ўдзелу неабходна абмяжоўваць рознымі сродкамі і /або каналізаваць яго ў партыйнае рэчышча. Наадварот: больш высокая стадыя развіцця характарызуецца іншым выбарам: пашырэнне палітычнага ўдзелу ці эканамічны рост (і адпаведна, дзве мадэлі развіцця: *папулісцкая* і *тэхнакратычная*). Буйныя гістарычныя ўзоры гэтых дзвюх мадэляў, на наш погляд, “перабудова” ў СССР у эпоху М. Гарбачова (папулісцкая) і рэформы Дэн Сяопіна ў КНР (тэхнакратычная). Пакуль што мадэрнізацыя ў КНР дэманструе значную станоўчую дынаміку, але замаруджванне, уціск палітычнай мадэрнізацыі неўзабаве можа прывесці да маштабных сацыяльных забурэнняў.

С. Хантынгтан прапануе канцэпцыю *хвалі дэмакратызацыі*, выкладзеную ў кнізе “Трэцяя хваля: дэмакратызацыя ў канцы ХХ ст.” [1, 2]. Хваля дэмакратызацыі – гэта група пераходаў ад недэмакратычных да дэмакратычных рэжымаў, якая адбываецца ў вызначаны перыяд часу і значна пераўзыходзіць па іх колькасці групу пераходаў у супрацьлеглым напрамку. Уздым трэцяй хвалі дэмакратызацыі пачаўся з 1974 г. на поўдні Еўропы (Партугалія, Іспанія). Яна ахапіла краіны з аднапартыйнымі (высокаінстытуцыяналізаваныя з ідэалагічнай легітымнасцю) і ваеннымі (ваенная сіла як асноўная крыніца ўлады) рэжымамі, а таксама з персаналісцкімі дыктатурамі, многія з якіх адпавядалі вебераўскай мадэлі султанісцкіх рэжымаў (Румынія пры Н. Чаушэску, Партугалія пры А. Салазары), а таксама ПАР з канкурэнтнай расавай алігархіяй. Хоць знешнія фактары дэмакратызацыі па-ранейшаму мелі важную ролю, працэсы пераходу да дэмакратыі ў трэцяй хвалі ў асноўным былі ініцыяваныя ўнутранымі прычынамі і сіламі.

Хантынгтан вылучае тры тыпы мадэляў пераходу: 1) *трансфармацыя* (роўная рэформе па Х. Лінцу; эліты пачынаюць і ўзначальваюць пераход); 2) *змяшчэнне* (ісп. *replacement*, па Х. Лінцу; апазіцыя на чале працэсу, аўтарытарны рэжым разбураецца сам ці яго звяргаюць); 3) *замышчэнне* (ісп. *transplacement*; дэмакратызацыя як вынік сумесных дзеянняў ураду і апазіцыі). На працэсы дэмакратызацыі найбольшы ўплыў аказваюць узаемадзеянні па наступных схемах: між урадам і апазіцыяй; між рэфарматарамі і кансерватарамі ў кіруючай кааліцыі; паміж памяркоўнымі і экстрэмістамі ў апазіцыі, прычым іх вага ў розных тыпах пераходаў адрозная. У канчатковым выніку характар паспяховых пераходаў вызначаецца суадносінамі сіл паміж рэфарматарамі і памяркоўнай апазіцыяй.

У канцэпцыі “*сутыкнення цывілізацый*” (артыкул “Сутыкненне цывілізацый”, 1993 г.) Хантынгтан сцвярджае, што замест ліберальнага сцэнарыя “канца гісторыі” (Ф. Фукуяма) і згасання глабальных канфліктаў адбываецца ператварэнне культурных фактараў у асноўную крыніцу будучых канфліктаў у свеце, які прымуць форму супрацьстаяння, сутыкненняў паміж нацыямі і групамі, прыналежнымі да розных цывілізацый. Апошнія Хантынгтан вызначае як культурную агульнасць найвышэйшага рангу, як самы шырокі ўзровень культурнай ідэнтычнасці людзей; “вышэй” цывілізацыі ў гэтым плане можа быць толькі ўвесь чалавечы род. Цывілізацыі дастаткова дынамічныя: яны змешваюцца, накладваюцца адна на другую, улучваюць субцывілізацыі, у іх бывае ўздым і заняпад, яны распадаюцца і зліваюцца і, урэшце, яны могуць загінуць і знікнуць “у пясках часу”.

Згодна з Хантынгтанам, палітычная мадэрнізацыя ёсць дэстабілізуючая з’ява, таму галоўная праблема такога працэсу – не свабода, а стварэнне легітымнага грамадскага парадку, устойлівасць якога становіцца асноўнай каштоўнасцю. У сувязі з гэтым яго тэорыю нярэдка вызначаюць як кансерватыўную. Ён лічыць, што грамадзяне могуць пражыць ва ўмовах палітычнага парадку без свабоды, але яны не могуць карыстацца свабодамі без парадку. Такім чынам, паняцце “*тэорыя мадэрнізацыі*” не азначае цэласнага навуковага напрамку: гэта своеасаблівая сукупнасць неаднародных канцэпцый, мадэляў, лагічных прыёмаў аналізу, мэта якіх – растлумачыць прыроду сацыяльна-палітычнага развіцця, пазбягаючы спрошчаных уяўленняў аб безальтэрнатывнасці і лінейнасці індустрыяльна-капіталістычнага прагрэсу, выявіць прычыны адхілення развіцця пераходных грамадстваў ад нібыта эталонных шляхоў, распрацаваных у эпоху Асветніцтва і пракладзеных прамысловымі рэвалюцыямі. *Мадэрнізацыя*, якая яшчэ ў XX ст., бачылася як спецыфічна арганізаваны пераходны перыяд, у пачатку XXI ст. ператвараецца ў тыпалагічны стан, у даволі *працяглы міжстадыяльны рух* са сваімі заканамернасцямі, культурнымі і ідэйнымі памкненнямі, варыянтамі палітыка-інстытуцыянальных змяненняў.

У апошнія дзесяцігоддзі ўзмацніўся навуковы інтарэс да палітычнай мадэрнізацыі ў сувязі з падзеямі, які называюць хвалямі дэмакратызацыі. Гэта абумоўлена некалькімі абставінамі: 1. Пачаўся чарговы – трэці – этап разгортвання працэсаў масавай палітычнай сацыялізацыі развіццёвых грамадстваў – абсалютнай большасці народанасельніцтва нашай планеты. Шматмільённыя масы ў гістарычна кароткія тэрміны перайшлі ў стан арганізаванай актыўнасці і востра ставяць пытанні аб змене сіл у сусветнай сістэме; 2. Разнастайнасць эканамічных, сацыякультурных, этнадамаграфічных умоў у сучасных пераходных грамадствах праяўляецца ў множнасці канкрэтна-палітычных форм міжстадыяльнага пераходу. Ці інакш, аналіз асноўных параметраў дэмакратычнага транзіту вымагае абавязковае даследаванне спецыфічных траекторый развіцця сацыумаў, якія мадэрнізуюцца; 3. Хвалі дэмакратызацыі – гэта нерэгулюемае ўключэнне ў палітычны працэс масавых груп насельніцтва, сэнс якога – нарастаючы паток патрабаванняў да сваёй дзяржавы і палітычнай сістэмы ў цэлым. Паколькі амаль немагчыма за 10-15 гадоў вывесці канкрэтную нацыянальную эканоміку на якасна больш высокі ўзровень, становіцца зразумелым, што палітычная сістэма дадзенага грамадства хутка дасягне мяжы сваіх магчымасцяў мірнага ўзгаднення інтарэсаў, за якой цалкам імаверныя рэзкае абвастрэнне грамадзянскіх канфліктаў і спроба прымусовага (нават да насілля) вырашэння грамадскіх супярэчнасцяў. Забягаючы наперад, узгадаем яскравы прыклад – падзеі восені 1993 г. у Расіі [9].

Нягледзячы на разнастайныя падыходы да апісання транзітных працэсаў, усе тэорыі і мадэлі мадэрнізацыі грунтуюцца на прызнанні нераўнамернасці грамадскага развіцця, наяўнасці дасучаснага перыяду развіцця дзяржаў, рэальнасці сучасных супольнасцяў, а таксама на разуменні неабходнасці ператварэння (мадэрнізацыі) адсталых краін у індустрыяльныя (постіндустрыяльныя). Такім чынам, паняцце “мадэрнізацыя” азначае адначасова і стадыю (стан) грамадскіх ператварэнняў, і працэс пераходу да сучасных грамадстваў.

Змяшчаючы ў сабе нарматыўнасць, зададзенасць пераходу да “мадэрну”, гэтыя тэорыі вымушаны вызначаць крытэрыі сучаснага грамадства, якія неабходна ўлічваць недастаткова развітым краінам у працэсе свайго рэфармавання. Пры гэтым краіны, якія дасягнулі высокага ўзроўню развіцця натуральным шляхам, разглядаюцца як носьбіты “спантаннай мадэрнізацыі”, а тыя, якім яшчэ належала прайсці гэты шлях, – як дзяржавы “адлюстраванай мадэрнізацыі” (ці “даганяючай”).

Паколькі першыя тэорыі гэтага кшталту ўзніклі ў 50-60-я гг. XX ст., калі прыярытэт заходніх краін, і найперш ЗША, у сферы кіравання, стандартаў спажывання і шмат іншага быў бясспрэчны, то правобразам “сучаснай” дзяржавы прызнавалася “свабоднае” амерыканскае грамадства. А значыць, мадэрнізацыя разумелася як вестэрнізацыя, перайманне заходніх асноў ва ўсіх абласцях жыцця (у палітычнай сферы меркавалася аднаўленне парламенцкіх і партыйных інстытутаў, падзел уладаў, выбарнасць заканадаўчых і выканаўчых органаў улады і г. д.). У гэтым сэнсе мадэрнізацыя была папярэдняй умовай сацыяльна-эканамічнага і палітычнага развіцця краін, бо само развіццё становілася магчымым толькі пасля ўкаранення галоўных прынцыпаў арганізацыі грамадскага жыцця заходняга ўзору.

Зразумета я як паслядоўны рух да зададзенага стану цераз рад прамежкавых этапаў, мадэрнізацыя выступала формай “даганяючага развіцця”, што выражала залежнасць здзяйсняемых рэформ ад узораў – краінаў “першага свету”. Галоўным сродкам ператварэнняў лічылася эканамічная дапамога заходніх дзяржаў. Меркавалася, што дасягненне пэўнага ўзроўню даходу на душу насельніцтва выкліча такія ж, як на Захадзе, змяненні ў сацыяльнай і палітычнай сістэмах грамадства. Асноўным мадэрнізуючым фактарам прызнаваўся капітал, нібыта здольны трансляваць сацыяльныя тэхналогіі, каштоўнасці, дэмакратычныя інстытуты і тым самым перамагчы нізкія стандарты спажывання, парушэнне правоў чалавека, дэградацыю культуры і г. д.

Аднак погляд на мадэрнізацыю як на лінейны рух і паслядоўнае засваенне афра-азіяцкімі, лацінаамерыканскімі і інш. краінамі каштоўнасцяў і стандартаў заходняй арганізацыі ўлады, дачыненняў дзяржавы і грамадзяніна не вытрымаў выпрабаванне гістарычнай практыкай. У сапраўднасці дэмакратызацыя, інстытуцыяналізацыя ліберальных каштоўнасцяў, усталяванне парламенцкіх сістэм абарочваліся не павелічэннем эфектыўнасці дзяржаўнага кіравання, а карупцыяй чынавенства, сваволяй бюракратыі, занятай уласным узбагачэннем, катастрофічным расслаеннем насельніцтва і яго палітычнай аморфнасцю, нарастаннем канфліктнасці і напружанасці ў грамадстве. Таму аднабаковасць, штучнасць дадзеных тэарэтычных схем мадэрнізацыі стала відавочнай, сацыякультурны, духоўны фактар аказаўся вельмі істотны.

У выніку ў 70-80-я гг. XX ст. сувязь паміж мадэрнізацыяй і развіццём была перагледжана: першая стала разглядацца не як умова другога, а як яго функцыя. Прыярытэтнай мэтай стала змяненне сацыяльных, эканамічных, палітычных структур, якое магло адбывацца і па-за рамкамі дэмакратычнай мадэлі Захаду. Пры гэтым сам факт існавання традыцыйных інстытутаў і каштоўнасцяў палітолагі ўжо не разглядалі як перашкоду на шляху да “мадэрну”. Пры захаванні прыярытэту ўніверсальных крытэрыяў і мэтай будучага развіцця асноўны акцэнт рабілі на нацыянальную форму іх развіцця (згадвалі знакамёты прыклад Японіі).

Пераход да “мадэрну” стаў уяўляцца як цэласны, даволі працяглы этап, на якім магчыма не толькі развіццё, але і простае ўзнаўленне раней існых структур, а нават і заняпад. Акрамя “даганяючай”, сталі казаць аб мадэрнізацыі “частковай”, “рэцыдыўнай”, “тупіковай” і г. д. Галоўным элементам, ад якога залежыць характар пераходных працэсаў і ператварэнняў, на думку тэарэтыкаў гэтага напрамку, з’яўляецца сацыякультурны фактар, а дакладней – тып асобы, яе нацыянальны характар, які абумоўлівае ступень успрыняцця ўніверсальных норм і мэтай палітычнага развіцця. Стала агульнапрызнаным, што мадэрнізацыя можа здзяйсняцца

толькі пры змяненні каштоўнасных арыентацый шырокіх сацыяльных слаёў, пераадоленне крызісаў палітычнай культуры грамадства [3, 9, 11].

У гэтым сэнсе трэба сказаць, што галоўнай супярэчнасцю мадэрнізацыі ёсць канфлікт паміж яе ўніверсальнымі мэтамі (ці нормаўмі “сусветнай палітычнай культуры” – Л. Пай) і традыцыйнымі, нацыянальнымі, каштоўнасцямі і звычаямі дзяржавы, што мадэрнізуецца. Мэты і каштоўнасці мадэрнізацыі, пранікаючы ў наяўны менталітэт таго ці іншага грамадства, спараджаюць магутныя сацыяльныя дысфункцыі, перанапружванне структур і механізмаў кіравання. Таму кіруючыя структуры, зацікаўленыя ў рэалізацыі рэфарматарскай палітыкі, павінны максімальна зніжаць выбуховую рэакцыю палітычных паводзінаў грамадзян, шукаць спосабы спалучэння соцыякультурнай архаікі і логікі грамадскіх пераўтварэнняў. Толькі паслядоўнасць і паступовасць выкарыстання нацыянальных стэрэатыпаў, рысаў, каштоўнасцяў могуць садзейнічаць становішчаму вырашэнню існуючых перад грамадствам праблем.

Краіны, якія мадэрнізуюцца, сумяшчаюць традыцыйныя і сучасныя рысы, маюць значныя крыніцы як унутраных, так і знешніх канфліктаў. Існуе пагроза гвалтоўных метадаў вырашэння супярэчнасцяў, таму вельмі істотны напрамак – гэта здольнасць элітаў (і контрэлітаў) дасягнуць трох асноўных кансенсусаў (па стаўленні да нядаўняй гісторыі краіны; у вызначэнні нормаў пры абмеркаванні ва ўмовах палітычнай свабоды мэтай грамадскага развіцця; у вызначэнні правіл “палітычнай гульні” кіруючага рэжыму).

Падсумоўваючы, супаставім змест разгляданых паняццяў. Найбольш аб’ёмным будзе паняцце *палітычных змяненняў* (з улікам сваіх тыпаў), далей ідзе *палітычнае развіццё* і толькі потым – *палітычная мадэрнізацыя*, якая мае многа аспектаў і этапаў тлумачэння свайго зместу. Гэта бачна, выходзячы з нашага даследавання. Тэорыя мадэрнізацыі як метадалагічны падыход захоўвае значны эўрыстычны патэнцыял, але патрабуе ўважлівага крытычна-рацыянальнага разгляду, з улікам *прынцыпаў гістарызму, сістэмнасці, дыялектыкі*.

У кантэксце вышэйвыкладзенага цікавым і змястоўным бачыцца паняцце *трансфармацыі*. На наш погляд, трансфармацыйныя працэсы можна падаць як сацыяльна-палітычныя працэсы, якія забяспечваюць пераход аб’екта да якасна новага стану і прыводзяць да фундаментальных зменаў у функцыянаванні дадзенага соцыума. Тады канцэпт “*палітычныя трансфармацыі*” паглынае змест паняццяў “палітычнае развіццё” і “мадэрнізацыя”, што дазваляе больш рэалістычна аналізаваць палітычныя працэсы, іх характар і вынікі ў пераходных грамадствах. Але, каб не патрапіць у аморфнасць, лагічную цымянасць, паняцце “палітычных трансфармацый” абавязкова трэба суадносіць, карэктаваць з тым паняццёна-праблемным полем, якое мы разглядалі.

Резюме. На крутых исторических поворотах, в период мощных перемен, потрясений политика является доминирующей сферой в структуре, функционировании и эволюции транзитивных обществ и государств.

Цель работы заключается в проведении системного политологического исследования для выявления, научного анализа и классификации теоретико-методологических предпосылок анализа политических трансформаций в Беларуси и России в конце XX – начале XXI в.

Основное проблемно-понятийное поле, методологические подходы и концепты: политические изменения, политическое развитие и его критерии, линейно-стадиальный прогресс, эволюция, революция, теория модернизации, предпосылки модернизации, трансформация, традиционное и современное общества, государственный переворот, пересмотр конституции и др. Критическое рассмотрение основных концептов, их взаимосвязи и соотношение. Критический анализ *теории модернизации*. Концепции С. Хантингтона («волны демократизации», «столкновения цивилизаций»), его подходы в теории политической модернизации.

Abstract. On abrupt historical turns, in a period of powerful changes and shocks, politics is a dominating sphere in structure, functioning and evolution of transitive societies and states.

The purpose is to carry out a system politological research to reveal the theoretical and methodological preconditions of scientific analysis and classification of political transformation analysis in Belarus and Russia at the end of the 20th-the beginning of the 21st century.

The basic problem and conceptual field, methodological approaches and concepts are political changes, political development and its criteria, linear-phase progress, evolution, revolution, the theory of modernization, the modernization preconditions, transformation, traditional and modern societies, revision of the constitution, etc. Critical consideration of the cores concepts, their interrelations and parity. Critical analysis of the modernization theory. S. Hantington's concepts ("democratization waves", "civilization collisions"), his approaches in the political modernization theory.

Літаратура

- 1 Хангтингтон, С. Политическое развитие. / Хангтингтон, С. – М., Аспект- пресс, 2003 – 358 с.
- 2 Категории политической науки. Под общ. ред. Мельвиля, А. Ю. М., РОССПЭН, 2002 – 672 с.
- 3 Пугачев, В. П., Соловьев, А. И. Введение в политологию. / Пугачев, В. П., Соловьев, А. И. – М., Аспект-пресс, 2002 – 480 с.
- 4 Сўінджвуд, Э. Сціслая гісторыя сацыялагічнай думкі. / Сўінджвуд, Э. – Мн., Тэхналогія, 1999 – 418 с.
- 5 Красильщиков, В. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций. / Красильщиков, В. – М., РОССПЭН, 1998 – 362 с.
- 6 Парсонс, Т. Система современных обществ. / Парсонс, Т. – М., 1998 – 544 с.
- 7 Растоу, Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели / Растоу, Д. // Полис. 1996. №5, – С. 23-37.
- 8 Беларусь: дорога в будущее. Под ред. Заико, Л. и Романчука, Я. Мн., 2005 – 640 с.
- 9 Мельвиль, А. Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций / Мельвиль, А. Ю. // Полис. 2004. №2, – с. 3-25.
- 10 Анталогія сучаснай палітычнай філасофіі. Мн.: Тэхналогія, 1999. – 536 с.
- 11 Магарил, С. А. Социокультурный архетип и национальная идея / Магарил, С. А. // Власть и общество в России. Новосибирск, 2005. – 274 с.

УДК 070(091):947.6

Асаблівасці арганізацыі беларускай і ўкраінскай эканамічнай хвалі эміграцыі (1918–1939 гг.)

В. У. КОВАЛЬ

Тэма ўзаемасувязей беларускай і ўкраінскай эміграцыі з'яўляецца актуальнай і запатрабаванай. Для прадстаўнікоў беларускай дыяспары кантакты з украінскімі эмігрантамі мелі важнае значэнне ў развіцці палітычнай і культурнай актыўнасці, асабліва яскрава яны праявіліся ў міжваенны час. Даследаванне арганізацыі эканамічнай хвалі эміграцыі беларусаў і ўкраінцаў можа пашырыць сучаснае ўяўленне пра гісторыю беларускай дыяспары, дазволіць патлумачыць прычыны шчыльных сувязей паміж народамі ў розных краінах свету.

Тэма гісторыі ўкраінскай эміграцыі на сённяшні дзень актыўна распрацоўваецца вядучымі гісторыкамі Украіны. Асноўным спецыялістам у дадзенай тэматыцы з'яўляецца прафесар С. П. Качараба, які падрабязна апісвае ў сваёй манаграфіі асаблівасці міжваеннай эканамічнай хвалі эміграцыі з тэрыторыі Заходняй Украіны [1]. Пры вывучэнні беларускіх эміграцыйных працэсаў аўтар спасылаецца ў асноўным на архіўныя матэрыялы, бо дадзеная тэматыка слаба прадстаўлена ў сучаснай гістарыяграфіі. У артыкуле былі выкарыстаны дакументы айчынных і замежных архіваў: Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці, Архіва новых актаў Польшчы, Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва Украіны ў г. Львове.

Па ўмовах Рыжскага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г. Заходняя Беларусь і Заходняя Украіна былі ўключаны ў склад польскай дзяржавы, гэтак званай Другой Рэчы Паспалітай. Да верасня 1939 г. заходнебеларускія і заходнеўкраінскія рэгіёны палякі ператварылі ў адстаючыя аграрна-сыравінныя раёны. На развіццё тэрыторый негатыўны ўплыў аказвала перанаселенасць вёскі і дыскрымінацыйная палітыка ў дачыненні да беларускага і ўкраінскага насельніцтва ў міжваеннай Польшчы.

Паступова распачалі сваю дзейнасць разнастайныя дзяржаўныя эміграцыйныя органы, якія аналізавалі ролю і ўплыў эміграцыі на палітычную і эканамічную сітуацыю ў краіне. Яны прыйшлі да высновы, што менавіта пры дапамозе эміграцыйных працэсаў можна было знізіць працэнт нацыянальных меншасцей у Польшчы, таму дастаткова хутка былі створаны спрыяльныя ўмовы для выезду беларускага і ўкраінскага насельніцтва з тэрыторыі дзяржавы. Таксама пры дапамозе эміграцыі польскія чыноўнікі спрабавалі вырашыць праблему перанаселенасці сельскагаспадарчых рэгіёнаў. Па іх меркаванні, вызваленныя землі ў Заходняй Беларусі і Заходняй Украіне неабходна было прадаваць выключна палякам па нацыянальнасці.

На тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ў розныя перыяды дзейнічалі наступныя арганізацыі эміграцыйнага апарата: аддзел Дзяржаўнага ўпраўлення спраў зварота палонных, бежанцаў і працоўных; эміграцыйнае ўпраўленне; Дзяржаўнае ўпраўленне пасрэдніцтва працы і апекі над эмігрантамі. Важная роля ў арганізацыі эміграцыйных працэсаў беларусаў і ўкраінцаў ускладалася на Экспазітуры эміграцыйнага ўпраўлення, якія працавалі ў Брэсце, Львове, Беластоку і Варшаве [2, л. 154]. Польскі эміграцыйны апарат падлягаў рэарганізацыі, у выніку чаго ўрад Польшчы здолеў, асабліва ў 1930-я гады, кіраваць і кантраляваць дынамікай эміграцыі. Дакументы Архіва новых актаў у Варшаве сведчаць, што эміграцыйнымі пытаннямі ў Польшчы непасрэдна займалася Міністэрства замежных спраў, а таксама Міністэрства працы і сацыяльнага забеспячэння.

У структуры польскіх эміграцыйных органаў асаблівую ролю выконваў Варшаўскі эміграцыйны сіндыкат, які ў 1930 г. меў 11 агентур у Валынскім ваяводстве, 7 – у Палескім, 5 – у Львоўскім [3, с. 102]. Цэнтральны сіндыкат дзейнічаў у Варшаве. Варшаўскі сіндыкат меў свае аддзелы па ўсёй тэрыторыі Польшчы, яны актыўна працавалі ў Брэсце, Львове, Ко-

велі, Роўна, Луцку, Пінску, Станіслававе, Чарткове, Пшэмысле, Тарнопалі [4, л. 11]. Аддзелы сіндыката не заўсёды былі аднолькавымі. Здараліся выпадкі, калі супрацоўнікі аднаго аддзела не мелі магчымасці выконваць пэўную функцыю, таму грамадзяне былі вымушаны звяртацца ў суседні сіндыкат. Напрыклад, Эміграцыйны сіндыкат у Варшаве інфармаваў сіндыкат Пінска, што па прычыне тэхнічных цяжкасцей інспектар з Варшавы не можа зрабіць адбор сем'яў для эміграцыі ў Канаду ў пінскім сіндыкаце, таму сем'і павінны прыехаць для працэдур у Брэст [5, л. 5].

На аснове архіўных дакументаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці можна зрабіць высновы пра шчыльнае супрацоўніцтва Брэсцкага, Пінскага і Львоўскага сіндыката. Супрацоўнікі сіндыкатаў у Заходняй Беларусі і Заходняй Украіне былі ў асноўным палякамі па нацыянальнасці. Яны падтрымлівалі асабістыя кантакты, абменьваліся вопытам, мелі агульных партнёраў. Былі выпадкі, калі прадстаўнікі аднаго сіндыката прадстаўлялі інтарэсы сваіх суседзяў. Напрыклад, Львоўскі сіндыкат часам выступаў таксама ад імя Пінскага і Брэсцкага ў Цэнтральным сіндыкаце ў Варшаве [6, л. 64].

Для характарыстыкі значэння эміграцыйнага сіндыката для ўрада Польшчы і эміграцыйных працэсаў можна прывесці ўрывак з пратакола міжміністраўскай камісіі ад 20 сакавіка 1936 г.: “У дыскусіі слова ўзяў міністр гандлю Ацяшынскі, які распавёў пра праблему перавозу эмігрантаў у Бразілію. Фірма, якая ажыццяўляе перавоз, не належыць да эміграцыйнага сіндыката. Гэта фірма можа стварыць моцную канкурэнцыю “Лініі Польскай”, бо прапануе нізкі кошт квіткоў 130 злотых, каб даехаць ад Гамбурга да Бразіліі” [7, л. 4]. На дадзеным пасяджэнні кіраўнікі міністэрстваў падрабязна разглядалі пытанне абароны фінансавых інтарэсаў эміграцыйнага сіндыката ў Польшчы. У Міжміністраўскую камісію ўваходзілі Прэзідыум Рады Міністраў, Міністэрства замежных спраў, Міністэрства сацыяльнага забеспячэння, Міністэрства ўнутраных спраў, Міністэрства прамысловасці і гандлю, Міністэрства фінансаў [8, л. 198]. Камісія намагалася ацэньваць наступствы і вынікі эміграцыйных працэсаў у 1930-ыя гады ў міжваеннай Польшчы. На пасяджэннях Міжміністраўскай камісіі прымаліся асноўныя дзяржаўныя рашэнні па формах арганізацыі эміграцыі.

Развіты апарат чыноўнікаў у міжваеннай Польшчы павінен быў спрыяць вырашэнню эканамічных праблем дзяржавы. Кожная структура мела ўласныя, дакладна вызначаныя функцыі. Напрыклад, у рамках дзейнасці Экспазітур уваходзіла: 1) выданне пасведчанняў для эміграцыйнага замежнага пашпарта; 2) адкрыццё віз на эміграцыйныя пашпорты; 3) падцвярджэнне дакументаў эмігрантаў для атрымання віз (напрыклад, для Аргенціны); 4) кантроль за дзейнасцю карабельных таварыстваў; 5) выданне дазволу карабельным таварыствам [9, л. 154]. Эміграцыйныя органы павінны былі не толькі арганізоўваць выезд грамадзян з Польшчы, але і абараняць іх правы за мяжой. Згодна заканадаўству, эмігранты з тэрыторыі міжваеннай Польшчы маглі за дапамогай у складанай сітуацыі звяртацца ў польскія амбасады і консульствы. Міністэрства працы і сацыяльнай апекі Другой Рэчы Паспалітай павінна было аплочваць ў выпадку неабходнасці рэпатрыяцыю на радзіму хворага грамадзяніна Польшчы [10, л. 3]. На жаль, далёка не ва ўсіх краінах свету дадзены закон спрацоўваў. Працэдура дэпартацыі хворых замежнікаў была падрабязна прапісана ў дакументах Міністэрства ўнутраных спраў Польшчы, у такім выпадку за асобу плаціў урад яго дзяржавы [11, л. 5].

Эміграцыйны апарат Другой Рэчы Паспалітай у міжваенны час намагаўся выпрацаваць сістэму сацыяльнай абароны сваіх грамадзян у розных краінах свету, аднак вынікі былі неаднолькавыя. У Еўропе аказалася прасцей адсочваць і вырашаць праблемы эмігрантаў, больш складаная сітуацыя склалася ў Аргеніне, Парагваі, Бразіліі і Уругваі, асабліва ўскладніла становішча людзей там беспрацоўе і эканамічны крызіс. Украінская эміграцыйная газета “Грамадскі голас” апісвала жыццё эмігрантаў ў Аргеніне ў 1932 г. наступным чынам: “Каля гарадоў і мястэчак галадаючыя асядаюць цэлымі табарамі. Жывуць з таго, што горад выкідае на сметнік. Ажно страшна праходзіць па вуліцы зранку. Як сабакі, завіхаюцца людзі на сметніках, каб знайсці сабе кусок ежы і тым выратавацца ад галоднай смерці” [12, с. 223]. Нягледзячы на перасцярогі, беларускія і ўкраінскія сяляне працягвалі выезжаць за мяжу, каб зрабіць сабе грошай і набыць уласны кавалак зямлі. Эканамічныя цяжкасці, з якімі людзі сустракаліся на радзіме, прымусалі іх шукаць лепшай долі за мяжой.

Эміграцыйныя сіндыкаты займаліся распаўсюджваннем інфармацыі сярод насельніцтва пра ўмовы эміграцыі і афармлення дакументаў на выезд. Іх агітацыйная работа асабліва актывізавалася ў 1930-ыя гады. Сярод сялян распаўсюджваліся лістоўкі пра эміграцыю, расклеіваліся плакаты, выдаваліся брашуры пра краіны свету. Напрыклад, у лістоўцы пра эміграцыю ў Аргенціну Эміграцыйнага сіндыката пазначалася: “Хто цікавіцца эміграцыяй, няхай прачытае сам дадзеную інфармацыю і перадаць іншаму прачытаць” [13, л. 36]. Выдаўцы агітацыйнага матэрыялу намагаліся максімальна распаўсюдзіць звесткі пра тэрытарыяльныя ўмовы і клімат Аргенціны, яе насельніцтва, камунікацыі, кошты праезду. Згодна дадзенай інфармацыі, удакладніць нешта можна было ў прадстаўніка сіндыката, які мог дапамагчы ў справе эміграцыі, былі арганізаваныя кансультацыйныя паслугі насельніцтву: “Пры кожным гмінным упраўленні знаходзіцца карэспандэнт ці прадстаўнік Эміграцыйнага сіндыката. Звяртайцеся да яго за інфармацыяй і дапамогай у эміграцыйнай справе” [14, л. 36], – пазначалася ў лістоўцы. Безумоўна, лістоўкі павінны былі пашырыць звесткі сярод сялян пра выезд за мяжу, павялічыць колькасць жадаючых эміграваць, таму прынесці дадатковы прыбытак сіндыкатам.

Жаданне зарабіць грошы за мяжой прымушала некаторых эмігрантаў распрацоўваць сабе механізмы афер. Безумоўна, эміграцыйныя чыноўнікі адсочвалі магчымыя схемы нелегальных прыбыткаў грамадзян. Чуткі пра добрыя заробкі эмігрантаў у Францыі выклікалі вялізны ажыятаж і жаданне туды паехаць, таму легальна аформіць дакументы было дастаткова складана. Эміграцыйнае ўпраўленне адзначала ў лісце да Экспазітур: “Неаднаразова здараліся выпадкі выезду ў пошуках працы рабочых з Польшчы ў Францыю ў якасці турыстаў на Міжнародную каланіяльную выставу ў Парыжы, на якую французскія консульства ахвотна выдаюць візы” [15, л. 10]. Дадзены прыклад сведчыць пра магчымыя шляхі афармлення дакументаў для эміграцыі пасля пачатку сусветнага эканамічнага крызісу, калі большасць краін свету максімальна абмежавала эміграцыйныя патокі. Людзі жадалі абысці закон, каб стварыць сабе лепшыя эканамічныя ўмовы жыцця.

Казка пра лепшую долю за мяжой прымушала сялян ехаць абсалютна без аніякага ўяўлення пра іншую краіну. Эмігранты часта не ведалі нічога пра мову, культуру, рэлігію, традыцыі краіны-рэцэпіента, нават не ўяўлялі курсы валют, таму не суадносілі свае матэрыяльныя магчымасці. Пра дадзеную сітуацыю неаднаразова пісалі польскія консульствы ў Эміграцыйнае ўпраўленне. Напрыклад, консульства Рэчы Паспалітай ў Францыі пазначала: “Ад нядаўняга часу павялічылася колькасць эмігрантаў, якія едуць індывідуальна ў Францыю без дастатковай сумы грошаў для сваёй паездкі. Датычыцца гэта асабліва жанчын з малымі дзецьмі і вялікім багажом, якія едуць да свайго мужа, працуючага ў Францыі” [16, л. 71]. Супрацоўнікі консульства ў афіцыйным лісце цудоўна праілюстравалі апісаную тэндэнцыю: “Тыповым прыкладам можа быць справа сям’і Тэклы Грамады, якая ехала з 4 дзецьмі і 400 кг багажом да ля Рашэля, мела толькі 30 франкаў, у той час, калі сума на аплату білетаў і правозу багажа складала 1.400 франкаў” [17, л. 71]. Толькі вялізнае жаданне змяніць сваё жыццё прымушала жанчын ісці на рызыку і адпраўляцца з дзецьмі фактычна без грошаў у такія вандроўкі. Консульства Рэчы Паспалітай у Францыі намагалася дапамагаць жанчынам, арганізавала начлег, звязвалася са сваякамі, давала пазыкі, часткова аплочвала падарожжа, аднак дыпламаты прасілі Эміграцыйнае ўпраўленне прыняць меры, каб не дапусціць такіх выпадкаў.

Жаданне сэканоміць і прывезці больш грошаў дадому прымушала сезонных эмігрантаў у Францыі выкарыстоўваць схемы афер з рэпатрыяцыяй. Сацыяльную падтрымку эмігрантаў з Польшчы за мяжой некаторыя асобы навучыліся выкарыстоўваць сабе на карысць. Квіткі з Францыі дадому каштавалі шмат для сялян, таму некаторыя з іх даведзіліся пра асаблівасці эміграцыйнага заканадаўства і выкарыстоўвалі магчымасць неаднаразовай рэпатрыяцыі з тэрыторыі Францыі за кошт польскай дзяржавы. Сезонныя эмігранты такім чынам эканомілі на зваротным білеце, што для іх было нямала. Эміграцыйнае ўпраўленне ў 1931 г. заўважыла тэндэнцыю паўтарэння рэпатрыяцыі аднымі і тымі ж асобамі і намагалася прымаць меры, каб такія эмігранты больш не мелі магчымасці выехаць за мяжу ў пошуках заробкаў [18, л. 58].

Дакументацыя Эміграцыйных сіндыкатаў дакладна сведчыць аб непадрыхтаванасці эмігрантаў да цяжкага падарожжа і наладжвання жыцця ў чужой краіне. Дастаткова часта людзі збіраліся ў эміграцыю, аднак не мелі інфармацыі пра асаблівасці праезду. Пасажырскі

адзел Эміграцыйнага сіндыката ў Варшаве рассылаў інфармацыю да ўсіх агентур і аддзелаў: “Неабходна заўважыць, што багаж эмігратаў прыбывае ў знішчоным стане, бо ў большасці выпадкаў ён запакаваны ў сундукі з фанеры ці ў прагнілыя сундукі. Заўважым, што роверы адпраўляюцца зусім не запакаванымі, а павінны быць у скрынях. То самае са швейнымі машынкамі. Пілы часта проста абматаныя паперай” [19, л. 56]. Сяляне не мелі аніякага ўяўлення пра адпраўку і транспарціроўку багажа караблямі, таму часта самі былі вінаватымі ў знішчэнні ўласных рэчаў. Безумоўна, зламаная швейная машынка ці піла для небагатага эмігранта за мяжой здавалася трагедыяй.

Польскія эміграцыйныя ўлады для стымулявання працэсаў выезду за мяжу распрацавалі сістэму крэдытавання жадаючых эміграваць. На думку польскіх чыноўнікаў, такая сістэма павінна была прыносіць дадатковы прыбытак дзяржаве, бо зарабляючы грошы за мяжой, эмігранты павінны былі вяртаць суму з працэнтамі. Распрацоўкай сістэмы выдачы крэдытаў займаліся чыноўнікі ўсіх узроўняў. Было вырашана даваць крэдыт кароткатэрміновы, да 50% ад сумы карабельнай карты эмігранта [20, л. 21]. Сістэма выдачы крэдытаў для эміграцыі атрымала сваё распаўсюджанне ў 1930-ыя гады. Нягледзячы на шырокае абмеркаванне дэталей крэдытавання сярод эміграцыйных чыноўнікаў рознага ўзроўню, некаторыя сяляне бралі крэдыт для эміграцыі, але пускалі грошы на развіццё сваёй гаспадаркі. Пасля атрымання грошаў некаторыя сяляне і іх сем’і так і не выязжалі за мяжу. Крэдыт на ільготных умовах для эміграцыі дазваляў сялянам атрымаць дадатковы прыбытак, а эміграцыйныя структуры вымушаны былі адсочваць такія выпадкі і намагацца іх не дапускаць.

Важную ролю ў арганізацыі эміграцыйнага руху адыгрывалі мараплаўныя кампаніі, якія працавалі на тэрыторыі міжваеннай Польшчы. Ад актыўнасці работы агентаў карабельных таварыстваў залежала інтэнсіўнасць эміграцыйных працэсаў. Мараплаўныя таварыствы былі зацікаўленыя ў жаданні сялян эміграваць за мяжу, бо ад гэтага непасрэдна ўзрастаў іх прыбытак. На тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны прадстаўнікі кампаній праводзілі асабліва актыўную агітацыю сярод сялян, намагаючыся заахвоціць іх да пераезду, што спрыяльна адбывалася польскімі ўладамі.

Карабельныя таварыствы вымушаны былі канкурыраваць за сваіх пасажыраў, бо на тэрыторыі Польшчы ажыццяўлялі сваю дзейнасць шматлікія кампаніі з розных краінаў свету. Для эмігрантаў выпускаліся спецыяльныя рэкламныя матэрыялы, якія змяшчалі інфармацыю пра ўзровень сэрвісу, зніжкі, спецыфіку падарожжа. Прыкладам можа быць рэклама французскага таварыства “Chargeurs Reunis” [21, л. 72], дзе падрабязна тлумачылася, як знайсці яго офісы. Таварыства мела свае афіцыйныя прадстаўніцтва ў Варшаве, Гданьску, Тарнопалі, Львове, Любліне, Ковелі, Вільні і Пінску. Разгалінаваная сетка кампаній павінна была пераканаць кліентаў у яе сур’ёзнасці, да таго ж, гэта было зручна насельніцтву Польшчы ў розных рэгіёнах.

Асноўнымі супрацоўнікамі таварыстваў, якія шукалі кліентаў, былі агенты кампаній. Ад колькасці аформленых пасажыраў на караблі залежыў заробак кожнага агента, таму яны праводзілі актыўную агітацыю сярод сялянаў у перанаселеных вёсках. Большасць агентаў паходзіла з ліку мясцовых жыхароў. Яны добра ведалі праблемы насельніцтва і мары гаспадароў аб ладным кавалку ўласнай зямлі, што часта выкарыстоўвалася ў маніпуляцыях пачуццямі людзей, каб заахвоціць іх ехаць на чужыну. У пратаколе аб парушэнні правіл эміграцыі ад 2 снежня 1927 г. ўкраінскія сяляне Стэфан Яраш і Тадор Яраш падрабязна апісалі механізм заахвочвання агентамі сялян: “Тры тыдні таму выехалі да Дабраміла на кірмаш, на рынку спаткалі групу людзей, сярод якіх нейкі Міхалка (прозвішча не ведаем) з вёскі Петніцэ пад Дабрамілам. Ён распавёў сабраўшымся, што хто хоча ехаць у Аргенціну, няхай ідзе ў французскае бюро, якое з’яўляецца найлепшым для людзей з Польшчы. У Аргенціне вельмі добры заробак і можна ў хуткім часе зарабіць сабе на маёнтак. Калі мы пачулі аповед, з’явілася вялікае жаданне туды паехаць” [22, л. 27]. Агентам кампаній пераканаўчыя гутаркі з сялянамі давалі нядрэнны прыбытак, таму часта непісьменных людзей уводзілі ў зман, не распаўядаючы ім пра асаблівасці клімату краіны, яе традыцыі і заканадаўства.

Аповеды пра шчаслівае жыццё за мяжой прымушала людзей прадаваць усю сваю маёмасць і збірацца ў падарожжа, таму дадзеную схему вельмі хутка пачалі выкарыстоўваць

аферысты для падману жадаючых эміграваць. Польшкія ўлады былі вымушаны прымаць меры і адсочваць парушэнні ў працы мараплаўных агентаў. Пры пацвярджэнні фактаў ашуканства некаторыя з агентаў атрымлівалі забарону на сваю дзейнасць, часам адкрываліся крымінальныя справы. Напрыклад, у “Справе агента Мар’яна Саварына па абвінавачванні ў ашуканстве эмігрантаў і парушэнні эміграцыйных правіл” [23, л. 90] знаходзяцца дзесяткі пратаколаў паказанняў ашуканых сялян. Гэта быў гучны крымінальны працэс, пра які напісалі шматлікія вядучыя перыядычныя выданні. Прэса прадставіла матэрыял сваім чытачам такім чынам, каб тыя асцярожна і сур’ёзна ставіліся да дзейнасці агентаў.

На маштабы эміграцыйных працэсаў, акрамя палітыкі польскага ўраду і дзяржаў-рэцэпіентаў, аказвала ўплыў агітацыя мараплаўных кампаній і грамадская думка. У справаздачы пра рэкрутацыю сезонных рабочых у Аўстрыю Міністэрства працы і сацыяльнай апекі 18 чэрвеня 1923 г. падкрэслівала: “Важна адзначыць ролю негатыўных аповедаў, якія прывезлі з Аўстрыі некалькі сем’яў, што вярнуліся і распаўядаюць на аснове ўласных эмоцый, што засталіся ў Аўстрыі без працы. Яны прадстаўляюць жыццё там не ў самым лепшым святле” [24, л. 6]. Апаведы пра поспехі і няўдачы суайчыннікаў за мяжой фарміравалі ў грамадскай думцы насельніцтва Польшчы вобразы больш спрыяльных для эміграцыі краін. Напрыклад, грамадская думка лічыла больш прыбыткавай для эмігрантаў працу ў Францыі, чым у Аўстрыі.

Такім чынам, польскія ўлады выкарыстоўвалі арганізацыю эміграцыйных працэсаў у вырашэнні праблемы перанаселенасці вёскі і памяншэння працэнта нацыянальных меншасцей у краіне. У міжваеннай Польшчы былі створаныя разнастайныя дзяржаўныя і камерцыйныя ўстановы, якія займаліся адпраўкай эмігрантаў за мяжу. Аснову эканамічнай хвалі эміграцыі з тэрыторый Заходняй Беларусі і Заходняй Украінцы складалі сяляне. Большасць эмігрантаў складана праходзіла працэс сацыяльнай адаптацыі, што тлумачыцца непадрахтаванасцю іх да цяжкага падарожжа і новых умоў жыцця і працы.

Резюме. Стаття посвящена кругу вопросов, связанных с историей трудовой эмиграции белорусов и украинцев в межвоенный период. Большинство белорусских и украинских эмигрантов были мелкими крестьянами. Адаптируясь в различных странах, белорусы часто присоединялись к действиям украинской диаспоры. Политическая деятельность белорусских сообществ никогда не была высока. Большое внимание обращено на анализ политической ситуации в Польше и организации эмигрантской волны в различных странах.

Abstract. This article is about the wide list of questions, connected with the history of formation labour emigration of the Belarusians and the Ukrainians during the inter-war period. Most of Belarusian and Ukrainian emigrants were small-holder peasants. While adapting in different countries the Belarusians often joined the activities of Ukrainian diaspora. The political activity of Belarusian communities was never high. Great attention is paid to the analysis of the political situation in Poland and the organization of emigration wave in different countries.

Літаратура

- 1 Качараба, С. П. Эміграцыя з Заходняй Украіны 1919–1939 / С. П. Качараба. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. – 416 с.
- 2 Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1336. Цыркуляры, інструкцыі і распаўсюджаныя Варшаўскага эміграцыйнага ўпраўлення аб правілах эміграцыі за мяжу.
- 3 Мярчук, В. Ажыццяўленне эміграцыі з тэрыторыі Палескага ваяводства (1920–1930-я гг.) / В. Мярчук // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 2010. – № 32. – S. 102.
- 4 ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 146. Справаздачы фінансавай дзейнасці Эміграцыйнага аддзела за 1931–1934 гг, кварталныя, месячныя бюджэты і ліставанне па фінансавым пытаннем.
- 5 ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 10. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыката аб па-

радку і ўмовах эміграцыі ў Канаду.

6 ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 3. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыката і ліставанне з ім па ўсіх пытаннях дзейнасці аддзелаў.

7 Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Spraw Zewnętrznych, sygn. 9895.

8 Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Spraw Zewnętrznych, sygn. 9898.

9 ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1336. Цыркуляры, інструкцыі і распараджэнні Варшаўскага эміграцыйнага ўпраўлення аб правілах эміграцыі за мяжу.

10 ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1330. Цыркуляры Міністэрства ўнутраных спраў аб правілах рэпатрыяцыі хворых і коштаў іх лячэння.

11 ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1330. Цыркуляры Міністэрства ўнутраных спраў аб правілах рэпатрыяцыі хворых і коштаў іх лячэння.

12 Качараба, С. П. Еміграцыя з Заходняй Украіны 1919–1939 / С. П. Качараба. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. – 416 с.

13 ДАБВ. – Фонд 377. – Воп. 1. – Спр. 1. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыката.

14 ДАБВ. – Фонд 377. – Воп. 1. – Спр. 1. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыката.

15 ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1335. Цыркуляры і распараджэнні Эміграцыйнага сіндыката, справаздачы дзейнасці яўрэйскіх эміграцыйных таварыстваў і спісы эмігрантаў.

16 ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1337. Распараджэнні і інструкцыі Варшаўскага эміграцыйнага ўпраўлення аб правілах эміграцыі грамадзян у еўрапейскія краіны.

17 ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1337. Распараджэнні і інструкцыі Варшаўскага эміграцыйнага ўпраўлення аб правілах эміграцыі грамадзян у еўрапейскія краіны.

18 ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1337. Распараджэнні і інструкцыі Варшаўскага эміграцыйнага ўпраўлення аб правілах эміграцыі грамадзян у еўрапейскія краіны.

19 ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 5. Цыркуляры і распараджэнні Эміграцыйнага сіндыката аб парадку і ўмовах эміграцыі.

20 ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 6. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыката і ліставанне з ім па ўсіх пытаннях дзейнасці аддзелаў.

21 Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Украіны ў г. Львове (ЦДГА Украіны ў г. Львове). – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 2958. – Справа агента Саверына Мар'яна па абвінавачванні ў ашуканстве эмігрантаў і парушэнні эміграцыйных правіл.

22 ЦДГА Украіны ў г. Львове. – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 2967. – Ліставанне, пратаколы і іншыя матэрыялы пра разгляд фактаў парушэння правіл эміграцыі агентамі параплаўных таварыстваў.

23 ЦДГА Украіны ў г. Львове. – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 2958. – Справа агента Саверына Мар'яна па абвінавачванні ў ашуканстве эмігрантаў і парушэнні эміграцыйных правіл.

24 ЦДГА Украіны ў г. Львове. – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 565. – Матэрыялы пра выкананне польска-аўстрыйскага дагавора пра адпраўку польскіх сельскагаспадарчых працоўных на работу ў Аўстрыю Эміграцыйным ўпраўленнем у Варшаве.

УДК 930.1:343.1(019)(476-2Гом):323.1(438)(=161.3):323.12(=162 1)"1920/1930"

Образ поляка в делах Гомельского ГПУ – УГБ НКВД БССР 1920-1930-х годов

А. М. КРОТОВ

В последние полтора-два десятилетия и у нас, в Беларуси, и в Польше появилось немало публикаций, авторы которых, так или иначе, затрагивают проблему восприятия белорусами поляков. Многие из них сходятся во мнении, что белорусский стереотип поляка не является классическим образцом национального стереотипа – негативного, богато и ярко эмоционально окрашенного. Более того, возникают сомнения по поводу того, можем ли мы с уверенностью утверждать, что это действительно белорусский, естественным путём сложившийся стереотип, а не позаимствованный из российской пропаганды образ поляка или ассимилированный белорусами польский автостереотип.

Белорусские источники не дают нам основания считать, что оформившийся или, тем более, – развитый белорусский стереотип поляка существовал уже в новое время. В них имеются только разрозненные его элементы, из которых со временем могла бы сложиться такая ментальная конструкция, как национальный стереотип. Но, как известно, для этого необходима благоприятная среда, которая смогла бы поспособствовать кристаллизации его недостающих элементов. Кроме того, процесс создания стереотипа не может активизироваться сам по себе, произвольно. Для этого необходим мощный толчок. И роль такого толчка, как показывает практика, лучше всего выполняет межнациональный конфликт.

Но в истории белорусско-польских отношений 16 – начала 20 в. не было ничего, что свидетельствовало бы о том, что белорусы и поляки находятся в состоянии межнационального конфликта. Стало быть, не было ничего, что могло бы активизировать процесс создания белорусского стереотипа поляка с более или менее выраженными негативными чертами.

Однако после возрождения независимого Польского государства и польско-советской войны 1919-1920 гг., в результате которой Польша смогла не только отстоять собственную независимость, но и существенно расширить свои восточные пределы, в том числе и за счёт Беларуси, белорусско-польская межнациональная «гармония» была нарушена. Оказавшиеся в возрождённой Польше в качестве национального меньшинства, белорусы очень быстро почувствовали себя гражданами «второго сорта». И хотя им жилось, может быть, не хуже, чем их советским братьям, осознание того, что они не являются хозяевами на собственной земле, угнетало психологически, делало восприимчивыми к большевистской пропаганде, рисовавшей Советскую Беларусь чуть ли не «раем», а «белопанскую» Польшу – «карцером народов» [1].

Установленный в БССР большевистский режим с его яростной антипольской пропагандой довольно быстро добился того, чего не мог достичь в предшествующее столетие царизм. В 20-х годах 20 века было закончено строительство образа враждебного белорусам польского государства и польского народа, отравленного ядом шовинизма и ксенофобии [2]. Выражение поляками национальной солидарности и патриотизма должно было восприниматься настоящим советским человеком как националистический, фашистский манифест, как проявление национальной вражды и антисоветизма. А красные вожди учили, что на врага надо смотреть через «прорезь прицела». Они же не позволяли ни на миг забыть, что враг находится рядом.

После заключения Рижского мира для польского национального меньшинства в Советской Беларуси настали не лучшие времена. Это поляки прекрасно осознавали. Опыт прошлого не позволял им сомневаться насчёт своего будущего. Но они и предположить не могли, что действительность окажется ужаснее самых мрачных прогнозов.

В общественном мнении царской России всегда присутствовало убеждение, что поляки представляют собой деструктивный элемент, а Царство Польское является постоянным очагом нестабильности и смуты. При этом русские политики отказывали полякам в политической самостоятельности. Их рассматривали как орудие Запада в его борьбе с Россией. Поэтому полякам отказывали и в праве считаться достойным врагом, который честно, по-рыцарски, сражается со своим противником, а не выступает в качестве провокатора, управляемого великими державами. В качестве альтернативного примера – как достойный, благородный противник, рассматривалась, например, Турция.

После Октябрьской революции дихотомия «Россия – Запад» не только сохранилась, но и обрела новую форму противостояния двух систем, двух «миров», двух «образов жизни». Поляки в большевистской идеологии и пропаганде выступали всё в той же роли «орудия Запада», на этот раз – буржуазного, контрреволюционного. Помощь стран Антанты Польше во время польско-советской войны 1919-1920 гг., действительно имевшая место, играла только на руку тем, кто создавал образ поляка-врага, наймита мирового империализма.

В конструировании данного образа советскими идеологами и пропагандистами активно использовались особенности традиционного восприятия белорусами поляков. С одной стороны, узнаваемость образа обывателем обеспечивала высокую степень его доверия к тем, кто его рисовал. С другой – давала возможность «образотворцам» корректировать эти элементы так, как это было необходимо, дополнять их, «правильно» расставлять акценты.

Из всех исторических источников, которые позволяют судить об этом процессе, особого внимания заслуживают протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, составлявшиеся следователями ОГПУ – НКВД, а также обвинительные заключения по делам поляков – «врагов народа». Эти документы переносят нас из мира ментальных образов, которые мирно существуют в сознании обывателей, не являясь руководством к практическому действию в отношении того, кто признан «чужим», в кровавую действительность, когда этих «чужих», объявленных врагами, уничтожали, «растирали в лагерную пыль». Скорые и несправедливые суды (если до них вообще доходило дело), антипольские пропагандистские кампании в советской прессе, позволяют говорить о том, что образ поляка-врага выполнял, помимо основной своей политико-воспитательной, мобилизующей классовое сознание функции, также и иную – развлекательную. Советский обыватель становился равнодушным очевидцем, а иногда и соучастником зрелищ-расправ, жертвами которых становились поляки – «враги народа». Он отвлекался от насущных внутренних проблем, от раздумий над их причинами, которые неминуемо привели бы к небезопасным выводам о политике большевистской партии и советской власти. Большевики довольно быстро поняли, что травить кого-то, выбранного на роль «врага», идеологически выгодно: это отвлекает народ от внутренних проблем.

Поляки Беларуси ещё в ходе польско-советской войны поняли, что в «стране Советов» оставаться поляком будет небезопасно.

Враждебное отношение к ним белорусов стало предметом серьёзного обсуждения польской общественности ещё в канун польско-советской войны. Так, польская газета „Głos Narodu” в августе 1918 г. констатирует: «Отношение белорусского населения к польским хозяевам недоброжелательное, а вернее плохое. Ухудшилось оно ещё и по причине образования польского корпуса и вследствие желания получить компенсации за опустошения, произведённые белорусами в польских имениях» [3]. В октябре того же года польская пресса рисует уже куда более мрачную картину. Газета „Czas” пишет: «Польскость, которую не смогли уничтожить Новосильцев, Муравьёв, Клингенберг и другие преследователи нашего народа, гибнет сегодня от руки диких большевистских орд. В Лепельском и Сенском уездах, в которых эвакуация (немцев – А. К.) уже закончилась, местное население, защищая спокойствие и порядок, а в первую очередь – поляки всех слоёв, уничтожаются зверским способом. Им отрезают носы и уши, сажают на кол, закапывают живьём, а тех, кому даруют жизнь, увозят в специально созданные для этого концентрационные лагеря, в которых несчастных ждёт новая опасность убийств и насилия. Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня... Так гибнут поляки... Гибнет народное имущество» [4].

Не удивительно, что после польско-советской войны многие из белорусских поляков стремились скрыть свою национальность. Сделать это было несложно, т. к. поляки в Беларуси были серьёзно затронуты процессом ассимиляции и во многих случаях по внешним признакам уже никак не отличались от белорусов, в окружении которых жили. В отчёте Мозырьского Польбюро за ноябрь-декабрь 1924 г., имеется, например, следующая констатация: «Около 75 % населения (округа – А. К.) – это бывшая обрусевшая польская шляхта, которая в большинстве разговаривает на белорусском языке, за исключением Кустовницкого сельсовета, где в большинстве разговорный язык польский. Александровский польский сельсовет, находящийся в близком соседстве с Советской Украиной, имеет разговорный язык украинский, на котором говорят около 95 %. Среди вышеуказанного населения, благодаря влиянию ксендзов, шляхты и кулаков, развит очень сильно польский шовинизм и религиозный фанатизм, более всего среди женщин» [5, с. 115]. Именно эти свойства польского национального характера с конца 1920-х годов белорусские поляки предпочитали не демонстрировать без особой нужды.

Тем не менее, как раз этой части и были серьёзные проблемы. В выписке из доклада Мозырьского Окротдела ГПУ по состоянию на 5-е марта 1927 г. есть тому подтверждение: «Одна старуха, уходя домой (с собрания по случаю дня Красной Армии, 23 февраля – А. К.), сказала, что польская армия является «нашей гордостью и если бы не было польской самостоятельной республики, то Советская власть не организовывала бы самостоятельных нацсельсоветов» [6, с. 149].

Так что органы следствия считали одной из своих основных задач добиться признания поляками своей национальности, что было равносильно признанию ими стандартного набора преступлений, к которым они имели «национальную предрасположенность».

Примером тому может служить дело Миткевича Станислава Феликсовича [7]. В результате отсидки в «парилке» – режимной камере, представлявшей собой находящейся в подвале цементный мешок площадью 3,75 м², куда втискивали 20-25 человек, обвиняемый сознался, что он – поляк, намеренно скрывавший свою национальность [7, л. 10]. После этого признания следователь уже, видимо, привычно вносит в дело следующее определение: «Националистически настроен, восхваляет польский народ и польское государство, постоянно в разговорах внушает, что скоро будет война с Польшей и Польша при содействии Германии победит СССР» [7, л. 25].

Фигурант другого дела – Бельский Владимир Игнатьевич, в анкете арестованного называл себя поляком [8, л. 5]. Видимо, в принципиальных соображениях. Однако следователей всё равно интересовало, почему обвиняемый, получая паспорт, назвал себя белорусом. И хотя Бельский не назвал никаких причин, можно догадаться, что это было сделано в целях самосохранения. В протоколе допроса другого такого же, как В. И. Бельский, «врага народа» – Вераксо Франца Антоновича мы вновь сталкиваемся с подобной ситуацией. Этот обвиняемый также не смог назвать причин, которые заставили его при получении паспорта назвать себя белорусом [9, л. 7]. Хотя причина, видимо, была та же, что и в предыдущем случае.

Иногда следователи игнорировали формальности и не добивались признания обвиняемыми своего польского происхождения. Так, например, в деле Граховского Иосифа Францевича имеется анкета [10, л. 4], где обвиняемый пишет, что он – белорус. Какие-либо документы, свидетельствующие о признании им себя поляком, в деле отсутствуют. Но это всё равно не помешало в обвинительном заключении назвать Граховского И. Ф. поляком [10, л. 16], со всеми вытекающими из этого следствиями.

Разумеется, вдумчивого, добросовестного следователя не мог не интересовать вопрос о причинах сокрытия обвиняемыми своей национальности. Ведь и сегодня, при всех открытых фактах преступной деятельности «работников» ОГПУ – НКВД, «стряпавших» дела «врагов народа», нет сомнения и в том, что в их разработку попадали также и истинные враги советского государства. Среди последних и в самом деле оказывалось немало поляков.

«Польская организация войсковая» («ПОВ»), по обвинению в принадлежности к которой в 1930-х – начале 1940-х годов органы ОГПУ-НКВД фабриковали дела, действительно существовала. Она была создана в октябре 1914 г. по инициативе Ю. Пилсудского. Действо-

вала она и в Беларуси. В задачи её входили: диверсионная деятельность в тылу советских войск, сбор разведывательной информации, агитационная работа. В декабре 1918 г. «ПОВ» вошла в состав Войска Польского.

По версии же ГПУ, «ПОВ» начала формироваться в 1924 г. Под надуманным предлогом её дальнейшего, якобы, функционирования с 1933 г. по 1939 г. были арестованы тысячи и тысячи человек. Фабрикация дел «ПОВ» использовалась НКВД и для репрессий в Западной Беларуси после воссоединения её с БССР [11, с. 546-547]. Однако, несмотря на очевидную нелепость обвинений против подавляющего большинства репрессированных, вряд ли стоит сомневаться в том, что в числе арестованных и осуждённых по делам «ПОВ» действительно были лица, занимавшиеся шпионской и диверсионной деятельностью, члены подпольных вооружённых антисоветских формирований. Не надо забывать, что массовая реабилитация осуждённых по делам «ПОВ» в 1950-1990-х годах была проведена лишь на том основании, что они были осуждены внесудебными органами [11, с. 547].

Как было «установлено» спецслужбами, особую роль в деятельности «ПОВ» играли священники римско-католической церкви. Ксендзы, пользовавшиеся большим авторитетом среди польского и, частично, белорусского населения, как нельзя больше подходили на роль руководителей антисоветского подполья. И хотя бы некоторые из них накануне и во время польско-советской войны действительно были членами «ПОВ». На такую роль, например, подходит ксёндз Чирский Франц Фомич, который признался на допросе, что вступил в «ПОВ» в первой половине 1920 г. и всемерно использовал костёл для того, чтобы «уберечь молодёжь от советского влияния и воспитать ... в национально-патриотическом и религиозном духе, привить ей любовь к Польше...» [12].

Не должно быть сомнения и в том, что польская разведка регулярно забрасывала на советскую территорию свою агентуру, причем, как и советская – на территорию Польши. И заброшенные агенты время от времени попадали в сети ЧК – ГПУ. Так, например, в сентябре 1923 г. в здании Могилёвского городского театра был схвачен некто Карчмарек Игнатий Владимирович, 1883 года рождения, уроженец Ленчицкого уезда Калишской губернии. На допросе он сообщил, что выполнял пробное задание II отд. Генерального штаба Войска Польского по изучению «настроения населения, касающегося поляков». Он подробно рассказал, каким образом перешёл польско-советскую границу, как обзавёлся учётной воинской книжкой на чужое имя и т. д. [13, л. 24-25].

Впоследствии, когда поиски «врагов народа» приняли куда более широкие масштабы, появились шаблоны, которые являли собой утрированное подобие уголовных дел начала 1920-х годов, фигурантами которых были истинные участники боёв с Красной Армией – солдаты Войска Польского или балаховцы, а также агенты польской разведки, схваченные с поличным на советской территории.

В 1930-х годах найти таких людей было практически невыполнимой задачей. Дела стали «стрять» буквально «из ничего». Но после воссоединения Беларуси в сентябре 1939 г. у следователей НКВД появился обширный «фронт» работы с бывшими (истинными и мнимыми) участниками боёв с Красной Армией из числа польских осадников, перебежчиками и т. д.

Во время польско-советской войны 1919-1920 гг., как правило, эти люди были весьма молоды, никаких стойких политических убеждений не имели, и потому к участию в классовой борьбе, пролетарской революции или, наоборот, – в контрреволюции, не были предрасположены. К борьбе с большевиками, если они действительно её вели, их толкала не классовая неприязнь, а польский патриотизм и связанная с ним ненависть к России, вне зависимости от того, «красная» она или «белая».

Очень показательным в этой связи является дело Богинского Адама Иосифовича [14], «активного борца против советской власти», имевшего «...от польского государства награду – медаль и осаду» [14, л. 83]. Из него выясняется, что во время польского наступления на Петриковщине Богинский благоразумно скрывался в лесу. Потом, когда перестали звучать выстрелы, он решил пойти в г. Петриков, в костёл. Придя в город, он пообщался с польскими солдатами, был ими накормлен, морально приободрён и, порядка ради, сдан в дефензиву. Там его не сочли подозрительным и отпустили, напомнив, что долг каждого поляка – сра-

жаться за свою Родину. Затем он побывал на службе в костёле и увидел состоявшийся после неё парад польских солдат. Был впечатлён. В душу молодого поляка глубоко запали слова ксендза, благословившего польских воинов, заклеившего позором советскую власть и «большевиков-убийц». Ещё более понравилась Богинскому патриотическая речь польского офицера. В результате у молодого поляка появилось желание служить в польской армии и он записался в неё добровольцем [14, л. 18].

Вряд ли эта история была плодом вымысла самого обвиняемого – уж очень прозаическим и искренним было его дальнейшее повествование о себе. Вряд ли и следовательно приходилось изощряться: слишком серьёзные аргументы изначально были в пользу обвинения («медаль и осада»). Потому можно вполне серьёзно относиться к материалам данного уголовного дела. Тот факт, что у следователя, который вёл протокол допроса обвиняемого, не возникло желания иронизировать по поводу внезапного пробуждения у А. И. Богинского патриотического чувства, красноречиво свидетельствует о том, что даже такие неромантические (во всяком случае – во время исполнения ими своих служебных обязанностей) особы, как следователи НКВД, признавали наличие у поляков такого национального качества, как патриотизм. Согласно принципам большевистской дедукции, любой поляк, в любой располагающий к тому момент времени мог поддаваться влиянию патриотического порыва, подобного тому, который заставил А. И. Богинского добровольно вступить в Войско Польское и встать на защиту Отечества, польского народа, его интересов и идеалов. Потому было логично каждого поляка воспринимать как потенциального врага советского государства и советского народа.

Материалы дел обвиняемых в антисоветской деятельности поляков не лишний раз доказывают, что это были достаточно образованные, интеллектуально развитые люди. Во всяком случае, достаточно развитые для того, чтобы не верить бездумно большевистской пропаганде и, самостоятельно анализируя жизнь страны Советов и международную обстановку (даже воспринимая её в искажённом советскими средствами массовой информации и пропаганды свете), приходиться к небезопасным для того времени умозаключениям. Так, например, в деле по обвинению некоего Василия Леонардовича Пржевальского в шпионско-вредительской деятельности [15] характеризуется помощник паровозного машиниста депо ст. Жлобин Липский Иосиф Брониславович, который, якобы, и вовлёк Пржевальского в эту деятельность: «Липский... всегда восхвалял жизнь в Польше, говорил, что в Польше хорошо живётся, что там всё дёшево, всё можно достать, что там нет никаких притеснений нациям. ...Отмечал Польшу, как высококультурную страну, что польское государство пользуется большим уважением у всех крупных государств (таких – А. К.), как Германия, Англия и ряд других. ...Заявлял, что русский народ не в состоянии управлять государством, что это есть самый некультурный народ. Коммунистов называл предателями народа, (говорил – А. К.), что они ведут страну к неминуемой гибели, приводил примеры о тех трудностях, которые имелись в стране, в особенности в продовольственном снабжении, (утверждал – А. К.), что благодаря предательской роли большевиков народ в России вымирает» [15, л. 27].

Фигурант другого уголовного дела (по обвинению Кундо Владислава Игнатьевича и др. в контрреволюционной, националистической деятельности) [16], Ядловский Михаил Фердинандович, позволял себе высказывать вслух суждения ещё более высокого аналитического уровня. Этот «политобозреватель» осенью 1935 г. по вопросу продажи КВЖД сказал: «Советская власть боится – отдали КВЖД задаром и Беларусь отдадут без боя, как отдали железную дорогу, потому что за советскую власть драться никто не пойдёт. Япония совместно с Германией пойдут против Советского Союза. Япония начнёт там, а Германия с Польшей здесь, займут Украину и Беларусь. В Беларуси будут поляки, а на Украине – немцы. Япония отрежет Дальний Восток и Сибирь. Советская власть останется с одной Москвой» [16, л. 250-251].

Разумеется, высказывать такие мысли вслух в обществе, которое стало утрачивать элементарные представления о человеческой порядочности, в обществе, в котором царил дух доносительства, было крайне неосмотрительным. Вот, например, свидетель по делу Гомельского филиала «ПОВ», инспирированному в 1933 г., Громыко Григорий Иванович (председатель колхоза «Новая жизнь» Рудня-Столбунского с/с., дер. Рудня-Столбунская) сообщает о Гулевиче Александре Константиновиче – одном из многочисленных обвиняемых по этому

делу: «В ноябре 1932 г. ездил совместно с Гулевичем А. К. в г. Ветку, где у нас был разговор о нации, о костёлах, где Гулевич говорил: «Я, человек бывалый, везде был, и в Америке по-был и лучше польской нации я не встречал, народ очень справедливый...» [17, л. 182]. Его националистические, в трактовке следователей, высказывания, сопровождалось антисоветскими выпадами. Так, Гулевич Франц Егорович, другой свидетель по этому же делу, доносит: «Гулевич Александр в присутствии колхозников говорил: «Работать-то мы работаем в колхозе, но что толку с этого, что мы получили за наши трудодни? Всё отдадут государству, а нам что останется? Голодную смерть нам не миновать» [17, л. 184]. Этот же свидетель доносит на ещё одного своего однофамильца: «Гулевич Иван Павлович в ноябре 1932 г. в присутствии крестьян-колхозников говорил: «Из ваших колхозов выйдет то, что на Украине. Там забрали всё во всех колхозах для государства и теперь разбежались кто куда и нам, наверное, придётся разбежаться, ибо так жизнь нетерпима, ходим голые, босые, голодные. Колхозы построены для того, чтобы всё забрать для государства» [17, л. 184].

Материалы многих уголовных дел наводят на мысль, что поляки довольно часто вели себя подобным опрометчивым образом, видимо, стремясь соответствовать на деле лозунгу, знакомому каждому советскому ребёнку по его первой книжке – Букварю: «Мы – не рабы, рабы – не мы!». Причём куда больше мужчин-поляков в этом деле проявили себя женщины-польки. Они, как правило, не вдавались в политику, а просто на бытовом уровне демонстрировали своё культурное превосходство на «русскими», обуславливая его при этом своей принадлежностью к польской нации.

Так, например, в деле Д. 18385-с [16] фигурируют как обвиняемые Щуко Альбина Викентьевна (1907 г. рожд., уроженка г. Пинска) и Фальковская Анна Станиславовна (1904 г. рожд., уроженка г. Гомеля). Обе дали показания друг на друга. А. С. Фальковская сообщила на допросе: «Щуко Альбина высказывала ненависть к русским и считала их очень грубыми. Одновременно защищала поляков и эту национальность она считала выше остальных» [16, л. 18]. Ставила в пример Фальковской, старшая сестра которой вышла замуж за русского, то, что она вышла замуж за поляка: «Вот я вышла замуж ни за кого бы то ни было, но за поляка – это своя, польская кровь» [16, л. 19].

А. В. Щуко была более многословна: «Фальковская как польская патриотка всегда старалась держать себя выше всего... и унижать остальные нации. Однажды, в 1926 г., в старом клубе Ленина она во время танцев высказала: «Пусть русские смотрят, как поляки танцуют, только поляки могут культурно жить и чисто одеваться, а русские никогда так не будут жить, как поляки» [16, л. 130]. В показаниях других фигурантов дела имелись примерно такие же примеры национального высокомерия Фальковской. Это позволило следователю резюмировать: «Фальковская Анна за весь период нахождения на указанной выше работе (переработочный пункт – А. К.) проводила работу по созданию национальной розни между поляками и русскими. К последним относилась враждебно и с презрением, называла русских «хамами» и даже не хотела с ними разговаривать, считая недостойным для поляка быть в близких отношениях с русскими. Нацию польскую Фальковская считает выше всего... Такое поведение Фальковской ... по отношению к русским ... было видно для каждого рабочего переработочного пункта» [16, л. 265].

Судя по материалам дела, собираясь вместе, женщины (да, видимо, и не одни они) не стеснялись в выражении патриотических чувств. Так, А. В. Щуко сообщает: «Когда пили, то произносили тосты: «Пусть живёт наша Польша, пусть живёт наш польский кружок» [16, л. 126]. Пели песни, например, – «День крови и славы»: *«Сегодня день крови и славы, .../ Орёл белый, смотря в небо, полетел. / Кто умирает, вольным будет, / А кто умер – вольный давно. / Припев: / Эй, кто поляк, на пулемёты! / Живи свободно, Польша, живи! / Таким пламенем восторженным / Труба наша врагам гремит. / Пройдём Вислу, пройдем границу, / Будем все поляками, / Дал нам пример пан Костюшко, / Как побеждать умеем»* [16, л. 125] (сохранён оригинальный текст протокола – А. К.).

Бывало, конечно, и поляки позволяли себе отходить от свойственных им рассуждений о культурном превосходстве поляков над «русскими» и влезать в сферу политики. Например, очередной свидетель по делу о «ПОВ» сообщал о некоей Соболевской, которая жила в

Польше у мужа с 1921/1922 г. по 1927 г.: «Соболевская рассказывала весной 1933 г., что в Польше живётся хорошо, всего много, и нет никаких трудностей, как здесь, а у нас всё дорого, хлеба нет, страшная дороговизна...» [18, л. 166]. Разумеется, до «высокой политики» умозаключениям Соболевской было далеко. Это были не более чем констатации очевидных отличий в жизни обывателей двух стран. Им было далеко до «антисоветчины», которую позволял себе другой фигурант этого же дела – С. А. Желток. Закржевский Леон Игнатьевич, крестьянин-единоличник д. Сеножатки, на допросе сообщил, что Желток Станислав Александрович в беседе с ним о трудностях и тяжёлой жизни польского населения при советской власти сказал: «Все буржуазные государства усиленно готовятся к войне против Советской России. Война должна быть в ближайшее время, причём в первую очередь с большевиками будут воевать поляки, поэтому и нам не нужно спать, мы уже сейчас должны готовиться. Мы, трудящиеся поляки, должны помочь польским войскам с тем, чтобы последним было легче захватить Белоруссию, и тогда мы скорее освободимся от ига большевиков. Нужно раз и навсегда понять, что так жить дальше нельзя, ибо с каждым годом наше положение всё ухудшается. Большевики, чем дальше – всё больше нас угнетают, и мы, как покорные овцы, им подчиняемся...» [18, л. 136].

И хотя в данном случае не уточняется, в чём именно проявилось ухудшение жизни поляков в БССР, отдельные свидетельства этого ухудшения можно найти без особого труда. Так, например, в протоколе допроса свидетеля Карпашевича Иосифа Ивановича идёт речь о заведующем польской школой им. Каспржака и интернате при школе Нае, а также его жене, которая руководила драмкружком при данной школе и заведовала польским сектором Гомельской центральной библиотеки. Сам Най административными обязанностями не ограничивался и преподавал польский язык и литературу.

Свидетель даёт именно такую оценку деятельности Нае, которая позволила бы ему зарекомендовать себя лояльным к советской власти человеком, правильно понимающим политику большевистской партии, и, тем самым, избежать опасности быть переквалифицированным из «свидетеля» в «обвиняемого». Он сообщает: «Воспитание в школе велось в националистическом духе, вместо нашего (т. е. советского – А. К.) воспитания ученикам прививались патриотические, националистические чувства... Дети (большая их часть) чаще бывали в костёле, чем на безбожных собраниях. Школьная библиотека засорена националистической литературой... Национализм Нае, как я теперь думаю, прорывался в таких, например, выражениях: «Здесь собрались поляки, значит, надо говорить по-польски» [17, л. 191-193].

А ведь на заре советской власти в Беларуси отношение к национально-культурным интересам польского меньшинства было совсем иным. В циркуляре «Всем Уотнаробразам» 1919 г., например, говорилось о том, что в среде польского населения (прифронтной полосы Гомельской губернии – А. К.), находящегося под опекой и непосредственным влиянием ксендзов и кое-где оставшейся шляхты, царят косность, пошлость, невежество и отсталость» [19, с. 72]. Рекомендовалось потому обратить самое серьёзное внимание на работу с этим населением, с целью выработки у него «определённого коммунистического мировоззрения» [19, с. 72]. Польско-советская война, однако, показала, что «коммунистическое мировоззрение» вовсе не мешает полякам быть польскими патриотами.

В 1923 г. руководящие лица Агитпропотделом ЦК РКП и Польшбюро ЦК РКП всё ещё терпеливо разъясняли партийцам на местах, что сильный национализм польского населения питается воспоминаниями о национальном гнёте царской России, что его клерикализм выражен гонениями царского правительства и католическими ксендзами, которые являются проводниками просвещения и культуры на польском языке [20, с. 91]. Они рекомендовали наглядно показывать, что советская власть не является исключительно русской властью. Отчётливо понимая, насколько дорожит польское население польскими школами, библиотеками и вообще культурно-просветительским делом, призывали обратить серьёзное внимание на развитие культурно-просветительного дела на польском языке. При этом признавалось, что польское население «в течение десятилетий преследований научилось нелегально добывать просвещение на родном языке». Фактически признавалось и то, что и без внимания советской власти польское просвещение не зачахнет. Но предполагалось, что уравнивание в пра-

вах польских советских школ со школами на других языках явится главным стимулом советизации польского населения [20, с. 91].

В конце 1920-х, а тем более в 1930-х годах ситуация была уже совсем иной. Но об этих изменениях, судя по всему, поляки объективно судить не хотели или, что ещё хуже, – не могли. Трепетно относясь только лишь к собственному праву на свободное национально-культурное самовыражение и развитие, они, видимо, просто не замечали того, что в Советской Беларуси представители титульной нации имели по этой же части не меньшие проблемы. И, скорее всего, не хотели замечать! Как показывают материалы изученных дел, для поляков никаких белорусов не существовало – их окружали только «русские». В данной связи уместно привести цитату из издававшегося в 1921-1922 гг. в Вильне еженедельника «Беларускі звон»: «Поляки... никого и ничего, кроме поляков и польскости, вокруг себя не видят. Евреев они за людей не считают. Литовцев мало – их можно задушить. А белорусы – это выдумка. Их никогда не было, и нет» [21, с. 1]. Впрочем, поляки не были исключением – для следователей ОГПУ и НКВД белорусов, видимо, также не существовало. В данном случае они говорили с подследственными поляками «на одном языке», прекрасно друг друга понимая.

Таким образом, изучение следственных материалов Гомельского ГПУ – УГБ НКВД 1920-1930-х годов позволяет утверждать, что элементы традиционного восприятия белорусами поляков, белорусского их стереотипа, выявлявшиеся в показаниях свидетелей и обвиняемых, использовались следователями органов государственной безопасности при формулировании ими обвинительных заключений. В трактовке «чекистов» зафиксированные в данном стереотипе качества польского национального характера выглядели уже вполне антисоветскими: патриотизм – как национализм, этническая солидарность – как шовинизм, свобомыслие – как контрреволюционность, осознание причастности к европейской культуре – как готовность продаться буржуазному Западу. Материалы спецслужб, хотя и имели предвзятый характер, зачастую становились фактической основой для дальнейшей их пропагандистской «доработки» журналистами и разного рода политинформаторами, «обогащавшими» белорусский стереотип поляка ярко выраженными негативными чертами.

Abstract. The image of a Pole, who created the investigators Gomel SPD – SSD of PCIA in the 1920s-1930s, is considered in the article. The relationship with Byelorussian stereotype of a Pole is shown. It is proved that state security officers used some elements for making the image of the enemy - a polish nationalist, chauvinist, counter-revolutionary.

Литература

- 1 Карцер народов // Звезда. – 1923. – 29 апреля. – С. 1.
- 2 Кротаў, А. М. Вобраз Польшчы і палякаў у беларускім перыядычным друку 1920 – 1929 гадоў: аўтарэф. дыс...на суіск. вуч. ступ. канд. гіст. навук / А. М. Кротаў; БДУ. – Мн., 1997. – 21 с.
- 3 Archiwum Akt Nowych (AAN). – Plik 100. – Dział L. B. U. II. 2b. – L. 484.
- 4 AAN. – Plik 100. – Dział L. B. U. II. 2/2. – L. 280.
- 5 Отчёт Мозырского Польбюро за ноябрь и декабрь месяцы 1924 г. // Лебедев, А. Костёл и власть на Гомельщине (20 – 30-е годы XX в.) / А. Лебедев, В. Пичуков, кс. С. Лясковски. – Варшава-Люблин-Гомель: Институт национальной памяти – Институт Центрально-Восточной Европы, 2009. – С. 115-116.
- 6 Выписка из доклада Мозырского Окротдела ГПУ БЕЛ по состоянию на 5-е марта 1927 г. // Лебедев, А., Пичуков, В., кс. Лясковски С. Указ. соч. – С. 148-149.
- 7 Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области (АУКГБРБГО). – Д. 6755-с.
- 8 АУКГБРБГО. – Д. 15884-с.
- 9 АУКГБРБГО. – Д. 11766-с.
- 10 АУКГБРБГО. – Д. 7898-с.

- 11 Біч, М. Польская арганізацыя вайсковая / М. Біч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5. / Беларус. Энцыкл; Рэдкал.: Г. Г. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 1999. – С. 546-547.
- 12 Протокол допроса 1937 г. ноября 16 дня Чирского Франца Фомича // Лебедев, А., Пичуков, В., кс. Лясовски, С. Указ. соч. – С. 390-391.
- 13 АУКГБРБГО. – Д. 8756.
- 14 АУКГБРБГО. – Д. 20007-с.
- 15 АУКГБРБГО. – Д. 15047-с.
- 16 АУКГБРБГО. – Д. 18385-с.
- 17 АУКГБРБГО. – Д. 2870-с. – Т. 10.
- 18 АУКГБРБГО. – Д. 2870-с. – Т. 6.
- 19 Всем УОТНАРОБРАЗАМ // Лебедев, А., Пичуков, В., кс. Лясовски С. Указ. соч. – С. 72.
- 20 Зав. Агитпропом Гомельского Губкома в Польское Бюро // Лебедев, А., Пичуков, В., кс. Лясовски, С. Указ. соч. – С. 91.
- 21 Вільня, 17 красавіка 1921 г. // Беларускі Звон. – 1921. № 4. – С. 1-2.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10

УДК 329.1/.6(476)(091)(043.3)+329.1/.6(477)(091)(043.3)

Торгово-экономические отношения между Беларусью и Украиной в первой половине 1919 года

А. Н. КУКСА

ВВЕДЕНИЕ. Хлебный рынок, угольный бассейн и выход к Черному морю – это все то, что притягивало внимание к Украине как местных, так и иностранных инвесторов в начале XX века. На момент крушения российских геополитических императивов и попытки их замены национально-государственными моделями пристальное внимание к себе привлекли проекты переустройства бывшей Российской империи, которые разрабатывались в Киеве, Минске, Вильно и других периферийных центрах политической жизни. В этот период лидеры украинских политических структур впервые попытались взять на себя роль нового центра на обломках Российской империи. В условиях Первой мировой войны и установившейся анархии после Октябрьской революции вопрос о поставках продуктов питания в разоренные белорусские и российские губернии был одним из наиболее действенных рычагов влияния на внутривнутриполитическое положение в этих регионах со стороны Украинской Народной Республики /УНР/. Это обусловило изменение тактики Советской России относительно окраин. Принимается решение взять за основу принцип федерации, основанный на праве наций на самоопределение. В условиях экономического развала и отсутствия продуктов питания разрыв торгово-экономических связей между регионами бывшей Российской империи вел и к политическому банкротству политиков, не сумевших создать управленческий аппарат, способный справиться с возникающими проблемами и обеспечить своих граждан предметами первой необходимости. В связи с этим и перейдя к практике создания советских республик в Беларуси и Украине, первой задачей образованных национальных правительственных структур стало обеспечение как собственного населения, так и центральных губерний России продуктами питания.

За последние десятилетия в белорусской историографии разработан значительный пласт материала, раскрывающий практически все аспекты государственно-политического строительства в Беларуси. Отечественные историки В. Е. Козляков, В. А. Круталевич, Г. Г. Лазько, Н. С. Сташкевич и другие [1], впервые в истории суверенной Республики Беларусь обращая внимание на аналогичность национально-демократичных процессов в соседних регионах, дали объективную оценку в своих исследованиях влиянию украинского фактора на выбор модели общественно-политического развития белорусских губерний. Продолжая работу в этом направлении, современные исследователи Т. Я. Павлова, И. А. Сороковик, А. В. Тихомиров, С. А. Третьяк и другие [2] ввели новые источники, которые позволили им провести глубокий сравнительный анализ аналогичных событий, имевших место в Беларуси и Украине в 1917–20 гг. Но изучение вопросов государственно-политического строительства в Беларуси доминирует при проведении сравнительного анализа с украинскими аналогичными событиями. То, что в своих работах В. М. Лебедева и киевская исследовательница О. М. Ямкова [3] рассматривают торгово-экономические аспекты белорусско-украинских связей, придало новое веяние в наметившейся перспективной отрасли исследования. Однако, достаточно полно раскрывая торгово-экономические отношения периода БНР, они основное внимание уделяют деятельности Белорусской торговой палаты в Киеве, хотя взаимоотношения были шире и многограннее. В монографии российской исследовательницы И. В. Михутиной "Украинский Брестский мир" [4] прослеживаются попытки руководителей УНР оказать влияние осенью 1917 г. на развитие политических событий в России и Беларуси, используя экономические рычаги давления.

Таким образом, из вышеприведенного материала следует то, что тема, избранная для исследования как актуальна в современной белорусской историографии, так и не достаточно разработана. Особенно это относится к советскому периоду торгово-экономических связей между Беларусью и Украиной. В связи с этим в исследовании поставлены следующие задачи: раскрыть основные пути сближения белорусских и украинских торгово-экономических организаций, выделить периоды и этапы установившихся взаимоотношений в период становления советской модели государственности и проанализировать основные результаты решения продовольственных вопросов с помощью украинских партнеров.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. После подписания Брестского мира доступ РСФСР на хлебный рынок значительно ограничивается как постановлениями правительства УНР, так и требованиями оккупантов обеспечить выполнение статей относившихся к обязанностям украинских властей относительно поставок продовольствия Германии и Австро-Венгрии. Белорусские губернии находились также в зоне оккупации, более того, южные уезды Белорусского Полесья входили в состав Украины по условиям Брестского мира, что способствовало сохранению торгово-экономических связей. В апреле 1918 г. представители минского самоуправления указывали на то, что в силу внешнеполитических обстоятельств единственным экономическим партнером Беларуси осталась Украина, так как товарообмен с Россией был невозможен. В то же время условия оккупации осложняли товарооборот и с Украиной. Военные реквизиции, нехватка вагонов и отказ крестьян сдавать продукты приводили к тому, что товары, уже закупленные белорусскими агентами, не было возможности вывезти за пределы украинских губерний. Представители минского самоуправления вынуждены были обратиться за помощью даже к оккупационным властям, которые пообещали выделить офицера и нескольких солдат для доставки продуктов из Украины в Беларусь, но так и не выполнили обещанного.

Приход к власти в Украине помещика П. Скоропадского способствовал обращению взглядов в сторону Киева той части белорусского общества, которая поддерживала тесные торгово-экономические связи с украинскими партнерами и выступала против установления советской власти. Помещики Могилевской губернии в предверие освобождения белорусских территорий от немецких войск предлагали гетману П. Скоропадскому заключить белорусско-украинскую унию, учитывая давние торгово-экономические связи и зависимость белорусского рынка от поставок украинского хлеба. Предполагаемое объединение должно было носить антисоветский характер, на что оказало влияние и то, что после подписания Добавочного соглашения Советская Россия отказала в амнистии всем тем, кто сотрудничал с оккупантами. В то же время близость условий жизни и границ действительно привели к большей обеспеченности продуктами питания белорусского населения, чем жителей центральной России, о чем свидетельствует и массовое появление после ухода немецких солдат так называемых «челноков», скупающих продукты для их дальнейшей перепродажи в Москве, Петрограде и других городах. С деятельностью «челноков» пытались бороться представители ЧК, так как, скупая товар по завышенным ценам, они приводили к ухудшению положения местного населения, неспособного угнаться за дорожающими продуктами.

Обращали внимание на украинский рынок и советские структуры. Декабрь 1918 г. ознаменовался обострением продовольственного кризиса и актуализацией в связи с этим вопросов установления торгово-экономических связей с украинскими политическими структурами. Этот вопрос поднимался даже несмотря на идеологические расхождения и разрыв дипломатических отношений /советская делегация Х. Раковского, так и не подписав мирного соглашения, в октябре 1918 г. уехала из Киева/. Население России на протяжении всего 1918 г. находилось в тяжелом продовольственном положении, в связи с чем особые надежды советское правительство возлагало на весну 1919 г., когда предвиделось получить доступ к украинскому хлебному рынку. В Смоленске на заседании фронтового продовольственного Совета сообщалось, что "в губернии продовольствия больше, чем недостаточно. Имеющихся запасов безусловно не хватает, в связи с чем пришлось ездить на Украину и заручиться со стороны Украинской Рады согласием выслать нужное количество хлеба. В обмен на хлеб Рада запросила о высылке предметов производства, в том числе мануфактурного товара. Обе-

щение на выполнение выставленных Радой условий было дано". Совет принял решение отправить в Киев заместителя уполномоченного Западного фронта В. Ф. Высоцкого, представителя интендантства и Областного комитета "для выяснения причин непосылки с юга на Западный фронт хлеба и принятия перед Украинской Радой соответствующих шагов в смысле уговора ее посылать хлеб Западному фронту в виду того, что таковой в настоящее время находится в критическом положении" [5, л. 121].

В ноябре 1918 г. создается Советская Социалистическая Республика Украины /ССРУ/, а 1 января 1919 г. – Советская Социалистическая Республика Беларуси /ССРБ/. Сложность решения продовольственного вопроса в условиях отсутствия подготовленных специалистов и соответствующих структур способствовали использованию закупочного аппарата, ранее созданного местными органами самоуправления. Так, постоянный представитель белорусских органов самоуправления в Украине И. В. Теумин получил 14 февраля 1919 г. мандат и от комиссариата продовольствия ССРБ. В соответствии с мандатом, И. В. Теумин наделялся полномочиями представлять интересы коллегии комиссариата продовольствия Беларуси во всех правительственных и общественных учреждениях Украины. На него возлагалась обязанность "вступать в соглашение с правительственными и иными учреждениями, закупать для Компрода Белоруссии различного рода продовольственные продукты, нормированные и ненормированные, предоставлялось право заключать различного рода сделки и договора с правительственными, общественными организациями и частными лицами по закупке и отправке различных товаров и по товарообмену" [6, л. 12]. Однако стремление В. И. Ленина обеспечить продовольствием сначала центр осложнили деятельность на территории Украины белорусских заготовительных организаций.

16 февраля 1919 г. Народный комиссар продовольствия Советской России Н. П. Брюханов и председатель ВЦИК Я. М. Свердлов поставили в известность комиссара продовольствия Беларуси М. И. Калмановича о том, что самостоятельная заготовка хлеба на территории Украины Белорусской Республикой ни в коем случае не может быть допущена. Свою позицию они аргументировали тем, что большое число заготовительных аппаратов различных организаций может нарушить единство действий в области заготовок. В подтверждение этого указывалось на то, что установленные комиссариатом продовольствия ССРБ предельные цены превышали твердые соседних губерний в 2-3 раза, что могло привести к срыву заготовок, как соседними губерниями, так и украинскими. В то же время 17 февраля в телеграмме, подписанной В. И. Лениным и Н. П. Брюхановым, указывалось на то, что всякий тормоз работе Чрезвычайной контрольно-закупочной комиссии, которая занималась заготовкой продовольствия для снабжения Красной Армии и голодающих центров "будет рассматриваться как противодействие советской власти и караться по всей строгости революционных законов" [7, л. 73]. Это заставило перестроить работу белорусских организаций, ориентировавшихся на украинский рынок.

От инструктора П. К. Орлова поступило предложение создать общее представительство комитета Западного фронта и Народного комиссариата продовольствия ССРБ на территории Украины под председательством Р. Л. Левитаса /находился в Харькове/. Последний считал, что это предложение приемлемо в связи с тем, что предоставлялась возможность на выгодных условиях проводить самостоятельные заготовки, так как фронт ставил в благоприятные условия белорусскую делегацию, да и руководство оставалось за продовольственным комитетом Западного фронта. На это М. И. Калманович заметил, что общее представительство на территории Украины необходимо, но грузы, назначенные Минской губернии, предлагал отправлять в Минск. В образованную Особую закупочную комиссию в Украине предложили делегировать от комиссариата продовольствия сотрудника управления базисными складами Р. Л. Левитаса, которому поручалась и организация закупочного аппарата. В фонд этой комиссии для закупок продовольствия предложили внести 5 млн. рублей. Для более эффективного выполнения поставленных задач приняли решение уполномочить Р. Л. Левитаса, провести переговоры с комиссариатом Украины об отводе производительного района для закупок белорусскими продовольственными организациями. Для того, чтобы не нарушать плановых закупок Народного комиссариата продовольствия РСФСР, было при-

нято решение обратиться и в Москву для выяснения того, какие продукты и товары могут быть отпущены на территории Украины. Действия белорусской стороны увенчались успехом. 26 февраля 1919 г. комитет продовольствия Беларуси был извещен об отводе украинским правительством особого района для хлебных заготовок.

В феврале началось наступление польских войск, что значительно актуализировало вопросы поставок продовольствия из Украины в Беларусь. В результате слияния Беларуси и Литвы комиссариат продовольствия 3 марта 1919 г. был переведен в Вильно. На этом этапе прослеживалось две диаметрально противоположные тенденции в белорусско-украинских торгово-экономических отношениях. С одной стороны начали *рушиться* только наметившиеся организационные связи, с другой – продолжались попытки *централизовать* закупочные операции. Особое место в это время отводилось Гомелю как узловой станции между украинским хлебным рынком и промышленными центрами России. На заседании коллегии при Народном комиссариате продовольствия РСФСР 13 марта 1919 г., после доклада М. И. Фрумкина, постановили разрешить Гомельскому упродкому самостоятельно закупать хлеб для снабжения уезда и армии по железнодорожной линии Гомель-Бахмач, о чем предлагали поставить в известность комиссариат продовольствия Украины. Сложности, наметившиеся в проведении закупок государственными структурами, привели к тому, что 21 марта 1919 г. Центральному рабочему кооперативу на заседании коллегии народных комиссаров ССРЛиБ было предоставлено право проводить самостоятельно закупку ненормированных продуктов на территории Украины.

В то же время на пути сближения советских республик появляется ряд проблем, связанных с условиями военного времени. 16 мая 1919 г. было заключено соглашение в Киеве между народным комиссаром социального обеспечения ССРУ М. Зубковым, председателем Мозырского уездного совета народного хозяйства Я. Раховским и уполномоченным продовольственного комиссариата А. Розиныным о поставках в Мозырь 10 тысяч пудов муки, 500 пудов подсолнечного масла и 1400 пудов сахара. Взамен Мозырский совет народного хозяйства должен был сдавать на станциях реки Припять в Мозырском уезде дрова, строительные материалы, а также соль. Но на поставки мозырской соли поставок продовольствия из Украины так и не последовало. Инструктор Наркомпрода А. С. Натансон, прибывший в Мозырь после освобождения его от войск С. В. Петлюры, в докладе от 7 июня 1919 г. сообщал, что "старая коллегия все время косила глаза на Украину. Туда посылались делегации, даже заключен был договор с Наркомсобесом Украины. Был послан в Новгород-Волынский вагон соли в обмен на хлеб. Правда хлеба Мозырский уезд не получил" [8, л. 223].

Усугубилось положение белорусских губерний и в связи с тем, что относительно дешевые водные пути сообщения практически не функционировали. Из Гомеля пароходы в Киев не ходили. Заведующий центральным транспортным управлением Г. В. Гаген сообщал в мае 1919 г., что на Мозырском участке имелось лишь одно исправное судно. "Пять пароходов во время набега петлюровцев, были эвакуированы в Киев. Прежде курсировавшие между Мозырем и Киевом пароходы не посылаются теперь Мозырским управлением дальше устья Припяти из боязни захвата их Киевом. По тем же, вероятно, соображениям последний не шлет своих пароходов на Припять" [9, л. 437]. В связи с этим очень кстати было предложение, поступившее продовольственному комиссариату Беларуси от исполнительного комитета Северных железных дорог закупить предметы продовольствия в окрестностях Украины с тем, чтобы половина закупленных товаров оставлялась в Минске. Что касается товарообмена, то, имея маршрутные поезда собственные, Северная железная дорога могла пойти на помощь Беларуси путем вывоза из Украины разных продовольственных продуктов взамен леса строительного, фанеры, стекла, спичек и прочего. Необходимость этих товаров для Украины подчеркивалась не только поступающими предложениями, но и указаниями, которые приходили из Москвы. В связи с возникшей потребностью в лесе для угольных шахт в Екатеринославле 8 мая 1919 г. последовал запрет на его сплав для негосударственных организаций. Учетно-распределительный отдел РСФСР отправил телеграммы в Смоленск, Минск и лесничества следующего содержания: "Сплав лесных материалов на Украину для товарообмена

сосредоточить в руках учетно-распределительного отдела сплавлескома Литвы и Белоруссии и никаким отдельным организациям сплав не разрешается" [10, л. 160].

В ходе военных действий украинскую сторону интересовали и имеющиеся запасы сена в белорусских губерниях. По сообщениям старшего инспектора Н. Е. Черковца большую угрозу санным складам составляли "петлюровские и польские банды". 29 марта 1919 г. заведующий санным подотделом И. Завадский сообщал, что в Речицком уезде было заготовлено сена до 60 тысяч пудов Киевским военным ведомством, но не было отправлено и было продано: часть Городнянскому совнархозу Волынской губернии, а часть – населению. Всего в июле планировалось заготовить 3 млн. пудов сена для нужд армии, учреждений Советской Социалистической Республики Литвы и Беларуси /ССРЛиБ/ и нарядов наркомпрода. Актуализируется в это время и вопрос поставок стекольной продукции в Украину. Так, заведующий Минским губпродкомом Я. Ф. Перно обратился 11 апреля 1919 г. к Слуцкому продовольственному комиссариату с просьбой разрешить рабочему кооперативу Старевского стекольного завода закупать в их уезде продукты. "Слуцкий уезд находится в непосредственной близости к заводу, и при обилии здесь продовольственных продуктов рабочие их могут получать по относительно низким ценам. Имея в виду громадную роль, которую играет данный завод в товарообмене с Украиной, поставляя в большом количестве стекольные изделия, Губсовнархоз надеется, что желание рабочих будет удовлетворено" [11, л. 241]. Ввиду проявляющейся обоюдной заинтересованности правительственные структуры пытались усилить процессы централизации продовольственного вопроса. 10 апреля 1919 г. для организации представительства в Украине был отправлен заведующий отделом Минского губернского продовольственного комитета Н. Д. Зальманов. Контора должна была состоять из информационного, организационного и заготовительного отделов. Все сношения с центральными органами ССРУ должен был проводить председатель или по его поручению член коллегии.

Захват польскими войсками Вильно привел к началу нового этапа во взаимоотношениях, после перевода правительственных учреждений ССРЛиБ в Минск. 29 апреля 1919 г. Минский губпродком был слит с продовольственным комиссариатом ССРЛиБ. На этом этапе происходят значимые изменения в структуре белорусско-украинских отношений. В соответствии с Директивой от 1 июня 1919 г. о создании военно-политического союза советских республик общему руководству подчинялись и те народные комиссариаты, которые должны были содействовать финансово-экономической мощи нового объединения. В соответствии с этими факторами, направленный в Волынскую губернию для заготовки хлеба в районе /трех уездов/, отведенном народным комиссаром продовольствия Украины в июне 1919 г., уполномоченный Народного комиссариата продовольствия ССРЛиБ А. П. Жарский был наделен достаточно широкими полномочиями. Ему предоставлялось право "ревизии всех продовольственных складов, принадлежащих как учреждениям, имениям, так и частным лицам и изъятия излишков всеми способами вплоть до реквизиции, как в имениях, так и у зажиточных крестьян; организовывать ссыпные пункты; приглашать необходимых сотрудников, а также контролировать правильность ведения учета нового урожая" [12, л. 9].

Дальнейшее продвижение в глубь территории Беларуси польских войск вновь внесли коррективы во взаимоотношения между правительственными учреждениями Беларуси и Украины. 7 июля 1919 г. Народный комиссариат ССРЛиБ эвакуировался из Минска в Бобруйск. Белорусская делегация была отправлена в Киев 9 июля 1919 г. в составе председателя Центрального представительства Народного комиссариата продовольствия ССРЛиБ в Украине Н. Д. Зальманова, а также членов представительства – В. К. Туркина, А. Р. Левитаса, И. Н. Осиповича, А. Б. Литвина, П. К. Орлова и других. 19 июля в Киев отбыл представитель президиума Совета Народного Хозяйства Я. О. Гольдин, в качестве заместителя Н. Д. Зальманова. Представительство ССРЛиБ наделялось довольно широкими полномочиями. Председатель Центрального представительства в Украине имел право "представительствовать от имени народного комиссариата продовольствия и ВСНХ ССРЛиБ во всех учреждениях и организациях ССРУ; заключать всякого рода сделки; получать и взыскивать от всяких учреждений и лиц суммы, причитающиеся народному комиссариату ССРЛиБ" [13, л. 9]. Заместитель комиссара продовольствия И. П. Василевич сообщал в Киев представителю де-

легации Западного фронта Р. Л. Левитасу, что считает нецелесообразным руководить работой на местах из двух центров – Минска и Бобруйска. Принимая во внимание откомандирование большинства ответственных сотрудников на места в Украину, было принято решение комиссариату продовольствия, находящемуся в Бобруйске, вести всю работу, кроме распределения и выполнения нарядов, так как авансирование и организационное дело было сосредоточено в Минске под руководством, находящегося там М. И. Калмановича. С 19 июля 1919 г. Народный комиссариат продовольствия ССРЛиБ был переименован в Минский губернский продовольственный комитет.

В условиях угрозы оккупации территории Беларуси польскими войсками начался процесс ликвидации правительственных учреждений ССРЛиБ, но в силу объективных причин это действие растянулось во времени. И снова ввиду важности для Москвы продовольственного вопроса первым был переподчинен центру комиссариат продовольствия. На основании Декрета ВЦИК от 27 мая 1919 г. ликвидационная комиссия комиссариата продовольствия ССРЛиБ была подчинена Народному комиссариату продовольствия РСФСР. Процесс создания ликвидационной комиссии начался 26 августа 1919 г. в Смоленске. В соответствии с отношением Народного комиссариата продовольствия РСФСР, с этого момента прекратилось и финансирование всех операций комиссариата продовольствия ССРЛиБ. Последние дни продовольственного комиссариата в Минске описаны в докладной записке уполномоченного по продовольственным делам А. С. Гайко. По его докладу уже 8 августа, с раннего утра, в Минске было довольно тревожно. "К часу дня уже стало ясно, что работу продолжать невозможно, так как неприятельские вооруженные силы подошли вплотную к городу. Со станции Минск Либава-Роменской железной дороги я уехал последним поездом в Бобруйск вместе с членами городского Совета, т. Циховским и др." [14, л. 6].

ВЫВОДЫ. Таким образом, во-первых, проблемы белорусско-украинских торгово-экономических связей хотя и актуальны, но на сегодняшний день практически неосвещенным в белорусской историографии является период начала установления отношений между советскими республиками Беларуси и Украины. В связи с этим не все вопросы достаточно разработаны, что ведет к необходимости установления четкой периодизации, перечня товаров, актуальных на обоих рынках, выделения структур, занимавшихся организацией товарооборота. Во-вторых, продовольственный вопрос был настолько актуален, что советским учреждениям приходилось даже сохранять уже ранее созданный органами местного самоуправления закупочный аппарат. В то же время важность украинского хлебного рынка для белорусских губерний была обозначена как на этапе германской оккупации, так и в ходе создания и существования различных форм советской государственности в 1919 году. В-третьих, изначально товарообмен строился на взаимовыгодных основах. Закупки белорусской стороной сопровождалась выгодной ценой за приобретаемые товары. Украинская же сторона была заинтересована в поставках белорусской продукции: леса строительного, фанеры, стекла, спичек и прочего. Но активность взаимобмена зависела от организации процесса поставок товаров, как в плане транспортировки, так и выполнения условий соответствующих соглашений между физическими лицами, частными предприятиями и государственными структурами. В виду этого важную роль могли сыграть водные пути сообщения, но из-за военных действий и политической анархии они практически не использовались.

Резюме. В статье рассматриваются торгово-экономические отношения между Беларусью и Украиной в первой половине 1919 года.

Abstract. An article considers trade and economic relations between Belarus and Ukraine in first half of 1919.

Литература

1 Козляков, В. Е. Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины). – Минск: БГТУ, 2001; Крутале-

вич, В. А. О Белорусской Народной Республике (Аналитические заметки и комментарии) / В. А. Круталевич. – Минск: Право и экономика, 2005; Лазько, Р. Р. "Перагаворы" Антона Луцкевіча ў Маскве як міф беларускай гістарыяграфіі / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 4; Сташкевич, Н. С. Беларусь в период гражданской войны и военной интервенции 1918–20 гг. / Н. С. Сташкевич // Республика Беларусь: Энциклопедия: в 6 т. / редкол. Г. П. Пашков и др. – Минск: БелЭн, 2006. – Т. 1.

2 Паўлава, Т. Я. Вытокі дыпламатыі БНР / Т. Я. Павлова // Беларуский журнал права и международных отношений. – 1999. – № 3; Саракавік, І. А. Удзел Беларусі і Украіны ва ўтварэнні Саюза ССР: спроба новага погляду / І. А. Саракавік // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін матэр. міжнародназначнай навуковай канферэнцыі, Мінск, 18–19 сакавіка 2003 / Інстытут гісторыі НАН Беларусі; рэдкал.: У. І. Навіцкі (гал. рэд.) [і ін.]. – Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004; Траццяк, С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапада 1917 – студзень 1919 г. / С. А. Траццяк. – Мінск: Беларус. Навука, 2009; Ціхаміраў, А. В. Станаўленне і развіццё беларуска-украінскіх адносін у 1918–1920 гг. / А. В. Ціхаміраў // Весн. Бел. гос. ун-та. Сер. 3. – 2005.

3 Лебедзева, В. БНР–УНР: першы вопыт дзяржаўных стасункаў (вясна 1918 г.) / В. Лебедзева / Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. / Брянский государственный ун-т; науч. ред. И. В. Михутина. – Брянск: Брянский государственный ун-т, 2002. – Вып. 4; Ямкова, О. М. До історыі дзейнасці білоруськоі торговельноі палаты в Києві у 1918–1919 роках / Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы матэр. II Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гомель, 9–10 кастрычніка 2008 / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны / рэдкал (галоўны рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008.

4 Михутина, И. В. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады / И. В. Михутина. – М.: Изд. "Европа", 2007.

5 Приказы по народному комиссариату продовольствия ССРЛиБ, по комитету об откомандировании сотрудников в Вильно и назначении на их места новых и др. // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 806. – Оп. 3. – Д. 2.

6 Приказы Мингубпродкома, схема тарифных ставок на зарплату рабочим и служащим учреждений и сведения по личному составу // там же. – Оп. 2. – Д. 13.

7 Протоколы заседаний коллегии мингубпродкома, удостоверения сотрудников Наркомпрода ССРБ // там же. – Д. 21.

8 Постановления и протоколы заседаний Наркомпрода и Совета рабоче-крестьянской обороны РСФСР, положение об организации продорганов в губерниях по типу райпродкомов // там же. – Оп. 1. – Д. 8.

9 Приказы по Народному комиссариату продовольствия ССРЛиБ, комитету, протоколы заседаний коллегии комитета и др. // там же. – Оп. 3. – Д. 3.

10 Приказ по Народному комиссариату продовольствия Литвы и Белоруссии, проект организации хлебофуражного отдела и доклад о его деятельности, план работы, список сотрудников этого отдела. Протокол заседания батрацкого комитета Игуменского уезда // там же. – Оп. 1. – Д. 90.

11 Удостоверения граждан на право провоза продуктов и список сотрудников управления представителя Авто-совета при штабе Западной армии // там же. – Д. 74.

12 Командировочные удостоверения Наркомпрода Литбел // там же. – Д. 72.

13 Командировочные удостоверения сотрудников Наркомпрода Литбел и Минского губпродкома // там же. – Д. 71.

14 Протоколы заседаний Минского уездпродкома, докладные записки уездпродкомов об их работе, схема тарифных ставок работников советов, обществ и торговых учреждений // там же. – Д. 40.

Нацыянальная палітыка савецкай Расіі на службе сусветнай рэвалюцыі (па ідэалагічных дакументах 13 лістапада – 23 снежня 1918 г.)

Р. Р. ЛАЗЬКО

У пачатку другой дэкады лістапада 1918 г. маскоўская савецкая прэса выбухнула шквалам публікацый аб пачатку рэвалюцыі ў Германіі, якая разглядалася не іначай, як аднаўленне сусветнай сацыялістычнай рэвалюцыі, прыпыненай у сакавіку Брэсцкай мірнай “перадышкай”. Орган ЦК РКП(б), які прэзентаваў сябе як “штодзённая рабочая газета”, пісаў, напрыклад: “Хутка Масква і Берлін сальюцца ў адну Чырвоную Рэспубліку Саветаў, якая паступова будзе расшыраць свае межы на Захад і на Ўсход” [5, 12 ноября]. Эйфарыя, ахапіўшая ў гэтыя дні вярхі большавіцкай партыі, ішоўшая ад іх праз сродкі прапаганды ў партыйныя масы, паступова спадала, каб праз некаторы час вярнуцца зноў пад уплывам палітэзаў міжнароднай кан’юнктуры і становішча на франтах грамадзянскай вайны. Першы такі яе спад пасля пачатку рэвалюцыі ў Германіі назіраўся ў трэцяй дэкадзе снежня таго ж года. Гэтыя ваганні разлікаў савецкіх кіраўнікоў на сусветную рэвалюцыю ў вызначальных маштабах уплывалі на нацыянальную палітыку Савецкай Расіі, і ў прыватнасці – на яе палітыку па беларускім пытанні, якое ўжо ў пачатку 1918 г. вырасла да праблемы нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння беларускага народа. Такая сувязь была заканамерным вынікам стаўлення большавікоў да праблемы нацыянальнага самавызначэння як да важнага сродку падводу нацыянальна прыгнечаных, “бездзяржаўных” народаў да сацыялістычнай рэвалюцыі, а тая, у сваю чаргу, разглядалася як рэвалюцыя непазбежна сусветная. У гэтым артыкуле мы разгледзім нацыянальную палітыку савецкага ўрада на яе заходнім напрамку ў адлюстраванні некалькі дакументаў, узнікшых у савецкіх кіруючых інстанцыях на верхняй і ніжняй межах вызначанага ў агульным перыяду. Увага да гэтых дакументаў тлумачыцца іх прынцыповым ідэалагічным характарам, што дазваляе лепш зразумець савецкую нацыянальную палітыку таго часу ў цэлым як палітыку, падпарадкаваную мэтам сусветнай рэвалюцыі, і ў выніку аблегчае арыентацыю ў яе пазнейшых зігзагах па беларускім пытанні.

Гаворка ідзе, перш за ўсё, аб дакументах, звязаных з дэансацыяй савецкім урадам “ганебнага” для Савецкай Расіі Брэсцкага мірнага дагавора. Яна была праведзена на пасяджэнні УЦВК саветаў 13 лістапада 1918 г. – праз два дні пасля падпісання Германіяй Камп’ёнскага перамір’я, што прыніжала міжнародна-палітычнае значэнне савецкага акта. Аднак яно падвышалася яго наступальна-рэвалюцыйным духам, у поўнай меры адлюстраваным палітычную атмасферу, якая запанавала ў савецкай сталіцы пасля пачатку рэвалюцыі ў Германіі.

З дакладам аб ануляванні Брэсцкага міру на пасяджэнні УЦВК выступіў член яго прэзідыума і член ЦК РКП(б), старшыня Маскоўскага савета Л. Б. Каменеў – адзін з удзельнікаў Брэсцкіх перагавораў. У пачатку даклада [1, л. 11 – 15] ён напамніў удзельнікам пасяджэння, у чым заключаўся вымушаны для Савецкай Расіі характар Брэсцкага мірнага дагавора: ім была пастаўлена мяжа пашырэнню ўлады сацыялістычнай рэспублікі. Такі дагавор, сказаў далей Каменеў, мог быць зменены толькі рэвалюцыйным шляхам – “пашырэннем расійскай рэвалюцыі за межы Брэсцкага дагавора. Цяпер гэта пашырэнне адбылося”, што і стварыла магчымасць ануляваць дагавор. Прыведзены фрагмент даклада цікавы не толькі яшчэ адной канстатацыяй рэвалюцыйнага характару савецкай знешняй палітыкі (для прысутных гэта было прапісана ісцінай), але і выяўленнем спадзяванняў на сацыялістычны характар рэвалюцыі ў Германіі, панаваўшых у тыя дні ў савецкім кіраўніцтве. Зыходзячы з гэтых спадзяванняў, Каменеў далей акрэсліў канструктыўную частку праграмы савецкай палітыкі ва Усходняй і Цэнтральнай Еўропе. Ён заявіў, што цяпер, пасля ліквідацыі Брэсцкага міру, Савецкай Расіі

будзе недастаткова мірных адносін з народамі Германіі і Аўстра-Венгрыі. Яна будзе імкнуцца пабудаваць з імі саюзныя адносіны на аснове прынцыпаў “поўнага самавызначэння працоўных мас усіх нацый”, гэта значыць, дамагацца карэннага рэвалюцыйнага пераўладкавання былых імперый. Дакладчыкам былі вызначаны дзве мэты будучага саюза: “вызваленне ад буржуазнага ладу” ў межах Германіі і былой Аўстра-Венгрыі, устанаўленне “сацыялістычнага братэрства народаў” гэтых краін, і сумесная (“агульным фронтам”) абарона “ўсёй тэрыторыі, на якой запанавала ўлада пралетарыята, ад імперыялістаў іншых краін”. Гэта былі тры мэты, якія савецкае кіраўніцтва асмелілася адкрыць усяму свету. Яны знайшлі адлюстраванне ў газетных пераказах даклада Каменева [3, 15 ноября; 4, 14 ноября] і ў апублікаванай 14 лістапада пастанове УЦВК аб ануляванні Брэсцкага дагавора [4]. Але з будучым саюзам рэвалюцыйных народаў звязвалася і больш далёкая, запаветная мэта савецкай знешняй палітыкі – стварэнне “братэрскага саюза ўсіх краін”, які пакуль што абвясціць было немэтазгодна, бо Антанта (“Фош”, як сказаў Каменёў) выкарыстае сілу, каб падавіць рэвалюцыю ў іншых краінах. Гэта ідэя даклада не была апублікаваная.

У святле маштабнага геапалітычнага праекта, які Савецкая Расія збіралася рэалізаваць у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, новае і выдатнае значэнне набывала пытанне аб самавызначэнні былых заходніх ускраін Расійскай імперыі, адкуль у гэты час выводзіліся германскія войскі. У неафіцыйнай частцы свайго даклада Каменёў закрануў і гэта пытанне. Асноўным матывам звароту да яго была яго відавочная сувязь з планам рэвалюцыйнага пераўтварэння Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Сапраўды, узнікала пытанне, калі Савецкая Расія збіралася будаваць саюз з народамі “заможнай” Еўропы, якія здзяйсняюць рэвалюцыйнае самавызначэнне, то як жа яна паставіцца да сваіх былых ускраін, якія ўжо вызначыліся, хаця і на “буржуазнай” аснове? Як відаць з перыядычнага друку тых дзён, гэта пытанне цікавіла партыйныя кадры [5; 6], і яно мела зусім не тэарэтычнае значэнне. Шэраг фактаў сведчыць аб тым, што менавіта ў гэтыя дні, знаходзячыся перад перспектывай вяртання савецкай улады на тэрыторыі, да таго часу акупіраваныя Германіяй, вышэйшыя партыйныя і савецкія інстанцыі прынялі рашэнне аб аднаўленні будаўніцтва савецкай федэрацыі на юрыдычнай аснове, створанай пастановамі Трэцяга Усерасійскага з’езда саветаў у студзені 1918 г. [гл. 14, с. 103, 105]. Так, Ленін 13 лістапада ўпершыню пасля працяглага перапынку вітае на той момант не існуючую Украінскую савецкую рэспубліку [10, с. 206], 15 лістапада просіць Рэўваенсавет падтрымаць хадайніцтва аб стварэнні польскага і літоўскага ўдарных батальёнаў і “заходняй брыгады” ў складзе Чырвонай Арміі, а ў гэтай сувязі напамінае Троцкаму не названае ў дакуменце “наша рашэнне” [10, с. 207]; у гэты ж дзень у Петраградзе быў створаны Часовы рэвалюцыйны камітэт Эстоніі, які абвясціў аб стварэнні Эстонскай савецкай рэспублікі 29 лістапада – як толькі была занятая Нарва, першы горад на эстонскай зямлі [18, с. 157]. Палітыку, адлюстраваную ў названых фактах (а іх шэраг можна было б працягваць – гл. хоць бы [11]), неабходна было патлумачыць удзельнікам пасяджэння УЦВК, а праз іх – усяму партыйна-савецкаму актыву, каб не дапусціць падазрэнняў з яго боку, што Саўнарком вяртаецца да палітыкі раздрабнення Расіі, якую, як шмат каму здавалася, вёў у канцы 1917 г. Каменёў паказаў у сваім дакладзе, што бальшавіцкае кіраўніцтва, ініцыруючы стварэнне савецкіх рэспублік на заходніх ускраінах, бачыць іх месца ў складзе РСФСР. Народы гэтых краін “ведаюць, – выказваў ён упэўненасць, – што толькі ўлада савецкай рэспублікі можа даць ім сапраўднае самавызначэнне, яны ведаюць, што толькі ў межах Расійскай Федэратыўнай Савецкай Рэспублікі можа быць здзейснена свабода працоўных мас”. А прыняўшы гэтыя народы “ў сваю сям’ю”, у сям’ю РСФСР, “мы створым непераможную сілу, якая прадпіша Брэсцкі мір усім ворагам сацыялізму ва ўсім свеце,” – скончыў дакладчык пад воплескі ўсіх прысутных.

Панаваўшыя ў савецкім кіраўніцтве настроі выдатна перадае адзін пікантны эпізод пасяджэння. Свардлоў, які заўсёды выяўляў непахісную веру ў хуткі трыумф сусветнай рэвалюцыі, пасля прыняцця пастановы па дакладзе Каменева прапанаваў дапоўніць парадак дня абраннем ганаровых членаў прэзідыума УЦВК – каб “замацаваць міжнародны характар нашай рэвалюцыі.» Былі прапанаваны і пад апладысменты прыняты кандыдатуры К. Лібкнехта, В. Адлера, Дж. Макліна і Ю. Дэбса. Гэта падзея, на думку Свардлова, мусіла сімвалізаваць непазбежнасць стварэння “сусветнага ЦВК” саветаў. Нам жа яна дапамагае з поўным

перакананнем зрабіць заключэнне аб тым, што на пасяджэнні Усерасійскага ЦВК саветаў 13 лістапада быў прапанаваны і прыняты маштабны геапалітычны праект, накіраваны на разгортванне сусветнай сацыялістычнай рэвалюцыі з апорай на рэвалюцыю ў Германіі. У ім было адведзена важнае месца савецкім рэспублікам на заходніх ускраінах былой Расійскай імперыі, якія належала неўзабаве стварыць. Гэтыя рэспублікі мусілі стаць першым поясам будучай сусветнай федэрацыі савецкіх рэспублік і адначасова своеасаблівым геапалітычным мастом, па якім матэрыялізаваная ідэя аб стварэнні такой федэрацыі была б перанесена ў Еўропу. Несамастойная роля гэтых рэспублік падкрэслівалася загадзя падрыхтаванай ім перспектывай уступлення ў склад РСФСР.

У гэтай сувязі варта ўспомніць, што прыняты УЦВК праект поўнаасцю адпавядаў вядомым яшчэ з пачатку года поглядам Леніна аб шляху вырашэння нацыянальнага пытання ў Расіі і ва ўсім свеце – гэта быў шлях “сусветнай пралетарскай рэвалюцыі..., Інтэрнацыянала.» “Я глыбока перакананы, – заявіў ён на Трэцім з’ездзе саветаў, – што вакол рэвалюцыйнай Расіі ўсё болей і болей будуць групавацца асобныя розныя федэрацыі свабодных нацый (...) І недалёка той час, калі працоўныя ўсіх краін сальюцца ў адну агульначалавечую дзяржаву” [7, с. 288, 289].

На працягу наступных шасці тыдняў у накірунку да гэтай мэты быў зроблены шэраг паслядоўных крокаў: абвешчаны Эстонская, Латвійская і Літоўская савецкія рэспублікі, Саўнарком юрыдычна прызнаў гэтыя прадукты сваёй палітыкі; быў створаны ўрад Украінскай савецкай рэспублікі, што прадвяшчала яе аднаўленне. Аднак у пачатку трэцяй дэкады снежня гэты працэс прыпыніўся. Да абвешчання Беларускай савецкай рэспублікі на гэтым, наступальным, этапе савецкай палітыкі, справа не дайшла, хаця займанне Мінска савецкімі войскамі 10 снежня, на першы погляд, стварала такую нагоду. Заўважым: Эстонская і Латвійская рэспублікі абвешчаліся ў правінцыйных гарадах (Нарва, Валк), як толькі туды ўступала Чырвоная Армія; савецкая ж Літва наогул была абвешчана па-за літоўскай тэрыторыяй. Хваля савецкага “самавызначэння” на гэтым этапе абмінула Беларусь па шэрагу прычын, якія разглядаюцца намі ў іншай працы [17]. Зараз жа абмяжуемся кароткай канстатацыяй, па неабходнасці спрашчаючы сутнасць з’явы: на этапе савецкай міжнароднай палітыкі, калі яе галоўным рухавіком было перакананне ў тым, што сусветная рэвалюцыя ідзе поўным ходам, Беларуская савецкая рэспубліка аказалася Савецкай Расіі непатрэбнай. Яна ўзнікла не толькі пазней за тры прыбалтыйскія і ўкраінскую, але і ў іншых умовах, на новым этапе савецкай міжнароднай палітыкі. Гэты этап пачаўся, як толькі вузкай групе савецкіх кіраўнікоў, і перш за ўсё Леніну, стала ясна, што працэс сусветнай сацыялістычнай рэвалюцыі зноў прыпыніўся. Шэраг фактаў сведчыць аб тым, што Ленін зразумеў гэта не пазней 23 снежня [гл. 8, с. 388 – 393; 16, с. 116].

Новы этап савецкай міжнароднай палітыкі патрабаваў і новай ідэалогіі. У бальшавіцкім кіраўніцтве няшмат было людзей, здольных распрацаваць яе ў поўнай адпаведнасці з палітычным курсам. У межах папярэдняга этапа з шэрагам артыкулаў на тэму “рэвалюцыі ў акупіраваных абласцях” выступіў Сталін [15]. Яны мелі інфармацыйна-прапагандысцкі характар і сведчылі аб здольнасцях іх аўтара ў вобласці папулярызацыі ўжо вядомых догмаў. Ідэалагічнае абгрунтаванне новага курса, які намячаўся ў канцы 1918 г., было па плячы Леніну, але ў канцы 1918 г. амаль увесь яго час паглыналі справы, звязаныя з наладжваннем гаспадаркі і абароны савецкай краіны. Шчыльней заняцца гэтым пытаннем ён здолеў толькі ў пачатку 1919 г. у сувязі з падрыхтоўкай чарговага з’езда партыі, якому належала прыняць новую праграму [9, с. 81, 94 – 95, 111 – 112, 461]. Аднак матэрыялы ленінскага праекта праграмы РКП(б), створанай у гэты час, супастаўленыя з яго ацэнкамі вопыту Брэсцкага міру і з іншымі дакументамі таго часу, дазваляюць зразумець, у якім накірунку ішла ленінская думка і якога характару ўплыў ён аказваў на сваіх супрацоўнікаў па Саўнаркоме і ЦК РКП(б) у канцы 1918 г. Пад гэтым уплывам ствараліся дакументы па пытаннях знешняй і нацыянальнай палітыкі, якія зыходзілі ад імя Саўнаркома напярэдадні абвешчання БССР.

Сярод гэтых дакументаў неабходна звярнуць увагу на неапублікаваны да гэтага часу даклад Сталіна на пасяджэнні УЦВК 23 снежня 1918 г., у якім ён прадставіў на зацвярджэнне рашэнні Саўнаркома аб прызнанні толькі што абвешчаных (пры кіруючай ролі таго ж Сталі-

на) савецкіх рэспублік [2, л. 1 – 5]. Даклад меў вымоўную назву: “Об отношении к вновь образовавшимся республикам: Эстонской, Латвийской и другим.» Ужытая ў ёй фармулёўка (“и другим”) відавочна ахоплівала Літоўскую рэспубліку, з абвяшчэннем якой узнікла заміна, але разам з тым сведчыла і аб магчымасці далейшага пашырэння спісу рэспублік.

Хаця тэматычна даклад Сталіна быў звязаны з дакладам Каменева ад 13 лістапада, аднак быў пазбаўлены яго пафасу і гучаўшай у ім нацэленасці на сусветную рэвалюцыю. Дакладчык матываваў прадстаўленя імя УЦВК рашэнні Саўнаркома неабходнасцю супроцьдзейнічаць палітыцы Антанты і ЗША, накіраванай на аднаўленне дарэвалюцыйнага адзінства Расіі, і пракласці шлях да адраджэння магутнасці Расіі, але ўжо Расіі новай, сацыялістычнай. Перыяд “паступовага рэвалюцыйнага самавызначэння ўскраін”, – сказаў дакладчык, – “завяршаецца добраахвотным братэрскім далучэннем іх да Расійскай Рэспублікі”, і гэты шлях “з’яўляецца тым адзіным шляхам, пры дапамозе якога магчымае аднаўленне адзінства Расіі і вызначэнне (“определение”) магутнасці савецкай Расіі”. Гэты матыў рашэнняў СНК у розных варыянтах быў прадстаўлены Сталіным неаднаразова. Разам з тым, ён указаў і на міжнародна-рэвалюцыйнае значэнне рашэнняў аб прызнанні Эстляндскай, Латвійскай і Літоўскай рэспублік (у тэксце, у адрозненне ад загалова даклада, называюцца ўсе тры рэспублікі). Яно ў тым, “што асвятляе шлях да сапраўднага вызвалення ўсіх народаў і Захаду. Менавіта з пункту гледжання міжнароднага значэння... неабходна разглядаць усе тыя акты ў адносінах да ўскраін, якія нядаўна былі ўчынены Саветам Народных Камісараў”, – сказаў Сталін.

Праект пастановы па дакладзе Сталіна прадставіў член прэзідыума УЦВК Сасноўскі, які падкрэсліў яе фундаментальны і перспектывыны характар. “Мы спадзяемся, – сказаў ён, – што ў бліжэйшай будучыні VII з’езд Саветаў будзе мець прадстаўніцтва ад гэтых народаў, гэтых незалежных рэспублік Літвы, Латвіі і Эстляндзі. Я б хацеў выразіць упэўненасць, што да таго часу і Савецкая Украіна, і Чырвоная Савецкая Фінляндыя прышлюць сваіх прадстаўнікоў на VII з’езд, каб замацаваць саюз і змагацца за саюз працоўных усіх краін” [2, л. 6]. У прадстаўленым праекце і ў зацверджаным тэксце пастановы [2, л. 160; 12, с. 627 – 628] разам з народамі Эстляндзі, Літвы, Латвіі вітаўся і народ Украіны, аднак Беларусь і беларускі народ не ўпаміналіся, як і ў дакладзе Сталіна.

Такім чынам, у абодвух дакладах – Каменева і Сталіна – мы бачым як агульныя элементы, так і істотныя адрозненні. Зыходным пунктам для абодвух дакладаў была догма аб міжнародным характары расійскай рэвалюцыі як першым этапе рэвалюцыі сусветнай. Абодва прызнавалі толькі сацыялістычнае самавызначэнне народаў. Адсюль выцякала і ўласцівае для абодвух дакладаў стаўленне да самавызначэння на гэтай аснове былых заходніх ускраін Расійскай імперыі як да прамежкавага этапу на шляху вяртання гэтых тэрыторый у склад Расійскай дзяржавы, перабудаванай на федэратыўных пачатках, натуральна, пад кіраўніцтвам бальшавіцкай партыі. Што да адрозненняў, то яны выводзіліся з розных ацэнак тэмпу і перспектывы сусветнай сацыялістычнай рэвалюцыі. У дакладзе Каменева адлюстравана ідэалогія імклівага рэвалюцыйнага наступу, нарастаючай хвалі сусветнай сацыялістычнай рэвалюцыі і хуткай яе перамогі. Перабольшваючы глыбіню рэвалюцыйнага крызісу ў Еўропе, бальшавіцкае кіраўніцтва разлічвала ажыццявіць гэты наступ з дапамогай рабочага класа еўрапейскіх краін і... адыходзіўшых у Германію праз Беларусь і Літву салдат акупацыйных войск. Наіўна, але так.

Даклад Сталіна 23 снежня 1918 г. быў веснікам павароту ў савецкай міжнароднай палітыцы, яе выхаду на новы этап, на якім Савецкай Расіі спатрэбілася новая “перадышка”. Яна стала патрэбнай, калі выяснілася, што рэвалюцыйная хваля ў Еўропе спала і савецкая краіна зноў застаецца ў адзіноце, ахопленая полымем грамадзянскай вайны. Сталін у сваім дакладзе ўжо не акцэнтую інтарэсы сусветнай рэвалюцыі, яны другасныя, на першым плане – інтарэсы Савецкай Расіі, якой пакуль што давядзецца разлічваць толькі на ўласныя сілы. На гэтым новым этапе інакш разглядалася пытанне аб нацыянальных савецкіх рэспубліках. Цяпер яны ўжо не мост для правядзення сацыялістычнай рэвалюцыі ў Еўропу, а сродак нарошчвання сіл Савецкай Расіі, геапалітычны бар’ер, які аддзяляе яе ад “англа-амерыканскага імперыялізму”, нейтралізуе яго палітыку. І разам з тым, гэта “буфер”, дыпламатычны інструмент для пошуку новай “перадышкі”. Сталін не вымавіў гэтага слова, аднак назаўтра яно прагучала ў

рэдакцыйным артыкуле “Правды” [3, 24 декабря] і стала вызначальным для савецкай знешняй палітыкі на працягу наступных месяцаў.

Беларуская савецкая рэспубліка стваралася на гэтым новым этапе савецкай палітыкі, і ёй рыхтавалася іншая роля, чым раней прыбалтыйскім рэспублікам і Украіне. Так, пры змене міжнароднай абстаноўкі і яна магла стаць такім жа геапалітычным мастом у Еўропу, якім да таго часу былі гэтыя рэспублікі. Але цяпер яна мусіла паслужыць у якасці сродку забеспячэння мірнай “перадышкі” там, дзе яна была найбольш верагоднай і найбольш пажаданай – на польскім накірунку. Найбольш верагоднай – бо Польшча, у адрозненне ад дзяржаў Антанты, была не зацікаўленая ў перамозе белых, праціўнікаў бальшавікоў у Расіі; найбольш пажаданай – бо беларускі накірунак разглядаўся савецкім ваенным і палітычным кіраўніцтвам як менш важны ў стратэгічных адносінах у параўнанні з астатнімі [гл. 10, с. 221; 12, с. 176 – 177, 178 – 179].

Резюме. Автор анализирует национальную политику советской России по документам 1918 года.

Abstract. The author analyzes the national policy of the Soviet Russia under documents of 1918.

Літаратура

- 1 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235, оп. 21, д. 1.
- 2 ГАРФ, ф. 1235, оп. 21, д. 4.
- 3 Правда, 1918.
- 4 Известия, 1918.
- 5 Коммунар, 1918.
- 6 Вечерние известия Московского совета, 1918.
- 7 В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 35.
- 8 В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 37.
- 9 В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 38.
- 10 В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 50.
- 11 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. – М., 1975. – Т. 6.
- 12 Директивы Главного командования Красной Армии (1917 – 1920). – Сб. документов. – М., 1969.
- 13 Документы внешней политики СССР. – М., 1957. – Т. 1.
- 14 История советской конституции (в документах). – М., 1957.
- 15 Сталин И. В. Соч. – Т. 4.
- 16 Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. – М., 1961.
- 17 Лазько Р. Р. Паварот да новай перадышкі і абвяшчэнне БССР / Р. Р. Лазько // “Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы”, міжнар. навука. канф. (2008, Гомель). – Гомель, 2008. – С. 80 – 91.
- 18 Таммисту К. И. Под впечатлением молний. О жизни и деятельности Я. Анвельта (1884 – 1937) / К. И. Таммисту. – М., 1989.

УДК 94(476) «192»:322:272:172.3:070

Антикатолическая печатная пропаганда в БССР (1920-е гг.)

А. Д. ЛЕБЕДЕВ

В борьбе с религией и церковью советская власть использовала преимущественно два основных метода: административно-силовой и агитационно-пропагандистский. Ко второму методу, безусловно, относится и борьба с религией с помощью печатной продукции. В атеистической работе среди католиков в 1920-х гг. принимали участие центральные газеты («Звезда», «Рабочий»), региональные («Полесская Правда», «Известия Гомельского Губкома РКП(б)»), специализированные антирелигиозные газеты («Безбожник», «Воинствующий Безбожник») и польскоязычные газеты («Orka», «Sierp», «Młot», «Gwiazda Młodeży», «Świat»). Последнее объясняется тем, что, по мнению властей, значительное количество католиков в БССР – это поляки. В качестве источников для написания данной статьи, кроме газет и брошюр, нами использовались письма в редакцию, а также переписка агитпроповских структур по различным вопросам, связанным с атеистической работой среди католиков. Это позволяет расширить спектр источников и более объективно подойти к освещению проблемы.

Целью данной статьи является освещение антикатолической пропаганды в печати БССР 1920-х гг.

Задачи статьи: а) проследить эволюцию атеистической печатной пропаганды в отношении римско-католической церкви; б) охарактеризовать основные формы борьбы с влиянием религии среди католического населения БССР; в) показать степень эффективности проведенной работы.

В первой половине 1920-х гг. планомерной борьбе с религией среди католиков в прессе со стороны руководства внимания практически не уделялось. Материалы, публикуемые в газетах на эту тему, были случайны и приурочивались к каким-либо крупным событиям, например, к изъятию церковных ценностей в 1922 г.

В связи с тем, что католическое духовенство отказалось оказать содействие властям в этом деле, было принято решение начать масштабную агитационно-пропагандистскую кампанию среди католиков, чтобы подготовить общественное мнение и, в первую очередь, ослабить недовольство предстоящим изъятием.

Все материалы, направляемые в то время в газеты по интересующему нас вопросу, можно разделить на две категории: пропагандистского и констатирующего характера.

К первой категории можно отнести явно тенденциозные статьи гневно-обличительного характера. Так, 20 апреля 1922 г. Комиссия направила в редакцию газеты «Звезда» заметку, в которой критиковалась позиция римско-католического духовенства и лично кс. Василевского по вопросу об изъятии. В ней священника обвинили в жестокости и насилии по отношению к голодающим [1, л. 79, 80, 80 об.].

29 апреля 1922 г. в «Полесской правде» публикуется статья с характерным названием: «Как работают черносотенцы (провокационная работа костельного комитета)», посвященная сопротивлению изъятиям церковных ценностей в Гомеле. В ней автор попытался «набросать картину гнусной работы шайки католических черносотенцев» во главе с кс. Л. Буйновским, которую корреспондент назвал «наглой провокацией, ... циничной и откровенной контрреволюцией» [2, л. 132 об.].

В материалах второй категории, как правило, кратко, лаконично и безо всякой оценки приводились данные о том, где, когда и в каком костеле произведено изъятие и сколько ценностей при этом конфисковано. Типичным примером может служить заметка, посланная в газету «Звезда» 2 мая 1922 г. Белорусской Комиссией по изъятию церковных ценностей о

работе, проведенной в Минском кафедральном костеле. В ней указывалось, что в тот день работники Комиссии изъяли «золото 2 зол. Серебра 1 п. 30 ф. 57 зол. и меди в монетах 25 ф. 23 зол. » [1, л. 121].

Последним всплеском антикатолической печатной пропаганды в 1922 г. было издание брошюры «Proces księży w Minsku», посвященной судебному процессу над тремя ксендзами и прихожанами Минских костелов, которых обвиняли в сопротивлении изъятиям церковных ценностей. В этой брошюре объемом 43 страницы изложена официальная версия происшедших событий, приведены фрагменты протокола допросов, приговора суда и т. д. [3].

В середине 1920-х гг. на смену масштабным пропагандистским кампаниям приходит работа несколько иного плана. По инициативе Польбюро в населенных пунктах, где проживали поляки, а значит и население католического вероисповедания, проводится агитация за выпуск газеты «Безбожник», ведется распространение самой газеты, устраиваются ее громкие читки и т. д. Например, в течение июля-сентября 1925 г. Польбюро Мозырского ОК КП(б)Б распространило в польских деревнях своего округа 10 экз. упомянутой газеты [4, с. 121]. В следующем 1926 г. в период с января по март среди поляков мозырщины было распространено еще 12 экз. этого печатного издания [4, с. 132].

С середины 1920-х гг. вопрос антикатолической пропаганды в прессе начинает все сильнее привлекать внимание руководства агитпроповских структур. В 1925 г. Польбюро ЦК РКП(б) потребовало от всех своих местных филиалов собирать сведения дискредитирующие католическое духовенство и посылать их в газеты «Młot», «Sierp» и «Gwiazda Młodeży» [4, с. 118].

8 февраля 1925 г. в Минске состоялось совещание инспекторов польской культуры. На нём было принято постановление о необходимости выпуска «Странички безбожника» в польскоязычных газетах, где предполагалось «высмеивать» католическое духовенство [5, л. 168]. Через два года, в 1927 г., АПО ЦК КП(б)Б указывал на необходимость введения разделов антирелигиозного характера в газетах «Orka», «Gwiazda Młodeży», «Беларуская веска» и т. д. [4, с. 153]. О необходимости увеличения выпуска антирелигиозной печатной продукции было сказано в резолюции по докладу «О борьбе с клерикализмом и антирелигиозной работе среди трудящихся поляков», принятой в 1928 г. [4, с. 194, 195].

Постепенно эти и другие решения возымели действие и в периодической печати начинают более или менее регулярно появляться соответствующие материалы. Однако специализированного печатного органа, который бы осуществлял атеистическую работу среди католиков, тогда еще не было. Поэтому нередко власти находили выход в том, что печатали соответствующие материалы в центральных («Звезда», «Рабочий») и польскоязычных газетах («Orka», «Sierp», «Młot»).

В первую очередь в этой работе уделялось внимание дискредитации католического духовенства [4, с. 118, 161]. 18 мая 1927 г. в газете «Gwiazda Młodeży» были опубликованы материалы, в которых бобруйский кс. К. Мустейкис обвинялся в изнасиловании [6, с. 202, 203]. Двумя годами позже в газете «Orka» от 14. 12. 1929 г. публикуется материал, где кс. П. Казюнас был назван «хулиганом в сутане». Его обвиняли в хулиганстве и аморальном поведении на почве пристрастия к спиртным напиткам [7, л. 152, 153, 153a].

Следующим направлением дискредитации духовенства была публикация материалов, посвященных отречению ксендзов от сана. Всего в БССР отказались от сана 4 ксендза: Вл. Хрщениович в 1924 г., А. Сак, Б. Волянец и И. Жамойтук в 1929 г. [6, с. 205-209]. В печати по этому поводу появилась серия публикаций под громкими названиями: «Выкорчем остатки одного из орудий капитализма – религию!», «Религия служит интересам богачей», «Не хочу больше обманывать, не хочу служить контр-революционерам ...». Например, в газете «Рабочий» в номере за 24 октября 1929 было опубликовано обращение кс. Б. Волянца: «После долгих и мучительных раздумий я узнал о том, что никакая религия не принесла человечеству справедливости; она служит, преимущественно, интересам богатых и привилегированных людей. Я пришел к убеждению, что религия выдумана для эгоистических интересов немногих и отнюдь не для всего обездоленного населения. Религия – это ярмо для тех, кто верит в нее» [8].

Однако из четырёх упомянутых ксендзов наиболее интересен Вл. Хрщениович, который не просто отрекся от сана, но и занялся антирелигиозной пропагандой. Именно он яв-

лялся автором целой серии публикаций соответствующего содержания в газетах. Например «Ussas i Aszenberg działali w imię Boga?» («Млот» 2. 07. 1925 г.), «Wiara czy polityka» («Млот» 15. 07. 1925 г.), «Co kościołem rządzi?» («Млот» 19. 07. 1925 г.) и т. д. В частности, в первой публикации автор обвинял кс. П. Ашберга в двуличии, а кс. Б. Уссаса в изнасиловании несовершеннолетних. Кроме газетных материалов, Вл. Хрщенич является также автором двух брошюр. Первая «17-cie mego kapłaństwa» вышла в печати в Киеве в 1925 г., вторая «Po 17 latach kapłaństwa» – опубликована в Минске в том же 1925 г. Общий тираж обеих брошюр составил 10 тысяч экземпляров. В них бывший ксендз критикует католическую церковь и её руководство, а также пытается объяснить читателю причины, толкнувшие его на отречение от сана [9, л. 2, 6, 7]. Кроме Вл. Хрщенича, литературу на антикатолическую тематику писали Я. Кукелько, М. Чудновцев, Р. Юхневич и т. д. [10].

Понятно, что духовенство РКЦ и наиболее активные верующие не могли индифферентно относиться к подобным публикациям и со своей стороны осуществляли определенное противодействие. Польбуро в течение 1920-х гг. неоднократно отмечало, что ксендзы и члены религиозных кружков, с одной стороны, призывали население не выписывать и не читать польских советских газет, с другой – критически относились к публикуемым в них материалам [4, с. 101, 125, 164, 246]. Упомянутый выше Вл. Хрщенич в одной из своих газетных публикаций пишет, что некоторые ксендзы распорядились сжигать его антирелигиозную брошюру [9, л. 6].

Кроме духовенства, дискредитации в прессе также подвергались и советские служащие, не порвавшие с «религиозными предрассудками». В первую очередь это учителя. Так, 20 июня 1928 г. в польскоязычной газете «Орка» была опубликована статья с характерным названием «Скарб в Рудне Столбунской», в которой сообщалось, что учительница польской школы в д. Рудня-Столбунская, Ветковского района, Гомельского округа Р. Шабловская посещала молитвенный дом [4, с. 189]. Еще один пример связан с именем учителя польской школы д. Берестечко, Хойницкого района, Гомельского округа Фидельского, который «вместо работы занимался вырезанием крестиков для верующих», «писал иконы», участвовал в «маевых набоженствах» и т. д. Эти сведения были опубликованы в статье «Культработа в Берестечке» (газета «Свит» от 23. 05. 1926 г.) и в статье «Апостол из Речицы» (газета «Рабочий» от 18. 09. 1927 г.) [4, с. 135, 136, 161].

Нередко газетные публикации использовались для обоснования репрессивной политики. К примеру, 17 сентября 1927 г. в Могилеве был арестован епископ Б. Слосканс, а уже 30 октября того же года в «Орке» появился материал, где излагалась официальная версия событий. С точки зрения властей, причины ареста «закключаются в шпионской деятельности Слоскана в пользу соседнего буржуазного государства» [4, с. 163].

Вопрос о публикации антирелигиозных материалов поднимался накануне крупных праздников, таких как Рождество, Пасха и т. д. Так, на заседании Польской (Антикатолической) секции Центрального совета Союза безбожников Белоруссии от 5 ноября 1928 г. было решено разработать тезисы, посвященные Рождеству и опубликовать их в «Орке» [4, с. 204, 212].

В конце 1920-х гг. в БССР развернулась кампания по закрытию костелов. Как и в случае с изъятием церковных ценностей 1922 г., газеты так же привлекались для пропагандистского обеспечения проводимых мероприятий [4, с. 283]. Так, 7 июля 1929 г. газета «Беларуская веска» сообщила, что в Кричевском р-не Могилевского округа четыре польских деревни согласились передать костел под клуб [11 с. 3]. То же содержалось в газете «Звезда» от 4 июля 1929 г. [12]. В архивных материалах Польбуро ЦК КП(б)Б сохранилась вырезка статьи из неизвестной нам газеты с типичным названием «Усё для культуры», где обосновывается необходимость передачи костела в Кричеве под культурные нужды [13, л. 108].

2 декабря 1929 г. в газете «Орка» была опубликована заметка о том, что бедняки Хойницкого р-на, узнав, об отречении кс. А. Сака, выступили с инициативой передать местный костел под школу-семилетку. На собраниях в деревнях Заболотье и Настолье также были приняты аналогичные решения. На одном из таких собраний, выступивший крестьянин, А. Тышкович сказал, что костёл не приносит никакой пользы, а только затемняет и одурманивает трудящиеся массы и призвал использовать его под культурно-просветительские нужды [6, с. 95].

Безусловно, картина, рисуемая советской прессой, была чрезмерно приукрашенной, а бодрые заверения корреспондента газеты «Орка» А. Язвинского о том, что католическая церковь переживает упадок и загнивание [Там же] не совсем соответствовали действительности. Об этом свидетельствует тот факт, что мероприятия, направленные на борьбу с религией и церковью, вызывали недовольство со стороны верующих и духовенства и воспринимались ими как насилие. Информация об этом постепенно стала просачиваться за рубеж и как результат вызвала ответные действия со стороны Ватикана.

В феврале 1930 г. Римский Папа Пий XI призывал мировое сообщество встать на защиту религии в стране Советов, организовав т. н. «молитвенный крестовый поход» против СССР. В ответ, по всему СССР была организована пропагандистская контркампания, имеющая своей целью опровергнуть заявления Папы Пия XI [14, с. 101, 102; 4, с. 287]. Газета «Известия» 11 марта 1930 г. писала: «Бешеная кампания против СССР, развиваемая мракобесами, попами, реакционерами, твердолобыми фашистами, социал-демократами и продажной прессой всех стран имеет своей непосредственной целью обработку мирового общественного мнения с целью подготовки вооруженной интервенции» и т. д. [15, с. 280, 281]. Эта цитата является красноречивой иллюстрацией вульгарно-атеистической пропаганды, которая начинает доминировать с конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Вся эта кампания, безусловно, отразилась и на деятельности местных газет. Так, Гомельский окружком КП(б)Б 20 марта 1930 г. принимает решение по линии СВБ провести «сходы пратэсту калгасьнікаў, беднякоў, сераднякоў, асабліва ў польскіх вёсках супроць замежных анты-савецкіх рэлігійных выступленьняў Папы Рымскага». Резолюции сходов предполагалось направить в газету «Полесская правда» [4, с. 289]. Похожие протесты были организованы и в других регионах БССР [16, с. 215-216].

Однако картина, рисуемая официальной прессой, зачастую не согласовывалась с реальностью. Например, во время собрания, посвященного «крестовому походу» в д. Рудня-Столбунская Ветковского р-на, крестьяне не хотели выносить предлагаемую протестную резолюцию. Более того, середняк А. Гулевич прямо с трибуны обвинил советскую власть во лжи и добавил, что «рымскі папа вельмі добры чалавек» [17, л. 379]. Таким образом, архивные материалы, впервые введенные в научный оборот, серьезно меняют устоявшуюся картину, представленную ранее опубликованными источниками.

Параллельно с этим, ОГПУ начало оказывать усиленное давление на администратора Минско-Могилевской архиепархии кс. П. Авгло. В итоге 21 марта 1930 г. в газете «Рабочий» появился текст беседы, где священник опроверг информацию о преследовании католического духовенства за исполнение религиозных обрядов, о насильственном закрытии костёлов и заверил, что в СССР – свобода вероисповедания, гарантированная конституцией [6, с. 182].

Однако, несмотря на все усилия, антирелигиозная пропаганда в среде католиков не всегда приносила положительные результаты. О слабой эффективности этой работы неоднократно писали в своей отчетной документации работники Польбюро и Антикатолических секций при Союзе Безбожников. К одному из основных недостатков относили «недостаточное освещение в польской прессе антирелигиозных вопросов» [4, с. 271].

Еще более симптоматично в этом отношении звучит постановление Польбюро Гомельского ОК КП(б)Б от 2 февраля 1930 г., в котором принято решение «добиться» от поляков Залинейного р-на Гомеля выписки газет “Trybuna Radziecka”, “Głos młodości”, “Orka” и “Безбожник” [4, с. 284]. Это свидетельствует о том, что работа, проводимая в течение 10-ти лет партийными структурами, не привела к желаемым результатам. Как видно, поляки не желали по своей воле выписывать советские газеты и их буквально приходилось заставлять делать это с помощью специальных постановлений.

Распространение атеистической печатной продукции приобретало особую важность исходя из того, что на руках у местных католиков было немало религиозной литературы, изданной преимущественно до революции. Наконец, при костёлах имелись целые библиотеки, а в 1925-1927 гг. ксендзы совершенно легально распространяли костельные календари [4, с. 10, 147, 156, 368-369, 412, 414-416].

Как ответную реакцию на это явление, можно расценивать деятельность властей по формированию в библиотеках и избах-читальнях фондов атеистической литературы. Например, уже в 1926 г. в избе-читальне Веселовского польского национального сельсовета Лепельского р-на насчитывалось 24 книги на антирелигиозную тематику. Для сравнения, там же хранилось 365 экземпляров т. н. «устарелой литературы на польском языке» [18, л. 118]. Конечно, 24 книги антирелигиозного содержания не идут ни в какое сравнение с библиотекой при Гомельском костёле, которая насчитывала более 5 тысяч томов и просуществовала вплоть до 1936 г. Среди них были следующие издания: «Катехизис польского ребенка», «Социализм и католическая работа» и т. д. [4, с. 368].

Что касается выпуска первого собственно антикатолического печатного органа, то здесь источники противоречат друг другу. С одной стороны письма Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников, свидетельствуют, что выпуск специального польскоязычного органа антикатолической секции планируется только с августа 1930 г. [4, с. 293]. Но с другой стороны, в делах польской школы им. Каспржака, существовавшей в то время в Гомеле, сохранился экземпляр этого издания, под названием «Воинствующий безбожник», датированный 1929 годом [19, л. 70]. Он имел значительный объем и состоял из 16 страниц. Условно материалы, содержащиеся в номере, можно разделить на три категории. Первая – это материалы, пропагандирующие научный атеизм, естественнонаучную критику религии и т. д., например, статья о происхождении праздника рождества. Вторая, более многочисленная, содержит чрезмерно политизированные материалы и карикатуры в духе вульгарного атеизма, дискредитирующие церковь и духовенство (например, краткая информация об отречении от сана ксендзов в БССР). Третья категория материалов повествует о деятельности СВБ, росте атеистических настроений как в СССР, так и за рубежом.

Весьма специфическим средством пропаганды также можно считать и листовки. В 1928 г. антикатолическая секция Полоцкого окружного совета СБ выпустила подобную листовку с заголовком «Супроць рэлігійнага дурману: за культурную рэвалюцыю!». Материал был напечатан на одном листе с двух сторон тиражом 4 тысячи экземпляров. Всего листовка содержала 4 примерно одинаковых по объему статьи: «Культурная рэвалюцыя і антырэлігійная прапаганда», «Хто такі быў Андрэй Баболя і чаму яго лічаць сьвятым», «Контррэвалюцыйная дзейнасьць ксяндзоў», «Некалькі слоў аб маёвых набажэнствах». Кроме собственно статей, в листовке напечатаны несколько стандартных лозунгов: «Рэлігійнае выхаваньне – злачынства супроць дзяцей», «Ласкавым абліччам хрыста прыкрываюцца ворагі саветаў» і т. п.

Листовка эта примечательна еще и тем, что в ней прослеживается не случайная, а продуманная подборка материалов, т. к. 3 из 4-х статей были актуальны именно на то время. А именно: в мае католическим духовенством совершались т. н. «маёвыя набажэнствы», 23 мая это день почитания св. А. Баболя, наконец, в 1928 г. в Полоцком округе распространялось т. н. «Письмо Иисуса» [20, л. 184, 184 об.].

В заключение подведем следующие итоги. Антикатолическая печатная пропаганда в БССР 1920-х гг. претерпела значительную эволюцию от случайных заметок и статей, до более или менее регулярной публикации атеистических материалов. Основными формами этой работы были: дискредитация духовенства и информационное обеспечение антирелигиозных кампаний (изъятия церковных ценностей, закрытия костёлов). Как правило, антикатолическая пропаганда в печати осуществлялась на трех языках: польском, русском и белорусском. Однако, несмотря на все усилия, верующие проявляли мало интереса к атеистической печатной продукции, сохраняя верность религиозным традициям.

Резюме. В данной статье проанализирована антикатолическая печатная пропаганда в БССР 1920-х гг. В газетах и журналах того времени публиковались материалы на антирелигиозную тематику. Однако, несмотря на все усилия советского пропагандистского аппарата, католическое население сохранял верность религиозным традициям.

Abstract. The article considers anti-catholic activity of soviet newspapers and magazines in the BSSR in the 1920s. The main form of the propaganda was publishing antireligious information. But in spite of all the efforts the majority of the catholic population in the BSSR kept faith to religious traditions.

Литература

- 1 Материалы о работе Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей при НКФ БССР. 1922 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 450.
- 2 Дело Гомельского р. -к. приходского костела. 1887-1922 г. // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге. – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 944.
- 3 Proces księży w Mińsku. Zarys sprawozdawczy. Pod red. J. Leszczyńskiego. Minsk: Wydawnictwo partyjne SBKPB «NAPRZÓD», 1922. – 43 s.
- 4 Лебедев, А. Костёл и власть на Гомельщине (20-30-е годы XX в.) / А. Лебедев, В. Пичуков, С. Ляковски. – Варшава-Люблин-Гомель: IPN-IESW, 2009. – 470 с.
- 5 Протоколы заседаний польского бюро при Наркомпросе БССР, сметы расходов, планы и отчеты о работе бюро. 14 января 1924 г. -27 августа 1925 г. 310 л. (польск.) // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 1936.
- 6 Dzwonkowski, R. SAC. Kościół katolicki w ZSSR. 1917 – 1939 rr. Zarys historii / R. Dzwonkowski. – Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 1997. – 477 s.
- 7 Протоколы заседаний польского бюро при Полоцком окружком КП(б)Б, план на май—сентябрь 1928 г. и отчет бюро о работе за ноябрь 1926 г. – февраль 1929 г., информации инструктора бюро об итогах проведения районных конференций трудящихся-поляков, перевыборах сельских Советов, обследовании состояния работы среди польского населения и работы детской колонии Замощье Волынецкого р-на Полоцкого окр. 8 ноября 1927 г. – 16 января 1930 г. 217 л. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 3669.
- 8 Рабочий. 22 ноября 1929 г.; Рабочий. 10 сентября 1929 г.; Рабочий. 24 октября 1929 г.
- 9 Вырезки из газеты «Млот» по вопросам антирелигиозной пропаганды среди польского населения (на польском языке). Июль 1925 г. 8 л. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 2461.
- 10 Kukielko, J. Święta katolickie ich pochodzenie i kontrrewolucyjna rola / Kukielko. – Moskwa-Charków-Mińsk: 1930. – 100 s.; Czudnowcew, M. Kto to są Rzymscy papieże / M. Czudnowcew. – Centralne Wydawnictwo ludów ZSRR. Moskwa-Charków-Mińsk: 1930. – 20 s.; Juchnewichówna, R. Kościół, religia, kler / Juchnewichówna. – Minsk: Wydawnictwo państwowe Białorusi, 1925. – 119 s.
- 11 Беларуская веска. 7 июля 1929.
- 12 Звезда. 4 июля 1929 г.
- 13 Протоколы заседаний польского бюро при Могилевском окружком КП(б)Б, план работы бюро на декабрь 1927 г. – апрель 1928 г., проект положения о реорганизации Могилевской советской партийной школы в политико-просветительный техникум, сведения об укомплектовании Витебской, Гомельской и Могилевской советских партийных школ в 1927/28 уч. г. 26 ноября 1927 г. – 30 декабря 1929 г. 129 л. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 3664.
- 14 Роод, В. Рим и Москва. Отношения между Святым Престолом и Россией / Советским Союзом в период от Октябрьской революции 1917 г. до 1 декабря 1989 г. / В. Роод. – Львів: Монастир Монахів Студійського Уставу, 1995. – 279 с.
- 15 Лиценбергер, О. А. Римско-католическая церковь в России / О. А. Лиценбергер. – Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. – 384 с.
- 16 Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Минск: Беларусь, 1964. – 272 с.
- 17 Положение ЦИК БССР о национальной комиссии при нем, постановления и протоколы заседаний этой комиссии, отчеты райисполкомов о работе по осуществлению национальной политики на местах и материалы обследования работы национальных советов. 8 января – 14 декабря 1931 г. 753 л. // НАРБ. – Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 101.
- 18 Сведения о результатах обследования деятельности национальных советов БССР. 2 февраля – 30 марта 1927. 175 л. // НАРБ. – Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 44.

19 Инструкции и договоры польской школы им. Каспржака. 1928-1929 гг. // ГАГО. – Ф. 623. – Оп. 1. – Д. 22.

20 Протоколы заседаний польского бюро при Полоцком окружном КП(б)Б, план на май—сентябрь 1928 г. и отчет бюро о работе за ноябрь 1926 г. – февраль 1929 г., информации инструктора бюро об итогах проведения районных конференций трудящихся-поляков, перевыборах сельских Советов, обследовании состояния работы среди польского населения и работы детской колонии Замошье Волынецкого р-на Полоцкого окр. 8 ноября 1927 г. – 16 января 1930 г. 217 л. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 3669.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10

УДК 94(470) «1918–1939»:325.2–053. 81(=161.1):140.8

Евразийство как идеология молодого поколения русских эмигрантов

О. В. МАРЧЕНКО

В Германии в начале 1920-х гг. возникли и стали функционировать различные по своей идейной направленности русские эмигрантские политические центры. Одним из наиболее значимых, возникших в ходе самой эмиграции течений являлось евразийство. Его изучению посвятили свои исследования и статьи такие российские ученые, как Н. А. Омельченко [6], И. А. Исаев [3], Е. Г. Кривошеева [5] и др. Однако их работы базируются, в основном, на анализе политических программ евразийства 1921, 1926 гг., что несколько снижает ценность всестороннего и объективного рассмотрения проблемы. В данной статье анализируется «третий путь» развития России и тактические формы борьбы с Советской властью, предлагаемые лидерами вышеуказанного течения.

Исходным положением евразийской доктрины являлся факт признания существования материка Евразия, находившегося между Европой и Азией. Территориально он соответствовал границам царской России. Евразийцы были сторонниками признания её самобытного и уникального по своей сути исторического пути развития [7, с. 39–43].

Представители движения положительно восприняли факт свершения Октябрьской революции, но при этом оставались непримиримыми противниками Советской власти. Их отношение к существующему в стране политическому режиму было неоднозначным. Идеологи евразийства положительно оценивали то, что, придя к власти, коммунистическая партия смогла добиться сохранения территориальной целостности Евразии. Также ими признавался верным и политический курс Советской России, направленный на поддержку борьбы азиатских стран с империализмом европейской цивилизации. Но в дальнейшем, по их мнению, коммунистическая партия перестала выражать истинные национальные потребности страны. Они обвиняли её представителей в проведении политики атеизма и подавления церкви. Данная политика, проводимая большевиками, как утверждалось ими, не отвечала духовным чаяниям народов Евразии, не мысливших своей жизни без Бога. Но особое их негодование вызывало стремление коммунистов насаждать в стране элементы западной культуры, тем самым, искажая её самобытный путь развития [2, с. 4–5]. Евразия могла бы развиваться в нужном направлении, как утверждали идеологи данного течения, только при условии ликвидации большевистской партии и коммунистической идеологии [7, с. 57].

Представители евразийства весьма пристальное внимание уделяли разработке собственной идеологии. В её основе должны были лежать абсолютные несомненные истины религии, то есть православия [7, с. 26]. Евразийцы полагали, что истинная идеология проистекает из некоторой, абсолютно несомненной основной идеи [7, с. 19]. Она в их трактовке получила название «идеи-правительницы», а духовная сущность государства ими определялась как «идеократия» [1, с. 14].

Отличительной особенностью данного движения было то, что оно провозгласило курс на создание надклассового государства. Большое значение евразийцы придавали образованию особой правящей социальной группы. По своей сути, она должна была носить внеклассовый характер [1, с. 14]. Такой социальной группой, по их представлениям, являлся бы новый правящий слой, основу которого составили работники политического и технического аппарата Советской власти. Евразийцы выступили с обращением, где они призывали личный состав Красной Армии и деятелей советского управленческого аппарата вступить в свои ряды [2, с. 6]. Лидеры движения прекрасно осознавали, что новый правящий слой не может быть неизменен и должен постоянно обновляться. Основной и непосредственный контингент

пополнения его рядов – это представители новой евразийской партии [7, с. 58]. Согласно концепции евразийства, новый правящий слой должен был носить элитарный, закрытый характер. В него допускались лица, разделявшие идеологию данного движения [1, с. 24]. Это в дальнейшем позволило бы исключить, помимо представителей нового правящего слоя, вмешательство каких-либо других сил, например, частного капитала, в экономическую, хозяйственную и политическую жизнь страны.

В своих теоретических разработках идеологи движения весьма важное значение придавали созданию новой евразийской партии, по своей форме и структуре похожей на большевистскую. Но её главным отличительным признаком являлась идеология, в основе которой лежало православие [7, с. 59]. Евразийцы указывали на то, что это: «... партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключавшая существование других таких же партий. Она – государственно-идеологический союз; но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией» [7, с. 58]. Таким образом, для них приоритетом являлось государство, в котором власть принадлежала одной партии. Они полностью исключали возможность существования каких-либо внесударственных образований. Даже церковь в своей деятельности должна была быть полностью подчинена государству, носившего «гарантийный» характер. Оно определяло цели и задачи, стоявшие перед обществом, контролировало их выполнение посредством физического принуждения, применявшегося в ограниченных масштабах, и властвования. Под ним подразумевалась духовная связь между подчинёнными и правящими [3, с. 116].

Но в то же время евразийцам пришлось столкнуться с серьёзной дилеммой. Стремясь найти «третий путь» развития России-Евразии, они колебались между авторитарностью «правящего отбора» и демократической формой государственной власти. Выход был найден ими в провозглашении «демотического государства», в котором должны были соединяться черты и демократии, и авторитаризма [6, с. 511].

Евразийцы, в отличие от других политических течений русской эмиграции, считали, что созданная Советской властью система государственного управления должна в последующем стать основой их будущего государства. Взаимодействие правящего слоя и народных масс ими планировалось осуществить посредством системы Советов [7, с. 62–63]. В компетенцию данных органов относилось решение комплекса проблем местного характера. Высшая законодательная и исполнительная власти должны были принадлежать Всесоюзному съезду Советов. В те периоды, когда он не созывался, указанные выше функции возлагались на Центральный исполнительный комитет (ЦИК) (в составе Союзного Совета и Совета национальностей) [2, с. 7].

Наиболее оптимальной формой будущего государственно-политического устройства России-Евразии евразийцами признавалась федерация. Именно она, по их мнению, раскрывала специфику евразийской культуры и способствовала развитию отдельных национально-культурных областей [7, с. 60]. Таким образом, они признавали советскую модель национально-государственного устройства, которая стала основой многонационального пролетарского государства СССР.

Следует отметить, ввиду всего вышеизложенного, что государственная модель евразийства имела явный жёстко централизаторский монопартийный характер в контексте откровенно тоталитарной тенденции. Она не допускала возможности существования плюрализма мнений и тем более многопартийности. В то же время надежды евразийцев сформировать правящий слой из представителей советского аппарата являлись откровенно несбыточными. Во-первых, их идеология в силу своей противоречивости и религиозного характера не являлась для них приемлемой. Во-вторых, у евразийцев не существовало развёрнутой системы пропаганды и агитации на территории Советской России. Следовательно, их идеи были пригодны только для внутреннего потребления в среде русской эмиграции, которая, к тому же, относилась к ним негативно.

Отличительной чертой тактики борьбы евразийства с Советской властью являлось полное исключение ими применения насильственных способов её свержения. Теоретики

движения полагали, что необходимо осуществить внутреннюю перегруппировку в существовавшем советском правящем слое. По их замыслам, его представители должны были воспринять евразийскую идеологию. Таким образом, евразийцы основную ставку делали на пропаганду своих идей среди работников советского управленческого аппарата и командиров Красной Армии [2, с. 6]. Но они не всегда были последовательны в проведении своей тактической линии. В работе российской исследовательницы Е. Г. Кривошеевой приводятся факты засылки диверсионных евразийских групп на территорию СССР в рамках операции «Трест» [5, с. 22].

Идеологи данного движения являлись приверженцами создания универсальной экономической модели «третьего пути» развития народного хозяйства России-Евразии. В частности, для них был неприемлем капитализм, при котором, по их утверждениям, отрицаются духовные основы жизни и всё сводится к личному обогащению [2, с. 5]. Исключали они вариант развития России-Евразии и на основе социализма, так как в результате полного обобществления производства стала подавляться частная инициатива, а личность, в свою очередь, оказалась бесправной перед государством [1, с. 19]. Таким образом, евразийцами была предложена синтезная экономическая модель, получившая название государственно-частной и вобравшая в себя наиболее существенные, с их точки зрения, элементы обеих систем. Ими признавалось, что процветание государства возможно только на основе сохранения частной собственности [7, с. 74] и развития предпринимательства [1, с. 19]. Такое использование элементов из арсенала европейского капитализма никоим образом не противоречило евразийской доктрине [4, с. V]. Идеологи данного движения отвергали стихийное развитие экономических процессов и выступали за их регулирование государством посредством системы планирования [1, с. 19]. Следует отметить, что данная мера была непосредственно заимствована евразийцами из практики государственного строительства Советской власти. Они признавали, что основы её экономического строя за некоторым исключением в дальнейшем будут являться фундаментом евразийского народного хозяйства [2, с. 10].

В области промышленности евразийцы выступали за одновременное существование частного и государственного секторов. Это только бы способствовало, по их расчётам, повышению производительности труда на основе осуществления конкуренции между ними и увеличению фонда заработной платы. Развитие указанных выше секторов экономики должно было осуществляться на основе плана [2, с. 10–11]. В то же время они считали, что как частные, так и государственные предприятия в сфере промышленности обязаны входить в своеобразные синдикаты соответствующих отраслей, которые в соответствии с общим планом определяли уровень цен и норму выработки для них.

В области сельского хозяйства евразийцы выступали за свободу выбора хозяйственных форм. Ими признавалась возможность одновременного существования в России-Евразии как единоличных хозяйств, так и колхозов и совхозов [1, с. 20–22]. Но приоритет они отдавали развитию первых [2, с. 14]. Собственники земли имели право свободно отчуждать свои наделы, но, вместе с тем, не являлись полноправными её хозяевами. По мнению евразийцев, она должна находиться в собственности государства, которое и устанавливало контроль над совершением связанных с ней сделок. В то же время они утверждали, что оно обязано оказывать помощь колхозам в их техническом переоснащении. В свою очередь, любой желающий мог свободно выйти из них и получить свой отдельный надел земли. Реализация данной процедуры регулировалась особым законодательством, в котором учитывались интересы индивида и хозяйства [1, с. 22–23].

Евразийцы полагали, что основной приоритет их экономической модели – это повышение уровня жизни народов России-Евразии [1, с. 18]. Будущее своё государство они определяли как социально ориентированное. После прихода к власти евразийцы планировали развернуть широкое жилищное строительство, обеспечить население бесплатной медицинской помощью; организовать систему мер, предупреждающих развитие и распространение заразных болезней. Также ими гарантировалось экологическая защита населённых пунктов путём охраны почвы, воздуха и воды со стороны государства [2, с. 12–13].

Таким образом, наиболее оптимальной формой будущего государственно-политического устройства России евразийцы признавали советскую модель федерации. Экономическое возрождение страны они планировали осуществить на основе синтеза элементов капитализма и социализма. В области промышленности ими предусматривалось одновременное сосуществование как частного, так и государственного секторов, а в сфере аграрной политики приоритет отдавался развитию индивидуального крестьянского хозяйства. При этом допускалось сохранение колхозов и совхозов. Также евразийцы являлись приверженцами построения социально ориентированного государства, основной целью которого являлось повышение жизненного уровня населения России-Евразии. Свержение советского строя представители движения планировали осуществить путём распространения своих идей среди представителей личного состава Красной Армии и управленческого аппарата Советской России. Однако, как показал ход исторических событий, эти замыслы не смогли воплотиться в жизнь.

Резюме. Одним из наиболее значимых пореволюционных течений в эмиграции являлось евразийство. «Третий путь» развития России, предложенный его лидерами, предусматривал сохранение в качестве будущей формы государственно-политического устройства страны советскую модель федерации, а в области экономики синтез элементов капитализма и социализма. Свержение советского строя евразийцы планировали осуществить посредством пропаганды своих идей среди личного состава Красной Армии и управленческого аппарата. Однако их замыслы так и не были реализованы.

Abstract. One of the most significant revolution currents in emigration was “eurasiaism”. «The third way» of Russia development, offered by its leaders, provided the Soviet federation model as the future form of the country state-political system, and in the economic field capitalism and socialism synthesis. The Eurasians planned to carry out overthrow of the Soviet system by means of propaganda of their ideas among the Red Army and administrative personnel. However their plans have not been realized.

Литература

- 1 Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. – Прага: [б. и.], 1932. – 29 с.
- 2 Евразийство (формулировка 1927 г.) – М.: [б. и.], 1927. – 15 с.
- 3 Исаев, И. А. Евразийство: миф или традиция / И. А. Исаев // Коммунист. – 1991. – № 12. – С. 106–118.
- 4 Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев: сб. ст. / Г. Флоровский [и др.]. – София: [б. и.], 1921. – 125 с.
- 5 Кривошеева, Е. Г. Пореволюционное эмигрантское течение евразийство (1921–1932 гг): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 01 / Е. Г. Кривошеева; Моск. гос. ун-т. – М., 1995. – 30 с.
- 6 Омельченко, Н. А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917, большевизме и будущих судьбах российской государственности: ист. -полит. анализ / Н. А. Омельченко. – СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1996. – 560 с.
- 7 Савицкий, П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий, сост. А. Г. Дугин. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.

УДК 930(438):94(438:470):327"19"

Польская гістарыяграфія польска-савецкіх адносін: этап станаўлення

М. М. МЯЗГА

Гістарычнай навуцы заўсёды належала вялікая роля ў фарміраванні грамадскай свядомасці па пытаннях палітычнага жыцця. Яна часта выступае з абгрунтаваннем знешнепалітычных мэтай розных дзяржаў. Гэта ў поўнай меры адносіцца да польскай гістарыяграфіі перыяду станаўлення і першых гадоў існавання незалежнай Польшчы пасля першай сусветнай вайны. У працах польскіх гісторыкаў тых гадоў выразна прасочваецца імкненне не проста даследаваць важнейшыя аспекты польска-савецкіх адносін, але і абгрунтаваць знешнепалітычныя планы і крокі Польшчы на ўсходзе.

У айчынай, савецкай і постсавецкай навуцы даследчыкі практычна не звярталіся да даследавання польскай гістарыяграфіі польска-савецкіх адносін у першыя гады яе развіцця. Звычайна гістарыяграфічныя агляды па праблеме польска-савецкіх адносін міжваеннага часу канцэнтраваліся на дасягненнях і недахопах польскай гістарыяграфіі перыяду пасля другой сусветнай вайны. Спецыяльным даследаваннем па гісторыі польскай гістарычнай навуцы з'яўляецца праца Л. А. Зашкільняка [1]. Аўтар, разглядаючы вывучэнне розных гістарычных праблем у польскай міжваеннай гістарыяграфіі, адзначае, што яна шмат увагі надавала вывучэнню і польска-савецкіх адносін. Цікавасць да гэтай праблемы, на яго думку, асабліва ўзмацнілася ў 1930-я гады ў сувязі з тым, што ўсходні напрамак стаў прыярытэтным у знешняй палітыцы "санацыі" [1, с. 54].

У гістарыяграфічных аглядах да манаграфій, бадай што, найбольш грунтоўны аналіз гістарыяграфіі савецка-польскіх адносін зрабіў у сваёй працы П. Н. Альшанскі. Аднак і ён акцэнтуюе ўвагу на пасляваеннай гістарыяграфіі [2, с. 6–7]. Манаграфія І. В. Міхуцінай "Савецка-польскія адносіны 1931–1935" утрымлівае дастаткова падрабязны агляд як савецкай, так і польскай гістарыяграфіі. Але, зноў жа, аўтар акцэнтуюе ўвагу на дасягненнях савецкай і польскай гістарыяграфіі, пачынаючы з часоў другой сусветнай вайны. Гістарыяграфію міжваеннага часу яна не палічыла неабходным зрабіць аб'ектам свайго даследавання, хаця і адзначае пры аналізе польскай эмігранцкай гістарыяграфіі пасля другой сусветнай вайны, што яна працягвала гістарыяграфічныя традыцыі міжваеннага часу [3].

У дадзеным артыкуле мы паспрабуем высветліць, якія аспекты польска-савецкіх адносін і ў якой ступені знайшлі сваё адлюстраванне ў польскай гістарыяграфіі перыяду 1918 – 1926 гадоў, і на колькі погляды польскіх гісторыкаў былі звязаны з ідэйна-палітычнай барацьбой, якая адбывалася паміж савецкай Расіяй і Польшчай.

Літаральна з моманту адроджэння незалежнай Польшчы польская гістарыяграфія звярнулася да даследавання гісторыі ўсталявання польска-савецкай граніцы. Пры вывучэнні гэтай праблемы, польская гістарыяграфія, напэўна, у найбольшай ступені выконвала палітычны заказ. Польскія палітыкі яшчэ ў час першай сусветнай вайны пачалі выступаць з праектамі граніцы адроджанай Польшчы. У польскай гістарыяграфіі прыгадваецца дэкларацыя Р. Дмоўскага, з якой ён звярнуўся да прэм'ер-міністра Англіі і прапанаваў правесці польскую ўсходнюю граніцу па лініі Вільна, Дзвінск, Мінск, Пінск, Роўна, Камянец-Падольскі. Пры гэтым адзначаецца супярэчнасць пазіцыі Дмоўскага. З аднаго боку, ён указваў, што сіла Польшчы ў тэрыторыі, на якой пануе польскае насельніцтва, а з другой – прапаноўваў граніцу, якая значна выходзіла за этнічныя межы Польшчы [4, с. 54–55]. Адным з першых дакументаў, як вынікае з работ польскіх гісторыкаў першай паловы 1920-х гадоў, у якім таксама выказваліся польскія планы адносна граніц адроджанай дзяржавы, быў і праект С. Грабскага. Ён прадугледжваў граніцу Польшчы, якая ўключала на ўсходзе не толькі Вільню, але і По-

лацк, Мінск, Каменец-Падольскі. Пры гэтым Грабскі выступаў ад імя Польскага нацыянальнага камітэта ў Парыжы, які меў намер дабівацца ўказанай лініі ўсходняй граніцы на Парыжскай мірнай канферэнцыі.

Польскія гісторыкі і публіцысты ў сваіх працах літаральна з моманту адраджэння польскай дзяржавы сталі выступаць з абгрунтаваннем неабходнасці ўключэння ў яе склад вялікіх літоўскіх, беларускіх і ўкраінскіх тэрыторый на ўсходзе. Так, Я. Чэканоўскі спрабаваў даказаць у сваёй працы, што нават некаторыя паветы Магілёўскай і Віцебскай губерняў належаць да польскай этнічнай тэрыторыі і выказваў шкадаванне, што па Рыжскаму дагавору яны засталіся на расійскім баку граніцы [5, с. 29–30]. Польская гістарыяграфія робіць выснову, што на ўсходзе Польшча імкнулася дабіцца прымальнай граніцы ўзброеным шляхам. Па словах С. Грабскага, вайна 1919–1920 гадоў з савецкай Расіяй была перш за ўсё вайной за граніцы [6, с. 101].

С. Кутчэба адзначае ў якасці аднаго з ключавых момантаў, які вызначаў палітыку Польшчы па пытанні граніцы, тое, што яна вымушана была лічыцца з пазіцыяй Антанты, якая ўзяла на сябе права рэгуляваць пытанне ўсходняй граніцы Польшчы [7, с. 164]. Пры гэтым польская гістарыяграфія адзначае, што ўжо ў пачатку Парыжскай канферэнцыі стала зразумелым, што саюзнікі пагадзяцца перадаць Польшчы спрэчныя з Расіяй тэрыторыі толькі на аснове пагаднення паміж Польшчай і Расіяй. Для Польшчы было непрыемным, што канферэнцыя ў рэшце рэшт так і не рашылася вызначыць польска-расійскую граніцу. Заўважым, што ў польскай гістарыяграфіі ўсходняя граніца Польшчы вызначаецца як граніца менавіта польска-расійская [4, с. 68, 94–95]. Далей, ацэньваючы канцэпцыі інкарпарацыі і федэрацыі з пункту гледжання ўсталявання польскай усходняй граніцы, С. Кутчэба ўказвае, што яны не ўлічвалі самастойнасці Польшчы ў вызначэнні сваёй граніцы. Гэта было слабым месцам абедзвюх канцэпцый. Асабліва моцным, на яго думку, быў ціск вялікіх дзяржаў на Польшчу па пытанню аб далучэнні Усходняй Галіцыі [7, с. 168, 170–171].

Большасць польскіх гісторыкаў і публіцыстаў пагаджаюцца з тым, што ў пытанні аб граніцах у рэшце рэшт перамагла канцэпцыя інкарпарацыі эндэцыі, а не праграма ПІЛСУДСКАГА. Гэта, у прыватнасці, адзначае ў сваіх работах С. Грабскі. Прычыну такога ходу падзей ён бачыць у тым, што канцэпцыя інкарпарацыі “абапіралася на польскі патрыятызм, а палітыка Пілсудскага спрачалася з ім на кожным кроку”. Для Польшчы важнай праблемай было прызнанне вялікімі дзяржавамі той граніцы, якую ўсталяваў Рыжскі дагавор. У сувязі з гэтым С. Грабскі выказвае меркаванне, што важнейшым знешнепалітычным дасягненнем урада В. Сікорскага было атрыманне міжнароднага прызнання ўсходняй граніцы Польшчы [6, с. 102]. С. Грабскі бачыць значэнне прызнання граніц Саветам паслоў Антанты ў тым, што яно забяспечвае Польшчу ад узняцця на міжнародным узроўні пытання аб граніцы паслябальшавіцкай Расіяй [6, с. 101].

У цеснай сувязі з праблемай усталявання ўсходняй граніцы Польшчы польская гістарыяграфія разглядае гісторыю польска-савецкай вайны 1919 – 1920 гадоў. Асабліва ўвага звяртаецца на даследаванне магчымасцей мірнага ўрэгулявання канфлікта ў канцы 1919 – пачатку 1920 г. С. Кутчэба прызнае, што ініцыятыва мірных перамоў у гэты час зыходзіла з савецкага боку. У Польшчы ішла барацьба паміж прыхільнікамі перамоў і тымі, хто выступаў за працяг вайны. Названы аўтар лічыць, што ў польскіх правячых колах большасць выступала за заключэнне міру [7, с. 171]. Але, на думку С. Кутчэбы, савецкая Расія не імкнулася да дасягнення міру. Яна спадзявалася задаволіць свае інтарэсы з дапамогай ваенных дзеянняў, аб чым сведчыць падрыхтоўка наступлення на Дзвіне. Наступленне Пілсудскага на Кіеў падаецца як польскі адказ на пагрозу савецкага наступлення [7, с. 171–172]. Другія даследчыкі адзначаюць, што савецкая Расія ў канцы 1919 – пачатку 1920 г. прапаноўвала пачаць перамоўны на выгадных для Польшчы ўмовах. Я. Чэканоўскі адзначае, што Расія прапаноўвала граніцу па Беразіне [5, с. 65]. Пілсудскі ўбачыў у гэтым спробу толькі выйграць час, каб лепш падрыхтаваць армію для працягу вайны [4, с. 148].

З пытаннем аб граніцах Польшчы на ўсходзе польская гістарыяграфія непарыўна звязвала і даследаванне яе палітыкі на “ўсходніх крэсах”. Польская гістарыяграфія і публіцыстыка прыступілі да абгрунтавання права і неабходнасці ўсталявання польскага кантролю над украінскімі, беларускімі і літоўскімі землямі. Адзін з галоўных аргументаў пры гэтым

зводзіўся да таго, што насельніцтва дадзеных тэрыторый не можа стварыць жыццяздольны ўрад. Так, яшчэ ў 1919 г. К. Алэндскі пісаў у адной са сваіх работ, што калі б жыхары “ўсходніх крэсаў” і маглі б стварыць свой урад, то “... ўрад гэты быў бы слабым, не абапіраўся б на гістарычныя традыцыі. Без знешняй дапамогі гэты ўрад быў бы няздольны арганізаваць краіну.” Аўтар робіць прагноз, што гэты ўрад усё роўна паў бы. Выйсце з гэтай сітуацыі бачыцца ў тым, каб на “крэсах” стварыць дзяржаву, якая будзе знаходзіцца ў саюзе з Польшчай і абапірацца на яе падтрымку [8, с. 5–7].

Некалькі іншы падыход да вызначэння характару польскай палітыкі на “ўсходніх крэсах” характэрны для В. Каліноўскага. Ён адзначае, што Польшча павінна разглядаць землі Беларусі як поле геапалітычнай барацьбы з Расіяй. Пры гэтым беларускі нацыянальны рух ацэньваецца як надзвычай слабы і няздольны ажыццявіць дзяржаватворчы працэс. Тым не менш, на яго думку, Польшча павінна падтрымаць стварэнне Беларускай дзяржавы ў разліку на тое, што Беларусь пойдзе з тым, хто ёй акажа дапамогу [9, с. 4–6].

С. Кутчэба ў выданні “Незалежная Польшча”, якое ўбачыла свет у 1924 г., ажыццяўляе падборку дакументаў такім чынам, каб прадэманстраваць імкненне Ю. Пілсудскага сапраўды даць магчымасць літоўцам, беларусам і ўкраінцам самастойна выбіраць свой лёс [10, с. 8]. Ідэю аб тым, што польская палітыка адпавядала інтарэсам насельніцтва “ўсходніх крэсаў”, С. Кутчэба адстойвае і ў сваёй манаграфіі “Адроджаная Польшча”. У прыватнасці ён спасылаецца на тое, што польскія ўлады на акупіраванай тэрыторыі Беларусі і Украіны дазвалялі свабоднае карыстанне беларускай і ўкраінскай мовай, у тым ліку і пры звароце ва ўладныя структуры [7, с. 163]. Далей названы аўтар аналізуе палітыку федэралізму ў дачыненні да літоўскіх, беларускіх і ўкраінскіх тэрыторый. С. Кутчэба лічыць, што яна была нацэлена на тое, каб адрадыць Вялікае княства Літоўскае. Яно павінна было ахапіць этнаграфічныя літоўскія, беларускія і ўкраінскія тэрыторыі, якія згодна пункту гледжання С. Кутчэбы, былі прасякнуты польскай культурай, насычаны польскай традыцыяй і таму цягацелі да Польшчы. Галоўнае значэнне федэрацыі яму бачылася ў тым, што Польшча мела б унію з моцнымі дзяржавамі і была б аддзелена імі ад Расіі. Найбольш слабым бокам гэтай канцэпцыі С. Кутчэба лічыць тое, што літоўцы пра федэрацыю і чуць нічога не хацелі [7, с. 164–165].

Апошняя спроба рэалізацыі ідэі федэрацыі, на думку С. Кутчэбы, быў паход Пілсудскага на Кіеў. Ён хацеў аддзяліць Украіну ад Расіі і дапамагчы Пятлюры стварыць незалежную ўкраінскую дзяржаву ўзамен за адмову ад прэтэнзій на Усходнюю Галіцыю і частку Усходняй Валыні. Але гэты план Пілсудскага падаецца даследчыку нерэалістычным, бо на Украіне не хапала дзяржаватворчых сіл. Да таго ж, С. Кутчэба лічыць, што адарванне з польскай дапамогай Украіны ад Расіі назаўсёды сапсавала б адносіны паміж Польшчай і Расіяй [7, с. 173–174].

Характарызуючы канцэпцыю інкарпарацыі, С. Кутчэба ўказвае, што яна грунтавалася на ідэі падзелу беларускіх зямель паміж Польшчай і Расіяй. Яе прыхільнікі мелі на ўвазе далучэнне да Польшчы той часткі Беларусі, на якой была значная доля польскага насельніцтва, пераважалі каталікі і польскія культурны ўплыў Тэрыторыю, на якой пераважалі праваслаўныя беларусы, намячалася аддаць Расіі [7, с. 167]. Гісторык лічыць канцэпцыю інкарпарацыі больш рэалістычнай. Яе перавага заключаецца ў тым, што яна дазваляе Польшчы ўсталяваць добрыя адносіны з Расіяй. А яны неабходны Польшчы ў сувязі з пагрозай з боку Германіі. Пагадненне з Расіяй стане немагчымым для Польшчы, калі апошняя адсуне свае граніцы за надта далёка на ўсход. Да таго ж, буферная дзяржава, якая, згодна федэралісцкай канцэпцыі, павінна ўтварыцца паміж Расіяй і Польшчай, на думку С. Кутчэбы, стане полем пастаяннай барацьбы гэтых дзвюх краін [7, с. 168].

С. Грабскі адзначаў яшчэ адну перавагу палітыкі інкарпарацыі ў параўнанні з канцэпцыяй федэрацыі. На яго думку, трывала ўтрымаць няпольскае насельніцтва ў складзе Польшчы можна толькі праз яго асіміляцыю. Далей польскі палітык падкрэслівае, што полякі павінны выступаць супраць усялякай аўтаноміі ў складзе польскай дзяржавы, бо яна будзе непазбежна весці да росту беларускага, украінскага, нямецкага нацыяналізму [6, с. 26–27]. На думку С. Грабскага, пытанне ўкраінскае і беларускае ў Польшчы – гэта пытанне тэрытарыяльнага аб’яднання дзяржавы. Вырашана яно можа быць толькі праз утварэнне на землях краіны польскай нацыянальнай большасці, ці, як мінімум, перавагі польскага насельніцтва [11, с.

69]. Польскія гісторыкі ўжо ў той час зрабілі выснову, што барацьба дзвюх канцэпцый закончылася перамогай ідэі інкарпарацыі. На думку Я. Чэканоўскага, Рыжскі дагавор канчаткова ўстанавіў, што Польшча будзе дзяржавай нацыянальнай, гэта значыць была пахавана ідэя федэралізму [5, с. 15–16]. У іншых гістарычных даследаваннях адзначаецца, што паражэнне польскіх войскаў летам 1920 г. перакрэсліла федэралісцкія планы Пілсудскага [4, с. 154].

У польскай гістарыяграфіі важнае месца заняла праблема падпісання Рыжскага дагавора. Польскім аўтарамі адзначаецца, што на пачатку мірных перамоў савецкі ўрад вылучыў вельмі цяжкія для Польшчы ўмовы, такія, якія можна было вылучаць у выпадку ўзяцця Варшавы [4, с. 74]. Далей у ходзе перамоў сітуацыя змянілася. Польскія гісторыкі сцвярджаюць, што савецкая дэлегацыя гатова была ісці на вялікія тэрытарыяльныя саступкі. Але польская дэлегацыя на перамовах у Рызе прытрымлівалася таго пункту гледжання, што Польшча павінна далучыць толькі тыя землі, якія былі моцна паланізаваны. У сувязі з гэтым палякі адмовіліся ад Мінска [4, с. 178].

Звяртаючыся да гэтай праблемы, С. Грабскі адзначае, што ў час мірных перамоў ён адстойваў пункт гледжання, згодна якому да Польшчы трэба было далучыць на ўсходзе такія тэрыторыі, на якіх за непрацяглы час магла ўтварыцца выразная польская большасць. Таму палякі адмовіліся ад Мінска. С. Грабскі піша, што калі б да Польшчы быў далучаны Мінск і граніца была адсунута далей на ўсход, то ў Польшчы ўзнікла б беларускае пытанне, не менш небяспечнае ўкраінскае [11, с. 70, 72]. Па словах С. Грабскага, у польскай дэлегацыі не было ніводнага чалавека, які думаў бы адсунуць граніцу да Дняпра. Ён тлумачыць гэта перш за ўсё ваеннымі прычынамі. Імкненне да лініі Дняпра азначала б працяг вайны, а за зіму балышавікі маглі стварыць армію, значна пераўзыходзячую па колькасці польскую. С. Грабскі лічыць, што значна важней, чым дасягнуць лініі Дняпра, для Польшчы было дабіцца агульнай граніцы з Латвіяй, каб аддзяліць Расію ад Літвы [6, с. 105]. Я. Чэканоўскі падкрэсліваў, што па Рыжскаму дагавору Польшча не дасягнула граніцы 1772 г., але значна выйшла за граніцы, дзе польскае насельніцтва складала большасць [5, с. 15–16]. У якасці аднаго з найважнейшых палажэнняў Рыжскага дагавора польская гістарыяграфія адзначае прызнанне незалежнасці Украіны і Беларусі, але пры гэтым звяртае ўвагу на тое, што яны былі цесна звязаны з Расіяй [4, с. 177].

Важнае значэнне Рыжскага міру для Польшчы, на думку польскіх гісторыкаў, заключалася ў тым, што да яго яна разглядалася ў Еўропе як дзяржава, створаная рашэннем перможцаў. Цяпер яна прадэманстравала сваю сілу і жыццяздольнасць і выступала як найбольш моцная дзяржава на ўсходзе Еўропы. У сувязі з Рыжскім мірам змяніліся і адносіны Францыі да Польшчы. Польшча прадэманстравала сваю сілу і стала рэальным антыгерманскім саюзнікам Францыі. А дзяржавы, якія ўтварыліся на тэрыторыі былой Расійскай імперыі, сталі шукаць падтрымкі з боку Польшчы [4, с. 180, 182].

Для польскай гістарыяграфіі даследаванне гісторыі польска-савецкіх адносін было непарыўна звязана з вывучэнне адносін савецка-германскіх. Польская гістарычная навука літаральна з моманту адраджэння незалежнай Польшчы звярнула ўвагу на вялікі ўплыў германскага фактару на развіццё польска-савецкіх адносін. В. Каліноўскі адзначаў, што Германія ва ўмовах Версальскай сістэмы накіроўвае сваю палітыку на збліжэнне з Расіяй. Адпаведна, як адна з важнейшых задач знешняй палітыкі Польшчы вызначалася супрацьстаянне германа-расійскаму блоку. Указаны аўтар лічыць, што дадзеную задачу Польшча можна вырашыць праз стварэнне блока дзяржаў, якія размешчаны паміж Балтыйскім і Чорным морам [9, с. 4–6]. Польскі публіцыст А. Гжымала-Сідлеўскі даказвае, што ўжо ў час пахода Чырвонай арміі на Варшаву ў 1920 г. у польскай грамадскай думцы мелася цвёрдае перакананне, што Расія і Германія могуць выступіць разам супраць Польшчы. Палякі былі ўпэўнены, што немцы толькі чакаюць падзення Варшавы, каб узяць паўстанне ў Гданьску і Верхняй Сілезіі [12, с. 245].

У сілу таго, што Польшча, як лічылі польскія гісторыкі, з двух бакоў акружана ворагамі, яна можа выжыць толькі як вялікая дзяржава. Гэты пункт гледжання ў польскай гістарыяграфіі фарміраваўся ў многім пад уплывам палітыкаў той эпохі. Так, С. Грабскі адзначаў у адным са сваіх твораў, што Польшча ў сілу свайго геаграфічнага становішча можа заставацца незалежна толькі тады, калі яна будзе сапраўды вялікаю дзяржаваю, гэта значыць сілаю, з якою кожнаму суседу карысна быць у добрых адносінах [6, с. 6]. Але праблема, на думку С.

Грабскага, заключаецца ў тым, што Масква і Берлін рознымі дарогамі, але скаардынаваўшы агульныя планы, імкнуцца падарваць і знішчыць свет, які “быў усталяваны на развалінах германскага сусветнага панавання” [6, с. 163].

Дакладна так, як у польскай палітыцы, так і ў польскай гістарыяграфіі сфарміравалася дзве пазіцыі адносна таго, хто з вялікіх суседзей Польшчы прадстаўляе для яе большую пагрозу. С. Грабскі як прадстаўнік польскага правага лагера, даказвае, што Польшча не мае гарантаваных дзесяцігоддзяў міру і найбольш небяспечным яе праціўнікам з’яўляецца Германія [6, с. 113]. Што датычыцца ўсходняга суседа, то зыходным пунктам ацэнкі палітыкі савецкай Расіі ў дачыненні да Польшчы было тое, што яна працягвае ранейшую імперскую палітыку Расіі царскай. Вядомы польскі публіцыст 1920-х гадоў Ф. Канечны пісаў у гэтай сувязі: “Расія – старэйшая мілітарысцкая дзяржава Еўропы, і яна застанеца такой, пакуль не ўспрыме каштоўнасці еўрапейскай цывілізацыі” [13, с. 240].

З другога боку, польскія гісторыкі імкнуліся даказаць, што знешняя палітыка Польшчы пасля Рыжскага дагавора была чыста абарончай. Яна імкнулася захаваць тыя граніцы, якія атрымала па Версальскаму і Рыжскаму дагаворам і не збіралася за іх выходзіць. Аднаводна, яна была зацікаўлена ў захаванні міру [4, с. V, 21].

Для Польшчы знешнепалітычная сітуацыя, якая склалася ў першы час пасля Першай сусветнай вайны, характарызуецца ў польскай гістарыяграфіі як спрыяльная. Гэта звязвалася з тым, што Расія і Германія былі аслаблены. Дадзены перыяд заканчваецца з моманту Генуэзскай канферэнцыі, калі Расія перастала быць толькі аб’ектам міжнароднай палітыкі і стала актыўным яе ўдзельнікам [11, с. 143]. Характарызуючы знешнюю палітыку Польшчы ў час урада В. Сікорскага, С. Грабскі сцвярджае, што Польшча павярнула напрамак сваёй экспансіі ад Балтыкі на Украіну, і гэта была памылка [6, с. 98].

Пэўнае месца ў польскай гістарыяграфіі ў момант яе станаўлення знайшло і пытанне развіцця польска-савецкіх адносін у сувязі з крызісам ў Германіі восенню 1923 г. Даследчыкамі адзначаецца, што восенню 1923 г. германская праблема заняла цэнтральнае месца ў савецка-польскіх адносінах. В. Куманецкі піша, што савецкі бок пры гэтым цікавіла перш за ўсё два моманты: свабода транзіту ў Германію і захаванне нейтралітэту Польшчай у сувязі з германскай рэвалюцыяй. Як лічыць указаны аўтар, кожны з бакоў гатоў быў заставацца нейтральным у адносінах да падзей у Германіі, пакуль такую ж пазіцыю займаў другі бок [14, с. 728–729].

Літаральна па слядах бягучых падзей польскія гісторыкі ў сярэдзіне 1920-х гадоў паспелі правесці першыя даследаванні ўплыву план Даўэса і Лакарнскіх пагадненняў на польска-савецкія адносіны. Б. Боўфал адзначаў, што ў плане Даўса і Лакарнскіх пагадненнях ужо няма дзялення на пераможцаў і пераможаных, што з’яўляецца неспрыяльным фактарам для Польшчы. Акрамя таго, у Лакарна не атрымала ніякага пацверджання ўстаноўленая Версальскім дагаворам германа-польская граніца. На думку аўтара, непажаданную для Польшчы інтэрпрытацыю атрымаў у Лакарна арт. 16 Статута Лігі нацый. У выніку гэтага Германія атрымала магчымасць у новых умовах захаваць Рапальскі дагавор [15, с. 113].

Такім чынам, у першыя гады развіцця гістарыяграфіі польска-савецкіх адносін у аднароджанай у 1918 г. Польшчы абазначылася некалькі пытанняў у рамках указаннай праблемы, якім яна надала найбольшую ўвагу. Гэта пытанні гісторыі барацьбы Польшчы за свае ўсходнія граніцы, польска-савецкай вайны 1919 – 1920 гадоў і Рыжскага міру, палітыкі Польшчы на літоўскіх, украінскіх і беларускіх землях, уплыву германскага фактара на польска-савецкія адносіны. У той час пералічаныя пытанні мелі выключную палітычную актуальнасць. Гэта наклала вялікі адбітак на характар навуковых даследаванняў, якія неслі на сябе след вострай ідэйна-палітычнай барацьбы. Пералічаныя абставіны набліжалі польскую гістарыяграфію даследуемага часу да публіцыстыкі.

Резюме. В статье рассмотрен первый этап развития историографии польско-советских отношений в Польше после ее восстановления как независимого государства в 1918 г. Выявлены важнейшие вопросы, на которых акцентировала свое внимание в рамках указанной проблемы польская историография периода 1918–1926 годов: история становления восточной гра-

ницы Польши, польско-советской войны 1919 – 1920 годов и подписания Рижского мира, политика Польши в отношении литовских, белорусских и украинских земель, влияние германского фактора на польско-советские отношения. Показано, что развитие исторической науки в Польше в тот период было неразрывно связано с решением стоявших перед страной внешнеполитических задач.

Abstract. The first stage of Poland-Soviet development relation historiography after its restoration as an independent state in 1918 is considered in the article. The major questions on which Polish historiography focused its attention within the limits of the specified period (1918-1926) are revealed: the history of Eastern Poland border formation, Poland-Soviet war of 1919-1920 and signing an armistice in Riga, Poland's policy towards the Lithuanian, Belarusian and Ukrainian lands, the German factor influence on Poland-Soviet relations. It is shown that the development of a historical science in Poland was during this period inseparably linked with the decision of foreign policy problems facing the country.

Літаратура

- 1 Зашкильняк, Л. А. Формирование и развитие исторической науки в Польше / Л. А. Зашкильняк. – Львов: ЛГУ, 1986. – 82 с.
- 2 Ольшанский, П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921 – 1924 / П. Н. Ольшанский. – М.: Наука, 1974. – 288 с.
- 3 Михутина, И. В. Советско-польские отношения. 1931-1935 / И. В. Михутина. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
- 4 Wskreszenie Państwa Polskiego. Szkic historyczny. T. 2. 1918 – 1923. – Krakow: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1925. – 300 s.
- 5 Czekanowski, J. Wschodni zagadnienia graniczne Polski i stosunki etniczno-społeczne. / J. Czekanowski. – Lwow, 1921. – 144 s.
- 6 Grabski, c. Z zagadnień polityki narodowo-państwowej. / S. Grabski. – Warszawa: Wyd. Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1925. – 134 s.
- 7 Kutrzeba, c. Polska odrodzona. 1914 - 1922. / S. Kutrzeba. – Krakow: Gebethner i Wolff, 1922. – 264 s.
- 8 Olędzki, K. Kresy wschodnie a Polska. / K. Olędzki – Warszawa: Druk. J. Świętońskiego, 1919. – 14 s.
- 9 Kalinowski, W. Kwesta wschodnia a Białorus. / W. Kalinowski. – Warszawa: Druk. Lit., 1920. – 14 s.
- 10 Kutrzeba, c. Polska niepodległa. / S. Kutrzeba – Krakow: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1924. – 32 s.
- 11 Grabski, c. Uwagi o bieżącej historycznej chwili Polski. / S. Grabski – Warszawa: Wyd. Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1922. – 160 s.
- 12 Grzymala-Siedlewski, A. Cud Wisły. Wspominy korespondenta wojennego. / A. Grzymala-Siedlewski. – Warszawa: Wyd. Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1921. – 278 s.
- 13 Koneczny, F. Polski lagos a etnos. / F. Koneczny – Warszawa, 1921 – 315 s.
- 14 Kumaniecki, W. Odbudowa państwowości Polskiej. / W. Kumaniecki – Warszawa – Krakow, 1924. – 784 s.
- 15 Bouffal, B. Układy w Lokarno a bezpieczeństwo Polski. / B. Bouffal – Warszawa: Wyd. Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1926. – 134 s.

Узаемаадносіны Ватыкана і хрысціянска-дэмакратычнай партыі Італіі (1943-1962 гг.)

А. Ф. ПАДДУБСКАЯ

У артыкуле разглядаюцца адносіны каталіцкай царквы да хрысціянска-дэмакратычнай партыі: аналізуецца станаўленне ХДП Італіі; развіццё партыі на працягу акрэсленага перыяду; апісваюцца асаблівасці супрацоўніцтва ХДП Італіі і Ватыкана пасля II Сусветнай вайны.

У Італіі ўжо ў ходзе вызваленчай вайны на хвалі дэмакратычнага пад'ёма пачынаецца працэс станаўлення плюралістычнай партыйна-палітычнай структуры.

Хрысціянска-дэмакратычныя партыі і рухі вядуць сваё ідэалагічнае паходжанне ад рэакцыі каталікоў Італіі, Германіі і Францыі на лібералізм, нацыяналізм і сацыялізм XIX ст. Лічыцца, што менавіта дыскусіі XIX ст. паміж клерыкальнымі і свецкімі партыямі далі штуршок развіццю хрысціянска-дэмакратычнай думкі.

Заснавальнікам першай у Еўропе хрысціянска-дэмакратычнай партыі, фармальна незалежнай ад царквы і выступаючай за сацыяльныя рэформы, стаў у 1919 г. Луіджы Стурцо, каталіцкі святар і палітычны актывіст. Народная партыя Італіі атрымала значную падтрымку на выбарах, захоўваючы папулярнасць аж да свайго вымушанага роспуску. Яна стала своеасаблівым ідэалагічным падмуркам для з'яўлення Італьянскай Хрысціянска-дэмакратычнай партыі, узнікшай неўзабаве пасля II Сусветнай вайны.

Вялікую ролю ў станаўленні новай партыі адыграў Альчыдэ дэ Гасперы (1881-1954) – апошні сакратар партыі Папаляры, якая існавала да 1926 г., калі была распушчана фашысцкім урадам. Роля дэ Гасперы ў стварэнні хрысціянска-дэмакратычнай партыі і ў далейшым палітычным жыцці, па меркаванні шматлікіх даследчыкаў, была «не проста вялікай, а вельмі вялікай» [11, с. 13]. Гісторык Дональд Сассун называе дэ Гасперы «найбольш уплывовым палітычным лідэрам пасляваеннай Італіі» [13, с. 4].

Летам-восенню 1942 г. ён праводзіць шэраг нелегальных сустрэч з дзеячамі старой партыі Папаляры, а таксама з некаторымі прадстаўнікамі маладога пакалення каталіцкага руху, які сфарміраваўся падчас фашызму. І ўжо вясной-летам 1943 г. быў сфармуляваны і атрымаў распаўсюджванне праграмны дакумент пад назвай «Аднаўленчыя ідэі хрысціянскай дэмакратыі» новай хрысціянска-дэмакратычнай партыі (назву партыі – хрысціянска-дэмакратычная – прапанавалі, сыходзячы з таго, што дэмакратыя ёсць пастулат хрысціянства: «дэмакраты – таму што хрысціяне» [14, с. 198-199]).

Новая хрысціянска-дэмакратычная партыя выступала за ўсталяванне не толькі палітычнай, але і «эканамічнай» дэмакратыі. Мэтай партыі стала стварэнне ладу, заснаванага збольшага на дробнай уласнасці; ладу, дзе сяляне і працоўныя «знікнуць як клас», ператварыўшыся ў уладальнікаў зямлі ці саўдзельнікаў прадпрыемства, а буйныя зямельныя ўладальнікі будуць абмежаваны дзяржавай. У дакуменце казалася пра неабходнасць «назаўсёды знішчыць прывід беспрацоўя». Батракі і беззямельныя сяляне павінны былі атрымаць зямлю, працоўныя – атрымаць кааператывыя дамы. Да гэтага выказваліся палажэнні, патрабуючыя правядзення аграрнай, прамысловай, фінансавай рэформаў, дэмакратызацыі палітычных структур. ХДП аб'яўляла сваёй афіцыйнай ідэалогіяй сацыяльную дактрыну каталіцкай царквы. Лад, які партыя прапанавала ўсталяваць, называўся «хрысціянскай цывілізацыяй» [1, с. 47-48].

25 ліпеня 1943 г., калі антыфашысцкія палітычныя партыі аднавілі сваю дзейнасць у якасці легітымных арганізацый, дэ Гасперы быў ужо агульнапрызнаным лідэрам ХДП. Ён здолеў аб'яднаць у новай партыі дзеячаў рознага паходжання і поглядаў. Сярод іх былі ветэраны старой партыі Папаляры – Стэфано Ячыні, Дж. Спатаро [2, с. 27]; прадстаўнікі традыцыі каталіцкага прафсаюзнага руху – Джузэппе Гранкі, Акілле Грандзі, Джузэппе Ранеллі;

група, што ўтварылася пры Міланскім універсітэце, на чале з Пьеро Мальвесціці, Дж. Малавезі і Энрыко Фалькам. Сюды далучыліся таксама некаторыя прафесары з Міланскага каталіцкага ўніверсітэта Святога сэрца і інш. [4, с. 129].

Такім чынам, ХДП з самага пачатку прадстаўляла самыя розныя сферы каталіцкага руху. Дэ Гасперы ставіў сваёй мэтай стварэнне вакол ХДП самага шырокага кола эканамічных, сацыяльных і палітычных сіл.

10 снежня 1945 г. лідэр Хрысціянска-дэмакратычнай партыі сфарміраваў свой першы ўрад (у кабінет увайшлі прадстаўнікі 6 партый, якія выконвалі галоўную ролю ў камітэтах па вызваленню). На выбарах у Устаноўчы сход 2 чэрвеня 1946 г. хрысціянскія дэмакраты, камуністы і сацыялісты на чале з Пьетро Нэнні набралі 75% галасоў. Прыход да ўлады новага ўрада на чале з хрысціянскім дэмакратам азначаў новы этап у працэсе фарміравання дэмакратычных структур Італіі, «будаванне» краіны ў рэчышча нармальнага развіцця. 25 чэрвеня адчыніўся Устаноўчы сход, які пачаў распрацоўку новай Канстытуцыі Італіі.

Праект Канстытуцыі выпрацоўваўся ў ходзе вострых спрэчак і стаў важным пытаннем для новай ХДП. Ватыкан хвалявала пытанне пра пацверджанне Латэранскага канкардата 1929 г., і партыя дэмахрысціян, карыстаючыся падтрымкай Святога прэстола, павінна была прапанаваць варыянт прымальны для каталіцкай царквы. Тальяці ад імя левых дэпутатаў прапанаваў наступную фармулёўку: «Дзяржава прызнае суверэнітэт каталіцкай царквы ў межах яе правапарадку. Адносіны паміж дзяржавай і каталіцкай царквой рэгулююцца адпаведнымі палажэннямі, якія ўтрымліваюцца ў канкардаце» [15, с. 18]. Дэмахрысціяне сфармулявалі дадзены артыкул Канстытуцыі: «Дзяржава і каталіцкая царква самі па сабе незалежныя і суверэнныя. Іх адносіны рэгулююцца Латэранскімі пагадненнямі. Прынятае ў двухбаковым парадку змяненне гэтых пагадненняў не патрабуе працэдуры перагляду Канстытуцыі» [3, с. 541]. Ватыканскую дыпламатыю задавальваў дэмахрысціянскі варыянт.

25 сакавіка за варыянт, прапанаваны ХДП, прагаласавала 350 дэпутатаў (супраць – 149). 5 (пазней 7) артыкул Канстытуцыі па ўзоры хрысціянскіх дэмакратаў падтрымалі, акрамя іх, лібералы і камуністы. Гэта падзея стала важнай перамогай ХДП і перамогай Ватыкану. З 1 студзеня 1948 г. Канстытуцыя ўступіла ў сілу.

Дэбаты ў Устаноўчым сходзе вакол праекта Канстытуцыі праходзілі ва ўмовах, калі палітычнае жыццё краіны ўскладнялася праблемамі пераходнага ад вайны да міру перыяду. Пасля прыняцця галоўнага закону краіны павінны былі адбыцца выбары ў першы рэспубліканскі парламент. На выбарах перамагла ХДП, набраўшы 48, 48%. З гэтага часу пачынаецца панаванне ў палітычным жыцці Італіі пазіцый хрысціянскіх дэмакратаў. Партыя перамагала на выбарах у парламент у 1953 г. (40%) і ў 1958 г. (42%), што дало падставу называць дадзены перыяд у гісторыі Італіі «эрай ХДП».

Такія пазіцыі хрысціянскіх дэмакратаў некаторыя даследчыкі і палітычныя дзеячы таго часу тлумачылі выключна палітыкай Ватыкана, якая забяспечвала моцную падтрымку гэтай партыі. Пра панаванне Святога прэстола ў палітычнай сферы М. Скончыморро выказваўся: «У часы фашызму ў любым дэпартаменце ці канторы можна было бачыць людзей у чорных кашулях, зараз жа, у часы дэ Гасперы, можна бачыць людзей у чорных сутанях. Чорныя кашулі не зніклі – яны сталі даўжэйшымі» [8, с. 67].

Бясспрэчна, што, з'яўляючыся каталіцкай партыяй у каталіцкай краіне, ХДП карысталася матэрыяльнай і маральнай падтрымкай Ватыкана, абапіраючыся на аўтарытэт і апарат каталіцкай царквы, што дапамагала ёй захоўваць сваю масавую базу і заваёўваць галасы. Цэментуючым яе ўплыў элементам служыла каталіцкая ідэалогія і сувязь з Ватыканам была вельмі моцнай. Прыкладам могуць стаць словы Пія XII, які перад выбарамі ў парламент 1948 г. заклікаў галасаваць за хрысціянскіх дэмакратаў, падкрэсліваючы, што адмова ад удзелу ў выбарах – «смяротны грэх» [7, с. 98]. Кансістарыяльная кангрэгацыя Ватыкана 29 жніўня 1945 г. перадала ўсім італьянскім епіскапам наступную інструкцыю: «Каталікі могуць галасаваць толькі за тых кандыдатаў, у адносінах да якіх маецца перакананасць, што яны будуць паважаць і бараніць закон Божы і правы рэлігіі і царквы ў прыватным і грамадскім жыцці» [12, с. 27].

ХДП мела магчымасць апекаваць да выбаршчыкаў, абапіраючыся на іх рэлігійнае светаўспрыманне. Хуткаму ўзмацненню партыі садзейнічалі і шырока распаўсюджаныя аргані-

зацыйныя формы каталіцкай царквы: парафіі, свецкія і рэлігійныя каталіцкія арганізацыі, а таксама прафсаюзы, якія знаходзіліся пад уплывам ХДП.

Аднак моцныя пазіцыі хрысціянскіх дэмакратаў можна растлумачыць не толькі падтрымкай Ватыкана, а ў першую чаргу тым, што з-за аб'ектыўных умоў італьянскай палітычнай сістэмы і гетэрагеннасці сацыяльнай базы ХДП, яна выступала як выразнік інтарэсаў шырокіх слаёў, як партыя цэнтра, арыентаваная на шчыльнае супрацоўніцтва з рознымі сегментамі грамадства. Прынцып сыходзіў з каталіцкай сацыяльнай дактрыны і вызначаў, што ўся стратэгія павінна быць падначалена перш за ўсё задачам манеўрыравання і супрацоўніцтва розных сацыяльных груп, якія складалі масавую электаральную базу хрысціянска-дэмакратычнай партыі (тут былі прадстаўлены працоўныя і прадпрыемальнікі, сяляне і, збольшага, гарадскія слаі). Выбаршчыкаў прыцягвалі да партыі, з аднаго боку, надзея на адраджэнне дэмакратыі пасля 20 гадоў фашысцкага рэжыму, а з іншага – боязь радыкалізму левых партый.

Поспех у стварэнні і дзеянні ХДП вызначаўся і іншымі абставінамі, перш за ўсё, палітычнай сітуацыяй, якая склалася ў гэты перыяд. У заснавальнікаў хрысціянска-дэмакратычнай партыі не заставалася іншай альтэрнатывы, акрамя будаўніцтва масавай партыі, што будзе дзейнічаць у межах дэмакратычнай дзяржавы.

Другім значным чыннікам было панаванне дэмахрысціянскіх партый пасля разбурэння аўтарытарных рэжымаў (перш за ўсё ў пераможаных у вайне краінах – Германіі, Аўстрыі, Італіі). Ватыкан падтрымліваў дадзеную альтэрнатыву, указваючы ў спалучэнні хрысціянства і дэмакратыі фундамент новага сацыяльна-палітычнага ладу.

Са свайго боку, у момант разбурэння фашызму прадстаўнікі буйнога бізнесу прынялі варыянт пасляваеннага будаўніцтва, бачачы ў дэмахрысціянскіх партыях адзіную сілу, якая магла бы супрацьстаяць радыкальнаму камуністычнаму руху.

Усё гэта можа служыць тлумачэннем сілы, устойлівасці існавання створанай ХДП сістэмы ўлады.

ХДП узнікла, як складаны і супярэчлівы палітычны механізм, з аднаго боку, закліканы аб'яднаць і адлюстроўваць у свецкай палітычнай сферы інтарэсы і патрабаванні шырокага кола каталікоў, а з другога – як адзіная на той момант партыя, якой палітычная эліта магла даверыць місію па палітычным, эканамічным і маральным адраджэнні краіны.

Папа Пачэллі, каментуючы станаўленне новай партыі, канстатаваў, што народы жадаюць у ўмовах дэмакратыі эфектыўна супрацоўнічаць як у будаўніцтве асобы, так і грамадства. Калі народы жадаюць жыць у ўмовах дэмакратыі, царква абавязана выкласці свае маральныя погляды на дэмакратыю. «Царква не забараняе памяркоўныя дэмакратычныя сістэмы, – казаў пантыфік, – калі яны не выступаюць супраць каталіцкай дактрыны пра паходжанне грамадскай улады» [9, р. 79].

Падтрымка Ватыкана, такім чынам, часта выконвала станоўчую ролю ў палітычнай дзейнасці партыі, аднак у той жа час кансерватыўная пазіцыя папы прыводзіла да негатыўных вынікаў для дэмахрысціян Італіі. Акрамя недаверу папы Пачэллі і спробаў стварэння альтэрнатыўнай палітычнай сілы для каталіцкага электарата, у другой палове 1950-х гг., па словах даследчыка Сандра Маджыстэра, пачынаецца «агонія цэнтрызму ХДП» [10, с. 143]. Цэнтрыскі курс, што праводзіўся партыяй разам з лібераламі з 1954 г. (калі пасля смерці дэ Гасперы на чале ўрада стаў спачатку Д. Пелла, а потым М. Шэльба), не абазначаў ніякіх прынцыповых, стратэгічных зменаў у яе палітыцы. У той жа час цэнтрысцкая кааліцыя не была дастаткова трывалай і не забяспечвала палітычнай стабільнасці.

Для некаторых дзеячаў ХДП рабілася зразумелым неабходнасць пошуку новых, нетрадыцыйных палітычных саюзнікаў і распрацоўка праграмы, якая магла б замацаваць супрацоўніцтва з імі на ўрадавым узроўні. Такая праграма павінна была адпавядаць сацыяльна-эканамічным зрухам 1950-х гг. у італьянскім грамадстве.

Найбольш пажаданым партнёрам для ХДП у такіх умовах была Італьянская сацыялістычная партыя (ІСП), якая парвала адносіны з камуністамі і сама актыўна імкнулася да ўдзелу ў ўрадзе. Менавіта ўдзел сацыялістаў павінен быў надаць новы характар кааліцыі. Праўда, манеўр улева – у бок ІСП – рабіўся складаным з-за пазіцыі Пія XII, які перашкаджаў збліжэнню з сацыялістамі, фармальна накладшы анафему на камуністаў, сацыялістаў і выбаршчыкаў, што галасавалі за тую партыю.

Гэта стратэгія левага цэнтру як саюз са «свецкімі» партыямі пачала ажыццяўляцца толькі з пачаткам пантыфікату Яна XXIII, які змяніў памерлага Пія XII і фактычна не перашкаджаў новай стратэгіі хрысціянскіх дэмакратаў. У энцыкліцы «*Pacem in terris*» утрымліваліся заклікі да міру і супрацоўніцтва розных палітычных плыняў [6]. У сваю чаргу, частыя ўрадавыя крызісы значылі, што «эра» манапольнага кіравання ХДП падыходзіла да свайго завяршэння. У 1962 г. з'езд хрысціянска-дэмакратычнай партыі пацвердзіў накірунак левага цэнтру, а А. Фанфані сфарміраваў урад з прадстаўнікоў ХДП, сацыял-дэмакратаў і рэспубліканцаў.

Такім чынам, з'яўленне хрысціянска-дэмакратычнай партыі, яе рост пацвярджалі меркаванні пра «маральны аўтарытэт царквы і рэлігіі ў Італіі» дадзенага перыяду [5, с. 274]. У гэтым сэнсе ўтварэнне ХДП было падрыхтавана захаваннем не толькі арганізацыі, але і ідэалагічнай аўтаноміі каталіцкага руху ў часы фашызму. Калі лічыць, што хрысціянска-дэмакратычная партыя ў сваёй праграме аформіла настрой значнай часткі сярэдніх слаёў насельніцтва, то трэба думаць, што такія настроі склаліся не адразу, а яшчэ ў недрах фашысцкага рэжыму.

Другая палова 1950-х гг. характарызавалася неабходнасцю для ХДП пераасэнсаваць свой папярэдні вопыт і стратэгічны курс, які адпавядаў бы зрухам у грамадстве. Гэта магло адбыцца толькі пасля адыходу Ватыкана ад крытыкі камуністаў і сацыялістаў, што здарылася ў 1958 г. з прыходам Яна XXIII.

Abstract. The article discusses the Catholic Church and the Christian Democratic Party relationship: analysis of the Italian CDP formation, the party development over a certain period, the article describes the characteristics of Italian CDP and Vatican cooperation after World War II.

Літаратура

- 1 Комолова, Н. П. Новейшая история Италии / Н. П. Комолова. – М.: Просвещение, 1970. – 319 с.
- 2 Комолова, Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии / Н. П. Комолова. – М.: Наука, 1972. – 444 с.
- 3 Конституции буржуазных государств Европы // Под ред. Г. С. Гурвича. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – 642. с.
- 4 Лисовский, Ю. П. Италия от фашизма к демократии: Трудные пути послевоенной перестройки / Ю. П. Лисовский. – М.: Наука, 1990. – 385 с.
- 5 Лопухов, Б. Р. История фашистского режима в Италии / Б. Р. Лопухов. – М.: Наука, 1977. – 296 с.
- 6 Маджистер, С. Политика Ватикана и Италия 1943-1978 / С. Маджистер. – М.: Прогресс, 1982. – 254 с.
- 7 Рутенбург, В. И. Ватикан в прошлом и настоящем / В. И. Рутенбург. – Ленинград: Ленинздат, 1955. – 167 с.
- 8 Скорчечмарро, М. Новая демократия / М. Скорчечмарро. – М.: Госполитиздат, 1959. – 289 с.
- 9 Agenda sociale. Raccolta di testi del Magistero. – Vaticano: Libreria editrice Vaticana, 2000. – 490 p.
- 10 Giovanni XXIII. «*Pacem in terris*» [Electronic resource]. – Mode of Access: http://www.vatican.va/holy_father/john_xxiii/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem_it.html – Date of Access: 08. 05. 2008.
- 11 Chiaranti, G. La democrazia cristiana / G. Chiaranti. – Roma, 1980. – 275 p.
- 12 Prandi, A. Chiesa e politica / A. Prandi. – Bologna, 1968. – 374 p.
- 13 Sassoon Donald. Contemporary Italy: Economy, Society and Politics since 1945. – New York, 1997. – P. 4.
- 14 Spataro, G. I democratici cristiani dalla dittatura alla repubblica / G. Spataro. – Milano, 1968. – 311 p.
- 15 Tagliatti, c. Avanti, verso democrazia! / P. Tagliatti. – Roma, 1964. – 32 p.

УДК 94 (470+571)+ 94 (477)+94 (477) «XX»:327:316.32:316.42

Россия, Украина и Беларусь в условиях глобализации

А. А. РУБАН

Людей с древних времён интересовало их происхождение. На этом пути постепенно вырастает интерес к выяснению истоков своей родины, её истории. Осмысливая историческое прошлое, человек искал и ищет там ответы на те вызовы, которые возникали и возникают перед ним в повседневной жизни. Именно поэтому большое внимание ученых и общественности уделялось этнической истории, национальным и государственнообразующим процессам. Волей исторической судьбы славянские народы географически оказались в среднем положении между Востоком и Западом. Этой географической спецификой славянского мира предопределено слишком многое. Славянство практически в течение всей своей истории оказывалось своеобразным заложником цивилизационных полюсов мира – отсюда все изгибы его истории, особый драматизм его судьбы. Об этом свидетельствует и дискуссия европейских ученых по проблеме истории славянских народов, об их общих или отличительных путях развития, которая проходила накануне Второй мировой войны. В 1930-е годы видные ученые ряда европейских стран активно обсуждали вопрос о возможности общей истории славянских народов. К сожалению, вследствие послевоенных реалий этот вопрос в таком ключе, как в 1930-е годы уже не поднимался, хотя необходимость в продолжении дискуссий на эту тему давно назрела. Дискуссию 1930-х годов начал профессор Пражского университета Ярослав Бидло, который считал, что единая история славянских стран является невозможной, так как Европа ещё со времен раннего средневековья разделилась на два культурных центра: римско-греческий и греко-славянский. К последнему принадлежат не все славянские народы, а только православные. Неправославные – чехи, словаки, поляки, словенцы – представляют западноевропейский, или романо-германский, культурный мир. Таким образом, Я. Бидло отбрасывает возможность общей истории славян, так как римская (западная) и византийская (восточная) культуры разделили славян политически и культурно, уже не говоря о более поздних разделах Турецкой, Австрийской и Российской империй. По мнению профессора Варшавского университета Марселя Гандельсмана, история славянских народов как общая является возможной. Оппонентом М. Гандельсмана был профессор Берлинского университета Отто Гош, который считал, что общая история славянства как объект национальных исследований невозможна. В дискуссии принял участие также украинский ученый, профессор Варшавского университета Мирон Кордуба. Он утверждал, что Великое княжество Московское было приемником монгольского мира и Византии, что же касается украинских и белорусских земель, которые находились под влиянием литовско-польских культурных ценностей, то они хотя и в ослабленном виде переживали все западноевропейские цивилизационные процессы [1, С. 17-18].

Проблемы славян сегодня настолько актуальны, что их происхождение, место проживания, миграции вызывают большой интерес в научном мире. По этой тематике имеется значительное количество исследований, в которых рассматриваются различные аспекты этих вопросов. Среди ученых, которые непосредственно занимались данной проблемой можно назвать таких известных зарубежных политологов и философов, как С. Хантингтон, Э. Фукуяма, Дж. Х. Биллингтон, Б. Шубарт и др. Некоторые иностранные исследователи занимались детальной разработкой отдельных вопросов проблемы, имеющих актуальное значение для судеб всего мира с учетом мировой глобализации и кардинальных изменений в мире в связи с образованием новых независимых государств. К таким ученым можно отнести А. Дж. Тойнби, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассета, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, К. Ясперса и некоторых других.

Многие российские ученые (А. О. Чубарьян, С. М. Сахаров, Б. П. Булдаков, В. С. Стёпин, А. Н. Чумаков), Украины (С. В. Кульчицкий, А. Д. Бойко, Ю. В. Павленко, Г. В. Касьянов), Беларуси (В. Н. Сидорцов, А. Н. Нечухрин, Я. С. Яскевич, В. В. Кириенко), общественные и политические деятели также уделяли большое внимание проблеме исторического выбора своих государств и народов в контексте всемирной глобализации и европейской интеграции.

Мировое сообщество переживает сейчас период производственно-экономических и социально-политических трансформаций, связанных с глобализационными процессами. Меняется роль государства во внутренней и внешней политике, выстраиваются наднациональные, региональные и мировые структуры, происходят перемены в составе населения развитых стран. Теперь, в начале 21 века, когда мир стал целостной системой практически по всем основным параметрам общественной жизни, отдельные страны и народы фактически не имеют возможности выбора – участвовать или не участвовать в глобализации. Они обречены на такое участие естественным ходом событий, ибо не только не могут поменять место своего проживания или соседей, но и уклониться от интеграции в мировое сообщество [2, с. 35].

В это же время в политической жизни славянских народов произошли кардинальные изменения. Крах социалистической государственности на рубеже 80-90-х годов 20 в. вызвал смену политических режимов в Восточной Европе и на территории бывших советских республик. В восточно-европейских странах приоритет получили парламентские формы правления, а на постсоветском пространстве преимущественно образовались президентские республики [3, с. 58]. После распада Советского Союза и появления на его территории (помимо прочих) трех независимых славянских государств России, Украины и Беларуси – в них были проведены политические и экономические реформы, определены новые национальные приоритеты. В России и Украине была несправедливо перераспределена бывшая общественная собственность, вследствие чего появились олигархические кланы, занявшие монопольное положение в политической и социальной жизни общества. Произошло сращивание государственного аппарата с крупным капиталом, его криминализация. В Республике Беларусь удалось избежать подобного сценария развития событий.

Внедрение идей демократии и свободного рынка на территории государств бывшего союза привело к узурпации власти бюрократическим аппаратом и социальному расслоению населения. Демократия как форма политической организации общества не приемлема для тех государств, где не создан средний класс, который, используя свой экономический потенциал, способен контролировать политические партии на предмет выполнения предвыборных обещаний и осуществление своих полномочий в интересах большинства. Даже само отношение к демократии, – отмечает академик Т. Заславская, – остается незаслуженно плохим. В массовом сознании зафиксировалось, что демократия – это когда одни грабят, а другие остаются при своих интересах. И в этом нельзя винить население. Демократию скомпрометировали сами демократы. Обещали светлую жизнь, а проблемы усугублялись. Социологический опрос, проведенный Левада-центром, зафиксировал существенные коррозии демократии в России за период с 2005 по 2009 годы. По свидетельству социологов, лишь 4% россиян, считают, что демократия в стране реально существует. В России такой же процент очень богатых людей. Иными словами, нынешний уровень демократии радует очень узкую группу людей. Большинство россиян уверены, что они не оказывают никакого влияния на то, что происходит в стране. И все больше людей считает, что демократия не для России. Поэтому они все неохотнее ходят на выборы, все равнодушнее относятся к тем, кто выдает себя за «народных избранников» и все меньше доверяет телевидению [4, с. 6].

Есть большая разница между поколениями. Молодые уже адаптировались, почувствовали, что дорога вверх открыта через власть или по экономической линии. Но это относится к населению больших городов. А в малых городах и селах, где безработица, отсутствие перспектив, нищета, этих сдвигов нет. Россия расколота на две части, которые удаляются друг от друга. Так, у москвичей огромные возможности для интеллектуального развития. Одновременно в стране до 4 млн. беспризорных и безнадзорных, у которых родители – пьяницы. Эти дети лет через 10-20 повзрослеют, и появится разница такая, которую можно сравнить только с дистанцией между аристократией и крепостным крестьянством. Но крепо-

стные не обладали свободой, какую сейчас имеют представители нынешнего социального дна, – отмечает академик Т. Заславская.

Громадное влияние на особенности российского общества оказывает генофонд. За XX-ый век пережиты три революции, Гражданская, Великая Отечественная и последующие войны, три волны эмиграции и три волны репрессий. Самые активные и талантливые уезжали и погибали. В настоящее время? по оценке специалистов Института мировой экономики и международных отношений, из России с 1990 г. выехало около 1 млн. специалистов. Сейчас они работают на заводах, в исследовательских центрах и лабораториях США, Западной Европы, Канады, Австралии. Лучшие умы возвращаться не торопятся. Кроме того, по данным социологического опроса Левада-центра? за границу на постоянное место жительства хотели бы уехать 13% взрослых россиян, более 30% опрошенных родителей хотели бы, чтобы их дети учились, жили и работали за границей. Уехавших настораживают странности, складывающиеся в стране в политической системе [5, с. 6] .

Сфера межнациональных отношений в Российской Федерации была и остается одним из самых проблемных и сложно регулируемых аспектов жизнедеятельности общества. Россия на протяжении столетия была, безусловно, державой первого порядка. В Российской империи проживал каждый седьмой житель земли. Сейчас в границах России, в лучшем случае, каждый пятидесятый-шестидесятый. В настоящее время несоответствие между величиной территории и незначительностью населения – это самый серьезный вызов для России [6, с. 102] . Российская Федерация – одна из крупнейших в мире многонациональных государств, где проживает более ста народов, каждый из которых обладает особенностями материальной и духовной культуры. Поэтому при реализации национальной политики перед государством стоит задача по объединению усилий всего общества по достижению межнационального согласия, утверждению принципа равноправия граждан различных национальностей и вероисповеданий, укреплению взаимопонимания между ними.

Развитие взаимовыгодного сотрудничества в рамках СНГ является важным приоритетом российской внешней политики. Здесь концентрируются российские интересы в сфере безопасности и экономики. Свои отношения со странами СНГ Российская Федерация строит на экономическом расчете, в основу которого положены рыночные связи. «Славянский треугольник» объединяет Россию, Украину и Беларусь по многочисленным параметрам: политическим, экономическим, географическим, информационным, культурно-духовным и т. п. Именно «славянский треугольник» поставил точку в распаде Советского Союза в декабре 1991 г., когда было подписано Беловежское соглашение. С этой договоренности трех славянских стран начался новый этап развития 1/6 части суши, и было создано Содружество независимых государств. Следует отметить, что без Украины и Беларуси Содружество может превратиться из европейской организации в азиатский союз и даже совсем прекратить свое существование. Украина с самого начала своего независимого существования избегала глубоких интеграционных процессов с бывшими социалистическими республиками. Но в то же время Украина придерживалась политики активного сотрудничества, преимущественно в экономической сфере. Беларусь с 1994 г. взяла курс на углубление интеграционного курса с Россией, что отвечало настроениям подавляющего большинства населения. Такой курс привел к созданию в 1997 году Союза России и Беларуси. Однако до настоящего времени Беларусь и Россия так и не завершили запланированные интеграционные процессы: не были созданы общесоюзные органы власти, вооруженные силы, не введена единая валюта, не интегрированы экономики. В осложнившихся условиях, связанных с глобальным финансово-экономическим кризисом, значительно актуализируется проблема региональных и межрегиональных взаимодействий. Так, в 2008 году товарооборот между Россией и Беларусью составил 34 млрд. долларов. Беларусь в настоящее время обеспечивает в России работой около 10 млн. человек [7, с. 11] .

Важное значение для Беларуси имеет упрочение взаимодействий с Украиной. Прежде всего, это построение транспортного коридора автотрассы север-юг. Он профинансирован Европейским союзом. Важный проект транзита украинской электроэнергии в Литву через

территорию Беларуси. Беларусь заинтересована в участии в проекте Одесса – Броды, чтобы этот нефтепровод был продлен до Мозырского нефтеперерабатывающего завода.

Более широкие возможности открываются в связи с включением Беларуси в осуществление международного проекта «Восточное партнерство», одобренного 20 марта 2009 г. в Брюсселе лидерами стран Евросоюза, в котором принимают участие шесть постсоветских государств: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина. Этот проект предполагает экономическую интеграцию и политическое сближение Евросоюза с этими государствами. Таким образом, несмотря на все сложности взаимоотношений политических элит, разницу в темпах и характере общественных преобразований, сохраняется взаимное тяготение народов друг к другу.

Резюме. Проанализировано влияние глобализационных процессов переживаемых мировым сообществом на производственно-экономическое и социально-политическое развитие России, Украины и Беларуси.

Abstract. The influence of globalization processes endured by the world community on Russia, Ukraine and Belarus productive and economic and sociopolitical development is analyzed in the article.

Литература

- 1 Потульницький, В. А. Україна і всесвітня історія. [Текст] / В. Потульницький. – Київ, 2002.
- 2 Чумаков, А. Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности // Вопросы философии / А. Н. Чумаков. – 2009. – №1. С. 32-39.
- 3 Карасев, В., Кириенко, В. Метаморфозы и антиномии политического режима Украины – 2006-2007 // Мировая экономика и международные отношения/В. Карасев, В. Кириенко. – 2008. – №9. – С. 58-76.
- 4 Костиков, В. Кто провоцирует такую демократию? // АиФ в Беларуси / В. Костиков. – 2009. – № 52. – С. 6.
- 5 Костиков, В. Кто вернется на шоссе Энтузиастов? // АиФ в Беларуси / В. Костиков. – 2009. – № 45. – С. 6.
- 6 Филь, М. С. Императивы государственной национальной политики в современной России // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки / М. С. Филь. – 2007. – № 2. С. 102-106.
- 7 Бабосов, Е. М. Восточнославянское взаимодействие – важный фактор преодоления глобального кризиса // Менталитет славян и интернациональные процессы: история, современность, перспективы. Материалы VI Международной научной конференции/ Е. М. Бабосов. – Гомель, 2009. – С. 11-12.

Естественное движение населения белорусско-российско-украинского пограничья во второй половине 1920-х – 1930-е годы

М. И. СТАРОВОЙТОВ

Историю Беларуси нельзя понять, оставаясь только в категориях и проблемах национального государства. Важным инструментом для исследования особенностей и специфики отечественной истории является сравнительно-аналитический метод, который мы используем в изучении выделенного трансграничного региона – белорусско-российско-украинское пограничье (БРУП). В первые два десятилетия Советской власти в БРУП, как и во всей стране, произошли изменения в политическом, социально-экономическом, культурном развитии, вызванные мобилизационной трансформацией всех сторон жизни общества. Они оказали существенное влияние на демографические процессы как в регионах, так и в республиках бывшего СССР.

Изучение монографических исследований и статей дает основание отнести проблему количественных и качественных изменений в составе населения межграничного региона в сложные и трагические 1920-1930-е годы к наименее разработанной не только в белорусской, но и в российской и украинской историографии. Более того, сравнительное изучение данной проблемы на материалах такого большого региона не проводилось. Вместе с тем, следует отметить о наличии обобщающих работ и статей белорусских обществоведов, в которых дается характеристика демографических процессов в составе населения БССР в большей или меньшей степени и в межвоенный период. Это имеет место в работах экономистов А. А. Ракова [34, 35, 36], Н. Г. Никитенко и А. А. Ракова [27], Л. П. Шахотько [43, 44], недавно изданной коллективной монографии сотрудников Института экономики НАН Беларуси [9], этнографов Г. И. Касперович [20, 21] и В. Ф. Батяева [3], историка В. А. Латышевой [23], Частично эти вопросы затрагивает историк И. Романова [37], освещал географ С. А. Польский [31] и др. Более полно, но политизировано, проанализировал демографические проблемы БССР польский географ П. Эберхардт [46]. Существенный вклад в изучение количественных и качественных изменений в составе населения России, в т. ч. и в рассматриваемый нами период, внес коллектив российских историков под руководством Ю. А. Полякова, который обратил внимание на то, что изучение различных аспектов жизнедеятельности населения России XX в. связано с трудностями, обусловленными частыми изменениями территории, административного деления, границ многочисленных регионов [25, с. 4]. Первый масштабный опыт осмысления противоречий демографической истории России XX в. представлен в коллективном исследовании под руководством крупнейшего российского демографа А. Г. Вишневского [8]. Особо следует выделить фундаментальную монографию В. Б. Жиромской. Впервые в постсоветской историографии она показала демографические процессы в 1930-е годы целом по РСФСР в сравнении с отдельными показателями и по СССР [16]. Демографические проблемы российского города исследует И. А. Араловец [1]. Украинский экономист Е. П. Рудницкий отнес проблему демографической истории Украины 30-х годов XX в. к числу малоизученных, хотя и отмечает определенный вклад в ее разработку С. В. Кульчицкого, А. А. Перковского, С. И. Пирожкова и других исследователей [38]. Следует отметить, что в исследованиях указанных авторов сравнительный анализ если и присутствует, то в основном на внутриреспубликанских уровнях, т. е. в соответствии с целями и задачами их работ.

Компаративистский анализ позволяет, на наш взгляд, более аргументированно и адекватно показать специфику и тенденции демографических изменений. Для получения достоверных результатов нами принята следующая методика. При проведении расчётов учитыва-

лись изменения в административно-территориальное деление российской и украинской составляющих пограничья. В выявленных архивных материалах по демографическому учету населения и по данным переписи 1939 г. указаны административные единицы, существовавшие на момент составления документов. Поскольку области в БССР были созданы только в 1938 г., то информация и отчетность о естественном движении населения до этого времени собиралась и давалась только в целом по республике. В связи с этим, нами приводятся и областные, и общереспубликанские данные. Это позволило, на наш взгляд, выявить некоторые тенденции и особенности в динамике естественного движения населения БРУП.

В статье ставится задача показать динамику естественного движения, общие тенденции и специфику демографических изменений в составе городского, сельского и всего населения БРУП и, главным образом, БССР. Представляется, что выявленный нами значительный погодовой, а не фрагментарный архивный материал, имевший еще недавно гриф «совершенно секретно», позволяет с высокой долей вероятности дать научную интерпретацию тенденциям в данном аспекте количественных изменений населения БРУП. Практически все выявленные нами данные вводятся в научный оборот впервые (все процентные показатели подсчитаны автором). Ещё в 1975 г. Л. П. Шахотько писала, что «официальные данные ЦСУ по естественному движению населения после 1927 г. не публиковались, а архивные материалы ЦСУ БССР, за исключением некоторых разрозненных, пропали в годы войны» [45, с. 9]. Известный исследователь украинского этноса В. М. Кабузан на основании анализа опубликованных работ вынужден был признать в 2006 г., что пока не удалось найти полные данные о движении населения Украины за 1932-1935 гг. [19, с. 303]. Нам представляется, что мы во многом восполним этот пробел.

В свое время М. В. Довнар-Запольский отмечал, что «...в вопросах движения населения громадное значение имеет естественный его прирост, потому что он является отражением экономического и культурного состояния населения» [11, с. 10]. Это с особой остротой проявилось в исследуемый нами период.

Изучение опубликованных источников и архивных документов показывает, что заболеваемость и смертность, особенно детская, в БРУП, как и во всей стране, оставались очень высокими на протяжении 1920 – 1930-х годов. В апреле 1926 г. Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР по докладам наркоматов здравоохранения констатировал высокий уровень заболеваемости, тяжелое медико-санитарное положение в республиках. В белорусских деревнях и местечках в огромном большинстве были распространены туберкулез, трахома, отчасти малярия и другие социальные болезни. Речь шла о выделении финансовой помощи для строительства больниц, бань, жилищного строительства, улучшения водоснабжения, осушения болот, усиления школьно-санитарного контроля, строительство новых школьных зданий [32, ЛЛ. 30-32]. В особо тяжелом положении находилось состояние здравоохранения в районах добывающей промышленности и пограничной полосы УССР [32, ЛЛ. 39-41]. Это требовало больших средств для решения аналогичных, как и в БССР, проблем.

При высокой смертности прирост населения происходил за счет высокой рождаемости, которая после военных и революционных лет достигла своего пика в БРУП и во всей стране в 1926-1927 гг. Б. Ц. Урланис, указывая на трудности изучения динамики численности населения и по статистическим данным, и по сопоставлению территорий межвоенного периода, установил, что после 1926 г., когда в СССР был самый высокий коэффициент «эффективной» рождаемости (32,1), а затем началось постепенное его понижение. В 1939 г. он составил 26,7 при самом низком показателе в 1931 – 1935 гг. (примерно – 23,0) [42, с. 8, 11-12]. Он считал, что динамику рождаемости следует изучать с учетом не только детской смертности до года, но и в возрасте от 1 года до 5 лет (1-4 года), после чего «смертность детей становится незначительной» [42, с. 15]. Высокой была смертность среди взрослого населения. В целом по СССР смертность среди мужчин больше всего превышала смертность женщин в возрасте от 50 до 60 лет. Как в 1926 – 1927 гг., так и в 1938 – 1939 гг. она оставалась высокой [10, с. 39]. По всем этим показателям некоторые отличительные особенности имелись в республиках.

В БССР в 1926 – 1927 гг. среди умерших дети до года составляли около 28,0%, от года до 4 лет и 60 лет и старше – по 20,0% [26, с. XLI]. В УССР первый показатель составил

33,0%, 1 – 4 года – более 20,0%. По нашим подсчетам, из общего числа умерших до года 66,1% приходилось на Полесье, Левобережье и Правобережье, куда входила значительная часть территории погранполосы и округов белорусско-российского приграничья [41, с. 62-63, 66, 68]. Примерно такие же высокие показатели смертности в указанных возрастах по Европейской части РСФСР, УССР и БССР в 1926 г. представлены и в статданных естественного движения в СССР. На 1000 родившихся смертность до 1 года составила в Западном районе 175 детей, в УССР – 141, в БССР – 102 ребенка. БССР и Крымская АССР имели самый низкий показатель в стране. Несмотря на снижение детской смертности, в 1926 г. СССР в 1,7 – 3 раза отставал от уровня западноевропейских стран [15, с. 21-24].

Из 26 причин, приведших к смерти в 1926 г. в РСФСР, УССР, БССР, Москве, Ленинграде, в городах с населением свыше 50 тыс. чел. наиболее распространенными были туберкулез, воспаление легких, кишечные заболевания у детей до 2-х лет, врожденная слабость и преждевременные рождения [15, с. 25].

Нельзя не согласиться с оценкой О. В. Барояна ситуации в области борьбы с эпидемиями в рассматриваемый нами период. Еще в 1968 г. он писал, что необходимо было ликвидировать тяжелое эпидемическое наследие дореволюционной России. В период с 1922 по 1940 г. в основном создавалась материально-техническая база для научно обоснованного и организованного наступления на инфекции. При положительных результатах имели место подъем заболеваемости, вызванный сложными миграционными процессами и социальными изменениями в деревне, развитие и распространение многих инфекционных заболеваний, связанных с гиперурбанизацией городов. Использование в пропагандистских целях такой благородной цели, как борьба с эпидемиями привело к тому, что в 1930-е годы публикация обзоров по динамике инфекционных заболеваний в различных странах мира, в т. ч. и в СССР, прекратилась [2, с. 10, 31]. Такая информация на долгие годы получила гриф строгой секретности.

Высокая смертность очень сильно влияла на демографическую ситуацию в 1930-е годы. Наиболее распространенными причинами смерти и у детей, и у взрослых по-прежнему были: туберкулез, болезни органов дыхания, инфекционные заболевания у детей и взрослых, диарея и диспепсия у детей до 2-х лет и мн. др. [16, с. 24-25]. Проведенный В. Б. Жиромской анализ архивных документов показал, что ситуацию со смертностью во всех половозрастных структур населения усугубили последствия голода, травматизм на производстве у мужчин и криминальные аборты у женщин после запрета в 1936 г. искусственного прерывания беременности. Последняя причина смертности в основном коснулась славянских женщин, проживающих в городах [16, с. 28-29].

Начиная с 1935 по 1937 гг. в СССР, в т. ч. и в БРУП (16, с. 232-263. см. таблицы), имели место вспышки детских инфекционных заболеваний (корь, скарлатина, дифтерит, коклюш). Смертность от кори в эти годы выросла на 1/3 по сравнению с началом 1930-х годов. Заболевание детей в 1937 г. корью в секретном донесении правительству «рассматривалось как «фактическая эпидемия», охватившая в основном города» [16, с. 25]. По уровню детской смертности в середине 1930-х годов СССР занимал «одно из первых мест в Европе, далеко опережая по этому печальному показателю Германию, Францию, Англию, Италию» [16, с. 28].

В докладной записке НКВД В. М. Молотову 15 марта 1937 г. отмечалось, что в конце 1936 г. на 18-25 % в городах и на 27-35% деревнях Ленинградской, Московской, Западной, Калининской и других областей РСФСР не используются койко-места в больницах для лечения скарлатины, дифтерита и кори. Самые высокие показатели смертности от кори зафиксированы в Ленинграде, Москве, Ярославле, Иркутске, Минске, и самые низкие – в Киеве, Харькове, Днепропетровске, Макеевке и других украинских городах. Отмечалось недостаточная работа Наркомздрава по сокращению смертности. В пояснении к этой докладной записке начальник ЦУНХУ Госплана СССР И. А. Краваль написал, что запрещение абортов приведет к повышению рождаемости, но Наркомздраву необходимо принять соответствующие меры к снижению детской смертности во избежание ее повышения, а, следовательно, и роста общей смертности в стране [13, ЛЛ. 45-47]. Очевидно, угроза эпидемии существовала.

В секретной информации в ЦК КП (б) Б и СНК БССР, поступившей из УНХУ республики 8 февраля 1937 г., отмечался рост (особенно в городах) детской смертности в 1935 г. и

за 9 месяцев 1936 г. Смертность от скарлатины выросла на 63,0%, от кори – на 42,0%, а от кишечечно-желудочных заболеваний по всем возрастам – на 144,0%. По нашим подсчетам на 1000 родившихся смертность детей до года увеличилась за указанный период с 84,0 до 115,3 [13, ЛЛ. 4-6]. Руководство ЦУНХУ Госплана СССР признавало, что в 1935 – 1938 гг. наиболее полный учет детской смертности до года был в РСФСР, УССР и БССР. Коэффициент детской смертности в БССР был одним из самых низких в СССР. В 1936 г. в РСФСР он составил 209,6, в УССР – 124,6, в БССР – 120,0, а в 1938 г. соответственно – 179,4, 136,3 и 107,5. Выборочные обследования показали, что вероятность новорожденному дожить до года в Ленинграде, Москве, Смоленске в 1936 – 1938 гг. оставалась на уровне 0,85 и только в Орле этот коэффициент поднялся с 0,79 до 0,85 [40, ЛЛ. 119, 122-123]. По данным демографического отдела ЦУНХУ СССР, наиболее благоприятная динамика детской смертности в 1937 – 1938 гг. имела в БССР. В РСФСР и УССР детская смертность была высокой до 1 месяца. Основными причинами детской смертности были: плохой уход за детьми, плохое питание, недостаточное обучение матерей правилам ухода за детьми, инфекции от мух, плохой уход за больными детьми со стороны медработников, недостаточное количество специалистов и плохое обслуживание яслей [40, ЛЛ. 128-129, 132, 135]. Из рассекреченных документов видно, что СССР в 1938 г. коэффициент детской смертности составил 161,3. По данным Лиги Наций, в Голландии он равнялся 38, в Швеции – 46, Латвии – 56, Англии – 58, США – 61, Франции – 65, Бельгии – 80 [40, Л. 125]. Следовательно, СССР по-прежнему в 2-4 в разы уступал целому ряду стран по этому показателю.

Количество умерших детей до года постоянно росло. Увеличивался их удельный вес в общей смертности всего населения. В 1938 – 1939 гг. он составил в СССР 34,6-35,4%, а в РСФСР – 35,4-36,5% [16, с. 23]. По данным на 1938 г. в УССР этот уровень достиг 36,6%, а в БССР – 29,3% [18, ЛЛ. 3, 43]. В БССР показатель был самый низкий, как и в середине 1920-х годов. На наш взгляд, это можно объяснить минимальными последствиями голода начала 1930-х годов в белорусских деревнях. Анализ данных, выявленных нами в архиве за 1938 г., дает возможность сравнить составляющие БРУП по областям, формирование которых в регионе закончилось в основном именно в этом году. Урбанизация, с ее нерешенными социально-бытовыми и коммунальными вопросами, привела к росту детской смертности в белорусских городах. Удельный вес младенческой смертности в городах Витебской области на 7% превышал показатель по селу, в Гомельской и Минской – на 3 в каждой, Могилевской – на 6 и Полесской – на 1 при общереспубликанской разнице – 4,5% [18, ЛЛ. 43-60]. В Калининской области превышение составило 4,5%, в Смоленской – 2,2, а по РСФСР – 0,8% [28, ЛЛ. 3, 9, 15]. Иная ситуация сложилась в УССР, где в целом по республике и по областям превышение было в сельской местности. Общереспубликанская разница составила около 2%, в Житомирской области – 5,4, в Киевской – более 7 и в Черниговской – 2,3% [18, ЛЛ. 1-3, 13-15, 19-21, 40-42]. Есть все основания считать, что наиболее долгосрочный характер последствий голода ощущался в УССР, и, прежде всего, в сельской местности. Это подтверждается и фактами мертворождения на 1 000 всех родившихся по областям БРУП в 1938 г. в порядке убывания величин: Киевская, Черниговская, Житомирская, Калининская, Смоленская, Могилевская, Минская, Гомельская, Витебская и Полесская [18, ЛЛ. 3, 24об, 40об, 45об, 56об, 58, 59об, 61, 63об].

После младенческой смертности на второе место выступает смертность детей от 1 года до 4 лет. На основании данных переписи 1939 г. нами установлено, что удельный вес детей 5-летнего возраста (их рождение приходится на 1933 г.) был самый низкий в украинских областях пограничья, затем шли российские и белорусские области [5, л. 1, 7, л. 1, 17, л. 1, 22, л. 1, 24, л. 1, 30, л. 1, 39, л. 1, 45, л. 1].

О наметившейся тенденции планирования рождаемости в крестьянских семьях можно судить по данным отдела демографии ЦУНХУ СССР. В июле-сентябре 1939 г. по сравнению с аналогичным периодом 1938 г. наблюдается сокращение рождаемости в сельской местности большинства областей РСФСР, УССР и БССР, при остававшейся высокой детской смертности. В трех республиках за сопоставимый период число родившихся уменьшилось с 1 355 тыс. до 1 159 тыс. [40, Л. 114]. Сокращение составило 14,0 %. Женщины стали основным трудовым ресурсом села. Их руки еще больше стали востребованными в горячую «стра-

ду». Приходило, хотя и медленное, осознание того, что плохой уход, нерегулярное и некачественное кормление, повышали младенческую смертность от желудочно-кишечных инфекций именно в это время. Она оставалась устойчивой. В указанных выше данных отмечалось, что Наркомздрав СССР не борется с детскими сезонными заболеваниями. За июль-сентябрь 1939 г. рост детской смертности отмечен в 6 областях РСФСР, в Каменец-Подольской и других областях УССР. По БССР наиболее неблагоприятные показатели проявились в Полесской и Могилевской областях. Здесь рост детской смертности составил соответственно 25,0% и 22,0% при 14,0% снижения рождаемости в обеих областях [40, Л. 115]. Только в конце 1950-х годов детская смертность до 1 года на 1000 родившихся снизилась более чем в 4 раза и составила 40,6. Резкое снижение детской смертности специалисты связывают с применением в здравоохранении сульфамидных препаратов и антибиотиков, главным образом пенициллина. Это понизило смертность и в других возрастных группах [10, с. 39].

Показатели детской смертности и смертности более старших возрастов существенно сдерживали средний показатель продолжительности жизни населения в исследуемый нами период. В 1896 – 1897 гг. по 50 губерниям Европейской России он составил 32 года, по европейской части СССР в 1926 – 1927 гг. – 44 года, в 1928 – 1939 гг. – 47 лет и к началу 1970-х вырос до 70 лет [10, с. 48]. Как видим, постоянно нарастал уровень продолжительности жизни у женщин по сравнению с мужчинами. С конца XIX в. и до начала 1970-х годов разница в продолжительности жизни в пользу женщин увеличилась с 2 до 9 лет. В 1920 – 1930-е годы средняя продолжительность жизни населения увеличилась только на 3 года.

При общих тенденциях в изменениях естественного прироста населения в БРУП имелись и свои особенности. Рассмотрим это на конкретных материалах.

Таблица 1 – Естественное движение населения БССР в 1927 – 1938 гг. (абс.)

Годы	Городское			Сельское			БССР		
	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост
1927	24 907	10 081	14 826	169 726	60 852	108 874	194 633	70 933	123 700
1928	24 505	10 651	13 854	162 019	61 984	100 035	186 524	72 635	113 889
1929	23 301	11 152	12 149	155 672	66 186	89 486	178 973	77 338	101 635
1930	24 406	12 165	12 241	159 604	63 836	95 768	184 010	76 001	108 009
1931	24 327	12 251	12 076	159 125	51 578	107 547	183 452	63 829	119 623
1932	24 470	12 080	12 390	133 467	43 841	89 626	157 937	55 921	102 016
1933	18 986	17 636	1 350	104 919	49 337	55 582	123 905	66 973	56 932
1934	18 982	14 358	4 624	90 809	54 890	35 919	109 791	69 248	40 543
1935	26 380	11 094	15 286	126 467	58 865	67 602	152 847	69 959	82 888
1936	32 587	13 762	18 825	144 292	64 057	80 235	176 879	77 819	99 060
1937	47 132	14 676	32 456	146 622	52 386	94 236	193 754	67 062	126 692
1938	48 884	18 893	29 991	140 719	52 155	88 564	189 603	71 045	118 555

Таблица 1 [40, лл. 34,37; 18, лл. 43-45] показывает основные демографические изменения в составе городского, сельского и всего населения БССР, позволяющие выделить некоторые тенденции.

Первая. В течение всего периода между переписями наблюдался прирост населения, хотя и с разными годовыми показателями, что в значительной степени связано с продолжавшей оставаться высокой рождаемостью у белорусов. В сельской местности проживало большинство жителей БССР, среди которых белорусы в 1939 г. составляли 91,0%.

Вторая. Последствия голода и другие причины повлияли, но не прервали естественный прирост всего населения. Особенно это проявилось в городах, где прирост городского населения в 1933 г. (самой минимальный, образно выражаясь на грани возможного) был почти в 10 раз меньше, чем в предыдущие годы, а в 1934 г. – в 2,8 раза. В сельской местности прирост уменьшился, соответственно, примерно в 2 и 3 раза, а в целом по БССР – в 2-2,5 раза. Из таблицы видно, что резкого роста смертности (кроме городов в 1933 г.) в целом по БССР не было. В 1933-1934 гг. снизилась рождаемость и смертность в деревне.

Третья. Увеличение городского населения привело к росту рождаемости и повышению естественного прироста горожан во второй половине 1930-х годов. Сказалось запрещение абортов, рост браков в городах, улучшение медицинского обслуживания. Однако из-за детской смертности общий показатель смертности в городах во второй половине 1930-х годов стал увеличиваться и достиг максимума в 1938 г.

Четвертая. Показатели в сельской местности понизились, т. к. количество браков, рождаемость, смертность и прирост населения стали уменьшаться из-за сокращения численности населения молодого возраста. Так, в 1938 г. горожане заключили 16,6 тыс. браков, а жители села – 19,3 тыс. В Витебской области количество браков было примерно одинаково, а в Минской и Могилевской областях на селе зарегистрировали меньше браков, чем в городах [18, л. 44-45]. Это свидетельствует о большом оттоке сельской молодежи в города на работу и учебу внутри республики и за ее пределы. По аналогичным причинам, а также в связи со службой в армии, работой на шахтах Донбасса, репрессивной политикой определенная часть их выбыла за пределы Беларуси. Так, в 1939 г. среди городского населения Беларуси лица в возрасте 15-29 лет составляли 35,3 %, а на селе – 24,7 % [4, л. 5]. По нашим подсчетам, за два года между переписями 1937 и 1939 гг. в городах с населением свыше 50 тыс. чел. общая численность горожан увеличилась на 113 763 чел., в т. ч. в Минске – на 41 681 чел., Витебске – на 26 041 чел., Гомеле – на 13 717 чел., Могилеве – на 20 377 чел., Бобруйске – на 11 947 чел. Естественный прирост в указанных городах дал около 26 тыс. чел. (23%), а примерно 88 тыс. составил механический (77%). Абсолютное большинство из прибывших составляли лица молодого и среднего возраста белорусских сел и частично из соседних российских и украинских. Меньшую часть составляли рабочие, ИТР и служащие из городов союзных республик [6, с. 66; 4, Л. 2]. В Мозыре численность горожан увеличилась с 13,5 до 17,5 тыс. чел. [40, Л. 71; 49, Л. 2]. Только в аграрной и отсталой Полесской области (88,8 % сельского населения) в городах заключили 866 браков, а на селе – 2 821, т. е. в 3,3 раза больше. [18, ЛЛ. 59. 60]. В 1939 г. 74,9 % городских семей БССР состояло уже из 2-4 чел., проживавших совместно, а сельской местности таких семей было только 56,2 %. Разница почти в 20,0 %. По типу воспроизводства населения белорусское общество оставалось традиционным, т. к. удельный вес детей и подростков до 15 лет составил 37,7 % (29,6 – в городе и 40,3 – в деревне) [4, ЛЛ. 5-6].

Учитывая, что основной массив области составляли Смоленщина и Брянщина (российские пограничные территории БРУП), мы считаем возможным рассматривать динамику численности населения, хотя многие тенденции трудно выявить, т. к. Западная область с более-менее стабильной территорией просуществовала только восемь лет. Из таблицы 2 [40 лл. 34,37; 18, лл. 43-45] видно, что за это время наметилась устойчивая тенденция к уменьшению рождаемости в сельской местности. При мало понижающейся смертности наблюдалась устойчивая тенденция к сокращению естественного прироста сельского населения. Колебание рождаемости и небольшое уменьшение смертности не привели к значительному приросту населения в селах Калининской, Орловской и Смоленской областей за 1936-1938 гг. Есть все основания считать, что последствия голода увеличили смертность в городах Западной области в 1933 и 1934 гг., а в сельской местности – в 1934 г., когда смертность превысила рождаемость. В целом по области в 1934 г. это превышение составило 8,6 тыс. чел. Как видно из таблицы 2, последствия голода и указанные выше причины смертности детей и взрослых не способствовали стабильному и постоянному естественному приросту ни сельского, ни городского населения и во вновь созданных областях российской составляющей пограничья.

Определенные затруднения в сопоставлении данных по украинской составляющей БРУП связаны с выделением в 1937 г. из состава Киевской и создания самостоятельной Житомирской области. Тем не менее, данные таблицы 3 [40, ЛЛ. 31-32] дают основание считать, что Киевская область наиболее всего пострадала от последствий голода 1932-1933 гг. Показатель превышение смертности над рождаемостью был самый высокий в УССР. До расформирования Киевской области естественный прирост так и не компенсировал эти страшные потери. Два года – 1933 г. и 1934 г. – смертность превышала рождаемость и в Черниговской области. Есть основания считать, что только в этих двух областях УССР по два года подряд

Таблица 2 – Движение населения Западной*, Калининской, Орловской и Смоленской областей в 1927 – 1938 годах (абс.)

Область, губерния	Все население			Городское			Сельское		
	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост
1927г.									
Псковская губ.	70 136	36 692	33 444	4 164	2 655	1 509	65 972	34 037	31 935
Смоленская губ.	93 842	42 622	51 220	5 536	3 052	2 484	88 306	39 570	48 736
Брянская губ.	95 492	40 617	54 875	9 682	4 321	5 361	85 810	36 296	49 514
1928г.									
Западная обл.	265 819	124 488	141 331	19 795	10 477	9 318	246 024	114 011	132 013
1929г.									
Западная обл.	248 895	136 876	112 019	18 669	11 085	7 584	230 226	125 791	104 435
1930г.									
Западная обл.	251 395	120 603	130 792	19 545	11 063	8 482	231 850	109 540	122 310
1931г.									
Западная обл.	245 587	117 410	128 177	20 093	12 788	7 305	225 494	104 622	120 872
1932г.									
Западная обл.	204 344	106 440	97 904	20 385	13 436	6 949	183 959	93 004	90 955
1933г.									
Западная обл.	169 412	114 072	55 340	14 825	17 412	-2 587	154 587	96 660	57 927
1934г.									
Западная обл.	121 898	130 467	-8 569	12 460	18 681	-6 221	109 438	111 786	-2 348
1935г.									
Западная обл.	126 144	71 635	54 509	17 477	9 633	7 844	108 667	62 002	46 665
1936г.									
Калининская обл.	84 700	68 213	16 487	14 887	10 265	4 622	69 813	57 948	11 865
Орловская обл.	131 734	60 606	71 128	19 067	10 068	8 999	112 667	50 538	62 129
Смоленская обл.	82 559	47 147	35 412	9 688	5 226	4 462	72 871	41 921	30 950
1937г.									
Калининская обл.	107 027	58 984	48 043	24 851	10 861	13 990	82 176	48 123	34 053
Орловская обл.	127 955	58 208	69 747	24 029	10 587	13 442	103 926	47 621	56 305
Смоленская обл.	94 084	42 602	51 482	15 031	5 809	9 222	79 053	36 793	42 260
1938г.									
Калининская обл.	98 790	65 653	33 137	24 238	14 764	9 474	74 552	50 889	23 663
Орловская обл.	133 847	54 654	79 193	23 120	11 602	11 518	110 727	43 052	67 675
Смоленская обл.	90 587	45 717	44 870	14 862	8 026	6 836	75 725	37 691	38 034

Примечание: *) – так территория Западной области представлена в документе, а фактически она существовала с октября 1929 по сентябрь 1937 гг. в составе Брянской, Смоленской и частично Тверской губерний; (-) – отрицательный прирост населения

смертность превышала рождаемость. Несмотря на трагические последствия голода 1933-1934 гг., Черниговская область в 1937-1938 гг. с небольшим превышением достигла показателей естественного прироста населения 1927-1928 гг. Во всей УССР естественный прирост в 1937 г. превысил показатель 1927 г., но это, очевидно, следует связывать с запретом на аборты в 1936 г.

Таблица – 3 Движение населения пограничных областей Украины в 1927 – 1936 гг. (абс.)

Годы	Киевская область			Черниговская область			Украинская ССР		
	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост
1927	232,2	104,6	127,6	105,5	54,6	50,9	1 184,4	522,6	661,8
1928	219,5	99,9	119,6	101,2	50,9	50,3	1 139,3	495,7	643,6
1929	214,0	106,9	107,1	100,4	53,8	46,6	1 081,0	538,7	542,3
1930	206,2	115,0	91,2	86,7	47,2	39,5	1 023,0	538,1	484,9
1931	185,0	103,9	81,1	89,0	49,0	40,0	975,3	514,7	460,6
1932	141,3	161,3	-20,0	72,6	58,2	14,4	782,0	668,2	113,8
1933	78,0	495,4	-417,4	50,7	117,3	-66,6	470,7	1 850,3	-1 379,6
1934	97,7	88,8	8,9	37,8	64,3	-26,5	571,6	483,4	88,2
1935	147,2	57,5	89,7	63,6	33,2	30,4	759,1	341,9	417,2
1936	169,4	66,8	102,6	79,0	37,2	41,8	895,0	361,3	533,7
1937	116,8	38,1	78,7	91,3	36,5	54,9	1 214,0	428,4	785,6
1938	111,4	38,9	72,5	88,3	37,0	51,3	1 106,1	431,7	674,4

Примечание: *) – (-) отрицательный прирост населения

Таблица – 4 Движение населения пограничных областей Украины в 1937 – 1938 гг. (абс.)

Области	Родилось			Умерло			Естественный прирост		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
1937 г.									
Житомирская	11,4	58,6	70,0	3,7	17,8	21,5	7,7	40,8	48,5
Киевская	14,1	102,7	116,8	4,4	33,7	38,1	9,7	69,0	78,7
Черниговская	12,3	79,1	91,3	4,4	32,1	36,5	7,9	47,0	54,9
УССР	404,4	809,6	1214,0	155,8	272,6	428,4	248,6	537,0	785,6
1938 г.									
Житомирская	12,5	53,0	65,5	5,0	21,0	26,0	7,5	32,0	39,5
Киевская	12,9	98,5	111,4	5,1	33,8	38,9	7,8	64,7	72,5
Черниговская	13,1	75,2	88,3	5,4	31,6	37,0	7,7	43,6	51,3
УССР	377,5	728,5	1106,1	159,5	272,2	431,7	218,1	456,3	674,4

Из таблицы 4 [40, Л 32] видно, что в 1937-1938 гг. в украинских областях БРУП и в целом в УССР наметилась тенденция к сокращению естественного прироста и сельского, и городского населения. Это связано с незначительным приростом рождаемости в городах, начавшимся снижением ее в сельской местности и в целом стабилизировавшемся уровне смертности.

Даже такой краткий анализ представленного материала позволяет сделать следующие выводы. Приведенные во всех таблицах данные свидетельствуют, что в 1927-1931 гг. в БРУП смертность тоже была высокой, что, на наш взгляд, надо учитывать при изучении влияния голода на смертность населения в 1930-е годы. В целом во второй половине 1930-х годов причины смерти и детей, и взрослых оставались в основном теми же, что и во второй половине 1920-х годов: социальные и инфекционные болезни. Голод, репрессии и их последствия резко обострили ситуацию в УССР, многих районах СССР, что, наряду с другими причинами, и привело к высокой смертности населения. Последствия голода, очевидно, не являлись главной причиной роста смертности в 1933-1934 гг. в городах БССР. В белорусских деревнях и в целом по республике этот показатель оставался в основном стабильным на протяжении

1920-1930-х гг., с некоторой тенденцией к понижению в деревнях и повышению в городах. Последствия форсированной индустриализации и урбанизации, принудительной коллективизации и связанным с ней голодом, репрессивные меры против миллионов граждан, недостаточный уровень развития медицины и всей системы здравоохранения, низкий уровень материального и социального благосостояния, общей и гигиенической культуры абсолютного большинства населения, другие факторы существенно влияли на естественный прирост населения. В целом в БРУП наблюдался естественный прирост населения, хотя и наметилась тенденция к его снижению. Наиболее трагические последствия голода очевидны в украинских областях пограничья, когда смертность населения Киевской области в 1932-1933 гг., а Черниговской в 1933-1934 гг. в разы превышала рождаемость. Есть основания считать, что по причине голода естественный прирост населения прерывался в Западной области. В меньшей степени голод повлиял на демографическую ситуацию в БССР. При постоянном приросте всего населения эти последствия оказались менее ощутимыми, т. к. резкого подъема смертности в целом не наблюдалось. Во второй половине 1930-х годов стала устойчивой тенденция к уменьшению естественного прироста населения в сельской местности и к увеличению его в городах БССР. Двукратные изменения территории областей российской составляющей БРУП затрудняют сделать обоснованный вывод, но можно считать, что такая тенденция в конце 1930-х годов здесь тоже намечалась. В украинских областях пограничья и в целом по УССР в конце 1930-х годов как в городах, так и в селах наметилась тенденция к снижению естественного прироста населения, что в значительной степени следует связывать с долгосрочными последствиями голода. На наш взгляд, две проблемы – миграционные процессы (добровольные, оргнаборы, репрессии, спецпереселения и др.) и последствия голода, которые существенно повлияли на динамику численности населения региона, требуют специального кропотливого исследования. Это позволит сравнить естественный и механический приросты населения БРУП и сделать аргументированные выводы по общей динамике численности населения региона и, первую очередь, в БССР.

Резюме. Впервые в белорусской историографии на основании новых архивных данных главные составляющие демографического процесса (рождаемость, смертность и естественный прирост населения) рассматриваются в динамике. Проведенный сравнительный анализ этого процесса на материалах белорусско-российско-украинского пограничья позволяет с большей адекватностью осветить и лучше понять общее и специфику естественного движения населения, прежде всего в БССР. Полученные результаты дадут возможность скоррелировать изменения в численности и составе городского и сельского населения при исследовании таких проблем, как миграции, оргнабор, спецпереселения и последствия голода 1932-1933 годов, обусловленных форсированной индустриализацией и принудительной коллективизацией.

Abstract. For the first time in Belarusian historiography on the basis of new archive records the main components of demographic process (birth rate, death rate and a natural increase in population) are considered in dynamics. The comparative analysis of this process on Belarus-Russia-Ukraine border zone materials allows to show with more adequacy and understand general and specified features of natural population movement, first of all in the BSSR. The received results will give a chance to correlate the changes in the city and agricultural population number and structure while researching such problems, as migrations, special migration, and hunger consequences in 1932-1933 caused by the forced industrialization and compulsory collectivization.

Литература

- 1 Араловец, И. А. Городская семья в России, 1927-1959гг. / И. А. Араловец. – Тула: Гриф и К, 2009. – 304с.
- 2 Бароян, О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии / О. В. Бароян. – М.: Медицина, 1968. -304 с.

- 3 Батяев, В. Ф. Расселение и этнодемографические особенности белорусских евреев / В. Ф. Батяев // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі. Зб. навук. прац. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; пад рэд. А. А. Кавалені [і інш.]. – Мінск, 1998. – С. 57-76.
- 4 Белорусская ССР / Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ) // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 237.
- 5 Витебская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 547.
- 6 Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сб. док. и матер. / Состав. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков (ответ. ред.), [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2007. – 320с.
- 7 Гомельская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
- 8 Демографическая модернизация России. 1900-2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
- 9 Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка / С. Ю. Солодовников [и др.]; науч. ред. П. Г. Никитенко; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск, Беларус. наука, 2008. – 424с.
- 10 Дмитриева, Р. М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти / Р. М. Дмитриева, Е. М. Андреев // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Сб. статей; под. Ред. А. Г. Вишневского. – М.: Статистика, 1977. – С. 28-49.
- 11 Довнар-Запольский, М. В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861 – 1914 гг. / М. В. Довнар-Запольский, – Минск: Госплан БССР 1926. – 240с.
- 12 Докладные записки ЦУНХУ Госплана СССР в ЦК ЦК ВКП (б) и СНК СССР о конъюнктурном обзоре движения населения СССР за 1930 – 1934, 1936 – 1937 гг. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 131.
- 13 Докладные записки ЦУНХУ СССР, ЦК ВКП (б) и СНК СССР о естественном движении населения (рождаемость и смертность) по СРСР и союзным республикам за 1932 – 1937 гг. / РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 132.
- 14 Докладные записки, статистические данные Управления народно-хозяйственного учета УССР в ЦК КП/б/У о предварительных итогах переписи населения Украины. Письма ЦК КП/б/У обкомам партии о поведении проверки правильности переписи населения // Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). – Фонд 1. – Оп. 20. – Спр. 7163.
- 15 Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. – М.: ЦСУ СССР, 1929. – 178 с.
- 16 Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. – М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.
- 17 Житомирская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
- 18 Итоги регистрации актов гражданского состояния по союзным республикам за 1938 г. // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 196.
- 19 Кабузан, В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса / В. М. Кабузан; Ин-т рос. Истории РАН. – М.: Наука, 2006. – 658 с.
- 20 Касперович, Г. И. Миграция населения в города и этнические процессы (на материалах исследования городского населения БССР) / Г. И. Касперович // Под ред. Бондарчика. – Минск: Наука и техника, 1985. – 149с.
- 21 Каспяровіч, Г. І. Беларусы ў XX ст.: Дынаміка дэмаграфічных працэсаў / Г. І. Каспяровіч // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі. Зб. навук. прац. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; пад рэд. А. А. Кавалені [і інш.]. – Мінск, 1998. – С. 7-22.
- 22 Киевская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 533.
- 23 Латышева, В. А. Демографическое развитие Беларуси: историографический анализ / В. А. Латышева // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Філасофія, Псіхалогія, Паліталогія, Сацыялогія, Эканоміка, Права. – 2006. – №3. – С. 30-35.

- 24 Могилевская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 551.
- 25 Население России в XX веке. В 3-х т. / Т. I. – М.: РОССПЭН, 2000. – 463с.
- 26 Натуральны рух насельніцтва БССР за 1927 г. – Мінск, 1930. – 178 с.
- 27 Никитенко, П. Г. Демографические проблемы социума: состояние и тенденции развития. / П. Г. Никитенко, А. А. Раков. – Минск, 2005. – 308 с.
- 28 Общие итоги естественного движения населения РСФСР и др. союзных республик за 1938 г. // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 194.
- 29 Орловская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 489.
- 30 Полесская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 552.
- 31 Польскі, С. А. Нарысы геаграфіі гарадоў Беларускай ССР (1917-1941гг.) / С. А. Польскі. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1973. – 136с.
- 32 Протокол заседания Президиума Совета Национальностей с участием М. Г. Цхакая. 24. 06. 24 – 21. 12. 27. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 157. – Оп. 3. – Д. 90.
- 33 Разработочные таблицы ЦУНХУ СССР данных о естественном движении населения (сведения о родившихся и умерших) по республикам и областям СССР за 1933 г. // РГАЭ Фонд 1562. – Оп. 329. – Т. 1. – Д. 16.
- 34 Раков, А. А. Население БССР / А. А. Раков. – Минск: Наука и техника, 1969. – 224с.
- 35 Раков, А. А. Белоруссия в демографическом измерении / А. А. Раков. – Минск: Бібліятэка “Голас Радзімы”, 1974. – 224с.
- 36 Раков, А. А. Демографические основы народнохозяйственного планирования / А. А. Раков; под ред. Л. Л. Рыбаковского. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – 270с
- 37 Раманава, І. Змены у структуры насельніцтва БССР / І. Раманава // Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917-1945гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – С. 285-292.
- 38 Рудницкий, Е. П. Информационные проблемы изучения динамики городского и сельского населения Украины в 1926-1939 гг. / Е. П. Рудницкий // Миграция и урбанизация населения (на материалах Украины и Польши): сб. науч. тр. / АН Украины, Ин-т экономики; отв. ред. А. У. Хомра, П. Эберхардт. Киев: Наук. Думка, 1992. – С. 129-142.
- 39 Смоленская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 497.
- 40 Таблицы динамических рядов ЦУНХУ СССР данных о рождаемости и деиской смертности по СССР, республикам и областям за 1926 – 1939 гг. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 256
- 41 Украина. Статистичний щорічник на 1928 р. – Харків, 1928. – 384 с.
- 42 Урланис, Б. Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти / Б. Ц. Урланис // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Сб. статей; под. Ред. А. Г. Вишневського. – М.: Статистика, 1977. – С. 8-27..
- 43 Шахотько, Л. П. Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы) / Л. П. Шахотько. – Минск: Наука и техника, 1975. – 168с.
- 44 Шахотько, Л. П. Воспроизводство населения Белорусской ССР / Л. П. Шахотько; под ред. А. А. Ракова. – Минск: Наука и техника, 1985. – 128с.
- 45 Черниговская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 545.
- 46 Эберхардт, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1898 – 1989 / Пер. з польск. Ул. Люкевіч. – Берасьце: Belfort, Беларускі Фонд Сораса, 1997. – 282 с.

УДК ???

Просоветская ориентация белорусских иммигрантов из II Речи Посполитой в Аргентине (1930–1950 гг.)

С. В. ШАБЕЛЬЦЕВ

Советско-польская граница, установленная в 1921 г., создала непреодолимую преграду для свободного перемещения людей и информации на территории Беларуси. Почти 20 лет западные белорусы жили в условиях польского политического режима и не имели возможности сравнить его с советскими реалиями. Не могли белорусы Западной Беларуси встретиться с жителями БССР и в эмиграции: в отличие от II Речи Посполитой из СССР свободный выезд граждан за рубеж был исключен. Поэтому представления о жизни в Советском Союзе строились на домыслах или на основе коммунистической пропаганды. В данной статье проведено исследование того, как белорусские иммигранты в Аргентине в общественно-политической деятельности выражали свое отношение к Советскому Союзу, к той системе, которая, по их мнению, существовала в СССР. В рамках настоящей конференции любопытно отметить и белорусско-украинское сотрудничество в Аргентине среди иммигрантов из межвоенной Польши.

Тема белорусской диаспоры стала разрабатываться только после Второй мировой войны, и в Советском Союзе вышла диссертация А. Руденко, в которой на основе марксистско-ленинской методологии было проведено исследование деятельности иммигрантов-белорусов в Аргентине. В данной статье использованы записанные А. Руденко воспоминания белорусов, переехавших из Аргентины в СССР во 2-ю пол. 1950-х гг., которые размещены в приложении диссертации [1]. Также активно использовались опубликованные в постсоветский период воспоминания К. Шермана и К. Мерляка, которые находились в Аргентине до середины 1950-х гг., и неопубликованные записи воспоминаний бывших иммигрантов, собранные автором за последние пять лет.

С последней четверти XIX в. Аргентина проводила политику открытых дверей по отношению к европейским переселенцам. В 20-30-е гг. XX в. статистика зафиксировала частое прибытие в Буэнос-Айрес «поляко» – граждан Польши. Этнический состав «поляко» определить трудно. Польские исследователи считают, что среди 220 тыс. польских граждан в Аргентине (в конце 1930-х гг.) было 20 тыс. белорусов [6, с. 406]. Возможно, это приуменьшенная цифра, поскольку белорусов-католиков польские исследователи традиционно относят к полякам.

Причинами переезда белорусов были: тяжелое экономическое положение на Родине, ограничение использования белорусского языка, ущемление православных. Бывшие белорусские иммигранты в Аргентине, проинтервьюированные А. Руденко в СССР, жаловались на «тяжелое материальное положение», «безземелье и большие налоги» во II Речи Посполитой; «учиться было нигде». При этом указывалось, что такое положение было результатом политики буржуазной Польши. Когда же переселенцы переехали в Аргентину, то оказалось, что «условия жизни были ничуть не лучше, чем на Родине при панской Польше». Интервьюируемые рассказывали, что аргентинские власти никакой помощи не оказывали, каждый устраивался, как мог, и «многие белорусы были заняты на самых тяжелых и изнурительных работах – строительстве железных дорог, туннелей, каналов и т. д. Польские официальные власти в Аргентине не оказывали никакой помощи белорусам». Представители частных компаний приезжали в эмиграционный отель и «рассматривали нас, словно лошадей, и самых сильных и здоровых отбирали на работы» [1]. Таким образом, весь капиталистический мир – что Польша, что Аргентина – представляли царством наживы, где белорусы не могут найти себе место под солнцем.

Иммигранты-белорусы, крестьяне по социальному происхождению, если решали заняться сельским хозяйством в Аргентине, направлялись на север в штаты Мисьонес и Чако. Но многие из белорусов осели в городах, особенно в Буэнос-Айресе, – сразу по прибытию или прожив определенное время в сельской местности. Со временем в Аргентину переезжали и белорусские эмигранты из Парагвая: тамошний климат и экономическое развитие не удовлетворяли переселенцев.

В незнакомой стране белорусы часто держались вместе с украинцами, с которыми переехали в Новый Свет и могли поговорить без переводчика: они считались «своими», помогали друг другу, и это осталось доброй памятью о первых шагах в Аргентине. Например, украинская семья в Мисьонес временно жила у белорусов, которых описывали так: «Антон Белякович был выходцем из Западной Беларуси. С тремя братьями он прибыл в Аргентину несколько лет тому назад, до начала всемирного экономического кризиса, когда предпринимателям еще нужны были рабочие руки. Хлопцы – трудолюбивые, дружные и бережливые – накопили какие-то песо, а когда началась безработица, поселились в сельве... и стали хозяйствовать. Спустя некоторое время их посетил отец, который много лет жил в США. Он оставил сыновьям свои сбережения, и те взяли «на выплату» грузовую машину» [2, с. 11].

Связанные близостью исторических судеб и языка, белорусы и украинцы часто имели одни и те же идеологические взгляды. Среди них получили распространение коммунистические убеждения, так как аргентинская действительность не соответствовала их представлениям о справедливом обществе. Справедливое же общество должно быть коммунистическим: такому убеждению иммигрантов способствовали прокатившиеся революционные события после Октября 1917 г., в которых они или их родственники в той или иной мере участвовали. Неудивительно, что возникшая в Аргентине в 1932 г. украинско-белорусская организация СУБРО (Союз украинских и белорусских рабочих организаций) носила коммунистический характер. В 1934 г. действовало 52 отдела СУБРО с общим числом членов около 3 тыс. человек.

После репрессий со стороны аргентинских властей СУБРО прекратил свое существование и белорусы создали легальные общества. В декабре 1934 г. в Буэнос-Айресе возникло и первое Белорусское Культурно-Просветительное общество «Беларуская Грамада», возглавил которое член Компартии Аргентины (КПА) В. Кочерга. В декабре 1936 г. было создано общество «Культура», в январе 1937 г. – «Белорусская библиотека им. Ивана Луцкевича», а в октябре 1938 г. – общество «Белавеж». 21 мая 1939 г. эти общества объединились в «Федерацию белорусских обществ и организаций в Аргентине». Возглавили объединение В. Гайлевич, Н. Меречко и Я. Петрушек. При помощи Федерации возникли белорусские общества в районе Буэнос-Айреса Док-Суд (1939 г.) и в г. Бериссо (1941 г.). Эти организации были идеологически едины и тесно сотрудничали с подобными объединениями украинцев – библиотекой им. Тараса Шевченко, обществом им. Лысенко, «Аматорів мистецтва» и другими. Были и украинско-белорусские организации, что продолжало традицию совместной работы в рамках СУБРО. Эти объединения, где было много приверженцев идеи построения справедливого общества, руководились членами КПА или испытывали сильное их влияние.

Упоминая организации этнически близких к белорусам иммигрантов, следует сказать и о том, что украинская диаспора не исчерпывалась (как белорусская) только наличием прокоммунистических обществ. Существовали и националистические общества «Просвіта» и «Відродження», которые крайне негативно относились как к Польше, так и к Советскому Союзу. А русские переселенцы отличались от белорусов идеологически и своим социальным статусом: это были немногочисленные представители белого движения. В итоге, белорусы, симпатизирующие СССР, являлись антагонистами как украинских националистов, так и русских белоэмигрантов.

Противоречия в среде межвоенных иммигрантов со всей наглядностью проявились в 1939 г.: представители враждующих организаций в Аргентине по-разному реагировали на начало Второй мировой войны. Украинцы из «Просвіти» и «Відродження» настороженно встретили ввод советских войск на территорию Западной Украины. А примером того, как представлялись белорусам в Аргентине события 1939 г., служит выпуск «Новой Газеты» от 29 октября 1939 г. В публикациях этого номера отсутствуют какие-либо опасения в связи с

вводом войск Красной Армии на территорию Западной Беларуси. Наоборот, «многостральный и свободолюбивый народ Зап. Белоруссии очень доволен и много благодарен своим братьям за то, что они освободили из-под варварского гнета панской Польши... с радостью в душе... ждет нового урожая, посеянного на обширных и плодородных участках помещицкой земли. Его не огорчает больше национальный гнет, не донимают налоги, не мучит печальная мысль за свое будущее» [3]. Также, со ссылкой на корреспондента «Правды», говорится о переводе в школах обучения на белорусский язык, о конфискации «имущества панов». В последующих статьях рассказывается о советском сельском хозяйстве, где, в частности, колхозники Витебского района, обращаясь к западным белорусам, заявляют: «Мы живем зажиточной, счастливой и культурной жизнью... Все граждане живут такой жизнью. – Вы также можете ее добиться по освобождении от ига польских панов» [4].

О том, что симпатии иммигрантов к СССР существовали задолго до 1939 г., свидетельствует и следующий факт. В указанном номере «Новой Газеты» был напечатан список добровольцев-белорусов из Аргентины, погибших в Испании «в борьбе с фашизмом» (всего 21 человек). По воспоминанию В. Романовича, в его доме перед отъездом в Испанию жило два белоруса. На вопрос, который задал В. Романович, тогда еще мальчик: ««Почему они идут защищать Испанию? Ведь они белорусы». Отец отвечал: «Защищая Испанию, мы защищаем СССР». Для меня это было четко и ясно, мне больше ничего не надо было, кроме того, что сказал отец» [5].

Если приход Советской власти вызвал положительные эмоции и белорусов в Аргентине, то нападение нацистской Германии вызвало среди них бурю негодования. 22 июня 1941 г. стало толчком к сплочению просоветских иммигрантов, которые считали себя обязанными помочь сражающейся против нацизма Родине. Белорусские комитеты помощи Родине создавались в различных регионах Аргентины, часто при культурно-просветительских обществах. В ноябре 1941 г. был создан объединенный Белорусский демократический комитет (БДК). Кроме того, белорусы участвовали и в работе украинских комитетов помощи. Вся белорусская диаспора с июня 1941 г. по октябрь 1946 г. оказала помощь СССР деньгами и вещами на сумму более 1 млн. песо [6, с. 19].

Не имея возможности сражаться в рядах Красной Армии, иммигранты, жившие по польским паспортам, могли завербоваться в Польские Вооруженные Силы (ПВС). В 1940 г. в Аргентину для организации набора добровольцев прибыли специальные польские уполномоченные. В результате набора в ПВС из Аргентины отправилось в Европу сражаться в польских формированиях 1263 человека, среди которых было 92 или 110 белорусов. Но белорусы могли быть и среди тех, кто назвался по тем или иным причинам «поляком». Наплыв же белорусов и украинцев на вербовочные пункты был отмечен с лета 1941 г., после нападения Германии на СССР. Уполномоченные ПВС объясняли это тем, что среди них «попадает много коммунистов, сочувствующих СССР, однако во время призыва они это не декларируют...» [7, с. 409-410].

После разгрома нацизма авторитет Советского Союза на международной арене значительно вырос, и президент Х. Перон в 1946 г. установил дипломатические отношения с СССР. Появление в Буэнос-Айресе советского посольства дало возможность белорусам и украинцам в Аргентине поменять свои польские паспорта на советские и, таким образом, стать советскими гражданами. В результате, в Аргентине насчитывались десятки тысяч советских граждан, которые никогда не были в СССР. Но в это время в Аргентину стали прибывать из Европы «перемещенные лица», а также демобилизовавшиеся солдаты армии Андерса, которые знали Советский Союз не понаслышке.

Однако диалога между представителями двух волн иммиграции (довоенной и послевоенной) не получилось. Советские дипломаты утверждали: все послевоенные переселенцы – это бывшие пособники нацистов, с которыми настоящим советским людям нельзя поддерживать никаких контактов. По воспоминаниям одного из вновь прибывших, «старые иммигранты» обвиняли их в измене Родине и сотрудничестве с немцами, называли «фашистами» и кричали: «Езжайте назад!». Столкновения происходили «в столовках и ресторанах на протяжении не-

скольких лет. Такие инциденты возникали из-за наглого поведения сборщиков денег в помощь жертвам фашизма или во время очень частых сборов на «боты Сталину»» [8, с. 64].

Если пароходы с «перемещенными лицами» просоветские иммигранты встречали выступлениями протеста, то советские суда, заходившие в Буэнос-Айрес, вызывали у них самые трепетные чувства. «Когда приезжали русские пароходы, то и моряки приходили к нам. Мы пели советские песни: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина», танцевали «казачок». Они смотрели на нас и поражались: в Буэнос-Айресе есть такие ребята... Мы их приглашали в клуб, а они нас приглашали на пароход. Однажды мы были на пароходе в гостях, и капитан нам сказал, что это пароход не наш (советский), а трофейный – чтобы не трогали с благоговением. Один матрос подарил моей сестре Ольге одеколон «Сирень» (самый дешевый), и мы этот одеколон нюхали – это ведь запах советский, советский запах! Мы по капельке использовали этот одеколон» [9].

Культурно-просветительская работа и деятельность по сбору средств Советскому Союзу, как во время, так и после войны, часто организовывались и направлялись членами КПА. На стороне КПА белорусы участвовали и в политической борьбе в Аргентине, для того чтобы демократическое устройство (как в СССР) установилось и здесь: «Мы же коммунисты, советские люди, из Страны Советов, сталинцы! Это же самая что ни на есть демократия!» [9]. Поэтому аргентинские власти подвергали преследованиям белорусов, считая их всех коммунистически ангажированными. Еще в начале 1940-х гг. белорусские общества «Культура» и «Библиотека им. И. Луцкевича» стали заявлять, что их не устраивает влияние коммунистов на работу обществ, а также то, что общества чрезмерно вмешиваются в политическую жизнь Аргентины. Ведь иммигранты не имели права заниматься политической деятельностью. Они предлагали проводить только культурно-просветительскую работу.

Раскол белорусской диаспоры на сторонников «культурничества-невмешательства» и тех, кто занимал активную политическую позицию на стороне КПА, наблюдался до конца 1940-х гг. 3 июня 1949 г. власти запретили деятельность 210 просоветских организаций в Аргентине, в том числе и белорусских. Белорусские активисты Т. Ляшук, А. Драмазонец, И. Шоц были брошены в тюрьмы. Однако «Библиотека им. И. Луцкевича» продолжала функционировать, так как перед этим за нежелания сотрудничать с КПА была исключена из белорусского объединения. Советские дипломаты приняли решение о закрытии этого общества, и иммигранты-белорусы ему подчинились, что отображает решающее мнение советских представителей в белорусской общественной жизни в тот момент.

В политическую жизнь Аргентины в 1950-х гг. белорусы не вмешивались: в это время многие иммигранты ожидали разрешения вернуться на Родину. В начале 50-х гг. были сформированы культурно-спортивные клубы советских граждан, в которые входили представители всех национальностей. В Буэнос-Айресе и в провинции работало восемь клубов (им. М. Горького, им. Н. Островского, им. В. Белинского и др.). Наиболее массовой организацией, вокруг которой объединились советские граждане, было общество взаимопомощи «Белорусский очаг», которое в 1955 г. объединяло 11 тыс. человек разной национальности (белорусов, украинцев, литовцев и других). В этих интернациональных клубах были организованы курсы русского языка, хоровые и театральные коллективы, кружки по изучению творчества советских писателей. Разучивали популярные после войны песни – «Катюшу», «На солнечной поляночке» и другие. В кружках знакомились с работами Ленина, Сталина и объясняли друг другу, как устроена жизнь в СССР.

Иммигранты, готовые к переезду в СССР, могли познакомиться и с достижениями советской промышленности и культуры. В 1955 г. в Буэнос-Айресе была проведена советская промышленная выставка. В центре аргентинской столицы был построен советский фанерный павильон, напоминавший сталинские высотки послевоенного периода. На выставке экспонировались достижения советской науки, станки, сельскохозяйственные машины и т. д. Для белорусских иммигрантов это была возможность прикоснуться к жизни в СССР; они также активно привлекались к работе на этой выставке в качестве переводчиков для приехавших советских инженеров и в качестве негласной охраны: «Когда была советская выставка в Аргентине, мы туда шли еще и потому, что белогвардейцы колеса могли в МАЗах порезать. То есть мы ...

сlediли за порядком. Был один эксцесс: кто-то хотел порезать колесо МАЗа, здоровенной машины (тогда, кажется, уже был двадцати пяти тонный)... Водку пшеничную «Московскую» покупали, и дома она лежала... Дядя Коля пил ее как лекарство...» [10].

В результате активизировавшихся контактов стал возможным приезд в Аргентину и представителей советской культуры: «Приехали Алла Ларионова и Сергей Столяров. Когда они появились в аэропорте «Эсейса», то был огромный наплыв народа, редкий для Аргентины. В основном это были славяне и евреи... Потом приехал из СССР знаменитый скрипач Давид Ойстрах, который бесплатно дал концерт в самом крупном летнем амфитеатре. Потом в паре с Татьяной Николаевой дал концерт на всю Аргентину. Такая слава была у русских – мы все гордились. И куда ни пойдешь, восторженно говорили об их выступлении. Наши белорусы ... может и не могли оценить по достоинству выступление (слышали, ну и слышали), но рады были советскому» [5].

Желание переехать в СССР было сильным не только у межвоенных переселенцев, но также у молодежи – белорусов, родившихся в Южной Америке, которые не говорили на языке предков, и для которых Родиной стала Аргентина. Советское общество им представлялось так: «нет безработицы, нет проституции, конкуренция заменена... социалистическим соревнованием, от перепроизводства спасает плановая экономика, уголовники осознали свои преступления в гуманной тюрьме и выходят оттуда пристойными строителями будущего...» [11, с. 224]. На молодых не действовали аргументы старших аргентинцев. И. Пронько вспоминает, как после просмотра советских фильмов «...мне представлялось, что в СССР всё твое, всё народное: все танцуют, все смеются и поют. Правда, мой сосед в Аргентине, старый итальянец говорил: «Хосе, ты уезжаешь из Аргентины. Плохо. У вас здесь есть дом, ты учишься, брат заканчивает учебу. А там придется все заново начинать». Я отвечал: «Дон Паскуаль! В этой стране человек эксплуатирует человека! Это невозможно!». А сосед: «О-о! А там еще хуже: там государство эксплуатирует человека. Против человека бороться можно, а против государства – ох как трудно»» [10].

Переехать в СССР иммигранты-белорусы смогли во второй половине 1950-х гг., только после смерти Сталина. Кстати, траурные мероприятия после смерти вождя проводились и в Буэнос-Айресе. Белорусская девочка запомнила, как «была в белом платье, и у всех, и у моего отца, были такие черные траурные ленточки (в Аргентине так принято: если траур, то мужчинам пришивают черную ленточку на рукаве, а у женщин должен быть какой-нибудь траурный бантик). Мы возле советского посольства выстроились и колоннами проходили, отдавали честь» [12].

Всего в Советский Союз из Аргентины переехало приблизительно полторы-две тысячи белорусов и четыре тысячи украинцев. Многие ехали не в надежде на зажиточную жизнь (в Аргентине белорусы материально были обеспечены), а для того, чтобы жить в справедливом обществе: «Мы знали, что здесь прошла война, что жить, как раньше, мы не будем. Это хорошо осознавалось. Но в СССР же есть справедливость» [13]. На кораблях, пересекавших Атлантику, переселенцы продолжали готовить себя к советской жизни: «Когда плыли на корабле «Энтре Риос», мы изучали книгу «Сто вопросов и ответов о Советском Союзе», учили гимн СССР на испанском языке. Когда наш пароход заходил в Одессу, нас встречали с оркестром, который исполнял гимн СССР. И мы хором в тысячу голосов начали петь гимн по-испански. А в порту все к этому отнеслись с полным безразличием: все сидят. И мы после первого куплета перестали петь» [10].

По приезду все увидели разницу между тем, что писали советские издания, и тем, как живут советские люди на самом деле. Стало очевидным, что под воздействием пропаганды у белорусов в Аргентине сформировался иллюзорный образ СССР. Для советских правителей мало что значила судьба человека, сломавшего себе жизнь переездом в мир, который представлялся в розовом свете. Государственные интересы превалировали и при принятии решения о запрете возвращения в Аргентину разочаровавшимся реэмигрантам. Только во второй половине 1960-х гг. власти СССР разрешили вернуться в Аргентину тем, кто родился в этой стране и их ближайшим родственникам. Этим правом воспользовались чуть более трехсот реэмигрантов-белорусов.

Таким образом, с 1930-х гг. и до второй половины 1950-х гг. белорусские межвоенные иммигранты в Аргентине являлись активными сторонниками СССР, что проявлялось в работе белорусских организаций, на страницах печатных изданий, а также в поддержке Компартии Аргентины. Во время Великой Отечественной войны для борьбы с фашизмом иммигранты вербовались в ряды польских воинских формирований, а также собирали материальную помощь для СССР в Аргентине. После войны белорусы активно сотрудничали с советским посольством, продолжали оказывать поддержку СССР и КПА. Из-за своей просоветской ангажированности иммигранты не принимали за правду рассказы послевоенных беженцев об СССР, которые воспринимались как откровенная клевета. Ведомые ностальгией и желанием жить в справедливом обществе, белорусы реэмигрировали во второй половине 1950-х гг. на Родину. В Советском Союзе реэмигранты столкнулись с неведомым ранее коммунистическим строем и не все смогли приспособиться к новым жизненным реалиям. Белорусские иммигранты в Аргентине желали жить в общей семье с восточными белорусами в составе СССР, но эти желания были окрашены иллюзорным представлением о Советском Союзе.

Резюме. Автор анализирует просоветскую ориентацию белорусских иммигрантов в Аргентине в 1930-1950 гг.

Abstract. The author analyzes the prosoviet orientation of the Belarus immigrants in Argentina in 1930-1950.

Литература

- 1 Приложение // Руденко, А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925 – 1955 гг.): дис. ...канд. истор. наук. – М., 1975. – С. 149-171.
- 2 Котовський, А. Х. На берегах Ла-Плати. – Львів: Каменяр, 1988. – 167 с.
- 3 Что происходит в Западной Белоруссии? // Новая Газета. – Буэнос-Айрес. – 29 октября 1939 г. – С. 1.
- 4 Советские белорусы – своим зарубежным братьям // Новая Газета. – Буэнос-Айрес. – 29 октября 1939 г. – С. 4.
- 5 Запись беседы с Василием Романовичем.
- 6 Руденко, А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925 – 1955 гг.): автореф. дис. ...канд. истор. наук: 07. 00. 03 / АН СССР – Москва, 1975. – 29 с.
- 7 Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918 – 1945. – Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг, 2006. – 832 с.
- 8 Мерляк, К. Дзейнасць Кастуся Мерляка на эміграцыі. – Мінск: «Хата», 1994. – 475 с.
- 9 Запись беседы с Михаилом Романовичем.
- 10 Запись беседы с Иосифом Пронько.
- 11 Шэрман К. «Мерыканцы» / Шэрман, К. // Таямніцы почырку. Літаратурнакрытычныя артыкулы, эсэ. – Мінск, 1995. – С. 209 – 245.
- 12 Запись беседы Анной Балахоновой.
- 13 Запись беседы с Михаилом Мовчаном.

УДК 39 (=161.3) (476.2) – 057.6 “192/195”

Материальная культура сельского населения Гомельщины в 50-80-е годы XX века

Т. А. ШКРАБОВА

Изучение материальной культуры населения Беларуси в 50-80-е годы XX века (жилище, костюм, пища) представляется актуальным. Изменения в материальной культуре в первую очередь сказываются на духовной и социальной сферах общества в целом. Советские граждане в 50-80-е годы XX века жили в достаточно стабильных общественных условиях, но в то же время материальная культура претерпевала определенные изменения, что повышает научный интерес именно к этому историческому периоду.

Интерес к традиционной материальной культуре сельского населения Беларуси у этнографов проявился еще со второй половины XIX – начала XX века. К таким исследователям можно отнести М. О. Без-Корниловича, А. Киркора, П. М. Шпилевского, Е. Р. Романова, А. К. Сержпутовского, И. А. Сербова и др. Наиболее обстоятельно исследовал материальную культуру в данный период Н. Я. Никифоровский.

Со второй половины XX века наблюдается повышенное внимание к традиционной культуре сельского населения Беларуси. Огромный вклад в изучение материальной культуры сельского населения внесли сотрудники Института этнографии АН СССР, с 1957 года – Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. С 70-80-х годов XX века ученые-этнографы приступают к активному изучению городской культуры населения Беларуси (Г. И. Касперович, Л. В. Ракова и др.), в 90-е годы XX века городская культура находит отражение в работах З. В. Шибеко, О. Г. Яценко. Этнографами рассматриваются также вопросы влияния города на материальную культуру сельского населения Беларуси [1-5]. Традиционную материальную культуру сельского населения Беларуси во второй половине XX века изучали Л. А. Молчанова, И. П. Корзун, В. К. Бондарчик, А. Н. Курилович, М. Ф. Пилипенко, А. И. Локотко, Л. И. Маленко, Т. А. Новгородский и др. Они раскрывают особенности сельского жилища, показывают новый трансформированный комплекс одежды сельчан, выявляют устойчивые тенденции и новшества в народной кулинарии сельского населения Беларуси. Подчеркнем, что материальная культура населения Гомельщины в 50-80-е годы XX века как самостоятельный предмет углубленного и детального изучения специально не рассматривалась. Сведения о характере изученности этого вопроса раскрыты в статье “История этнологического исследования традиционных форм материальной культуры населения Гомельщины во второй половине XX – начале XXI века” [6].

Значение обращения к изучению материальной культуры сельчан в 50-80-е годы XX века существенно, так как село в данный период еще несло заметный отпечаток традиционной культуры. Строились жилища с соблюдением народных традиций, сохранялись элементы традиционного костюма в гардеробе пожилых женщин сельской местности, на столе сельчан Беларуси с завидной регулярностью появлялись традиционные блюда (бабка, драники, мачанка и т. д.). Но вместе с тем наблюдалась трансформация материальной культуры сельского населения Беларуси, проникновение и переплетение в сельской местности традиционной и городской культур в 50-80-е годы XX века. Гомельщина в этом плане показательна: в материальной культуре переплелись традиции Поднепровья и Восточного Полесья. Таким образом, актуальность анализа жилища, костюма и пищи сельчан Гомельской области очень велика.

Цель исследования – охарактеризовать материальную культуру сельского населения Гомельщины в 50-80-е годы XX века с помощью материалов полевых исследований.

Новизна данного исследования состоит в том, что впервые вводятся в научный оборот новые данные о содержании материальной культуры сельского населения Гомельской области в 50-80-е годы XX века. Впервые на материалах Гомельщины обобщаются и углубленно рассматриваются тенденции эволюции и трансформации материальной культуры сельского населения в указанный период.

Наряду с использованием опубликованных данных: материалов, зафиксированных в этнографической литературе, периодической печати, исторических и социологических работах, основной упор делался на полевых материалах, собранных автором. Полевые исследования по выявлению этнографических материалов проводились в 2009 году в Гомельском, Калинковичском, Лоевском, Жлобинском, Рогачевском, Чечерском, Речицком районах Гомельской области. В составленном нами опроснике, главным образом, акцентировалось внимание на изменениях в материальной культуре сельского населения в 50-80-х годах XX века, проживавшего в Гомельской области. Были затронуты вопросы изменения облика сельской среды, занятия населения, сельское жилище, транспорт, костюм, кулинария. В результате было опрошено 35 респондентов, из них 21 женщина и 14 мужчин в возрасте от 35 до 81 года.

Культурно-бытовые условия жизни сельчан зависели, в первую очередь, от места расположения населенного пункта, где они проживали (расстояния до райцентра или областного города). Это влияло на контакты с горожанами и на нововведения, которые перенимались из города.

До 60-х годов XX века общественного транспорта как такового не было. Колхозы и совхозы для своих работников выделяли транспорт, а также в город или в ближайший райцентр добирались на попутной машине. Позже общественный транспорт стал играть значительную роль в жизни сельчан. На нем они могли добраться до ближайшего райцентра (за покупками, получить медицинскую помощь). Личный автотранспорт стал появляться на селе в 70-80-е годы. Иметь собственное авто в деревне в то время считалось очень престижным. Во-первых, не каждый мог себе это позволить, а во-вторых, если и мог, то необходимо было отстоять в очереди за машиной (так как автомобилей в свободной продаже не было). Как отметила респондентка: «Общественным транспортом сельчане добирались до города. ... Личных автомобилей в эти годы было мало (70-е годы XX века). В основном были мотоциклы как удобные средства передвижения. Сначала «Иж» с коляской, а позже «Ява». Личные автомобили появились ближе к 80-м годам». Таким образом, в указанный период наиболее популярным средством передвижения на селе был велосипед и мопед.

На материальную культуру сельского населения в 50-80-е годы XX века большое влияние оказывало доступность образования, расширения спектра профессий и государственная политика в целом. В 50-60-е годы немногие сельские жители продолжали свое обучение в городе. Этот факт так прокомментировала респондентка 53 лет, бухгалтер п. Поляны Гомельской области: «Не давали паспортов, вот молодежь и не уезжала». Те же, кто получал образование в городе, возвращался, как правило, в сельскую местность как молодой квалифицированный специалист, привнося с собой городские новшества, в том числе и в области материальной культуры. Несмотря на низкий уровень материальной культуры в сельской местности, была высказана и иная точка зрения, что «молодые стремились в 50-е годы остаться в деревне со своими родными и близкими. Это было связано с тем, что люди были сильно привязаны к своей малой родине и земле. Многие, кто продолжал обучение в городе, возвращались в сельскую местность» – пенсионерка, 80 лет деревня Ботвиново Чечерского района.

Основная масса сельского населения трудилась в колхозе. Начиная с 70-х годов XX века, большинство жителей деревень старались продолжить свое обучение в городе. Многие оставались на постоянное место жительства. Женщины выходили замуж за горожанина, а некоторые, получив специальность, трудоустраивались в городе. Инспектор по кадрам, 51 год от деревне Дедлово Рогачевского района рассказала следующее: «Молодые сельчане практически все уезжали на обучение в город и в село не возвращались. Из моих одноклассников только два человека после обучения вернулись в сельскую местность: учитель и инженер-энергетик. Остальные же, а это 23 человека, после обучения в городе создали семьи и остались на постоянное место жительства». Однако у большинства сельчан, переехавших в город, оставались на

селе родственники и друзья, с которыми поддерживались связи. Именно через эти контакты шло проникновение инноваций в традиционную материальную культуру из города.

Респонденты отметили, что основную часть населения в описываемый период в деревнях Гомельской области составляли молодые и люди среднего возраста. Спектр выбираемых сельчанами профессий со временем менялся. Появлялись новые, которые выбирали в основном молодые сельчане: агроном, зоотехник, учитель, бухгалтер. Это было связано, прежде всего, с появлением вакансий, новых сельхозпредприятий, учреждений. Этот факт также повлиял на традиционную материальную культуру на Гомельщине. Со слов респондентки, "... их [кирпичные дома] строил совхоз и предоставлял жилье специалистам".

Опрашиваемые сходились во мнении, что сельская местность Гомельской области за 50-80-е годы XX века претерпевала значительные изменения. Первые послевоенные десятилетия белорусское село активно отстраивалось и восстанавливалось. Пенсионерка, 80 лет деревни Ботвиново Чечерского района отметила, что "...50-е годы XX – послевоенное время. Многие постройки в деревне были сожжены немцами. Все же село начинало менять свой облик в лучшую сторону. Происходило все это не очень быстро: не хватало рабочей силы, многие мужчины не вернулись с войны, лошадей тоже было немного в колхозе".

Сельская администрация строила дороги, клали на центральных улицах асфальт, появилось электричество. Вот как описывает изменения, происходившие в деревне Дедлово Рогачевского района в конце 60-х-70-е годы XX века инспектор по кадрам, 51 год: "...Была проложена асфальтированная дорога к трассе Гомель-Довск. На центральной улице деревни также заасфальтировали дорогу. Вместо старого клуба построен новый Дворец культуры, новая школа и новое административное здание совхоза, а также общественная баня. Было стремление приблизить сельскую жизнь к городской". Нужно отметить, что все эти изменения происходили не мгновенно, а на протяжении десятилетий. Это было связано с появлением новых строительных материалов, красок, электричества и много другого. Все инновации, как правило, приходили из города. Важными новшествами, внедренными на селе в 50-80-е гг., явились электричество, радио, телевидение.

На протяжении 50-80-х годов XX века облик сельского жилища претерпевал значительные изменения. Со слов респондентов, в 50-60-е годы XX века дома оставались деревянными, но крыши уже крыли шифером (до этого времени соломой, камышом или досочками). Дома огораживали заборами (а ранее – просто жердями). Так интерьер сельского дома 50-х годов описала пенсионерка, 81 года из деревни Дудичи Калинковичского района: "Железные кровати, стол, лавки, скрыня, фанерный шкаф, пол не крашен, но уже сделан из досок. Глиной обмазывали стены, белили, на окна из газет вырезали узоры и наклеивали вместо гардин. ... Для уюта своего дома женщины вышивали салфетки и вставляли их в рамки, в одной большой общей рамке вешали на стены фотографии". В 60-е годы в сельском интерьере появляются гардины, а кое-где уже и люстры. В сельский быт в 50-60-е годы XX века техника входила медленно. В середине 60-х годов XX века в сельских домах стало появляться телевидение. Иногда на всю деревню было только 1-2 телевизора, в эти дома по вечерам собиралось много людей для просмотра телепередач. Однако радио было уже во многих домах в этот период.

С 70-х годов XX века появились уже кирпичные дома. Жители сами пытались благоустроить свои участки (строили заборы, с 70-х годов их начали красить). Со временем деревянные дома стали красить, оклеивать стены обоями. Интерьер домов был, как правило, простым. У многих можно было обнаружить в доме кровати, стол, диван, буфет, сервант. Городская мода на обстановку сельского дома имело свое влияние. Рано или поздно, но до сельской местности доходили мебельные новинки, обои, люстры (вместо простой лампочки). Сельчане старались сделать свой дом уютнее посредством приобретения гардин на окна, накидками и рушниками с ручной вышивкой украшали подушки. Все же в некоторых домах сохранялись традиционные элементы в оформлении жилья: самотканые дорожки, вышитые рушники и наволочки, льняные постельные принадлежности с вышитым орнаментом. Необходимо отметить, что увеличилась камерность самого жилища.

Респондентка из Рогачевского района так отметила изменения сельского жилища в 70-е годы XX века: “Городская мода, конечно, влияла на обстановку в жилище: появились современные по тем временам ковровые покрытия, люстры. На кухню все старались поставить белый шкафчик (сервант), в зале стоял большой круглый стол, диван. ... Сельчане старались сделать свое жилье более уютным за счет постоянной покраски дома, полы красили в темно-красный цвет. Веранда по цвету должна была отличаться от цвета дома”. Вместо побелки стен стали оклеивать их обоями.

Интерьер сельского жилища в 80-е годы постепенно приближался к городскому. Сельчане молодого и среднего возраста стремились обзавестись мягкой мебелью, кухонными и спальными гарнитурами, стенкой. С конца 70 – особенно в 80-е годы XX века спектр бытовой техники в сельских домах значительно расширился (цветные телевизоры, холодильники, пылесосы, стиральные машины, бобинные, а с конца 80-х годов – кассетные магнитофоны преимущественно отечественного производства). На селе появляются дома со всеми современными удобствами. Интерьер сельского дома в 80-е годы XX века зависел от вкуса его хозяев и материального достатка.

Чем ближе село к городу, тем городская мода более значимо сказывалась на гардеробе сельчан. Сельчане приезжали в город за покупками, зачастую многие приобретали одежду в районных городах или областном центре. Выбирая себе одежду, сельчане следовали не только своему вкусу, но и материальному положению. Со временем менялась праздничная и повседневная одежда сельчан. Например, свадебный наряд невесты в сельской местности значительно отличался по тканям и фасонам в 50-60-х и 70-80-х годах XX века. Пенсионерка, 81 год из деревни Дудичи Калининского района так прокомментировала свадебный наряд невесты в 50-е годы XX века: “Покупали светлый ситец в цветочек, делали веночек из марли, расчесывали волосы, в них вплетали разноцветные атласные ленты”. По опросам респондентов, в 50-годы XX века еще многие сельчане самостоятельно ткали и шили себе одежду. Пенсионерка, 80 лет, описывая деревенскую моду 50-х годов XX века (деревня Ботвиново Чечерского района) подчеркнула, что “... были костюмы праздничные, повседневные, свадебные. Сохранялись в одежде сельские традиции: в праздничные дни носили белую блузку с вышивкой (девушка должна была вышивать ее самостоятельно), черную юбку и туфли с белыми носочками. В гардеробе должны были присутствовать обязательно несколько блузок, две юбки, косынка или платок. Менялись прически, кроме длинных кос были и короткие стрижки”. Также, со слов респондентов, модными на селе в этот период считались хромовые сапоги. Опрошенные респонденты Калининского района деревни Дудичи и Чечерского района деревни Ботвиново утверждают, что в 50-е годы XX века в гардеробе сельчан сохранялись элементы традиционного костюма: андараки, фартук, платки, рубахи с вышивкой по вороту и на манжетах. В 50-60-е годы XX века в первую очередь сельские жители исходили из практических соображений в одежде: старались, чтобы она была прочной и прослужила как можно дольше.

В 70-е годы XX века городская мода все больше начинает проникать в сельскую местность и влиять на гардероб сельчанина. Респонденты отметили, что в 70-е годы XX века сельские жители старались уже одеться “по-городскому”. Инспектор по кадрам, 51 года деревня Дедлово Рогачевского района: “В начале 70-х годов стали появляться стрижки. Очень была модной “французская” стрижка. Обязательно в гардеробе у девушки должны быть брюки-клеш с вышивкой визу. Юноши также носили брюки-клеш и обязательно в руках магнитофон или радиоприемник”. Под влиянием городской моды менялся и облик самого сельского жителя. Мужчины в это время стали носить удлиненные волосы. В моду у сельских жителей вошли такие прически как “гарсон”, с 80-х годов XX века женщины стали делать химические завивки, производить укладку волос. В гардеробе сельского модника и модницы обязательно должны были быть хорошие сапоги на каблуках, туфли, удлиненные юбки, платья, рубашки, брюки клеш, шапки из натурального меха, в 80-х годах к этому перечню добавились и джинсы. Также, по мнению опрошенных респондентов, образ сельского модника должна была дополнять кепка.

Несмотря на трудности в материальной культуре, опрашиваемые, рисуя психологический портрет сельского жителя Гомельщины в 50-80-е годы XX века, отметили скромность, трудолюбие и добродушие. Также респонденты уточнили, что сельский житель 50-80-х гг. XX века выделялся из толпы горожан тем, что не всегда мог правильно одеться и подобрать модный гардероб.

Результаты опросов показали, что вкусовые предпочтения сельских жителей Гомельской области в 50-80-е годы XX века претерпевали изменения. В большинстве случаев сельчане употребляли в пищу продукты со своего подворья. С 80-х годов начали появляться продукты быстрого приготовления (пельмени). Появлялось много разных салатов, блюд, которые до этого времени в сельской местности практически не готовили (“Оливье”, “селедка под шубой”). В системе питания были в основном блюда домашнего приготовления, но в некоторых поселках в обеденный перерыв работники питались в местной столовой. На праздничных столах стали появляться бутерброды, запеченная в духовке птица. Хлеб приобретали в магазине (хотя в 50-60-е годы случалось, что выпекали сами). В городе, как правило, закупали соль, сахар, крупы, макароны, колбасные изделия и конфеты. Многие хозяйки делали заготовки на зиму – консервировали огурцы и помидоры, варили варенье, закатывали компоты. Сельские дети, приезжая с родителями в город за покупками, любили лакомиться мороженым. Одна из опрошенных респонденток, вспоминая 1970-е годы, отметила, что “на столе у сельчан обязательно присутствовал картофель, сало и мясо свинины. У всех были погреба, поэтому делали закваску капусты на зиму, огурцы солили в бочке. Закупались в местном магазине. В магазине в бочках стояла соленая селедка. Масло сливочное большими кусками лежало прямо на прилавках. Хлеб покупали, сами не пекли. Раз в день с райцентра (город Рогачев) привозили хлеб. За ним были большие очереди, особенно летом. На руки давали по 6 булок хлеба, очередь приходилось занимать с утра. Если бывали в городе, привозили замороженную рыбу. Консервированием стали заниматься с начала 1970-ых. Продуктов быстрого приготовления не было. Сохранялись блюда национальной кухни – картофельный суп, запяленный жареным салом и молодой зеленью (чеснок, укроп)”.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, материальная культура в сельской местности Гомельской области за 50-80-е годы XX века претерпевала значительные изменения. Во-вторых, с течением времени появлялись новые деревянные, а позже и кирпичные дома на селе, увеличилась камерность самого жилища. В-третьих, в 70-е годы XX века городская мода все больше проникает в сельскую местность и влияет на гардероб сельчанина (джинсы, пальто с натуральным мехом, меховая шапка и т. д.). В-четвертых, в большинстве случаев сельчане употребляли в пищу продукты со своего подворья. В-пятых, наиболее популярным средством передвижения на селе был велосипед и мопед. В-шестых, на селе появляется понятие “престижность” (50-е годы XX века – электричество в доме, радио, 60-е годы XX века – телевизор, 70-е годы XX века – магнитофон, мотоцикл, 80-е годы XX века – личный автомобиль). В-седьмых, проникновение новшеств в традиционную материальную культуру в изучаемый период зависело от места расположения населенного пункта (пригородное село или удаленное от города), от пересечения шоссейных и железных дорог.

Резюме. Охарактеризована материальная культура сельского населения Гомельщины в 50-80-е годы XX века. Исследование выполнено на основании материалов полевых экспедиций (2009 г.).

Abstract. Gomel region agricultural population material culture in the 1950s-1980s is characterized in the article. The research is executed on the basis of field expedition materials (2009).

Литература

1 Касперович, Г. И. Миграция сельского населения в города и этнические процессы / Г. И. Касперович. – Минск: Наука и техника, 1975. – 149 с.

2 Каспяровіч, Г. І. Этнакультурнае развіццё беларусаў у 20-80-я гады XX ст.: аўтарэф. дыс. ...докт. гіст. навук: 07. 00. 07 / Г. І. Каспяровіч; Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі. – Мінск, 2002. – 40 с.

3 Корзун, И. П. Преодоление различий между городом и деревней в быту и культуре. Историко – этнографическое исследование по материалам БССР / Под ред. И. В. Матюшенко. – Минск: Наука и техника, 1972. – 159 с.

4 Изменение в быту и культуре сельского населения Белоруссии / Под ред. В. К. Бондарчика. – Минск: Наука и техника, 1976. – 144 с.

5 Полесье. Материальная культура / Под ред. В. К. Бондарчика, Р. Ф. Кирчив [и др.]. – Киев: Наукова думка, 1988. – 448 с.

6 Шкрабова Т. А. История этнологического исследования традиционных форм материальной культуры населения Гомельщины во второй половине XX – начале XXI века. / Т. А. Шкрабова // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1. Вып. 8 (13) / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2009. – С. 197-202.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10

УДК 379. 822-057. 874-057. 4(476. 2-2Гом): 94(470)"1914" "363"

Ученические экскурсии гомельчан накануне Первой мировой войны

О. Г. ЯЩЕНКО

«В настоящий момент, когда экскурсии входят, так сказать, в обиход школы, наиболее правильная постановка экскурсий является весьма важным вопросом», – такое мнение, высказанное на страницах гомельской прессы в начале XX века, служит подтверждением актуальности обращения к истории ученических экскурсий. Они и сегодня являются значимым рычагом воспитания и обучения в средней и высшей школе. Кроме того, что экскурсионные программы для учащихся в различных типах учебных заведений содействуют эффективному образовательному процессу, за ними на протяжении десятилетий сохраняется традиционная музейная сфера функционирования, где в экскурсии втягиваются все категории населения. Одновременно необходимая и привлекательная часть туристических проектов, экскурсия по-прежнему занимает лидирующее место как форма работы различных туристических агентств. Туристическая деятельность в Беларуси на современном этапе опирается не только на новационные разработки, но и во многом на апробированные ранее подходы, в том числе к организации экскурсий, для чего важны знания о том, как реализовывались экскурсионные программы и в более отдаленные от нас эпохи. Однако экскурсионная работа в прошлом является малоисследованным полем, которое до настоящего времени, как правило, обходили историки, оставляя эту нишу для изучения другим специалистам: педагогам, музеоведам. Еще один аспект темы, придающий ей высокую степень актуальности, – возможность на примере материалов об экскурсионной работе столетие назад реконструировать те этнографические этюды, представление о которых утрачено и уже не может быть воссоздано с использованием других источников. Если педагогика уже дала свой ответ на вопрос о целях, содержании, формах и способах воплощения экскурсионных проектов, то историко-этнологическое исследование данной темы пока специально не предпринималось. При этом подобные именно этнологические исследования имеют прямой смысл, поскольку зачастую материалы о проведении экскурсий содержат в том числе оценку национального колорита ряда этносов, данную представителями иной культуры. В некоторых случаях результаты характеристики экскурсионной работы полезны для пополнения багажа исторического краеведения, так как в процессе совершения экскурсионных мероприятий происходило накопление информации о местной истории и рождалось понимание самобытности своего края.

Историография вопроса предполагает обращение в первую очередь к литературе по педагогике [1; 2]. Здесь можно обнаружить обозначение места экскурсий в числе других форм обучения и воспитания, авторы расшифровывают виды экскурсионной работы, ее функции, приводят дидактические основы проведения экскурсий, характеризуют этапы осуществления и пр. Что касается научной литературы по этнологии города, то имеется лишь фиксация фактов о том, что экскурсии в конце XIX – начале XX веков вошли в обиход форм досуга, а в советское время к ним приобщились широкие массы жителей БССР как в городской, так и в сельской местности [3; 4; 5; 6]. Неоднократно приводятся данные о посещении музеев (аналогичная картина сложилась в литературе по истории культуры и образования Беларуси), однако подробные, детализированные описания реализованных экскурсионных маршрутов остаются вне изучения. Вместе с тем даже при определенном освещении экскурсионной работы ее ученический аспект, как правило, выпадает из анализа. Пласт литературы по истории музейного дела также очень скупо отражает ситуацию об экскурсиях учащихся в различные периоды времени, чаще можно встретить разнообразные описания методик проведения экскурсионной работы [7].

К сожалению, об экскурсиях жителей белорусских губерний конца XIX – начала XX веков сохранились лишь немногочисленные сведения. Это же в полной мере относится и к экскурсиям учащихся. Разрозненные материалы можно почерпнуть со страниц местной периодической печати Гомеля, которая остается почти единственным достаточно подробным источником для реконструкции программ ученических экскурсий гомельчан в прошлом, отстоящем от нас почти на столетие. И хотя воссоздание полной картины таких экскурсионных маршрутов пока не представляется возможным, все же ряд дошедших до нас примеров очень показателен и может служить основанием для понимания целей, процесса организации экскурсий для учеников, их познавательных результатов и эмоционального отклика на них из среды самих экскурсантов. Эти материалы могут быть положены в основу характеристики экскурсионной работы как важного компонента культуры.

Нами систематизированы материалы по этой тематике и в качестве примера использованы факты, опубликованные на страницах издававшейся в городе газеты «Гомельское слово» в номерах за период весны – осени 1911 года. Автором специально сохраняется максимально полное воспроизведение данных в таком виде, который им придавался составителями газетных текстов и участниками самих путешествий, так как это позволяет более точно показать ход ученических экскурсий и наиболее образно охарактеризовать то влияние, которое они оказывали на сознание и чувства молодых людей и сопровождавших их лиц.

Таким образом, научная ценность и новизна изучения вопроса связана не только с включением в сферу научного использования новых историко-культурных материалов, но и показом событий, основанным на высказываниях их очевидцев либо тех современников, которые получали информацию из первых уст. Целью исследования выступает этнологическая характеристика экскурсионной работы с учащимися белорусских губерний накануне Первой мировой войны (по гомельским материалам).

Широко практиковались экскурсии в пределах гомельских окрестностей. Весной 1911 года состоялась экскурсия учеников Гомельской мужской гимназии в Буда-Кошелево [8, с. 4]. Это мероприятие было организовано в мае 1911 года. В состав экскурсантов входили 73 ученика Гомельской мужской гимназии и преподаватели этого учебного заведения: Стандровский, Попов, Боборыкин, Бабчинский и Федоров, помощник классных наставников Шимкович, председатель родительского комитета Плахов и его заместитель Харченко. Они рано утром отправились со станции «Гомель» в Кошелевское лесничество, находящееся при станции Либаво-Роменской железной дороги «Буда-Кошелевская», которую от Гомеля отделяли 45 верст.

Целью этой экскурсии был осмотр прекрасного дубового леса, который занимал пространство около тысячи десятин, и ознакомление с местностью в ботаническом отношении. На экскурсии лесничий Юстов и преподаватель природоведения Попов рассказывали молодым людям о разных способах ведения лесного хозяйства, улучшения леса. Гимназисты смогли воочию увидеть разнообразные древесные породы, растущие вместе с дубом, среди них было обращено внимание на граб. Гимназистам указали на возможные недостатки ведения лесного хозяйства и способы их устранения. На экскурсии преподаватели показали некоторых из паразитов (грибы, лишай), растущих на деревьях. При этом сообщались интересные сведения о некоторых особенностях вредителей, так, например, паразит-грибок, живет на дубе всегда на северо-западной стороне. Затем молодых людей привели в питомник, где наглядно продемонстрировали прорастание дуба из желудя. Одновременно ученики знакомились и с другими растениями, которые можно встретить в лесу (любопытные виды папоротника и др.). Попов сообщал экскурсантам о различных попадавшихся экскурсантам представителям животного мира, населяющих лес и его окрестности (о ящерицах, кукушках и др.). На этой экскурсии уже использовался фотоаппарат. Стандровский и Попов сделали фотографии учащихся и сопровождавших их лиц. После завтрака, который заключался в молоке и чае и был предложен Юстовым, под руководством преподавателей состоялись игры учеников. В 9 часов вечера экскурсанты возвратились в Гомель.

Наиболее масштабные маршруты ждали учеников из обеспеченных семей, поскольку они осуществлялись платно, но предполагали выезды далеко за пределы города. Информация о таких увлекательных поездках популяризировалась в том числе и с познавательной це-

лю. В 1911 году 11 учащихся Гомельской правительственной гимназии – 4 ученика 6 класса и 7 учеников 5 класса согласились участвовать в так называемой «образовательной экскурсии» в Туркестанский край для того, чтобы «набраться массы новых впечатлений, повидать далекие и интересные страны и значительно расширить свой умственный кругозор» [9].

Организатором мероприятия для учащихся средних учебных заведений стало попечительство Виленского учебного округа. Главным руководителем экскурсии был назначен попечитель учебного округа директор Ковенской гимназии Медведев, его помощником – инспектор гомельской мужской гимназии Соколов. Кроме того, было определено, что при детях должны находиться 3 преподавателя и врач. Всего же первоначально для участия в групповой поездке записалось 39 человек: 36 гимназистов и 9 реалистов. Кстати, Владимир Константинович Соколов был большим любителем путешествий и объездил почти всю Россию, а детей к этому времени уже возил в Добруш, Вильно и др. места.

Маршрут этого летнего путешествия был тщательно разработан и составлял 10 тысяч верст по суше и воде. Основные пункты следования по дороге в Туркестан таковы: Бахмач, Харьков, Таганрог, Ростов-на-Дону, Минеральные Воды (Пятигорск, Кисловодск), а также Баку, Красноводск и др., предполагался переезд морем. Дети могли увидеть Бухару, Самарканд, Скобелевск, Андижан (с поездкой в Ош и горы), Ходжент, Ташкент. На обратном пути были запланированы визиты в Самару, Нижний Новгород, Москву, Смоленск, Минск, Вильно.

Плата за проезд и продовольствие устанавливалась в размере 85 рублей, продолжительность экскурсии определялась в 41 день. Педагогический совет гомельской гимназии оказал материальную помощь некоторым детям из числа необеспеченных учеников, были назначены пособия на сумму в 310 рублей, бывшую в распоряжении гимназии и сложившуюся в результате добровольных пожертвований некоторых учащихся и других лиц, присутствовавших 22 декабря 1910 года на ученическом музыкально-литературном вечере. Три гимназиста получили помощь в размере 50 рублей и четверо – по 40 рублей. Дети брали с собой несколько фотоаппаратов для фиксации своих впечатлений.

Из Гомельской гимназии поехали в Туркестан ученики 7 класса Быков, Зубарев, Харитончик, Монтлевич, ученики 6 класса Каминский, Галин, Трутко, Ивицкий, Гнездилов, Сухой и Рышкевич. В мероприятии также приняли участие дети из других гимназий: Бобруйской, Брестской, Ковенской, Минской, Могилевской, Слуцкой, Белостокского реального училища, Двинского, Могилевского, Пинского, Поневежеского и Рогачевского училищ.

Накануне поездки в Гомеле в домовую гимназическую церковь о. законоучителем гимназии священником Жудро был отслужен молебен о здравии отправляющихся на экскурсию и благополучном возвращении их домой. Важно, что до отправки учеников для них специально подготовили и лекцию по теме «Туркестанский край», которую прочитал преподаватель М. И. Сидоренко. Он рассказал о географических условиях края, его истории и этнографических особенностях.

Ученическая экскурсия из Гомеля в составе 11 воспитанников местной правительственной гимназии во главе с инспектором гимназии В. К. Соколовым в сопровождении служителя гимназии сначала выехала на поезде в Вильно, где и было определено место сбора всех путешественников. Здесь ознакомились с городом, осмотрели Замоквую гору, памятники Екатерине II и Муравьеву, собор и костел, вечером они посетили ботанический сад, где бесплатно слушали музыку, было запланировано и посещение синемаатографа.

На 7 июня назначался отъезд путешественников в Туркестан из Вильно (возвращение планировалось на 20 июля). В отдельном вагоне разместились 30 гимназистов, 9 реалистов, 5 педагогов во главе с директором Ковенской гимназии Медведевым, доктора и нескольких служителей. 8 июня эта группа направилась на Бахмач через Гомель.

В своих открытках, присылаемых в Гомель во время путешествия, дети сообщали домой о некоторых своих самых первых впечатлениях. Вот одна из таких записей: «Мы уже в Малороссии. Сегодня были в Малороссийской деревне. Малороссы очень интересный народ – остроумный, гостеприимный. Мы пили там молоко и они приглашали нас приходить вечером слушать песни» [10, с. 3].

Одним из важных пунктов посещения согласно программе этой продолжительной экскурсии стал город Харьков, куда участники экскурсии прибыли 9 июня 1911 года. Несмотря на жаркую погоду с самого утра, все направились в университет, где проводилась экскурсия в музей изящных искусств, были осмотрены картинная галерея и этнографический музей с самыми подробными объяснениями. Гомельчане побывали и в городском художественно-промышленном музее и после обеда в кухмистерской осматривали под руководством профессора астрономии обсерваторию и сейсмографическую станцию. Под руководством преподавателей университета дети посетили метеорологическую станцию со всеми новейшими усовершенствованиями и различными приборами для определения температуры воздуха и почвы, влажности, ветра и пр. Любопытен был и визит в университетский сад. Вечером в саду Коммерческого клуба участники экскурсии прослушали симфонический концерт. Поздно ночью дети усталые, но довольные, прибыли на вокзал и провели ночь в вагонах, направляясь к дальнейшим пунктам назначения в своем путешествии.

Побывали гомельчане и в Пятигорске, проехав часть пути на дачном поезде. Любопытно, что здесь их разместили на ночлег в здании мужской гимназии, постлав свежее сено прямо на полу. Вместе с тем, газета сообщала, что «ночлег вышел, правду сказать, весьма приятный и веселый». Путешественники взобрались на гору Машук, по пути осмотрев живописные места Пятигорска, а также памятные исторические достопримечательности. Они побывали в гроте Дианы, видели цветную стеклянную беседку, скалу «Орел», Михайловскую галерею, грот Лермонтова и беседку «Эолова арфа». Экскурсии проходили при весьма жаркой погоде, так как даже в тени было зафиксировано 35°R . Затем дети обедали под звуки румынского оркестра. Экскурсионная программа предполагала ведение дневников, в которых путешественники отражали наиболее запомнившиеся им события и впечатления. 13 июня участники экскурсии в Кисловодске осмотрели галерею Нарзана и Тополеву аллею с новым благоустроенным новым зданием. Известно, что большое впечатление произвел парк с цветниками, дорожками, фонтанами и знаменитым источником «Нарзаном». Эта экскурсия, как и другие, сопровождалась фотографированием. Прогулка в горы, купание (за отдельную плату) некоторых детей и руководителей экскурсии в источниках, катание на колесных коньках, осмотр водопада «Стеклянная струя», прослушивание в саду концерта, исполненного оркестром терских казаков – названные и другие развлечения, несомненно, вызвали неподдельный интерес. Здесь же в городе участниками похожих туристических программ стали и другие дети – экскурсанты Тульской гимназии. Во время путешествия в Железноводск по пути следования гомельчане увидели виноградники и долину роз, разведенные немцами-колонистами.

Путь от Пятигорска до Баку оказался малопримечательным. На станции Беслан, которая располагалась в 20 верстах от Владикавказа, у самого подножия Кавказских снеговых гор, экскурсанты сделали 20-минутную остановку для обеда. Любопытно, что авторы сообщений о путешествии особо отмечают, что этот обед был заказан по телефону – новинка в коммуникациях того времени. Обстоятельства сложились так, что дети стали не только участниками экскурсий по местным достопримечательностям, но и очевидцами экологической катастрофы. Дети осмотрели Сураханы, где в это время горела вышка Ротшильда. «Величественная и потрясающая картина – нефтяной пожар!» – такие отклики очевидцев сопровождали это зрелище [11, с. 3]. Дети приняли участие во множестве программ (осмотр нефтяной вышки Мирзоева, где из-под земли бил нефтяной фонтан, а также осмотр развалин древнего храма огнепоклонников и др.).

Во время путешествия их ожидала и морская прогулка. Увидели гомельчане и Мерв. Обратимся ко впечатлениям, высказанным самими экскурсантами о переезде из Ашхабада в Мерв, когда по сторонам они видели стада верблюдов, а также на станциях им встречались всевозможные типы азиатов: туркмены, и афганцы, и персы, и армяне, и киргизы: «Пестрые халаты, белые чалмы, мохнатые шапки – все это бросалось в глаза и представляло незнакомую картину, от которой трудно оторваться» [12, с. 3]. Эти люди добродушно и с усмешкой отвечали на вопросы экскурсантов, если могли сказать хотя бы несколько слов по-русски и дополняли слова мимикой. Путешественникам довелось из окна вагона увидеть интересное природное зрелище – столбы пыли, поднимавшиеся наподобие смерча.

По мере путешествия его участники сообщали, что условия становятся поездки более сложными, жара все усиливалась, всех одолевала сильная жажда, указывалось на отсутствие черного хлеба и трудности в приобретении белого. В целях заботы о здоровье детей им ради предосторожности дали принять по порошку хинина, чтобы избежать заболевания малярией. На станциях дети лакомились виноградом и желтыми сливами.

Гиндыкушская плотина и разные сооружения ирригационного характера тоже стали местом визита детей. Попробовали они и незнакомую пищу, называя ее «туземный обед», который включал плов (вареный рис с изюмом и бараниной) и шашлык. Интересно, что за день участниками поездки было выпито свыше 15 ведер кипяченой и охлажденной воды, а многие из-за жары и жажды выпили по 10-15 стаканов чая.

Вообще, в образовательных целях на территории Средней Азии путешественники под руководством взрослых осмотрели хлопковые, маслобойные, мыловаренные и ледоделательные заводы. Остановившись на станции Байрам-Али, дети ездили на лошадях за 8 верст для осмотра хлопкового поля, вечером побывали на электрической станции. Их во время обеда угощали компотом из ананасов и черешен, а вечером они имели возможность играть в саду и лакомиться десертом и водой с фруктовым сиропом.

К началу июля, наконец, маленькие путешественники прибыли в Самарканд, где осмотрели гробницу Тамерлана, мечети (даже взбирались на минареты для любования видом города) и развалины обсерватории, получили приглашение от губернатора в сад на завтрак. В Самарканде экскурсантов поразило обилие зелени, садов и бульваров. В Андижане путешественники посетили базары, им также показали гренажное заведение, где выращиваются, сортируются и готовятся сырые коконы для получения из них шелковых нитей. Безусловно, в заметках путешественников упоминаются прекрасные фрукты и чай этого края. Детей отвели и к знаменитой и чтимой мусульманами горе «Сулейман-тахта» (трон Соломона), она представляет высокий скалистый утес, с него открывается богатый вид на город Ош и его окрестности. Дети также ознакомились и с этнографической экзотикой: побывали в киргизской кибитке. Ташкент встретил экскурсантов красочными городскими пейзажами: медресе, крытые базары, старинная мечеть. Особое познавательное значение имела экскурсия в музей Туркестанского края, в котором богатыми коллекциями располагали этнографический, археологический и орнитологический отделы. В числе экскурсионных мероприятий обязательным элементом был визит в городской сад для того, чтобы увидеть памятник взятия Ташкента, изображающий русского солдата, водружающего знамя на разбитой кирпичной стене.

Информация о подобного рода планировавшихся учебно-познавательных путешествиях для учащихся сообщалась в учебные заведения. Так, известно, что гомельской мужской гимназией были получены данные об организации летом (в июне и в июле 1911 года) в г. Санкт-Петербурге комитетом морских экскурсий при лиге обновления флота двух экскурсий по Финскому заливу [13, с. 3]. Судя по содержанию сообщения, такие экскурсии проходили несколько лет подряд, они предусматривали по возможности выход в Балтийское море на парусном судне «Утро». Плата за поездку составляла, как и в прежние годы, 50 рублей за 4 недели. В оплату входило полное продовольственное обеспечение и рабочее платье, которое поступало в полную собственность экскурсанта.

Организаторы этой экскурсии предлагали посещение портовых городов, а также артиллерийский, минный и другие отряды военных судов. Во время переходов экскурсанты получали возможность следить за путем корабля, измерять скорость хода судна и глубину моря, делать метеорологические наблюдения и обучиться сигнализации. Во время остановок молодые люди имели возможность кататься на шлюпках и освоить управление ими, а в периоды совместной стоянки с военными кораблями знакомиться с маневрированием и стрельбой минами и из орудий. Условиями данной программы оговаривалось, что к участию в экскурсии допускались лишь вполне здоровые воспитанники и обязательно достигшие 16-летнего возраста. Летом 1910 года такое путешествие совершили пять воспитанников старших классов Гомельской гимназии, которые остались очень довольны этой образовательной поездкой. Они вернулись окрепшие физически и в определенной степени прокоснулись к изучению моря и морского дела.

Гомельских учеников для углубленного изучения отдельных предметов вывозили и на выставки. Так, педагогический совет гомельской мужской гимназии посчитал необходимым отправить детей на образовательную экскурсию в Быхов, где осенью 1911 года проходила сельскохозяйственная выставка. Туда же направлялись и учащиеся местного коммерческого училища в связи с пользой этой поездки для освоения курса экономической географии. На этой выставке, кроме гомельчан, побывали учащиеся из Могилева, Рогачева. Там же осматривали павильоны и дети – выходцы из сельской местности. Вот какое описание этого осмотра оставил нам современник: «Особенно трогательную картину представляла группа учеников и учениц одной деревенской земской школы. Нельзя было без умиления смотреть, как эти малыши в лаптях или больших «бабьих чоботах», будущие наши Микулы-Селяниновичи, с широко раскрытыми глазами шагали по разным павильонам и удивленно глядели то на мудреные машины и «добрячую художку», то на «товарищей» с золотыми пуговицами» [14, с. 3-4]. В сентябре 1911 года ученики и ученицы мужской и женской гимназий выезжали в Добруш для знакомства с деятельностью писчебумажной фабрики княгини И. И. Паскевич [15, с. 3]. Той же осенью осуществлялась и поездка гимназистов для осмотра местных фабрик в Клинцах.

Экскурсионные программы затрагивали жизнь не только учеников-гимназистов, но и другие категории населения. Разрабатывались маршруты как для гомельчан с целью визита в иные населенные пункты, так и жители чаще близлежащих уездов могли избирать местом своего посещения город над Сожем.

В некоторых случаях через Гомель пролегали пути экскурсантов из других городов. Так, например, местные газеты сообщали, что 27 июня 1911 года из Новозыбкова в Гомель должны прибыть экскурсанты сельскохозяйственных курсов, следующие в другие местности [16, с. 3]. В конце июля здесь ожидали посещение города пешими экскурсантами из Ярославля, для которых городская управа распорядилась приготовить помещение, чай, сахар и пр. [17, с. 3] Эта группа возглавлялась преподавателем Ярославльского реального училища А. А. Романовским и его помощником И. Е. Смирновым. В состав экскурсионного объединения, двигавшегося пешком от Ярославля до Киева, входили еще фельдшер, фотограф и служитель. Экскурсанты, в числе которых к моменту визита в Гомель был представлен 21 человек (учащиеся реального училища, гимназии и др., младшему из них было 12 лет), вышли из Ярославля 7 июня и прошли путь через Москву, Подольск, Малый Ярославец, Медынь, Юхнов, Рославль, Кричев, Чериков, Довск, а после остановки в Гомеле их дальнейшее путешествие было связано с такими городами, как Чернигов и Киев. Интересно охарактеризованы цели этого мероприятия: поклонение святыням, особенно в Киеве, закалка характера, знакомство и общение с природой. Дети делали зарисовки, фотографировали, составляли гербарий, вели дневники. Руководитель считал необходимым впоследствии опубликовать результаты путешествия с иллюстрациями. Еду частично брали с собой в запас, некоторые продукты покупали и отдавали готовить на местах остановок. Багаж перевозился за экскурсантами на трех подводах. Примечательно, что при повсеместном радушном приеме все же в сельских населенных пунктах их деятельность вызывала некоторое недоумение и наталкивалась на непонимание крестьянами этой новой формы работы, поэтому участникам похода приходилось долго объяснять смысловое содержание экскурсии (место назначения, цель экскурсии и др.).

Гомель также посещала столичная учащаяся молодежь. Например, известно, что в том же 1911 году из Петербурга с визитом приезжали учащиеся высших учебных заведений в сопровождении педагогов, при этом в местах пребывания эта группа давала концерты – выступал сформированный из их числа хор балалаечников и песенников, а также проводились вечера с речами ораторов по актуальным вопросам общественной жизни [18, с. 3].

Таким образом, в годы накануне первой мировой войны заметно повышение интереса к экскурсионным ученическим поездкам, которые выступают в качестве средства расширения кругозора детей, пробуждают их познавательную активность, знакомят со сведениями не только в области различных наук, но и помогают приобщиться к практической стороне жизни.

Характерно, что предпринимаются попытки сделать их постоянным компонентом в обучении. Стремление предварить поездки разъяснительным теоретическим материалом (чтение лекций и пр.), обдумать логику передвижения, разнообразить целевой компонент, детализировать комментирование обозреваемых объектов свидетельствует о совершенствовании методики экскурсий в первую очередь не как развлекательной, а познавательной деятельности. Неотъемлемым был и воспитательный эффект работы педагогов, постоянно подчеркивается важность экскурсионных программ как средства для объединения коллектива юных путешественников, развития чувства дружбы и товарищества. По возможности, придерживались установки на охрану и укрепление здоровья детей (врачебное сопровождение, снабжение медикаментами, купание в целебных источниках, отправка заболевших детей с экскурсий домой и др.). Очевидно административное кураторство над такими поездками, содействие руководства образовательными учреждениями их планированию, осуществлению и, в некоторых случаях, частичному финансированию.

Безусловно, дороговизна путешествий и другие факторы повлияли на отбор детей определенного социального круга для участия в экскурсионной деятельности. Наиболее сложные и удаленные маршруты также были доступны лишь немногим подросткам из числа обеспеченных семей города. В рассматриваемое время экскурсионные выезды еще не стали массовым явлением, хотя прочно утвердились в сфере образования. Вместе с тем следует признать, что реализовавшиеся экскурсионные программы вызывали широкий общественный отклик, способствовали пробуждению у молодежи интереса к краеведению и ознакомлению с нравами и обычаями других народов, пропагандировали ценности, ставшие достоянием мировой культуры. В сферу этих процессов оказались втянуты и юные гомельчане.

Практическое использование материалов связано с возможностью обращения к ним в работе со школьниками в туристических кружках, в средней общеобразовательной школе на факультативах по отечественной истории, в воспитательной деятельности с молодежью, а также в просветительной и краеведческой работе учреждений культуры Гомельщины (музеев, библиотек и пр.).

Резюме. В статье описываются традиции учащейся молодежи Гомеля в области культуры и образования накануне Первой мировой войны. Автор показывает цели, формы и подробности их посещения природы, а также экскурсий на выставки и в различные города.

Abstract. Gomel studying youth traditions in the field of culture and education on the eve of World War I are described in the article. The author shows the purposes, forms and details of their nature visiting, and also excursions to exhibitions and to various cities.

Литература

- 1 Харламов, И. Ф. Педагогика / И. Ф. Харламов. – Минск: Университетское, 2000. – С. 281 – 284.
- 2 Подласый, И. П. Педагогика: Новый курс: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 кн. / И. П. Подласый. – Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 576 с.; Кн. 2: Процесс воспитания. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 256 с.
- 3 Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.]; пад рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 248 с.
- 4 Изменения в быту и культуре городского населения Беларуси / В. К. Бондарчик [и др.]; под ред. В. К. Бондарчика. – Минск: Наука и техника, 1976. – 111 с.
- 5 Этнические процессы и образ жизни (на материалах исследования населения городов БССР) / В. К. Бондарчик [и др.]; под ред. В. К. Бондарчика. – Минск: Наука и техника, 1980. – 279 с.
- 6 Беларусы: У 10 т. / В. К. Бандарчык, М. Ф. Піліпенка, А. І. Лакотка. – Мінск: Беларуская навука, 1995-2009. – Т. 6: Грамадскія традыцыі / В. М. Бялявіна [і інш.]. – 2002. – 606 с.

- 7 Савина, Н. В. Экскурсоведение: учеб. пособие / Н. В. Савина. – Минск: БГЭУ, 2009. – 255 с.
- 8 Гомельское слово. – 1911. – 17 июня.
- 9 Гомельское слово. – 1911. – 24 апр., 3 июня, 5 июня, 10 июня, 17 июня, 19 июня, 1 июля, 17 июля и др.
- 10 Гомельское слово. – 1911. – 10 июня.
- 11 Гомельское слово. – 1911. – 17 июля.
- 12 Гомельское слово. – 1911. – 1 июля.
- 13 Гомельское слово. – 1911. – 24 апр.
- 14 Гомельское слово. – 1911. – 16 сент.
- 15 Гомельское слово. – 1911. – 21 сент.
- 16 Гомельское слово. – 1911. – 26 июня.
- 17 Гомельское слово. – 1911. – 7 авг.
- 18 Гомельское слово. – 1911. – 6 мая.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10

ФИЛОСОФИЯ

УДК 631.5/9:635.1/8:634.628.5

Фоновое загрязнение тяжелыми металлами дерново-подзолистых супесчаных почв Республики Беларусь

С. С. Позняк

Введение. Прямым источником накопления в почвах тяжелых металлов (ТМ) являются горные породы, на продуктах которых сформировался почвенный покров. В осадочных горных породах в зависимости от их генезиса и гранулометрического состава содержание ТМ колеблется в широком диапазоне, при этом тонкодисперсные глинистые сланцы более обогащены тяжелыми металлами, чем песчаники [1]. В горных породах тяжелые металлы обычно приурочены к определенной группе минералов [2]. При выветривании коренных горных пород ТМ в значительной части сохраняются в рыхлых образованиях, изменив форму и место присутствия. Поэтому главными носителями тяжелых металлов становятся вторичные минералы, гидроксиды и оксиды полуторных элементов, а формами присутствия – водорастворимая, обменная, окклюдирующая R_2O_2 , в кристаллической решетке вторичных минералов (изоморфное замещение) и в их межплоскостном пространстве, в первичных минералах. По этой причине почвообразующие породы разного гранулометрического состава содержат заметно различающиеся количества тяжелых металлов: небольшое – песчаные и супесчаные, значительное – суглинистые и глинистые [3].

При почвообразовании происходит некоторое перемещение тяжелых металлов в профиле почвы. Наблюдается биогенная аккумуляция ряда физиологически важных для растительности элементов – Mn, Zn, отчасти Cu. В почвах с элювиально-иллювиальным профилем (дерново-подзолистые, серые лесные, солоды, солонча и др.) элювиальный горизонт обедняется тяжелыми металлами, тогда как иллювиальный обогащается. Нередко фиксируются небольшие аккумуляции ТМ в верхней части карбонатного горизонта, где в депонировании ТМ принимают участие глинные минералы и гумусовое вещество [4]. В илистых частицах содержание тяжелых металлов в 2–4 раза больше, чем в почвенной массе в целом [5]. Такое обогащение рассматривается как результат процесса почвообразования, поскольку по количеству многих ТМ ил, выделенный из материнской породы, почти не отличается от ила из гумусового горизонта почв, которые сформировались на этой породе. Иными словами, аккумуляция ТМ в тонкой гранулометрической фракции произошла раньше, чем началось современное почвообразование. Гумус по отношению к ТМ обладает высокой депонирующей способностью: помимо обменного поглощения гумусовые кислоты могут образовывать с ТМ комплексные органоминеральные соединения, которые становятся малоподвижными. Высокое содержание ТМ в гумусе отмечается во многих работах [6].

К основным носителям тяжелых металлов в незагрязненных почвах следует отнести оксиды железа, в которых может содержаться, например, цинка до 25 % от общего содержания металла в почве [7].

Многочисленными работами по изучению содержания тяжелых металлов в совокупности основных почв разных регионов было доказано, что использование данных о среднем содержании тяжелых металлов в почвенном покрове вообще в качестве фоновых при работе с конкретными загрязненными почвами будет неправильным. Поэтому в аналитиче-

ских исследованиях необходимо использовать данные о содержании тяжелых металлов в конкретных местных незагрязненных почвах. Следует, однако, отметить, что пределы содержания тяжелых металлов, установленные различными исследованиями, отличаются друг от друга в разы [6].

Многими исследователями по этому поводу справедливо отмечается, что для некоторых тяжелых металлов верхний предел биологически благоприятного валового содержания лишь ненамного превосходит фоновое. Как отмечается в [8, с. 12], *«скорее всего, у этих данных нет достаточного физиологического обоснования. Получить же его трудно, поскольку в растения из почвы поступает отнюдь не адекватное валовому содержанию количество тяжелых металлов, а реакции живых организмов на одни и те же концентрации тяжелого металла в почве в зависимости от сопутствующих условий заметно различаются. Накопленный материал убеждает в том, что за усредненными величинами скрывается большое разнообразие конкретных ситуаций. Следует с осторожностью относиться к использованию оценочных средних валовых содержаний тяжелых металлов, глобальных или рассчитанных для больших территорий, в качестве фоновых при нормировании местного загрязнения»*.

В Республике Беларусь проведены многочисленные исследования и накоплена информация о содержании в незагрязненных почвах тяжелых металлов Mn, Zn, Cu, Mo, Co [9]. В то же время в литературе и практике очень мало сведений о содержании в почвах Pb, Cd, Cr, Hg и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Для контроля состояния окружающей среды и разработки комплекса мероприятий по предотвращению загрязнения земель необходимо использование данных о фоновом содержании тяжелых металлов в конкретных местных незагрязненных почвах. В исследованиях определялось валовое фоновое содержание микроэлементов и тяжелых металлов в незагрязненной почве, находящейся на территории планируемого размещения национального парка «Белая Русь» в Логойском районе Минской области, которая представляет собой удаленный от источников загрязнения участок земной поверхности с естественным почвенным покровом и растительностью, характеризующийся минимальной антропогенной нагрузкой. Опытный участок размещался в Каменском сельском совете, расположенном в 40 км от районного центра Логойск и в 80 км к северо-востоку от Минска.

Отбор почвенных проб проводился в соответствии с методикой крупномасштабного агрохимического и радиологического исследования почв сельскохозяйственных угодий Республики Беларусь [10] на 6 элементарных участках, расположенных в одном массиве угодий в радиусе 4 км на дерново-подзолистой супесчаной почве СПК «Камено» Логойского района Минской области:

Участок № 1. Поле на въезде в д. Чмелевичи со стороны д. Камено, около карьера. Рапс озимый.

Участок № 2. Поле к югу от Чмелевичского озера. Рапс озимый.

Участок № 3. Поле к юго-востоку от д. Чмелевичи. Ячмень яровой.

Участок № 4. Поле к северу от кладбища д. Чмелевичи. Люпин узколистый.

Участок № 5. Поле в д. Заколюжье. Участок представляет собой пар, оставленный после приусадебного участка возле бани.

Участок № 6. Поле в д. Заколюжье. Участок представлен посевом многолетних злаковых трав на поле, оставленном после приусадебного участка.

Проведенными исследованиями показано, что между элементарными участками на территории конкретного хозяйства наблюдаются различия по содержанию микроэлементов и тяжелых металлов в почвах, по некоторым элементам весьма существенные. Содержание свинца в незагрязненных почвах составляло в среднем 11,54–24,82 мг/кг, кадмия – 1,17–3,53 мг/кг, хрома – 12,21–43,05 мг/кг, никеля – 1,61–4,9 мг/кг (табл. 1).

Таблица 1 – Фоновое содержание микроэлементов и ТМ в незагрязненных дерново-подзолистых супесчаных почвах, мг/кг возд.-сух. почвы

Элемент	Участок № 1, оз. рапс	Участок № 2, оз. рапс	Участок № 3, ячмень	Участок № 4, люпин	Участок № 5, пар	Участок № 6, мн. травы
Fe	9818,90	6694,84	8141,96	8274,36	11 229,93	9083,68
Ti	2676,94	1195,57	1754,25	1455,62	1771,90	1431,39
Mn	771,61	572,93	653,36	613,45	772,55	834,39
Ba	109,44	161,89	119,67	82,59	114,97	101,21
Zr	98,77	137,52	91,59	117,97	70,17	86,86
Rb	70,63	44,44	54,20	41,25	62,13	52,02
Sr	49,96	50,22	54,06	54,17	59,63	52,57
Cr	33,43	12,21	27,14	30,56	43,05	35,24
Co	37,40	31,08	32,54	37,01	40,36	22,72
Zn	24,16	41,79	26,24	19,46	90,61	88,16
Pb	14,85	11,54	13,83	12,21	24,82	16,63
V	29,06	5,46	17,12	7,04	6,70	0,00
I	12,31	0,00	11,27	5,07	7,17	17,83
Bi	7,81	4,65	3,64	0,43	9,78	10,71
Sn	5,88	0,34	4,25	5,44	2,83	3,57
Cu	5,31	10,89	5,67	5,17	29,04	12,51
Sb	4,39	3,05	5,75	3,52	5,16	3,57
Cd	3,53	1,17	1,65	0,00	3,27	1,27
Ni	3,47	1,61	3,72	3,94	4,90	3,95
Ag	2,01	0,86	1,31	0,00	1,33	3,14
Hg	1,99	0,74	1,87	1,36	0,74	0,93
Br	0,49	0,06	0,28	0,30	0,20	0,39
Au	0,28	0,57	1,58	0,12	1,78	1,70
Se	0,32	0,22	0,59	0,51	0,77	0,54
W	0,23	1,75	0,54	0,44	4,15	0,00

В результате исследований работы установлено, что в анализируемых почвах содержатся также такие малоизученные тяжелые металлы, как цирконий (70,17–137,52 мг/кг), стронций (49,96–59,63 мг/кг), ванадий (5,46–29,06 мг/кг), олово (0,34–5,88 мг/кг), сурьма (3,05–5,75 мг/кг), ртуть (0,74–1,99 мг/кг) и др. При этом следует отметить, что величина содержания всех обнаруженных в почвенных пробах тяжелых металлов и микроэлементов, за исключением олова на пробных площадках № 1 и № 4, значительно ниже существующих ПДК/ОДК. Концентрации олова на пробных площадках № 1 и № 4 составляют соответственно 5,88 и 5,44 мг/кг, что выше установленного уровня ПДК/ОДК в 1,2–1,3 раза. Это может быть связано с тем, что на территории площадок в 1960-е годы размещались механизированные участки и пункты хранения техники для проведения культуртехнических работ, лесо- и торфоразработок, которые внесли ощутимый вклад в загрязнение территории. Кроме того, при возвращении этих земель в хозяйственный оборот в последующие годы на них вносили повышенные нормы оловосодержащих минеральных удобрений и пестицидов.

Содержание марганца во всех пробах превышало, а содержание титана, хрома, свинца и меди – находилось в границах региональных кларков.

Для характеристики величины химического загрязнения почв фоновой территории и ее сравнения с загрязненностью земель в зоне воздействия крупных промышленных центров были проведены соответствующие исследования содержания тяжелых металлов в почве и расчет коэффициентов концентрации химических веществ (K_c) в полевом и луговом агрофитоценозах. В результате эксперимента установлено, что в условиях техногенного воздействия (на сельскохозяйственных угодьях в окрестностях г. Жодино) значительно возрастает

содержание меди, циркония, хрома, кобальта, олова, свинца и никеля в почве полевых и луговых агрофитоценозов – коэффициент концентрации составляет 1,22–4,79 по сравнению с фоновой территорией (табл. 2).

Таблица 5.3 – Содержание тяжелых металлов в почве в окрестностях г. Жодино и на фоновой территории, мг/кг возд.-сух. почвы

ТМ	ПДК/ОДК в почве	Рег. кларк	Полевой фитоце- ноз		Кс	Луговой фитоце- ноз		Кс
			Жодино	ФОН		Жодино	ФОН	
Mn	1500	247	481,1	572,9	0,84	374,9	834,3	0,45
Cu	55	13	16,9	10,8	1,56	29,3	12,5	2,34
Zn	100	45	27,9	41,7	0,67	30,5	88,1	0,35
Zr	–	336	234,4	137,5	1,70	204,9	86,8	2,33
Cr	90	36	27,4	12,2	2,25	31,1	35,2	0,88
Co	5	6	50,2	31,0	1,62	86,7	22,7	3,82
Sn	4,5	1	1,35	0,34	3,97	3,38	3,57	0,95
Pb	30	12	17,4	11,5	1,51	16,3	16,6	0,98
Ni	85	20	7,71	1,61	4,79	4,83	3,95	1,22

Содержание марганца и цинка при этом не увеличивалось. Следует отметить особую опасность для окружающей среды в накоплении в почвах полевых агрофитоценозов токсичных металлов хрома, кобальта, олова и никеля, которые обладают повышенной подвижностью в компонентах биосферы.

Результаты проведенных аналитических исследований фонового содержания микроэлементов и тяжелых металлов в конкретных местных незагрязненных почвах подтвердили мнение, что повышенное содержание тяжелых металлов чаще всего свойственно более плодородным почвам (гумусовому горизонту) и объясняется следующим:

- а) значительная часть тяжелых металлов, освобождающихся при разложении растительных остатков, депонируется в гумусе, сохраняя при этом мобильность;
- б) в иллювиальном горизонте накапливаются мигрирующие из вышележащего слоя почвы тонкодисперсные частицы, насыщенность которых тяжелыми металлами всегда более высокая;
- в) в профиле почвы на контакте с карбонатным горизонтом происходит резкое повышение рН среды, по этой причине мигрирующие с нисходящим током влаги металлосодержащие соединения могут выпадать в осадок и образовывать небольшие местные аккумуляции.

Выводы. На основании проведенных исследований впервые получена информация о фоновом содержании в незагрязненных дерново-подзолистых супесчаных почвах Республики Беларусь не только тех тяжелых металлов, которые известны как микроэлементы – Mn, Zn, Cu, Mo, но и малоизученных тяжелых металлов – Pb, Cd, Cr, Hg, Ni, Sn, Zr, Co и др. Экспериментально установлено, что содержание валовых форм тяжелых металлов динамично как в пространстве, так и во времени, причем пространственные изменения более значительные, чем временные. Это позволило сделать следующие выводы:

- в условиях техногенного воздействия значительно возрастает содержание меди, циркония, хрома, кобальта, олова, свинца и никеля в почвах полевых и луговых фитоценозов (коэффициент концентрации составляет 1,22–4,79 по сравнению с фоновой территорией);
- валовое содержание тяжелых металлов в почвах характеризуется большими колебаниями, что не позволяет в практических целях использовать величины их средних содержаний (кларков).

Полученная информация о содержании поллютантов в незагрязненной дерново-подзолистой супесчаной почве позволила разработать и внедрить на площади около 14 500 га систему мероприятий по усовершенствованию государственного контроля за соблюдением природоохранных требований в процессе использования земель. Система мероприятий

внедрена в практику инспекционной деятельности Логойской районной инспекции природных ресурсов и охраны окружающей среды Минской области и администрации Полесского государственного радиационно-экологического заповедника Гомельской области. Годовой экономический эффект от внедрения мероприятий составляет более 5 300 000 белорусских рублей.

Резюме. Проведенные исследования по изучению загрязненности тяжелыми металлами дерново-подзолистых супесчаных почв Республики Беларусь позволили впервые получить информацию о фоновом содержании в них не только тех тяжелых металлов, которые известны как микроэлементы – Mn, Zn, Cu, Mo, но и малоизученных тяжелых металлов – Pb, Cd, Cr, Hg, Ni, Sn, Zr, Co и др. Экспериментально установлено, что содержание валовых форм тяжелых металлов динамично как в пространстве, так и во времени, причем пространственные изменения более значительные, чем временные.

Abstract. In the conducted study there was estimated a contamination of sod-podzol sabulous soils of Belarus by heavy metals. These estimations for the first time allowed to get an information of background concentration in the soils of heavy metals, known as microelements: Mn, Zn, Cu, Mo, and also little-studied heavy metals: Pb, Cd, Cr, Hg, Ni, Sn, Zr, Co etc. there was experimentally determined that concentration of gross forms of heavy metals was dynamic both in space and in time, at that space modifications were more significant as compared to temporal.

Литература

- 1 Бранулоу, А.Х. Геохимия / А.Х. Бранулоу. – М.: Недра, 1984. – 463 с.
- 2 Frank, R. Metals in agricultural soils of Ontario / R. Frank, K. Ishida, P. Suda // Can. J. Soil Sci. – 1976. – Vol. 56, № 3. – P.181–196.
- 3 Лупиневич, И.С. Микроэлементы в почвах БССР и эффективность микроудобрений / И.С. Лупиневич, Г.П. Дубиковский. – Минск: Изд-во БГУ, 1970. – 225 с.
- 4 Andersson, A. The distribution of heavy metals and soil material as influenced by the ionic radius / A. Andersson // Sved. J. Agr. Res. – 1977. – Vol. 7, № 2. – P. 79–83.
- 5 Ильин, В.Б. К вопросу о разработке предельно допустимых концентраций тяжелых металлов в почвах / В.Б. Ильин // Агрохимия. – 1985. – № 10. – С. 94–101.
- 6 Ильин, В.Б. Тяжелые металлы в почвах Западной Сибири / В.Б. Ильин // Почвоведение. – 1987. – № 11. – С. 87–94.
- 7 Shuman, L.M. Zinc, manganese and copper in soil fractions / L.M. Shuman // Soil. Sci. – 1979. – Vol. 127, № 1. – P. 10–17.
- 8 Ильин, В.Б., Тяжелые металлы в системе почва-растение / В.Б. Ильин // Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 151 с.
- 9 Головатый, С.Е. Тяжелые металлы в агроэкосистемах / С.Е. Головатый. – Минск: Институт почвоведения и агрохимии НАН Беларуси, 2002. – 239 с.
- 10 Методические указания по определению тяжелых металлов в почвах сельхозугодий и продукции растениеводства. – М.: ЦИНАО, 1992. – 61с.

Содержание

Филарет. <i>Христианская антитеза человеческому одиночеству</i>	3
ФИЛОСОФИЯ	
Калмыков В. Н. <i>Специфика неклассической теории познания</i>	9
Нарижный В. Э. <i>Концепты сущности и существования в философской антропологии Макса Шелера</i>	15
Неделя Л.И. <i>Этика студента как нормативный регулятор вузовской жизнедеятельности</i>	20
Новожилов В.С. <i>Онтологические основы праксиологии с позиций информационно-кибернетического подхода</i>	28
Одиноченко В. А. <i>Вера и знание в религии и науке</i>	34
Паўлавец А. Д. <i>Пачатак, канец і лёс: мова і пісьмо ініцыяцыі</i>	42
Сиротко Н.О. <i>Философские основания устойчивого развития</i>	47
Цацарин В. В. <i>Белорусская историография в свете поэтологической философии истории Х. Уайта (на примере работ Н. И. Ермоловича)</i>	53
ИСТОРИЯ	
Андросик С. А. <i>Персидский залив как зона геополитических интересов США</i>	63
Борецкая В.К. <i>Развитие идеи «Симфонии властей» в православном богословии и русской религиозно-философской мысли</i>	67
Гавриловец Л.В. <i>Германский вопрос в политике Польши 50-70-х гг. XX века в историографии ПНР</i>	76
Гарматны В.П. <i>Заканадаўчая база аграрнай палітыкі польскіх улад у Заходняй Беларусі ў 1919-1925 гг.</i>	82
Дубровко Е.Н. <i>Позиция Великобритании в связи с польско-советской военно-политической борьбой за Украину в конце 1919 – 1920 г.</i>	89
Елизаров С.А. <i>Отношения между Союзом ССР и БССР по вопросам административно-территориального деления (1919 – 1941 гг.)</i>	98
Жихарев С.Б. <i>Строительство и начало эксплуатации Московско-Брестской железной дороги в 70-е гг. XIX в.</i>	104
Зеленкова А.И., Савинская М. П. <i>Малоизвестные страницы истории Гомельского государственного педагогического института (по документам Национального архива Республики Беларусь)</i>	114
Касцюшка Я.Я. <i>Тэарэтычна-метадалагічныя перадумовы аналізу палітычных трансфармацый</i>	121
Коваль В. У. <i>Асаблівасці арганізацыі беларускай і ўкраінскай эканамічнай хвалі эміграцыі (1918–1939)</i>	130
Кротов А.М. <i>Образ поляка в делах Гомельского ГПУ – УГБ НКВД БССР 1920-1930-х годов</i>	136
Кукса А. Н. <i>Торгово-экономические отношения между Беларусью и Украиной в первой половине 1919 года</i>	145
Лазько Р.Р. <i>Нацыянальная палітыка савецкай расіі на сужбе сусветнай рэвалюцыі (па ідэалагічных дакументах 13 лістапада – 23 снежня 1918 г.)</i>	152
Лебедев А.Д. <i>Антикатолическая печатная пропаганда в БССР (1920-е гг.)</i>	157
Марченко О.В. <i>Евразийство как идеология молодого поколения русских эмигрантов</i>	164
Мязга М.М. <i>Польская гістарыяграфія польска-савецкіх адносін: этап станаўлення</i>	168
Паддубская А. Ф. <i>Узаемаадносіны Ватыкана і хрысціянска-дэмакратычнай партыі Італіі (1943-1962 гг.)</i>	174
Рубан А.А. <i>Россия, Украина и Беларусь в условиях глобализации</i>	178
Старовойтов М.И. <i>Естественное движение населения Белорусско-Российско-украинского пограничья во второй половине 1920-х – 1930-е годы</i>	182
Шабельцев С. В. <i>Просоветская ориентация белорусских иммигрантов из II Речи Посполитой в Аргентине (1930-50 гг.)</i>	193
Шкрабова Т.А. <i>Материальная культура сельского населения Гомельщины в 50-80-е годы XX века</i>	199
Яценко О.Г. <i>Ученические экскурсии гомельчан накануне Первой мировой войны</i>	205

Contents

Philaret. <i>A Christian antithesis to human loneliness</i>	3
PHILOSOPHY	
V.N. Kalmikov. <i>Nonclassical knowledge theory specificity</i>	9
V.E. Narizhnyi. <i>Essence and existence concepts in Max Scheler's philosophical anthropology</i>	15
L.I. Nedelia. <i>Student ethics as a standard regulator of high school ability to live</i>	20
V.S. Novozhilov. <i>Praxiology ontologic bases from positions of information-cybernetic approach</i>	28
V.A. Odinochenko. <i>Belief and knowledge in religion and science</i>	34
A.D. Paulavets. <i>Beginning, end and fate: initialization language and writing</i>	42
N.O. Sirotko. <i>Philosophical bases of sustainable development</i>	47
V.V. Tsatsarin. <i>Belarusian historiography in the light of H.White's poetological philosophy of history (on an example of N.I. Ermolovich's works)</i>	53
HISTORY	
S.A. Androsik. <i>Persian gulf as USA geopolitical interest zone</i>	63
V.K. Boretskaia. «Authority Symphonies» idea development in orthodox divinity and Russian religious-philosophical thought	67
L.V. Gavrilovets. <i>German question in Poland policy in 1950s-1970s in PPR historiography</i>	76
V.P. Garmatni. <i>Agricultural policy legislative basis of Polish authorities in Western Belarus in 1919-1925</i>	82
E.N. Dubrovko. <i>Great Britain position in connection with Polish-Soviet military-political struggle for Ukraine at the end of 1919-1920</i>	89
S.A. Elizarov. <i>USSR and BSSR relations concerning administrative-territorial division (1919-1941)</i>	98
S.B. Zhikharev. <i>Moscow-Brest railway building and operation of the in 1970s</i>	104
A.I. zelenkova, M.P. Savinskaia. <i>Gomel state pedagogical institute history little-known pages (according to Belarusian National archive documents)</i>	114
I.I. Kastsushka. <i>Theoretical and methodical assumptions for political transformation analysis</i>	121
V.U. Koval. <i>Belarusian and Ukrainian economic emigration wave organization specification</i> .	130
A.M. Krotov. <i>Image of a Pole in Gomel SPD affairs – SSD of BSSR People's Commissariat of Internal Affairs in 1920s-1930s</i>	136
A.N. Kuksa. <i>Belarus and Ukraine trade and economic relations in the first half of 1919</i>	145
P.P. Lazko. <i>Soviet Russia national policy on the eve of world revolution (according to the documents of November 13th – December 23rd 1918)</i>	152
A.D. Lebedev. <i>Anti-catholic printing propaganda in BSSR (1920s)</i>	157
O.V. Marchenko. «Eurasiaism» as Russian emigrant young generation ideology	164
M.M. Miazga. <i>Polish historiography of Poland-Soviet relations: setting up</i>	168
A.F. Paddubskaja. <i>Vatican and Italian Christian Demacratic Party interrelations</i>	174
A.A. Ruban. <i>Russia, Ukraine and Belarus in globalization conditions</i>	178
M.I. Starovoitov. <i>Natural movement of Belarus-Russia-Ukraine border zone population in the second half of the 1920s-1930s</i>	182
S.V. Shabeltsev. <i>The Prosoviet orientation of Belarusian immigrants from II Rech Pospolita in Argentina (1930s-50s)</i>	193
T.A. Shkrabova. <i>Gomel region agricultural population material culture in 1950s-1980s</i>	199
O.G. Iaschenko. <i>Gomel student's excursions on the eve of World War II</i>	205

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Статья представляется в редакцию в двух экземплярах на белорусском, русском или английском языках и является оригиналом для печати. Объем статьи, как правило, не должен превышать 10 страниц, и ее разметка не требуется. Статья должна иметь разрешение соответствующего научного учреждения на опубликование. Статья должна иметь индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК), к ней следует приложить краткое резюме (на русском и английском языках), название статьи, фамилии и инициалы авторов на английском языке. Ее необходимо подписать всем авторам, указать полное название учреждения, где выполнена работа, а также почтовый адрес, номер телефона (служебный и домашний). Плата за опубликование статей не взимается.

Авторы представляют на дискете (либо по электронной почте e-mail: vesti@gsu.by) tex-файл со статьей, подготовленной в LaTeX'e с опцией 12pt в стандартном стиле article (\textwidth 165 mm, \textheight 245 mm). Аналогичны требования для статей, набранных в редакторе MS Word. При наборе формул в редакторе MS Word необходимо использовать Microsoft Equation. Для набора формул не должны использоваться пакеты сторонних разработчиков (MathType и др.). Занумерованные формулы выключаются в отдельную строку, номер формулы ставится у правого края страницы. Нумеровать следует лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

Статьи, претендующие на научный приоритет, оформляются в виде кратких сообщений объемом до 2 страниц текста и, как правило, публикуются в ближайших номерах журнала.

Ссылки в тексте обозначаются порядковым номером в квадратных скобках. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Поступившие в редакцию статьи направляются на рецензию специалистам. Основным критерием целесообразности публикации является новизна и информативность статьи. Авторы не должны направлять статьи, которые уже опубликованы, либо приняты к печати в других изданиях. Если по рекомендации рецензента статья возвращается автору на доработку, то переработанная рукопись вновь рассматривается редколлегией, и датой поступления считается день получения редакцией окончательного ее варианта. Лицам, осуществляющим послевузовское обучение, предоставляется право первоочередного опубликования статей.

Технический редактор *И. В. Близнец*. Корректор *Е. Л. Хазанова*. Переводчик *Хорсун И.А.*

Подписано в печать 10.12.10 г. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.п.л. 25,5 Уч.-изд.л. 22,2 Тираж 100 экз. Заказ № 622

Цена свободная

Издатель – УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
246019, Гомель, ул. Советская, 104
Лицензия № 02330/0549481 от 18 мая 2009.

Отпечатано на полиграфической технике УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
Лицензия № 02330/0150450 от 3 февраля 2009